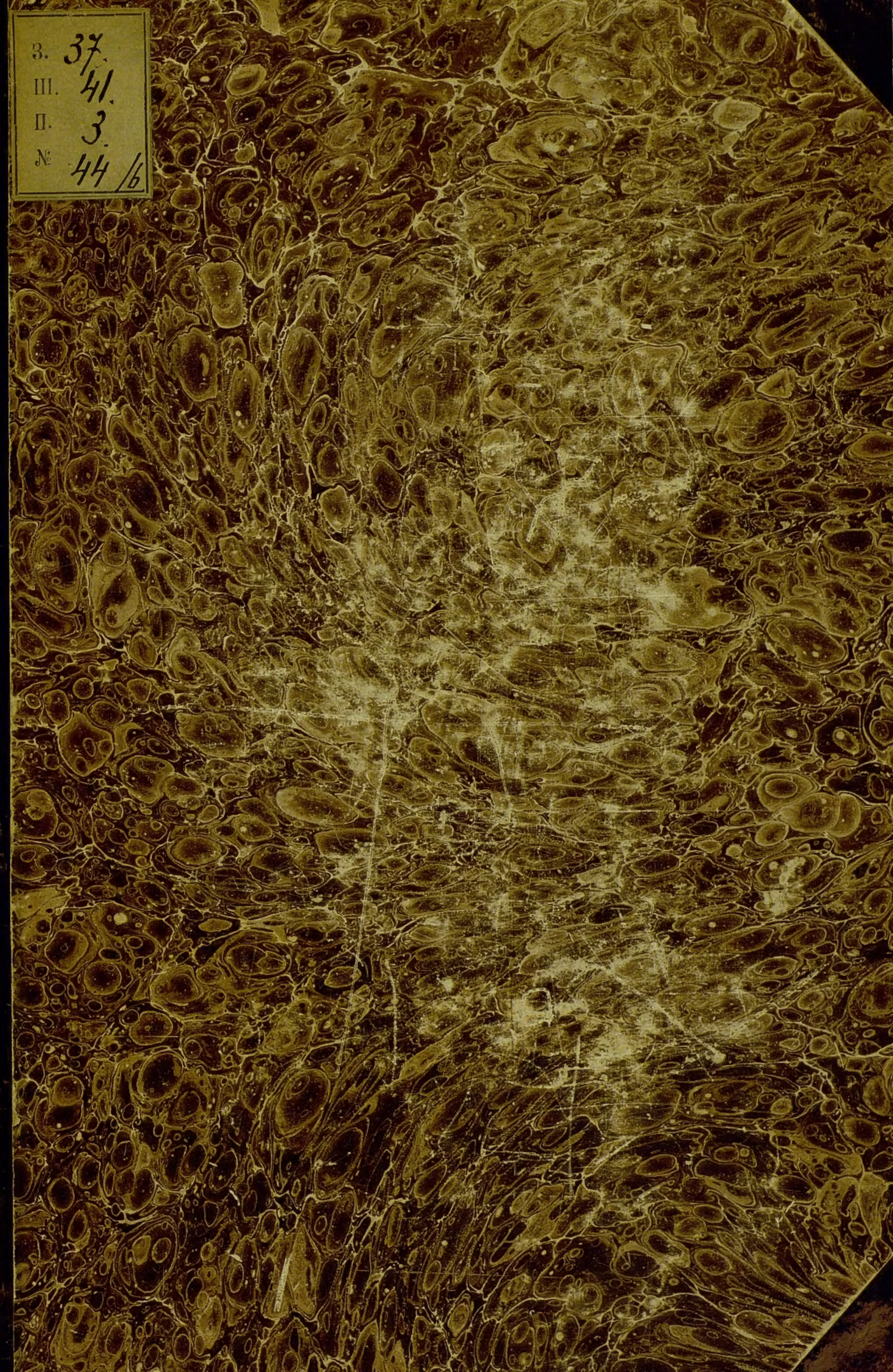

З. 37.
Ш. 41.
П. 3.
№ 44/6

СОЧИНЕНІЯ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Т. VI

МОСКВА

„ПЕЧАТНИКЪ"

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Редакція
В. В. Каллаша.

ТОМЪ VI.

МОСКВА,
Печатникъ.

Н. З.

Типо-литограф. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. домъ.
Москва—1915.

I. ВОСПОМИНАНІЯ.

1.

А. П. Шанъ-Гирей [1]).

М. Ю. Лермонтовъ.

Въ послѣднее время много стали говорить и писать о Лермонтовѣ; по этому случаю возобновились упреки, давно уже слышанные мною отъ многихъ родныхъ и знакомыхъ, зачѣмъ я не возьмусь описать подробностей его жизни. Мнѣ тяжело было будить въ душѣ печальныя воспоминанія и безплодныя сожалѣнія; притомъ же, сознаюсь, и непривычка къ литературной дѣятельности удерживала меня. „Пусть,—думалъ я,—люди, владѣющіе лучше меня и языкомъ, и перомъ, возьмутъ на себя этотъ трудъ; дорогой мой Мишель стоилъ того, чтобъ объ немъ хорошо написали".

Двадцать лѣтъ ждалъ я напрасно; наконецъ, судьба привела меня въ тѣ мѣста, гдѣ тридцать три года тому назадъ такъ весело проходило мое дѣтство, и гдѣ я нашелъ теперь однѣ могилы. Всякій изъ насъ несъ утраты, всякій пойметъ мои чувства. Здѣсь же получены были мною нумера журнала съ ученическими тетрадями Лермонтова и объявленіе, угрожавшее выходомъ въ свѣтъ трехъ томовъ его сочиненій, куда войдутъ тетради и значительное число его дѣтскихъ стихотвореній. Праведный Боже! Зачѣмъ же выпускать въ свѣтъ столько плохихъ стиховъ, какъ будто ихъ и безъ того мало? Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ я преодолѣлъ свою нерѣшительность и взялся за перо. Не беллетристическое произведеніе предлагаю публикѣ, а *правдивое* описаніе того, что происходило въ жизни человѣка, интересующаго настоящее время.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ родился 3 октября 1814 года въ имѣніи бабушки своей, Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, рожденной Столыпиной, въ селѣ Тарханахъ, Чембарскаго уѣзда Пензенской губерніи [2]).

---

1) Родственникъ Л-ва по матери. „Рус. Обозр." 1890, авг., стр. 724.754. *В. К.*
2) Ошибка: въ Москвѣ; по всей вѣроятности, въ ночь со 2 на 3 октября *В. К.*

Будучи моложе его четырьмя годами, не могу ничего положительнаго сказать о его первомъ дѣтствѣ; знаю только, что онъ остался послѣ матери нѣсколькихъ мѣсяцевъ [1]) на рукахъ у бабушки, а отецъ его, Юрій Петровичъ, жилъ въ своей деревнѣ Ефремовскаго уѣзда и пріѣзжалъ нечасто навѣщать сына, котораго бабушка любила безъ памяти и взяла на свое попеченіе, назначая ему принадлежащее ей имѣніе (довольно порядочное, по тогдашнему счету шестьсотъ душъ), такъ какъ у ней другихъ дѣтей не было. Слыхалъ также, что онъ былъ съ дѣтства очень слабъ здоровьемъ, почему бабушка возила его раза три на Кавказъ къ минеральнымъ водамъ. Самъ же начинаю его хорошо помнить съ осени 1825 года.

Покойная мать моя была родная и любимая племянница Елизаветы Алексѣевны, которая и уговаривала ее переѣхать съ Кавказа, гдѣ мы жили, въ Пензенскую губернію, и помогла купить имѣніе въ трехъ верстахъ отъ своего, а меня, изъ дружбы къ ней, взяла къ себѣ на воспитаніе вмѣстѣ съ Мишелемъ, какъ мы всѣ звали Михаила Юрьевича.

Такимъ образомъ, всѣ мы вмѣстѣ пріѣхали осенью 1825 года изъ Пятигорска въ Тарханы, и съ этого времени мнѣ живо помнится смуглый, съ черными блестящими глазками Мишель, въ зеленой курточкѣ и съ клокомъ бѣлокурыхъ волосъ надо лбомъ, рѣзко отличавшихся отъ прочихъ, черныхъ, какъ смоль. Учителями были M-r Capet, высокій и худощавый французъ съ горбатымъ носомъ, всегдашній нашъ спутникъ, и бѣжавшій изъ Турціи въ Россію грекъ; но греческій языкъ оказался Мишелю не по вкусу, уроки его были отложены на неопредѣленное время, а кефалонецъ занялся выдѣлкой шкуръ палыхъ собакъ и принялся учить этому искусству крестьянъ; онъ, бѣдный, давно уже умеръ, но промышленность, созданная имъ, развилась и принесла плоды великолѣпные: много тарханцевъ отъ нея разбогатѣло, и понынѣ чуть ли не половина села продолжаетъ скорняжничать.

Помнится мнѣ еще, какъ бы сквозь сонъ, лицо доброй старушки нѣмки, Кристины Осиповны, няни Мишеля, и домашній докторъ Левисъ, по приказанію котораго насъ кормили весной по утрамъ чернымъ хлѣбомъ съ масломъ, посыпаннымъ крессомъ, и не давали мяса, хотя Мишель, такъ мнѣ всегда казалось, былъ совсѣмъ здоровъ, и въ пятнадцать лѣтъ, которыя мы провели вмѣстѣ, я не помню его серьезно больнымъ ни разу.

Жилъ съ нами сосѣдъ изъ Пачелмы (сосѣдняя деревня) Николай Гавриловичъ Давыдовъ, гостили довольно долго дальніе родственники бабушки, два брата Юрьевы, двое князей Максютовыхъ, часто наѣзжали и близкіе родные съ дѣтьми и внучатами, кромѣ того, большое сосѣдство, словомъ, домъ былъ всегда биткомъ набитъ. У бабушки были три сада, большой прудъ передъ домомъ, а за пру-

---

[1]) Ошибка: на 3-мъ году. *В. К.*

А. П. Шанъ-Гирей.

домъ роща; лѣтомъ простору вдоволь. Зимой немного тѣснѣе, зато на пруду мы разбивались на два стана и перекидывались снѣжными комьями; на плотинѣ съ сердечнымъ замираніемъ смотрѣли, какъ православный людъ, стѣна на стѣну (тогда еще не было запрету) сходился на кулачки, и я помню, какъ разъ расплакался Мишель, когда Василій садовникъ выбрался изъ свалки съ губой, разсѣченною до крови. Великимъ постомъ Мишель былъ мастеръ дѣлать изъ талаго снѣгу человѣческія фигуры въ колоссальномъ видѣ; вообще онъ былъ счастливо одаренъ способностями къ искусствамъ; уже тогда рисовалъ акварелью довольно порядочно и лѣпилъ изъ крашенаго воску цѣлыя картины; охоту за зайцемъ съ борзыми, которую разъ всего намъ пришлось видѣть, вылѣпилъ очень удачно, такъ же переходъ черезъ Ураникъ и сраженіе при Арбеллахъ, со слонами, колесницами, украшенными стеклярусомъ, и косами изъ фольги. Проявленія же поэтическаго таланта въ немъ вовсе не было замѣтно въ то время, всѣ сочиненія по заказу Capet онъ писалъ прозой, и нисколько не лучше своихъ товарищей.

Когда собирались сосѣдки, устраивались танцы, и раза два былъ домашній спектакль; бабушка сама была очень печальна, ходила всегда въ черномъ платьѣ и бѣломъ старинномъ чепчикѣ безъ

лентъ, но была ласкова и добра, и любила, чтобы дѣти играли и веселились, и намъ было у нея очень весело.

Такъ прожили мы два года. Въ 1827 году она поѣхала съ Мишелемъ въ Москву, для его воспитанія, а черезъ годъ и меня привезли къ нимъ. Въ Мишелѣ нашелъ я большую перемѣну, онъ былъ уже не дитя, ему минуло 14 лѣтъ; онъ учился прилежно. M-r Gindrot [1]), гувернеръ, почетный и добрый старикъ, былъ однако строгъ и взыскателенъ, и держалъ насъ въ рукахъ; къ намъ ходили разные другіе учители, какъ водится. Тутъ я первый разъ увидѣлъ русскіе стихи у Мишеля, Ломоносова, Державина, Дмитріева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковскаго, Козлова и Пушкина; тогда же Мишель прочелъ мнѣ своего сочиненія стансы *Къ* *** (три звѣздочки); меня ужасно интриговало, что̀ значитъ слово *стансы* и зачѣмъ три звѣздочки? однакожъ промолчалъ, какъ будто понимаю. Вскорѣ была написана первая поэма *Индіянка* и началъ издаваться рукописный журналъ *Утренняя Заря* [2]), на манеръ *Наблюдателя* или *Телеграфа* [3]), какъ слѣдуетъ, съ стихотвореніями и изящною словесностью, подъ редакціей Николая Гавриловича; журнала этого вышло нѣсколько нумеровъ, по счастію, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, все это было сожжено, и многое другое, при разборѣ старыхъ бумагъ.

Черезъ годъ Мишель поступилъ полупансіонеромъ въ университетскій благородный пансіонъ, и мы переѣхали съ Поварской на Малую Молчановку въ домъ Чернова. Пансіонская жизнь Мишеля была мнѣ мало извѣстна, знаю только, что тамъ съ нимъ не было никакихъ *исторій*; изо всѣхъ служащихъ при пансіонѣ видѣлъ только одного надзирателя, Алексѣя Зиновьевича Зиновьева, бывавшаго часто у бабушки, а самъ въ пансіонѣ былъ одинъ только разъ, на выпускномъ актѣ, гдѣ Мишель декламировалъ стихи Жуковскаго: „Безмолвное море, лазурное море, стою очарованъ надъ бездной твоей.“ Впрочемъ, онъ не былъ мастеръ декламировать, и даже впослѣдствіи читалъ свои прекрасные стихи довольно плохо.

Въ сосѣдствѣ съ нами жило семейство Лопухиныхъ: старикъ, отецъ, три дочери дѣвицы и сынъ; они были съ нами, какъ родные, и очень дружны съ Мишелемъ, который рѣдкій день тамъ не бывалъ. Были также у насъ родственницы со взрослыми дочерьми, часто навѣщавшія насъ, такъ что первое общество, въ которое попалъ Мишель, было преимущественно женское, и оно непремѣнно должно было имѣть вліяніе на его впечатлительную натуру. Вскорѣ потомъ умеръ M-r Gindrot, на мѣсто его поступилъ M-r Winson, англичанинъ, и подъ его руководствомъ Мишель началъ учиться по-англійски. Сколько мнѣ помнится, это случилось въ 1829 году, впрочемъ, не могу съ достовѣрностью приводить точныя цифры; это такъ давно, болѣе тридцати лѣтъ, я былъ ребенкомъ, никогда никакихъ происшествій

[1]) Ошибка: Жандро. *В. К.*
[2]) Въ Благородномъ пансіонѣ. *В. К.*
[3]) Московскіе журналы того времени. *В. К.*

не записывалъ, и не могъ думать, чтобы мнѣ когда-нибудь пришлось доставлять матеріалы для біографіи Лермонтова. Въ одномъ могу ручаться, это въ вѣрности какъ самыхъ фактовъ, такъ и послѣдовательности ихъ.

Мишель началъ учиться англійскому языку по Байрону и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сталъ свободно понимать его; читалъ Мура и поэтическія произведенія Вальтеръ-Скотта (кромѣ этихъ трехъ, другихъ поэтовъ Англіи я у него никогда не видалъ), но свободно объясняться по-англійски никогда не могъ, французскимъ же и нѣмецкимъ языкомъ владѣлъ, какъ собственнымъ. Изученіе англійскаго языка замѣчательно тѣмъ, что съ этого времени онъ началъ передразнивать Байрона.

Вообще большая часть произведеній Лермонтова этой эпохи, т.-е. съ 1829 по 1833 годъ, носитъ отпечатокъ скептицизма, мрачности и безнадежности, но въ дѣйствительности чувства эти были далеки отъ него. Онъ былъ характера скорѣе веселаго, любилъ общество, особенно женское, въ которомъ почти выросъ и которому нравился живостью своего остроумія и склонностью къ эпиграммѣ; часто посѣщалъ театръ, балы, маскарады; въ жизни не зналъ никакихъ лишеній, ни неудачъ: бабушка въ немъ души не чаяла и никогда ни въ чемъ ему не отказывала; родные и короткіе знакомые носили его, такъ сказать, на рукахъ; особенно чувствительныхъ утратъ онъ не терпѣлъ; откуда же такая мрачность, такая безнадежность? Не была ли это скорѣе драпировка, чтобы казаться интереснѣе, такъ какъ байронизмъ и разочарованіе были въ то время въ сильномъ ходу, или маска, чтобы морочить обворожительныхъ московскихъ львицъ? Маленькая слабость, очень извинительная въ такомъ молодомъ человѣкѣ. Тактика эта, какъ кажется, ему и удавалась, если судить по *воспоминаніямъ*. Одно изъ нихъ случилось мнѣ прочесть въ *Русскомъ Вѣстникѣ* года три тому назадъ. Авторъ этихъ „Воспоминаній“, называвшійся Катенькой, какъ видно изъ его разсказа, у насъ же и въ то время извѣстный подъ именемъ Miss Blakays [1]) Сушкова, впослѣдствіи Хвостова, вѣроятно, и не подозрѣваетъ, что всѣмъ происшествіямъ былъ свидѣтель, на котораго, какъ на ребенка, никто не обращалъ вниманія, но который много замѣчалъ, и понималъ, и помнитъ, между прочимъ, и то, что никогда ни Alexandrine W [2]), ни Cathérine S [3]) въ нашемъ сосѣдствѣ, въ Москвѣ, не жили; что у бабушки не было брата, служившаго съ Грибоѣдовымъ, и тотъ, о комъ идетъ рѣчь, былъ военнымъ губернаторомъ (Николай Алексѣевичъ Столыпинъ) въ Севастополѣ, гдѣ въ 1830 году, во время возмущенія, и убитъ; что, наконецъ, Мишель не былъ косолапъ, и глаза его были вовсе не красные, а скорѣе *прекрасные*.

Будучи студентомъ, онъ былъ страстно влюбленъ, но не въ

[1]) Черноокая. *В. К.*
[2]) А. М. Верещагина. *В. К.*
[3]) Е. А. Сушкова. *В. К.*

Миссъ Блэкъ-айзъ, и даже не въ кузину ея [1]) (да не прогнѣвается на насъ за это извѣстіе тѣнь знаменитой поэтессы), а въ молоденькую, милую, умную, какъ день, и въ полномъ смыслѣ восхитительную В. А. Лопухину; это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и въ высшей степени симпатичная. Какъ теперь помню ея ласковый взглядъ и свѣтлую улыбку; ей было лѣтъ 15—16, мы же были дѣти и сильно дразнили ее; у ней на лбу чернѣлось маленькое родимое пятнышко, и мы всегда приставали къ ней, повторяя: „у В... родинка, В... уродинка", но она, добрѣйшее созданіе, никогда не сердилась. Чувство къ ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранилъ онъ его до самой смерти своей, несмотря на нѣкоторыя послѣдующія увлеченія, но оно не могло набросить (и не набросило) мрачной тѣни на его существованіе, напротивъ: въ началѣ своемъ оно возбудило взаимность, впослѣдствіи, въ Петербургѣ, въ гвардейской школѣ, временно заглушено было новою обстановкой и шумною жизнью юнкеровъ тогдашней школы, по вступленіи въ свѣтъ, новыми успѣхами въ обществѣ и литературѣ; но мгновенно и сильно пробудилось оно при неожиданномъ извѣстіи о замужествѣ любимой женщины; въ то время о байронизмѣ не было уже и помину.

Въ домашней жизни своей Лермонтовъ былъ почти всегда веселъ, ровнаго характера, занимался часто музыкой, а больше рисованіемъ, преимущественно въ батальномъ жанрѣ, также играли мы часто въ шахматы и въ военную игру, для которой у меня всегда было въ готовности нѣсколько плановъ. Все это неоспоримо убѣждаетъ меня въ мысли, что байронизмъ былъ не больше, какъ драпировка; что никакихъ мрачныхъ мученій, ни жертвъ, ни измѣнъ, ни ядовъ лобзанья въ дѣйствительности не было [2]), что всѣ стихотворенія Лермонтова, относящіяся ко времени его пребыванія въ Москвѣ, только дѣтскія шалости, ничего не объясняютъ и не выражаютъ; почему и всякое сужденіе о характерѣ и состояніи души поэта, на нихъ основанное, приведетъ къ невѣрному заключенію, къ тому же, кромѣ двухъ или трехъ, они не выдерживаютъ снисходительнѣйшей критики, никогда авторомъ ихъ не назначались къ печати, а сохранились отъ auto-da-fé случайно, не прибавляя ничего къ литературной славѣ Лермонтова, напротивъ, могутъ только навести скуку на читателя, и всѣмъ, кому дорога память покойнаго поэта, надо очень, очень жалѣть, что творенія эти появились въ печати.

По выпускѣ изъ пансіона, Мишель поступилъ въ Московскій университетъ, кажется, въ 1831 году [3]). Къ этому времени относится начало его поэмы *Демонъ*, которую такъ много и долго онъ впослѣдствіи передѣлывалъ; въ первоначальномъ видѣ ея дѣйствіе происходило въ Испаніи и героиней была монахиня; также большая

[1]) Е. П. Сушкова (графиня Ростопчина).
[2]) Очень близорукій взглядъ, опровергаемый фактическими данными. *В. К.*
[3]) Въ 1830 г.

часть его произведеній съ байроническимъ направленіемъ и очень много мелкихъ, написанныхъ по разнымъ случаямъ, такъ какъ онъ, съ поступленіемъ въ Университетъ, сталъ посѣщать московскій grand-monde. Г. Дудышкинъ, въ статьѣ своей „Ученическія тетради Лермонтова“, приводитъ нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній, недоумѣвая, къ чему ихъ отнести [1]), мнѣ извѣстно, что они были написаны по случаю одного маскарада въ Благородномъ Собраніи, куда Лермонтовъ явился въ костюмѣ астролога, съ огромною книгою судебъ подъ мышкой; въ этой книгѣ должность кабалистическихъ знаковъ исправляли китайскія буквы, вырѣзанныя мною изъ черной бумаги, срисованныя въ колоссальномъ видѣ съ чайнаго ящика и вклеенныя на каждой страницѣ; подъ буквами вписаны были приведенные г. Дудышкинымъ стихи, назначенные разнымъ знакомымъ, которыхъ было вѣроятіе встрѣтить въ маскарадѣ, гдѣ это могло быть и кстати и очень мило, но какой смыслъ могутъ имѣть эти, очень слабые стишки, въ собраніи сочиненій поэта?

Тотъ же писатель и въ той же статьѣ предполагаетъ, что Miss Alexandrine [2])—лицо, играющее важную роль въ эти годы жизни Лермонтова. Это отчасти справедливо, только не въ томъ смыслѣ, какой, кажется, желаетъ намекнуть авторъ. Miss Alexandrine, т.-е. Александра Михайловна Верещагина, кузина его, принимала въ немъ большое участіе, она отлично умѣла пользоваться немного саркастическимъ направленіемъ ума своего и ироніей, чтобъ овладѣть этою безпокойною натурой и направлять ее, шутя и смѣясь, къ прекрасному и благородному; всѣ письма Александры Михайловны къ Лермонтову доказываютъ ея дружбу къ нему. Привожу первое, попавшее мнѣ подъ руку [3]):

[1]) См. I томъ нашего изданія. *В. К.*
[2]) А. М. Верещагина. *В. К.*

Fedorov: 18 d'Août.

[3]) Mon cher cousin.

C'est après avoir lu pour la troisième fois vôtre lettre, et après m'être bien assurée, que je ne suis pas sous l'influence d'un rêve, que je prends la plume pour vous écrire. Ce n'est pas que j'aie peine à vous croire capable d'une grande et belle action, mais écrire trois fois, sans avoir au moins trois réponses—savez-vous, que c'est un prodige de générosité, un trait sublime, un trait à faire pâlir d'émotion?—Mon cher Michel, je ne suis plus inquiette de votre avenir—un jour vous serez un grand homme.

Je voulais m'armer de toutes mes forces, desir et volonté, pour me fâcher sérieusement contre vous. Je ne voulais plus vous écrire, et vous prouver par là, que mes lettres peuvent se passer de *cadre* et de *verre*, pourvu qu'on trouve du plaisir à les recevoir.—Mais trève là dessus; vous êtes repentant—je jette bas mes armes et consens à tout oublier.

Vous êtes officier, recevez mes compliments. C'est une joie pour moi d'autant plus grande, qu'elle était innattendue. Car (je vous le dis à vous seul) je m'attendais plus tôt à vous savoir soldat. Vous conviendrez vous-même que j'avais raison de craindre et si même vous êtes deux fois plus raisonnable que vous ne l'étiez avant, vous n'êtes pas encor sorti du rang des polissos... Mais c'est toujours un pas, et vous ne marcherez pas à reculon, je l'espère.

Je m'imagine la joie de grande-maman; je n'ai pas besoin de vous dire que je la partage de tout mon coeur. Je ne compare pas mon amitié à un *puits sans fond*, vous ne m'en croirez que mieux. Je ne suis pas *forme* en comparaisons, et n'aime pas à tourner les choses sacrées en ridicule, je laisse cela à d'autres.

Quand viendrez vous à Moscou?

. . . .
. . . .
. . . .

Вотъ примѣръ невѣрности заключеній, которыя можно вывести изъ стихотвореній юности Лермонтова, между тѣмъ какъ о дѣвушкѣ, страстно и долго имъ любимой, во всемъ собраніи трудно найти малѣйшій намекъ.

Въ Москвѣ же Лермонтовымъ были написаны поэмы: *Литвинка, Бѣглецъ, Измаилъ-Бей, Два Брата, Хаджи-Абрекъ, Бояринъ Орша* и очень слабое драматическое произведеніе съ нѣмецкимъ заглавіемъ *Menschen und Leidenschaften.* Не понимаю, какимъ образомъ оно оказалось налицо; я былъ увѣренъ, что мы сожгли эту трагедію вмѣстѣ съ другими плохими стихами, которыхъ была цѣлая куча.

Развлекаемый свѣтскими удовольствіями, Лермонтовъ однако же занимался лекціями, но не долго пробылъ въ Университетѣ; вслѣдствіе какой то исторіи съ однимъ изъ профессоровъ, въ которую онъ случайно и противъ воли былъ замѣшанъ [1]), ему надо было оставить Московскій университетъ, и въ концѣ 1832 года онъ отправился съ бабушкой въ Петербургъ, чтобы поступить въ тамошній, но вмѣсто университета онъ поступилъ въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ. Черезъ годъ, т.-е. въ началѣ 1834, я тоже прибылъ въ Петербургъ для поступленія въ Артиллерійское Училище и опять поселился у бабушки. Въ Мишелѣ я нашелъ опять большую перемѣну. Онъ сформировался физически; былъ малъ ростомъ, но сталъ шире въ плечахъ и плотнѣе, лицомъ попрежнему смуглъ и нехорошъ собой; но у него былъ умный взглядъ, хорошо очерченныя губы, черные и мягкіе волосы, очень красивыя и нѣжныя руки; ноги кривыя (правую, ниже колѣна, онъ переломилъ въ школѣ въ манежѣ и ее дурно срастили).

Я привезъ ему поклонъ отъ Вареньки [2]). Въ его отсутствіе мы съ ней часто о немъ говорили; онъ намъ обоимъ, хотя не одина-

Quand au nombre de mes adorateurs, je vous le laisse à deviner, et comme vos suppositions sont toujours impertinantes, je vous entends dire, que je n'en ai pas du tout. . . . .

. . . .

A propos de votre idéal. Vous ne me dites rien de vos compositions. J'espère que vous écrivez toujours, je pense que vous écrivez bien; Avant vous m'en faisiez part sans doute vous avez des amis qui les lisent et qui savent en juger mieux, mais je vous garantis d'en trouver qui les liront avec plus de plaisir. Je m'attends qu'après cette sérieuse exhorde, vous me composerez un quatrain pour ma nouvelle année.

Pour votre dessin, on dit que vous faites des progrès etonnants, et je le crois bien. De grâce, Michel, n'abandonnez pas ce talent, le tableau que vous avez envoyé à Alexis est charmant. Et votre musique? Jouez-vous toujours l'ouverture de la muette de Portici, chantez-vous le duo de Semiramis de fameuse mémoire, le chantez-vous comme avant, à tue tête, et à perdre la respiration?

. . . .

. . . . Nous déménageons pour le 15 Septembre, vous m'adresserez vos lettres dans la maison Guédéonoff, près du jardin du Kremlin — De grâce ecrivez moi plus vite, maintenant vous avez plus de temps, si vous ne l'employez pas à vous regarder dans une glace; ne le faites pas, car votre uniforme d'officier finira par vous ennuyer, comme tout ce que vous voyez trop souvent, c'est dans votre caractère.

. . . .

Si je n'avais pas envie de dormir, je vous aurais parlé de tout cela—mais impossible. Mes respects, je vous prie à grand-maman. Je vous embrasse de tout mon coeur.

Alexandrine W.

[1]) „Маловская исторія".
[2]) В. А. Лопухина. *В. К.*

ково, но равно былъ дорогъ. При прощаньи, протягивая руку, съ влажными глазами, но съ улыбкой, она сказала мнѣ:

— Поклонись ему отъ меня; скажи, что я покойна, довольна, даже счастлива.

Мнѣ очень было досадно на него, что онъ выслушалъ меня какъ будто хладнокровно и не сталъ о ней разспрашивать; я упрекнулъ его въ этомъ, онъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Ты еще ребенокъ, ничего не понимаешь!

— А ты хоть и много понимаешь, да не стòишь ея мизинца! возразилъ я, разсердившись не на шутку.

Это была первая и единственная наша ссора; но мы скоро помирились.

Школа была тогда на томъ мѣстѣ у Синяго Моста, гдѣ теперь дворецъ Ея Высочества Маріи Николаевны. Бабушка наняла квартиру въ нѣсколькихъ шагахъ отъ школы, на Мойкѣ же, въ домѣ Ланскова, и я каждый почти день ходилъ къ Мишелю съ контрабандой, то есть съ разными pâtés froids, pâtés de Strasbourg, конфетами и прочимъ, и такимъ образомъ имѣлъ случай видѣть и знать многихъ изъ его товарищей, между которыми былъ пріятель его Вонлярлярскій, впослѣдствіи извѣстый беллетристъ, и два брата Мартыновы, изъ коихъ меньшой, красивый и статный молодой человѣкъ, получилъ такую печальную (по крайней мѣрѣ для насъ) извѣстность [1]).

Считаю не лишнимъ сообщить еще одно письмо Лермонтову старшей сестры Верещагиной, написанное къ нему вскорѣ по вступленіи его въ школу. Письмо это и вышеприведенное показываютъ, какое нѣжное чувство дружбы могли имѣть къ нему двѣ женщины, замѣчательныя по умственнымъ и душевнымъ качествамъ своимъ [2]).

---

1) Н. С., убійца Л-ва.

2) Le 12 Octobre. Moscou.

Votre lettre, datée du trois de ce mois vient da me parvenir; je ne savais pas, que ce jour là fut celui de vôtre naissance, je vous en félicite, mon cher, quoique un peu tard. Je ne saurais vous exprimer le chagrin que m'a causée la mauvaise nouvelle que vous me donnez. Comment, après tant de peines et de travail se voir entièrement frustré de l'espérance d'en recueillir les fruits, et se voir obligé de recommencer tout un nouveau genre de vie? ceci est véritablement désagréable. Je ne sais, mais je crois toujours que vous avez agi avec trop de précipitation, et si je ne me trompe, ce parti a dû vous être sugéré par M-r Alexis Stolipine n'est ce pas?

Je conçois aisement, combien vous devez être dérouté par ce changement, car vous n'avez jamais été habitué au service militaire: mais à présent, comme toujours, l'homme propose et Dieu dispose, et soyez fortement persuadé que ce qu'il propose, dans sa sagesse infinie, est certeinement pour notre bien. Dans la carrière militaire vous avez tout aussi bien les moyens de vous distinguer: avec de l'esprit et de la capacité on sait se rendre heureux partout; d'ailleurs combien de fois ne m'avez-vous pas dit, que si la guerre s'allumait, vous ne voudriez pas rester oisif, eh bien! vous voilà pour ainsi dire jeté par le sort dans le chemin qui vous offre les moyens de vous distinguer et de devenir un jour un guerrier célèbre. Ceci ne peut pas empêcher que vous vous occupiez de poêsie; pourquoi donc? l'un n'empêche pas l'autre, au contraire, vous ne ferez pu'un plus aimable militaire.

Voici, mon cher' maintenant le moment le plus critique pour vous, pour Dieu, rapellez vous que possible la promesse que vous m'avez faite avant de partir. Prenez garde de vous lier trop tôt avec vos camarades, connaissez les bien avant de le faire. Vous êtes d'un bon caractère, et avec votre coeur aimant vous serez pris tout d'abord; surtout evitez cette jeunesse qui se fait merveilles de toutes sortes de bravades, et une espèce de mérite de sottes fanfaronnades. Un homme d'esprit doit être au dessus de toutes ces petitesses; ce n'est pas là du mérite, tout au contraire, ce n'est bon que pour les petits esprits; laissez leur cela, et suivez votre chemin.

Pardon, mon cher ami, si je m'avise de vous donner de ces conseils; mais ils me sont dictés par l'amitié la plus pure, et l'attachement que je vous porte fait, que je vous désire tout le bien pos-

Нравственно Мишель въ школѣ перемѣнился не менѣе, какъ и физически, слѣды домашняго воспитанія и женскаго общества исчезли; въ то время въ школѣ царствовалъ духъ какого то разгула, кутежа, бамбошерства; по счастію, Мишель поступилъ туда не ранѣе девятнадцати лѣтъ и пробылъ тамъ не болѣе двухъ; по выпускѣ въ офицеры, все это пропало, какъ съ гуся вода. Faut que jeunesse jette sa gourme, говорятъ французы.

Способности свои къ рисованію и поэтическій талантъ онъ обратилъ на карикатуры, эпиграммы и другія неудобныя къ печати произведенія, помѣщавшіяся въ издаваемомъ въ школѣ рукописномъ иллюстрированномъ журналѣ [1]); нѣкоторыя изъ нихъ ходили по рукамъ отдѣльными выпусками. Для образчика могу привесть нѣсколько стиховъ изъ знаменитой въ свое время и въ своемъ мѣстѣ поэмы *Уланша:*

Идетъ нашъ шумный эскадронъ,
Гремящій пестрою толпою.
Повѣсъ усталыхъ клонитъ сонъ,
Ужь поздно, темной синевою
Покрылось небо, день угасъ,
Повѣсы ропщутъ...

. . . .

Но вотъ Ижорка, слава Богу!
Пора раскланяться съ конемъ.
Какъ должно, вышелъ на дорогу
Уланъ съ завернутымъ значкомъ;

sible; j'espère que vous ne vous facherez pas contre dame-prèche-morale, et que tout au contraire vous lui en saurez gré, je vous connais trop pour en douter.

Vous ferez bien de m'envoyer comme vous le dites, tout ce que vous avez écrit jusqu'à prèsent; vous êtes bien sûr, que je garderai fidèlement ce dépôt, que vous serez enchanté de retrouver un jour. Si vous continuez d'écrire, ne le faites jamais à l'école, et n'en faites rien voir à vos compagnons, car quelpue fois la chose la plus innocente occasion notre perte. Je ne comprends pas, pourquoi vous recevez si rarement de mes lettres? Je vous assure que je ne fais pas la paresseuse, et que je vous écris souvent et longuement. Votre service ne m'empêchera pas de vous écrire comme à l'ordinaire, et j'adresserai toujours mes lettres à leur encienne adrèsse; dites-moi, ne faudrait il pas que je les mette au nom de grand-maman.

J'espère, que parce que vous serez à l'école, ce ne sera pas un empêchement pour que vous m'écriviez de vôtre coté; si vous n'aurez pas le temps de le faire chaque semaine, eh bien! dans deux semaines une fois; mais je vous en prie, n'allez pas me priver de cette consolation.

Courage, mon cher, courage! ne vous laissez pas abattre par un mécompte, ne désespérez pas, croyez moi, que tout ira bien. Ce ne sont pas des pharases de consolation que je vous offre là, non, pas du tout; mais il y a un je ne sais quoi, qui me dit que tout ira bien. Il est vrai que maintenant nous ne nous verrons pas avant deux ans; j'en suis vraiment désolée pour moi, mais... pas pour vous, cela vous fera du bien, peut-être. Dans deux ans on a le temps de guérir et de devenir tout-à-fait raisonable.

Croyez-moi, je n'ai pas perdu l'habitude de vous deviner, mais que voulez-vous que je vous dise? Elle se porte bien, paraît assez gaie, du reste sa vie est tellement uniforme, qu'on n'a pas beaucoup à dire sur son compte; c'est aujourd'hui comme hier. Je crois que vous n'êtes pas tout-à-fait fâché de savoir, qu'elle mène ce genre de vie, car elle est à l'abri de toute épreuve; mais pour mon compte, je lui voudrais un peu de distraction, car, qu'est-ce que cette jeune personne dandinant d'une chambre à l'autre, à quoi une vie comme celle-là mènera-t-elle? à devenir un être nul, et voilà tout. Eh bien! Vous ai-je devné? est-ce là le plaisir que vous attendiez de moi?

. . . .

Il ne me reste tout juste de place, que pour dire adieu à mon gentil hussard. Comme j'aurais voulu vous voir avec vôtre uniforme et vos moustaches. Adieu, mes soeurs et mon frère vous saluent. Mes respects à grand-maman.

[1]) „Школьная Заря". *В. К.*

Онъ по квартирамъ важно, чинно
Повелъ начальниковъ съ собой,
Хотя, признаться, запахъ винной
Изобличалъ его порой.
Но безъ вина что̀ жизнь улана?
Его душа на днѣ стакана,
И кто два раза въ день не пьянъ,
Тотъ, извините, не уланъ!
Сказать вамъ имя квартирьера?
То былъ Лафа, буянъ лихой,
Съ чьей молодецкой головой
Ни доппель-кюмель, ни мадера,
Ни даже шумное аи
Ни разу сладить не могли.
Его коричневая кожа
Сіяла въ множествѣ угряхъ,
Ну, словомъ, все, походка, рожа
На сердце наводило страхъ.
Задвинувъ киверъ на затылокъ,
Идетъ онъ, все гремитъ на немъ,
Какъ дюжина пустыхъ бутылокъ,
Толкаясь въ ящикѣ большомъ.
. . . .
Лафа угрюмо въ избу входитъ,
Шинель, скользя, валится съ плечъ,
Кругомъ онъ дико взоры водитъ
И мнитъ, что видитъ сотни свѣчъ...
Предъ нимъ, межъ тѣмъ, одна лучина,
Дымясь, треща горитъ она,
Но что за дивная картина
Ея лучомъ озарена!
Сквозь дымъ волшебный, дымъ табачный,
Мелькаютъ лица юнкеровъ.
Ихъ рожи красны, взоры страшны,
Кто въ сбруѣ весь, кто безъ ш......,[1])
Пируютъ!—Въ ихъ кругу туманномъ
Дубовый столъ и ковшъ на немъ,
И пуншъ въ ушатѣ деревянномъ
Пылаетъ синимъ огонькомъ *и т. д.*

Домой онъ приходилъ только по праздникамъ и воскресеньямъ и ровно ничего не писалъ. Въ школѣ онъ носилъ прозванье Маёшки, отъ M-r Mayeux, горбатаго и остроумнаго героя давно забытаго шутовского французскаго романа [2]).

Два злополучные года пребыванія въ школѣ прошли скоро, и въ началѣ 1835 его произвели въ офицеры, въ лейбъ-гусарскій полкъ, я же поступилъ въ артиллерійское училище и въ свою очередь сталъ ходить домой только по воскресеньямъ и праздникамъ.

Съ нами жилъ въ то время дальній родственникъ и товарищъ Мишеля по школѣ, Николай Дмитріевичъ Юрьевъ, который, послѣ

[1]) Штановъ. *В. К.*
[2]) Любимый типъ французской литературы 30-хъ годовъ. *В. К.*

тщетныхъ стараній уговорить Мишеля печатать свои стихи, передалъ, тихонько отъ него, поэму *Хаджи-Абрекъ* Сенковскому, и она, къ нашему немалому удивленію, въ одно прекрасное утро появилась напечатанною въ *Библіотекѣ для Чтенія.* Лермонтовъ былъ взбѣшенъ, по счастью, поэму никто не разбранилъ, напротивъ, она имѣла нѣкоторый успѣхъ, и онъ сталъ продолжать писать, но все еще не печатать.

По производствѣ его въ офицеры бабушка сказала, что Мишѣ нужны деньги, и поѣхала въ Тарханы (это была ихъ первая разлука). И дѣйствительно, Мишѣ нужны были деньги; я рѣдко встрѣчалъ человѣка безпечнѣе его относительно матеріальной жизни; кассиромъ былъ его Андрей, дѣйствовавшій совершенно безконтрольно. Когда впослѣдствіи онъ сталъ печатать свои сочиненія, то я часто говорилъ ему: „Зачѣмъ не берешь ты ничего за свои стихи, вѣдь Пушкинъ былъ не беднѣе тебя, однако платили же ему книгопродавцы по золотому за каждый стихъ", но онъ, смѣясь, отвѣчалъ мнѣ словами Гёте:

Das Lied, das aus der Kehle gingt,
Ist Lohn, der reichlig lohnet.

Онъ жилъ постоянно въ Петербургѣ, а въ Царское Село, гдѣ стояли гусары, ѣзжалъ на ученья и дежурства. Въ томъ же полку служилъ родственникъ его Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ, извѣстный въ школѣ, а потомъ и въ свѣтѣ, подъ именемъ Мунго.[1]) Разъ они вмѣстѣ отправились въ сантиментальное путешествіе изъ Царскаго въ Петергофъ, которое Лермонтовъ описалъ въ стихахъ:

Садится солнце за горой,
Туманъ дымится надъ болотомъ,
И вотъ, дорогой столбовой,
Летятъ, склонившись надъ лукой,
Два всадника, большимъ налетомъ *и т. д.*[2])

Въ это время, т.-е. до 1837 года, Лермонтовъ написалъ *Казначейшу, Пѣсню о царѣ Іоаннѣ и купцѣ Калашниковѣ,* началъ романъ въ прозѣ безъ заглавія[3]) и драму въ прозѣ *Два брата,* передѣлалъ *Демона,* набросалъ нѣсколько сценъ драмы *Арбенинъ* (впослѣдствіи названной *Маскарадъ)* и нѣсколько мелкихъ стихотвореній; все это читалось дома, между короткими. Въ 1836 году бабушка, соскучившись безъ Миши, вернулась въ Петербургъ. Тогда же жилъ съ нами сынъ старинной пріятельницы ея, С. А. Раевскій. Онъ служилъ въ военномъ министерствѣ, учился въ университетѣ, получилъ хорошее образованіе и имѣлъ знакомство въ литературномъ кругу.

Въ это же время я имѣлъ случай убѣдиться, что первая страсть Мишеля не исчезла. Мы играли въ шахматы, человѣкъ подалъ пись-

---

1) Ошибка: Монго. *В. К.*
2) „Монго" (см. II томъ нашего изданія). *В. К.*
3) „Вадимъ". *В. К.*

мо; Мишель началъ его читать, но вдругъ измѣнился въ лицѣ и поблѣднѣлъ; я испугался и хотѣлъ спросить, что такое, но онъ, подавая мнѣ письмо, сказалъ: „вотъ новость — прочти", и вышелъ изъ комнаты. Это было извѣстіе о предстоящемъ замужествѣ В. А. Лопухиной.

Черезъ Раевскаго[1]) Мишель познакомился съ А. А. Краевскимъ, которому отдавалъ впослѣдствіи свои стихи для помѣщенія въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Раевскій имѣлъ вѣрный критическій взглядъ. его замѣчанія и совѣты были не безъ пользы для Мишеля, который однако же все еще не хотѣлъ печатать свои произведенія, и имя его оставалось неизвѣстно большинству публики, когда въ январѣ 1837 года мы всѣ были внезапно поражены слухомъ о смерти Пушкина. Современники помнятъ, какое потрясеніе извѣстіе это произвело въ Петербургѣ. Лермонтовъ не былъ лично знакомъ съ Пушкинымъ, но могъ и умѣлъ цѣнить его. Подъ свѣжимъ еще вліяніемъ истиннаго горя и негодованія, возбужденнаго въ немъ этимъ святотатственнымъ убійствомъ, онъ, въ одинъ присѣстъ, написалъ нѣсколько строфъ, разнесшихся въ два дня по всему городу. Съ тѣхъ поръ всѣмъ, кому дорого русское слово, стало извѣстно имя Лермонтова.

Стихи эти были написаны съ эпиграфомъ изъ неизданной трагедіи г. Жандра [2]), *Вѣнцеславъ:*

Отмщенья, государь, отмщенья!
Паду къ ногамъ твоимъ,
Будь справедливъ и накажи убійцу,
Чтобъ казнь его въ позднѣйшіе вѣка
Твой правый судъ потомству возвѣстила,
Чтобъ видѣли злодѣи въ ней примѣръ.

Не привожу самихъ стиховъ, такъ какъ они уже напечатаны вполнѣ; послѣдняго изданія сочиненій Лермонтова мнѣ не случилось еще видѣть, послѣднюю же строфу стихотворенія *На смерть Пушкина* прочелъ я въ № 87 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* и не могу съ сожалѣніемъ не замѣтить, что въ первыхъ пяти строчкахъ, случайно попавшихся мнѣ и принадлежащихъ новому изданію, находятся двѣ ошибки и одинъ пропускъ:

А вы, надменные потомки
Извѣстныхъ подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія униженныхъ *рабовъ!*
Свободы, генія и славы палачи!

Вмѣсто „*извѣстныхъ*", написано было „извѣстной", вмѣсто „униженныхъ *рабовъ*", „униженныхъ родовъ" [3]). Между четвертою и пятою строчкой пропущенъ стихъ:

Вы, дерзкою толпой стоящіе . . . . . . ,[4])

[1]) С. А., пріятель Л—ва. *В. К.*
[2]) Ошибка: Ротру. *В. К.*
[3]) Ошибка: слѣд. родовъ. *В. К.*
[4]) У трона. *В. К.*

Если его нельзя было напечатать, то слѣдовало обозначить точками, какъ это обыкновенно дѣлается, въ противномъ случаѣ можетъ выйти (какъ и случилось здѣсь) нескладица и недочетъ въ риѳмахъ, которые напрасно читатель припишетъ поэту.

Не лучше ли было бы, вмѣсто того, чтобы печатать плохіе, заброшенные стихи Лермонтова, издать тщательнѣе тѣ, которые достойны его имени?

Не трудно представить себѣ, какое впечатлѣніе строфы *На смерть Пушкина* произвели въ публикѣ, но онѣ имѣли и другое дѣйствіе. Лермонтова посадили подъ арестъ въ одну изъ комнатъ верхняго этажа зданія Главнаго Штаба, откуда онъ отправился на Кавказъ прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Раевскій попался тоже подъ сюркупъ, его съ гауптвахты, что на Сѣнной, перевели на службу въ Петрозаводскъ; на меня же полковникъ Кривопишинъ, производившій у насъ домашній обыскъ, не удостоилъ обратить, по счастію, никакого вниманія, и какъ я, такъ и тщательно списанный экземпляръ подвергнувшихся гоненію стиховъ, остались невридимы.

Подъ арестомъ къ Мишелю пускали только его камердинера, приносившаго обѣдъ; Мишель велѣлъ завертывать хлѣбъ въ сѣрую бумагу, и на этихъ клочкахъ, съ помощью вина, печной сажи и спичекъ написалъ нѣсколько пьесъ, а именно: *Когда волнуется желтѣющая нива*; *Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою*; *Кто бъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ*, и передѣлалъ старую пьесу *Отворите мнѣ темницу*, прибавивъ къ ней послѣднюю строфу: *Но окно тюрьмы высоко*.

Старушка бабушка была чрезвычайно поражена этимъ происшествіемъ, но осталась въ Петербургѣ, съ надеждой выхлопотать внуку помилованіе, въ чемъ черезъ родныхъ, а въ особенности черезъ А. В. Дубельта, и успѣла; менѣе чѣмъ черезъ годъ Мишеля возвратили и перевели прежде въ Гродненскій, а вскорѣ, по просьбѣ бабушки же, опять въ лейбъ-гусарскій полкъ. Вотъ письмо его къ Раевскому, безъ числа и года (какъ обыкновенно), писанное съ Кавказа передъ возвращеніемъ въ Петербургъ.

„Любезный другъ Святославъ!

„Я полагаю, что либо мои два письма пропали на почтѣ, либо твои ко мнѣ не дошли, потому что съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я о тебѣ знаю только изъ писемъ бабушки.

„Наконецъ, меня перевели обратно въ гвардію, но только въ Гродненскій полкъ, и еслибы не бабушка, то, по совѣсти сказать, я бы охотно остался здѣсь, потому что врядъ ли Поселеніе веселѣе Грузіи.

„Съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Россіи, повѣришь ли, я находился до сихъ поръ въ безпрерывномъ странствованіи, то на перекладной, то верхомъ; изъѣздилъ Линію всю вдоль, отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ Шушѣ, въ Кубѣ, въ Шемахѣ, въ

Кахетіи, одѣтый по-черкесски, съ ружьемъ за плечами: ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское даже...

„Простудившись дорогой, я пріѣхалъ на воды весь въ ревматизмахъ: меня на рукахъ вынесли люди изъ повозки, я не могъ ходить въ мѣсяцъ меня воды совсѣмъ поправили; я никогда не былъ такъ здоровъ, зато веду жизнь примѣрную: пью вино, только когда гдѣ-нибудь въ горахъ ночью прозябну, то пріѣхавъ на мѣсто, грѣюсь...— Здѣсь, кромѣ войны, службы нѣту; я пріѣхалъ въ отрядъ слишкомъ поздно, ибо государь нынче не велѣлъ дѣлать вторую экспедицію, и я слышалъ только два, три выстрѣла; зато два раза въ моихъ путешествіяхъ отстрѣливался; разъ ночью мы ѣхали втроемъ изъ Кубы, я, одинъ офицеръ нашего полка и черкесъ (мирный, разумѣется), — и чуть не попались шайкѣ лезгинъ.—Хорошихъ ребятъ здѣсь много, особенно въ Тифлисѣ есть люди очень порядочные; а что здѣсь истинное наслажденіе, такъ это татарскія бани!—Я снялъ на скорую руку виды всѣхъ примѣчательныхъ мѣстъ, которыя посѣщалъ, и везу съ собою порядочную коллекцію; однимъ словомъ, я вояжировалъ. Какъ перевалился черезъ хребетъ въ Грузію, такъ бросилъ телѣжку и сталъ ѣздить верхомъ; лазилъ на снѣговую гору (Крестовая) на самый верхъ, что не совсѣмъ легко; оттуда видна половина Грузіи, какъ на блюдечкѣ, и, право, я не берусь объяснить или описать этого удивительнаго чувства; для меня горный воздухъ — бальзамъ; хандра къ чорту, сердце бьется, грудь высоко дышитъ—ничего не надо въ эту минуту; такъ сидѣлъ бы да смотрѣлъ цѣлую жизнь.

„Началъ учиться по-татарски, языкъ, который здѣсь, и вообще въ Азіи, необходимъ, какъ французскій въ Европѣ, -да жаль, теперь не доучусь, а впослѣдствіи могло бы пригодиться. Я уже составлялъ планы ѣхать въ Мекку, въ Персію и проч., теперь остается только проситься въ экспедицію въ Хиву съ Перовскимъ.

„Ты видишь изъ этого, что я сдѣлался ужаснымъ бродягой, а, право, я расположенъ къ этому роду жизни. Если тебѣ вздумается отвѣчать мнѣ, то пиши въ Петербургъ; увы, не въ Царское Село; скучно ѣхать въ новый полкъ, я совсѣмъ отвыкъ отъ фронта и серьезно думаю выйти въ отставку.

„Прощай, любезный другъ, не позабудь меня, и вѣрь все-таки, что самой моей большой печалью было то, что ты черезъ меня пострадалъ.

„Вѣчно тебѣ преданный М. Лермонтовъ“ [1]).

[1]) По поводу этого письма С. А. Раевскій, отъ 8 мая 1860 года, писалъ автору воспоминаній слѣдующее:

„Другъ Акимъ Павловичъ! Наконецъ, исполняется постоянное мое желаніе,—ты рѣшаешься записать твои воспоминанія о незабвенномъ Михаилѣ Юрьевичѣ. Ты былъ его другомъ, преданнымъ съ дѣтства, и почти не разставался съ нимъ; по крайней мѣрѣ всѣ значительныя измѣненія въ его жизни совершились при тебѣ, при тепломъ твоемъ участіи, и рѣдкая твоя память порукою, что никто вѣрнѣе тебя не можетъ передать обществу многое замѣчательное объ этомъ человѣкѣ, гордости нашей литературы.

„Соглашаясь на напечатаніе избранныхъ тобою его бумагъ, которыя я берегу, какъ лучшія мои воспоминанія, я считаю необходимымъ къ избранному тобою письму его, писанному ко мнѣ въ Пет-

Незадолго до смерти Пушкина, по случаю политической тревоги на западѣ, Лермонтовъ написалъ пьесу въ родѣ извѣстной *Клеветникамъ Россіи*, но, находясь нѣкоторымъ образомъ въ опалѣ, никогда не хотѣлъ впослѣдствіи напечатать ее, по очень понятному чувству. Такъ какъ пьеса эта публикѣ совершенно неизвѣстна (если не помѣщена въ послѣднемъ изданіи), то привожу и ее здѣсь:

Опять, народные витіи,
За дѣло падшее Литвы
На славу гордую Россіи
Опять, шумя, возстали вы!
Ужъ васъ казнилъ могучимъ словомъ
Поэтъ, возставшій въ блескѣ новомъ
Отъ продолжительнаго сна,
И порицанія покровомъ
Одѣлъ онъ ваши имена.
Что это, вызовъ ли надменный,
На битву ль бѣшеный призывъ,
Иль голосъ зависти презрѣнной,
Безсилья злобнаго порывъ?
Да, хитрой зависти ехидна
Васъ пожираетъ, вамъ обидна
Величья нашего заря,
Вамъ солнца Божія не видно
За солнцемъ русскаго царя.
  Безумцы жалкіе, вы правы!
Мы чужды ложнаго стыда.
Такъ нераздѣльны въ дѣлѣ славы
Народъ и царь его всегда.

розаводскъ, присовокупитъ мои объясненія. Въ этомъ письмѣ Мишель, между прочимъ, написалъ, что я пострадалъ черезъ него.

„Я всегда былъ убѣжденъ, что Мишель напрасно исключительно себѣ приписываетъ маленькую мою катастрофу въ Петербургѣ въ 1837 году. Объясненія, которыя Михаилъ Юрьевичъ былъ вынужденъ дать своимъ судьямъ, допрашивавшимъ о мнимыхъ соучастникахъ въ появленіи стиховъ на смерть Пушкина, составлены имъ вовсе не въ томъ тонѣ, чтобы сложить на меня какую-нибудь отвѣтственность, и во всякое другое время не отозвались бы рѣзко на ходѣ моей службы; но, къ несчастію моему и Мишеля, я былъ тогда въ странныхъ отношеніяхъ къ одному изъ служащихъ лицъ. Понятія юриста, студента Московскаго университета, часто вовлекали меня въ несогласія съ окружавшими меня служаками, и я, зная свою полезность, не разъ смѣло просилъ отставки. Мнѣ уступали, и я оставался на службѣ при своихъ убѣжденіяхъ; но когда Лермонтовъ произнесъ предъ судомъ мое имя, служаки этимъ воспользовались, аттестовали меня *непокорнымъ* и ходатайствовали объ отдачѣ меня подъ военный судъ, разсчитывая, вѣроятно, что во время суда я буду усерденъ и покоренъ, а покуда они пріищутъ другого способнаго человѣка. Къ счастію, ходатайство это не было уважено, а я просто безъ суда переведенъ на службу въ губернію; записываю это для отнятія права упрекать память благороднаго Мишеля. Самые же стихи его были отраженіемъ мнѣнія не одного лица, но весьма многихъ, и вотъ какъ они составились. Убійство А. С. Пушкина такъ глубоко потрясло грамотные слои общества, что почти повсюду разсматривали вопросъ, какъ будетъ наказанъ Дантесъ. И тогда, какъ иные желали, чтобы иностранецъ, убившій въ поэтѣ часть славы русскаго народа, былъ, какъ лицо, состоящее на русской службѣ, наказанъ по русскимъ законамъ; другіе предсказывали, что Дантесъ, какъ иностранецъ и аристократъ, останется ненаказаннымъ, несмотря на наши законы. Большая половина извѣстной *Элегіи*, въ которой Мишель, послѣ горячаго спора въ нашей квартирѣ, высказалъ свой образъ мыслей, написана имъ была безъ поправокъ въ нѣсколько минутъ (Мишель почти всегда писалъ безъ поправокъ), и какъ сочиненіе было современно, то и разнеслось очень быстро. Повторяю, мнѣ не въ чемъ обвинять Мишеля. Прощай, желаю поскорѣе видѣть въ печати твой трудъ,—

всегда преданный

Раевскій.“

8 мая 1860 г.
С. Раевское.
Его В—ю А. П. Шанъ-Гирею.

Велѣньямъ Власти благотворной
Мы повинуемся покорно
И вѣримъ нашему царю,
И будемъ всѣ стоять упорно
За честь его, какъ за свою!
Но честь Россіи невредима,
И вамъ, смѣясь, внимаетъ свѣтъ!
Такъ въ дни воинственные Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда съ тріумфомъ шелъ Фабрицій
И раздавался по столицѣ
Восторга непритворный кликъ,
Бѣжалъ за свѣтлой колесницей
Одинъ наемный клеветникъ.

По возвращеніи въ Петербургъ Лермонтовъ сталъ чаще ѣздить въ свѣтъ, но болѣе дружескій пріемъ находилъ въ домѣ у Карамзиныхъ, у г-жи Смирновой [1]) и князя Одоевскаго [2]). Литературная дѣятельность его увеличилась. Онъ писалъ много мелкихъ лирическихъ стихотвореній, передѣлалъ въ третій разъ поэму *Демонъ*, окончилъ драму *Маскарадъ*, передѣлалъ давно написанную имъ поэму *Мцыри* и еще нѣсколько пьесъ, которыя теперь не упомню; началъ романъ *Герой нашего времени*. Словомъ, это была самая дѣятельная эпоха его жизни въ литературномъ отношеніи. Съ 1839 г. сталъ онъ печатать свои произведенія въ *Отечественныхъ Запискахъ*; у него не было чрезмѣрнаго авторскаго самолюбія; онъ не довѣрялъ себѣ, слушалъ охотно критическія замѣчанія тѣхъ, въ чьей дружбѣ былъ увѣренъ и на чей вкусъ надѣялся, притомъ не побуждался меркантильными разсчетами, почему и дѣлалъ строгій выборъ произведеніямъ, которыя назначалъ къ печати. Не могу опять съ истинною сердечною горестію не пожалѣть, что по смерти Лермонтова его сочиненія издаются не съ такою же разборчивостью.

Ужель (какъ сказалъ онъ самъ) ребяческія чувства,
Нестройный, безотчетный бредъ
Достойны строгаго искусства?
Ихъ осмѣетъ, забудетъ свѣтъ.

Весной 1838 года пріѣхала въ Петербургъ съ мужемъ В. А. [3]), проѣздомъ за границу. Лермонтовъ былъ въ Царскомъ, я послалъ къ нему нарочнаго, а самъ поскакалъ къ ней. Боже мой, какъ болѣзненно сжалось мое сердце при ея видѣ! Блѣдная, худая, и тѣни не было прежней В......, только глаза сохранили свой блескъ и были такіе же ласковые, какъ и прежде. „Ну, какъ вы здѣсь живете?“ — „Почему же это *вы*?“ — „Потому, что я спрашиваю про двоихъ.“ — „Живемъ, какъ Богъ послалъ, а думаемъ и чувствуемъ, какъ въ старину. Впрочемъ, другой отвѣтъ будетъ изъ Царскаго черезъ два часа“.

[1]) А. О. *В. К.*
[2]) В. Ө. *В. К.*
[3]) Лопухина-Бахметева.

Это была наша послѣдняя встрѣча; ни ему, ни мнѣ не суждено было ее больше видѣть. Она пережила его, томилась долго, и скончалась, говорятъ, покойно, лѣтъ десять тому назадъ.

В. А. Жуковскій хотѣлъ видѣть Лермонтова, котораго ему и представили. Маститый поэтъ принялъ молодого дружески и внимательно и подарилъ ему экземпляръ своей *Ундины* съ собственноручною надписью. Одинъ изъ членовъ царской фамиліи пожелалъ прочесть *Демона*, ходившаго въ то время по рукамъ, въ спискахъ болѣе или менѣе искаженныхъ. Лермонтовъ принялся за эту поэму въ четвертый разъ, обдѣлалъ ее окончательно, отдалъ переписать каллиграфически и, по одобреніи къ печати цензурой, препроводилъ по назначенію. Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ ее обратно, и это единственный экземпляръ полный и послѣ котораго *Демонъ* не передѣлывался. Экземпляръ этотъ долженъ находиться у г. Алопеуса, къ которому перешелъ отъ меня черезъ Обухова, товарища моего по артиллерійскому училищу. Есть еще одинъ экземпляръ *Демона*, исписанный весь рукой Лермонтова и переданный мною Дмитрію Аркадьевичу Столыпину.

Мы часто въ послѣднее время говорили съ Лермонтовымъ о *Демонѣ*. Безспорно, въ немъ есть прекрасные стихи и картины, хотя я тогда, помня Кавказъ, какъ сквозь сонъ, не могъ, какъ теперь, судить о поразительной вѣрности этихъ картинъ. Безъ сомнѣнія, явясь въ печати, онъ долженъ былъ имѣть успѣхъ, но могъ возбудить и очень строгую рецензію. Мнѣ всегда казалось, что *Демонъ* похожъ на оперу съ очаровательнѣйшею музыкой и пустѣйшимъ либретто. Въ оперѣ это извиняется, но въ поэмѣ не такъ. Дѣльный критикъ можетъ и долженъ спросить поэта, въ особенности такого, какъ Лермонтовъ: „какая цѣль твоей поэмы, какая въ ней идея?“ Въ *Демонѣ* видна одна цѣль написать нѣсколько прекрасныхъ стиховъ, нарисовать нѣсколько прелестныхъ картинъ дивной кавказской природы, это хорошо, но мало. Идея же, смѣшно сказать, вышла такая, о какой самъ авторъ и не думалъ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, вспомните строфу:

И входитъ онъ (Демонъ) любить готовый,
Съ душой открытой для добра... и проч.

Не правда ли, что тутъ князю де-Таллейрану пришлось бы повторить небесной полиціи свое слово: surtout pas trop de zèle, Messieurs? Посланникъ рая очень некстати явился защищать Тамару отъ опасности, которой не существовало; этою неловкостью онъ помѣшалъ возрожденію Демона и тѣмъ приготовилъ себѣ и своимъ въ будущемъ пропасть хлопотъ, отъ которыхъ они навѣкъ бы избавились, если бы посланникъ этотъ былъ догадливѣе. Безнравственной идеи этой Лермонтовъ не могъ имѣть: хотя онъ и не отличался

[1]) Наивный взглядъ. *В. К.*

особенно усерднымъ выполненіемъ религіозныхъ обрядовъ, но не былъ ни атеистомъ, ни богохульникомъ. Прочтите его пьесы: *Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвой, Въ минуту жизни трудную, Когда волнуется желтѣющая нива, Вѣтка Палестины* [1]), и скажите могъ ли человѣкъ безъ теплаго чувства въ сердцѣ написать эти стихи? Мною предложенъ былъ другой планъ: отнять у Демона всякую идею о раскаяніи и возрожденіи, пусть онъ дѣйствуетъ прямо съ цѣлью погубить душу святой отшельницы, чтобы борьба Ангела съ Демономъ происходила въ присутствіи Тамары, но не спящей; пусть Тамара, какъ высшее олицетвореніе нѣжной женской натуры, готовой жертвовать собой, переходитъ съ полнымъ сознаніемъ на сторону несчастнаго, но, по ея мнѣнію, кающагося страдальца, въ надеждѣ спасти его; остальное все оставить, какъ есть, и стихъ:

Она страдала и любила,
И рай открылся для любви...

спасаетъ эпилогъ. „Планъ твой, отвѣчалъ Лермонтовъ, недуренъ, только сильно смахиваетъ на Элоу [2]), soeur des anges, Альфреда де-Виньи. Впрочемъ, объ этомъ можно подумать. Демона мы печатать погодимъ, оставь его пока у себя". Вотъ почему поэма *Демонъ*, уже одобренная цензурнымъ комитетомъ, осталась при жизни Лермонтова не напечатанною. Не сомнѣваюсь, что только смерть помѣшала ему привести любимое дитя своего воображенія въ видъ, достойный своего талантъ.

Здѣсь кстати замѣчу двѣ неточности въ этой поэмѣ:

Онъ самъ, властитель *Синодала.*

Въ Грузіи нѣтъ *Синодала*, а есть *Цинундалы*, старинный замокъ въ очаровательномъ мѣстѣ въ Кахетіи, принадлежащій одной изъ древнѣйшихъ фамилій Грузіи, князей Чавчавадзе, разграбленный лѣтъ восемь тому назадъ сыномъ Шамиля.

Бѣжали *робкіе* грузины.

Грузины не робки, напротивъ, ихъ скорѣе можно упрекнуть въ безумной отвагѣ, что̀ засвидѣтельствуетъ вся кавказская армія, понимающая, что̀ такое храбрость. Лермонтовъ не могъ этого не знать, онъ самъ ходилъ съ ними въ огонь, бѣжать могли рабы князя, это обмолвка.

Зимой 1839 года Лермонтовъ былъ сильно заинтересованъ кн. Щербатовой (къ ней относится пьеса: *На свѣтскія цѣпи*). Мнѣ ни

[1]) Пальмовая, искусно сплетенная вѣтка Палестины была привезена извѣстнымъ путешественникомъ ко Святымъ Мѣстамъ Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ. Съ нею стоялъ онъ у заутрени въ Вербное воскресенье въ Іерусалимѣ и подарилъ ее Лермонтову. Въ настоящее время она, въ рамѣ за стекломъ, стоитъ въ часовнѣ надъ могилой поэта. *А. П. Ш. Г.*

По другимъ свѣдѣніямъ, она находится у Великаго Князя Константина Константиновича. *В. К.*

[2]) Элоа. *В. К.*

разу не случалось ее видѣть, знаю только, что она была молодая вдова, а отъ него слышалъ, что такая, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. То же самое, какъ видно изъ послѣдующаго, думалъ про нее и г. де-Барантъ, сынъ тогдашняго французскаго посланника въ Петербургѣ. Немножко слишкомъ явное предпочтенiе, оказанное на балѣ счастливому сопернику, взорвало Баранта, онъ подошелъ къ Лермонтову и сказалъ запальчиво: „Vous profitez trop, Monsieur, de ce que nous sommes dans un pays ou le duel est défendu".— „Qu'à ça ne tienne, Monsieur,—отвѣчалъ тотъ,—je me mets entièrement à votre disposition", и на завтра назначена была встрѣча; это случилось въ среду на масленицѣ 1840 года. Насъ распустили изъ училища утромъ, и я, придя домой часовъ въ девять, очень удивился, когда человѣкъ сказалъ мнѣ, что Михаилъ Юрьевичъ изволили выѣхать въ семь часовъ; погода была прескверная, шелъ мокрый снѣгъ съ мелкимъ дождемъ. Часа черезъ два Лермонтовъ вернулся, весь мокрый, какъ мышь. „Откуда ты эдакъ?"—Стрѣлялся.—„Какъ, что̀, зачѣмъ, съ кѣмъ?"—Съ французикомъ.—„Разскажи". Онъ сталъ переодѣваться и разсказывать: „Отправился я къ Мунгѣ, онъ взялъ отточенныя рапиры и пару Кухенрейторовъ [1]), и поѣхали мы за Черную Рѣчку. Они были на мѣстѣ. Мунго [2]) подалъ оружiе, французъ выбралъ рапиры, мы стали по колѣно въ мокромъ снѣгу и начали; дѣло не клеилось, французъ нападалъ вяло, я не нападалъ, но и не поддавался, Мунго продрогъ и бѣсился; такъ продолжалось минутъ десять. Наконецъ, онъ оцарапалъ мнѣ руку ниже локтя, я хотѣлъ проколоть ему руку, но попалъ въ самую рукоятку, и моя рапира лопнула. Секунданты подошли и остановили насъ; Мунго подалъ пистолеты, тотъ выстрѣлилъ и далъ промахъ, я выстрѣлилъ на воздухъ, мы помирились и разъѣхались, вотъ и все".

Исторiя эта оставалась довольно долго безъ послѣдствiй. Лермонтовъ по-прежнему продолжалъ выѣзжать въ свѣтъ и ухаживать за своей княгиней; наконецъ одна неосторожная барышня Б***, вѣроятно, безо всякаго умысла, придала происшествiю достаточную гласность въ очень высокомъ мѣстѣ, вслѣдствiе чего приказомъ по гвардейскому корпусу поручикъ лейбъ-гвардiи гусарскаго полка Лермонтовъ за поединокъ былъ преданъ военному суду съ содержанiемъ подъ арестомъ, и въ понедѣльникъ на Страстной недѣлѣ получилъ казенную квартиру въ третьемъ этажѣ с.-петербургскаго Ордонансъ-Гауза, гдѣ и пробылъ недѣли двѣ, а оттуда перемѣщенъ на арсенальную гауптвахту, что̀ на Литейной. Въ Ордонансъ-Гаузъ къ Лермонтову тоже никого не пускали; бабушка лежала въ параличѣ и не могла выѣзжать, однако же, чтобы Мишѣ было не такъ скучно и чтобъ имѣть о немъ ежедневный и достовѣрный бюллетень, она успѣла выхлопотать у тогдашняго коменданта или плацъ-майора, не

[1]) Пистолеты. *В. К.*
[2]) Монго, А. А. Столыпинъ. *В. К.*

помню хорошенько, барона З***, чтобъ онъ позволилъ впускать меня къ арестанту. Благородный баронъ сжалился надъ старушкой и разрѣшилъ мнѣ подъ своею отвѣтственностью свободный входъ, только у меня всегда отбирали на лѣстницѣ шпагу (меня тогда произвели и оставили въ офицерскихъ классахъ дослушивать курсъ). Лермонтовъ не былъ очень печаленъ, мы толковали про городскія новости, про новые французскіе романы, наводнявшіе тогда, какъ и теперь, наши будуары, играли въ шахматы, много читали, между прочимъ Андре Шенье, Гейне и Ямбы Барбіе, послѣдніе ему не нравились, изо всей маленькой книжки онъ хвалилъ только одну слѣдующую строфу, изъ пьесы *La Popularité*:

C'est la mer, c'est la mer, d'abord calme et sereine,
La mer, aux premiers feux du jour,
Chantant et souriant comme une jeune reine,
La mer blonde et pleine d'amour.
La mer baisant le sable et caressant la rive
Du beaume enivrant de ses flots,
Et berçant sur sa gorge, ondoynte et lassive,
Son peuple brun de matelots.

Здѣсь написана была пьеса *Сосѣдка*, только съ маленькимъ прибавленіемъ. Она дѣйствительно была интересная сосѣдка, я ее видѣлъ въ окно, но рѣшетокъ у окна не было, и она была вовсе не дочь тюремщика, а, вѣроятно, дочь какого-нибудь чиновника, служащаго при Ордонансъ-Гаузѣ, гдѣ и тюремщиковъ нѣтъ, а часовой съ ружьемъ точно стоялъ у двери, я всегда около него ставилъ свою шпагу.

Между тѣмъ военно-судное дѣло шло своимъ порядкомъ и начинало принимать благопріятный оборотъ вслѣдствіе отвѣта Лермонтова, гдѣ онъ писалъ, что не считалъ себя въ правѣ отказать французу, такъ какъ тотъ въ словахъ своихъ не коснулся только его, Лермонтова, личности, а выразилъ мысль, будто бы вообще въ Россіи невозможно получить удовлетворенія, самъ же никакого намѣренія не имѣлъ нанести ему вредъ, что̀ доказывалось выстрѣломъ, сдѣланнымъ на воздухъ. Такимъ образомъ мы имѣли надежду на благопріятный исходъ дѣла, какъ моя опрометчивость все испортила. Барантъ очень обидѣлся, узнавъ содержаніе отвѣта Лермонтова, и твердилъ вездѣ, гдѣ бывалъ, что напрасно Лермонтовъ хвастается, будто подарилъ ему жизнь, это неправда, и онъ, Барантъ, по выпускѣ Лермонтова изъ-подъ ареста, накажетъ его за это хвастовство. Я узналъ эти слова француза, они меня взбѣсили, и я пошелъ на гауптвахту. „Ты сидишь здѣсь,— сказалъ я Лермонтову, взаперти и никого не видишь, а французъ вотъ что̀ про тебя вездѣ трезвонитъ громче всякихъ трубъ“. Лермонтовъ написалъ тотчасъ записку, пріѣхали два гусарскіе офицера, и я ушелъ отъ него. На другой день онъ разсказалъ мнѣ, что одинъ изъ офицеровъ привозилъ къ нему на гауптвахту Баранта, которому Лермонтовъ высказалъ свое неудовольствіе и предложилъ, если онъ, Барантъ, недоволенъ, но-

вую встрѣчу по окончаніи своего ареста, на что Барантъ при двухъ свидѣтеляхъ отвѣчалъ такъ: „Monsieur, les bruits qui sont parvenus jusqu'à vous sont inèxacts, et je m'empresse de vous dire, que je me tiens pour parfaitement satisfait“. Послѣ чего его посадили въ карету и отвезли домой.

Намъ казалось, что тѣмъ дѣло кончилось; напротивъ, оно только начиналось. Мать Баранта поѣхала къ командиру гвардейскаго корпуса съ жалобой на Лермонтова за то, что онъ, будучи на гауптвахтѣ, требовалъ къ себѣ ея сына и вызывалъ его *снова* на дуэль. Послѣ такого пассажа дѣло натянулось нѣсколько, поручика Лермонтова тѣмъ же чиномъ перевели на Кавказъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, куда онъ отправился, а вслѣдъ за нимъ и бабушка поѣхала въ деревню. Отсутствіе ихъ было непродолжительно; Лермонтовъ получилъ отпускъ и къ новому 1841 году вмѣстѣ съ бабушкой возвратился въ Петербургъ.

Всѣ бабушкины попытки выхлопотать еще разъ своему Мишѣ прощенье остались безъ успѣха, ей сказали, что не время еще, надо подождать.

Лермонтовъ пробылъ въ Петербургѣ до мая; съ Кавказа онъ привезъ нѣсколько довольно удачныхъ видовъ своей работы, писанныхъ масляными красками, нѣсколько стихотвореній и романъ *Герой нашего времени,* начатый еще прежде, но оконченный въ послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ. Въ публикѣ существуетъ мнѣніе, будто въ *Героѣ нашего времени* Лермонтовъ хотѣлъ изобразить себя; сколько мнѣ извѣстно, ни въ характерѣ, ни въ обстоятельствахъ жизни ничего нѣтъ общаго между Печоринымъ и Лермонтовымъ, кромѣ ссылки на Кавказъ [1]). Идеалъ, къ которому стремилась вся праздная молодежь того времени: львы, львёнки и проч. коптители неба, какъ говоритъ Гоголь, олицетворенъ былъ Лермонтовымъ въ Печоринѣ. Высшій дендизмъ состоялъ тогда въ томъ, чтобы ничему не удивляться, ко всему казаться равнодушнымъ, ставить свое *я* выше всего; плохо понятая англоманія была въ полномъ разгарѣ, откуда плачевное употребленіе Богомъ дарованныхъ способностей. Лермонтовъ очень удачно собралъ эти черты въ героѣ своемъ, котораго сдѣлалъ интереснымъ, но все-таки выставилъ пустоту подобныхъ людей и вредъ (хотя и не весь) отъ нихъ для общества. Не его вина, если вмѣсто сатиры многимъ угодно было видѣть апологію.

На Святой недѣлѣ Лермонтовъ написалъ пьесу *Послѣднее новоселье;* въ то самое время, какъ онъ писалъ ее, мнѣ удалось набросить карандашомъ его профиль. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ потому, что изо всѣхъ портретовъ его ни одинъ не похожъ, и профиль этотъ, какъ мнѣ кажется, грѣшитъ менѣе прочихъ портретовъ предъ подлинникомъ.

[1]) Ошибка: въ романѣ много автобіографическаго. *В. К.*

Срокъ отпуска Лермонтова приближался къ концу: онъ сталъ собираться обратно на Кавказъ. Мы съ нимъ сдѣлали подробный пересмотръ всѣмъ бумагамъ, выбрали нѣсколько, какъ напечатанныхъ уже, такъ и еще не изданныхъ, и составили связку. „Когда, Богъ дастъ, вернусь,—говорилъ онъ,—можетъ, еще что-нибудь прибавится сюда, и мы хорошенько разберемся и посмотримъ, что̀ надо будетъ помѣстить въ томикъ и что̀ выбросить". Бумаги эти я оставилъ у себя, остальныя же, какъ ненужный хламъ, мы бросили въ ящикъ. Еслибы зналъ, гдѣ упадешь, говоритъ пословица, соломки бы подослалъ; такъ и въ этомъ случаѣ: никогда не прощу себѣ, что весь этотъ хламъ не отправилъ тогда же на кухню подъ плиту.

2 мая, къ восьми часамъ утра, пріѣхали мы въ Почтамтъ, откуда отправлялась московская маль-постъ. У меня не было никакого предчувствія, но очень было тяжело на душѣ. Пока закладывали лошадей, Лермонтовъ давалъ мнѣ различныя порученія къ В. А. Жуковскому и А. А. Краевскому, говорилъ довольно долго, но я ничего не слыхалъ. Когда онъ сѣлъ въ карету, я немного опомнился и сказалъ ему: „Извини, Мишель, я ничего не понялъ, что̀ ты говорилъ; если что̀ нужно будетъ, напиши, я все исполню".—„Какой ты еще дитя,—отвѣчалъ онъ.—Ничего, все перемелется — мука будетъ. Прощай, поцѣлуй ручки у бабушки и будь здоровъ".

Это были въ жизни его послѣднія слова ко мнѣ; въ августѣ мы получили извѣстіе о его смерти.

По возвращеніи моемъ съ бабушкой въ деревню, куда привезены были изъ Пятигорска и вещи Лермонтова, я нашелъ между ними книгу въ черномъ переплетѣ in 8°, въ которой вписаны были рукой его нѣсколько стихотвореній, послѣднихъ сочиненныхъ имъ. На первой страницѣ значилось, что книга дана Лермонтову княземъ Одоевскимъ съ тѣмъ, чтобы поэтъ возвратилъ ее исписанною; пріѣзжавшій тогда въ Петербургъ Николай Аркадьевичъ Столыпинъ, по просьбѣ моей, взялъ эту книгу съ собой для передачи князю. Впослѣдствіи, въ 1842 году, въ Кременчугѣ встрѣтился я со Львомъ Ивановичемъ Арнольди[1]) и, по просьбѣ его, оставилъ ему на нѣкоторое время связку черновыхъ стихотвореній, отобранныхъ Лермонтовымъ въ 1841 году въ Петербургѣ. Не знаю, до какой степени бумаги эти служили при прежнихъ изданіяхъ его сочиненій, въ которыхъ довольно и ошибокъ, и пропусковъ, тѣмъ не менѣе желательно, чтобы будущіе издатели свѣрили имѣющіяся у нихъ рукописи съ находящимися у названныхъ мною лицъ, которыя, вѣроятно, изъ уваженія къ памяти покойнаго поэта, въ томъ препятствовать не будутъ. Только ради Создателя, для чего же всѣ эти ученическія тетради и стихи первой юности? Если бы Лермонтовъ жилъ долго, и сочиненія его, разбросанныя по разнымъ мѣстамъ, могли

[1]) Я былъ въ то время адъютантомъ у отца его, нынѣ сенатора, тогда же начальника полевой конной артиллеріи Ивана Карловича Арнольди. *А. П. Ш. Г.*

бы доставить матеріалъ для многотомнаго собранія, — дѣло другое; должно было бы соединить въ одно мѣсто, въ хронологическомъ порядкѣ, если угодно, все, что̀ поэтомъ было *издано* или *назначено* къ посмертному изданію; въ такомъ собраніи дѣйствительно можно было бы слѣдить за развитіемъ и ходомъ дарованія поэта. Но Лермонтову, когда его убили, не было и двадцати семи лѣтъ. Талантъ его не только не успѣлъ принести зрѣлаго плода, но лишь началъ развиваться; все, что̀ можно читать съ удовольствіемъ изъ написаннаго имъ, едва ли доставитъ матеріалъ и на одинъ томъ. Зачѣмъ же прибавлять къ нему еще два, увеличивать ихъ объемъ, предлагая публикѣ творенія ниже посредственности, недостойныя славы поэта, которыя онъ самъ признавалъ такими и никогда не думалъ выпускать въ свѣтъ? Не слѣдовало.

Таково мое мнѣніе,—выражаю его откровенно. Можетъ быть, нѣкоторые изъ Аристарховъ нашей литературы и назовутъ меня отсталымъ старовѣромъ, не понимающимъ современныхъ требованій ея исторіи и критики. Пусть такъ, заранѣе покоряюсь строгому приговору; по крайней мѣрѣ читатель, зѣвая надъ *Тетрадями*, не въ правѣ будетъ пенять на Лермонтова за свою скуку.

Въ 1844 году, по выходѣ въ отставку, пришлось мнѣ поселиться на Кавказѣ, въ Пятигорскомъ округѣ, и тамъ узналъ я достовѣрныя подробности о кончинѣ Лермонтова отъ очевидцевъ, постороннихъ ему. Лѣтомъ 1841 года собралось въ Пятигорскѣ много молодежи изъ Петербурга, между ними Мартыновъ, очень красивый собой, ходившій всегда въ черкескѣ съ большимъ дагестанскимъ кинжаломъ на поясѣ. Лермонтовъ, по старой привычкѣ трунить надъ школьнымъ товарищемъ, выдумалъ ему прозванье Montagnard au grand poignard; оно бы, кажется, и ничего, но, когда часто повторяется, можетъ наскучить. 14 іюля, вечеромъ, собралось много въ домѣ Верзилиныхъ; общество было оживленное и шумное; князь С. Трубецкой игралъ на фортепьяно, Лермонтовъ сидѣлъ подлѣ дочери хозяйки дома, въ комнату вошелъ Мартыновъ. Обращаясь къ сосѣдкѣ, Лермонтовъ сказалъ: „M-lle Emilie, prenez garde, voici que s'approche le farouche montagnard". Это сказано было довольно тихо. за общимъ говоромъ нельзя было бы разслышать и въ двухъ шагахъ; но, по несчастію, князь Трубецкой въ эту самую минуту всталъ, все какъ будто по командѣ умолкло, и слова le farouche montagnard раздались по комнатѣ. Когда стали расходиться, Мартыновъ подошелъ къ Лермонтову и сказалъ ему:

— M. Lermontoff, je vous ai bien des fois prié de retenir vos plaisanteries sur mon compte, au moins devant les femmes.

— Allons donc,—отвѣчалъ Лермонтовъ,—allez-vous vous fâcher sérieusement et me provoquer?

— Oui, je vous provoque,—сказалъ Мартыновъ и вышелъ.

На другой день, пятнадцатаго, условились съѣхаться послѣ обѣда вправо отъ дороги, ведущей изъ Пятигорска въ шотландскую

колонію, у подошвы Машука; стали на двѣнадцать шаговъ. Мартыновъ выстрѣлилъ первый; пуля попала въ правый бокъ, пробила легкія и вылетѣла насквозь; Лермонтовъ былъ убитъ наповалъ.

Всѣ остальные варіанты на эту тему—однѣ небылицы, не заслуживающія упоминанія, о нихъ прежде и не слыхать было; съ какою цѣлью онѣ распускаются столько лѣтъ спустя, Богъ вѣсть; и пистолетъ, изъ котораго убитъ Лермонтовъ, находится не тамъ, гдѣ разсказываютъ, — это Кухенрейтеръ № 2 изъ пары; я его видѣлъ у Алексѣя Аркадьевича Столыпина, на стѣнѣ надъ кроватью, подлѣ портрета, снятаго живописцемъ Шведе съ убитаго уже Лермонтова.

Черезъ годъ тѣло его, въ свинцовомъ гробу, перевезено было въ Тарханы и положено около могилы матери, близъ сельской церкви въ часовнѣ, выстроенной бабушкой, гдѣ и она теперь покоится.

Давно все это прошло, но память Лермонтова дорога мнѣ до сихъ поръ; поэтому я и не возьмусь произнести сужденіе о его характерѣ, оно можетъ быть пристрастно, а я пишу не панегирикъ.

Да будетъ благосклоненъ ко мнѣ читатель и не осудитъ, если неинтересная для него личность моя такъ часто является предъ нимъ въ этомъ разсказѣ. Единственное достоинство его есть правдивость; мнѣ казалось необходимымъ, для отклоненія сомнѣній, разъяснить, почему все, о чемъ я говорилъ, могло быть мнѣ извѣстно, и назвать поименно нѣсколько лицъ, которыя могутъ обнаружить неточность, если она встрѣтится. Прошу и ихъ не взыскать, если по этой причинѣ я дозволилъ себѣ, безъ ихъ разрѣшенія, выставить въ разсказѣ моемъ имена ихъ полностью.

10 мая 1860 г.
Чембаръ.

2.

Корсаковъ.

Дѣтство Лермонтова.

Кстати о дѣтскихъ годахъ М. Ю. Лермонтова:

Авторъ вышеназванной статьи [1]), любопытствуя объ этомъ періодѣ жизни незабвеннаго поэта, обращался съ разспросами объ этомъ къ какому то старику капитану, въ молодости бывшему въ домѣ Е. А. Арсеньевой.

— Знавали Лермонтова?—спрашивалъ онъ у капитана.

— Помню-съ,—отвѣчалъ послѣдній.

[1] Рыбкинъ, „Матеріалы къ біографіи Бѣлинскаго и Л-ва", „Истор. Вѣстн.", 1881, октябрь.

— А въ домѣ его бабушки бывали въ Тарханахъ, когда поэтъ еще былъ мальчикомъ?

— Бывалъ и даже не однажды-съ. Бывъ еще молодымъ офицеромъ, лѣтъ 25, въ сообществѣ своихъ товарищей время тамъ препровождалъ...

— Значитъ, Лермонтова знавали еще съ дѣтства?

— Видалъ-съ... но мало вниманія обращалъ. Больше игра въ карты насъ занимала. Старуха Арсеньева была хлѣбосольная, добрая. Рота наша стояла недалеко, я и бывалъ-съ. Помню, какъ и учить его начинали. Отъ азбуки отбивался. Вообще былъ баловень: здоровьемъ—золотушный, жидкій мальчикъ; нянькамъ много отъ капризовъ его доставалось... Нѣженка, извѣстно-съ...

Больше этого ничего авторъ не узналъ отъ капитана.

Пополню этотъ пробѣлъ слышаннымъ мною лѣтъ 30 тому назадъ и въ то же время записаннымъ разсказомъ двоюроднаго брата Лермонтова А. М. Пожогина-Отрашкевича [1]), который по шестому году былъ взятъ въ домъ Елисаветы Алексѣевны Арсеньевой, гдѣ онъ и провелъ нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ съ ея внукомъ. Не ручаюсь за достовѣрность разсказаннаго, но Пожогинъ-Отрашкевичъ увѣрялъ меня, что онъ передаетъ только то, что рѣзко запечатлѣлось у него въ памяти и чего почти 40 лѣтъ жизни не могли унести изъ нея; все остальное, что смутно и неясно удержала память, онъ оставляетъ въ сторонѣ.

По словамъ его, когда Миша Лермонтовъ сталъ подрастать, то Е. А. Арсеньева взяла къ себѣ въ домъ для совмѣстнаго съ нимъ воспитанія маленькаго сына одного изъ своихъ сосѣдей—Д..., а скоро послѣ того и Пожогина. Всѣ три мальчика были однихъ лѣтъ: имъ было по шестому году. Они вмѣстѣ росли и вмѣстѣ начали учиться азбукѣ. Первымъ учителемъ ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дядькою, былъ старикъ французъ Жако. Послѣ онъ былъ замѣненъ другимъ учителемъ, также французомъ, вызваннымъ изъ Петербурга—Капэ. Лермонтовъ въ эту пору былъ ребенкомъ слабаго здоровья, что, впрочемъ, не мѣшало ему быть бойкимъ, рѣзвымъ и шаловливымъ. Учился онъ, вопреки словамъ Чембарскаго капитана, прилежно, имѣлъ особенную способность и охоту къ рисованію, но не любилъ сидѣть за уроками музыки. Въ немъ обнаруживался нравъ добрый, чувствительный, съ товарищами дѣтства былъ обязателенъ и услужливъ, но вмѣстѣ съ этими качествами въ немъ особенно выказывалась настойчивость. Капэ имѣлъ странность: онъ любилъ жаркое изъ молодыхъ галчатъ и старался пріучить къ этому лакомству своихъ воспитанниковъ. Несмотря на увѣренія Капэ, что галчата вещь превкусная, Лермонтовъ, назвавъ этотъ новый родъ дичи падалью, остался непоколебимъ въ своемъ отказѣ попро-

[1]) Мать Пожогина-Отрашкевича, Авдотья Петровна, была родная сестра Юрія Петровича Лермонтова.

бовать жаркое, и никакія силы не могли побѣдить его рѣшенія. Другой примѣръ его настойчивости обнаружился въ словахъ, сказанныхъ имъ товарищу своему Д. Поссорившись съ нимъ какъ то въ играхъ, Лермонтовъ принуждалъ Д. что-то сдѣлать. Д. отказывался исполнить его требованье и услыхалъ отъ Лермонтова слова: „хоть умри, но ты долженъ это сдѣлать“...

Въ свободные отъ уроковъ часы дѣти проводили время въ играхъ, между которыми Лермонтову особенно нравились будто бы тѣ, которыя имѣли военный характеръ. Такъ, въ саду у нихъ было устроено что то въ родѣ баттареи, на которую они бросались съ жаромъ, воображая, что нападаютъ на непріятеля. Охота съ ружьемъ (?), верховая ѣзда на маленькой лошадкѣ съ черкесскимъ сѣдломъ, сдѣланнымъ въ родѣ кресла, и гимнастика были также любимыми упражненіями Лермонтова. Такъ проводили они время въ Тарханахъ. Въ 1824 году Е. А. Арсеньева отправилась лѣчиться на Кавказъ и взяла съ собою внука и его двоюроднаго брата. Лермонтову было десять лѣтъ, когда онъ увидѣлъ Кавказъ. Проведя лѣто въ Пятигорскѣ, Желѣзноводскѣ и Кисловодскѣ, Арсеньева въ октябрѣ возвратилась въ Тарханы.

Въ это время Пожогинъ-Отрашкевичъ долженъ былъ оставить домъ Арсеньевой. Въ Тарханахъ ожидалъ его дядя (Юрій Петровичъ), который и увезъ его въ Москву для опредѣленія въ тамошній кадетскій корпусъ.

Лермонтовъ два года еще послѣ того жилъ въ Тарханахъ, но потомъ Арсеньева увезла его въ Москву. Мѣсто Капэ заступилъ Винсонъ. Черезъ нѣсколько времени Лермонтовъ поступилъ въ Университетскій пансіонъ [1]).

3.

И. А. Арсеньевъ.

Воспоминанія [2]).

Въ числѣ лицъ, посѣщавшихъ изрѣдка нашъ домъ, была Арсеньева, бабушка поэта Лермонтова (приходившаяся намъ сродни), которая всегда привозила къ намъ своего внука, когда пріѣзжала изъ деревни, на нѣсколько дней въ Москву. Пріѣзды эти были весьма рѣдки, но я, все-таки, помню, какъ старушка Арсеньева, обожавшая своего внука, жаловалась постоянно на него моей матери.

[1]) „Русскій Архивъ“, 1881, III, 456—458.
[2]) „Историческій Вѣстникъ“, 1887, февраль.

Дѣйствительно, судя по разсказамъ, этотъ внучекъ-баловень, пользуясь безграничною любовью своей бабушки, съ малыхъ лѣтъ уже превращался въ домашняго тирана, не хотѣлъ никого слушаться, трунилъ надъ всѣми, даже надъ самой бабушкой и пренебрегалъ наставленіями и совѣтами лицъ, заботившихся о его воспитаніи.

Одаренный отъ природы блестящими способностями и рѣдкимъ умомъ, Лермонтовъ любилъ преимущественно проявлять свой умъ, свою находчивость въ насмѣшкахъ надъ окружающею его средою и колкими, часто очень мѣткими, остротами оскорблялъ иногда людей, достойныхъ полнаго вниманія и уваженія.

Съ такимъ характеромъ, съ такими наклонностями, съ такой разнузданностью, онъ вступилъ въ жизнь и, понятно, тотчасъ же нашелъ себѣ множество враговъ.

Онъ, не думая, что говоритъ о себѣ, очень вѣрно опредѣлилъ свой характеръ въ слѣдующихъ двухъ стихахъ:

„А онъ, мятежный, ищетъ бури,
Какъ будто въ бурѣ есть покой!“

Въ характерѣ Лермонтова была еще черта далеко не привлекательная, онъ былъ завистливъ. Будучи очень некрасивъ собой, крайне неловокъ и злоязыченъ, онъ, войдя въ возрастъ юношескій, когда страсти начинаютъ разыгрываться, не могъ нравиться женщинамъ, а между тѣмъ былъ страшно влюбчивъ. Невниманіе къ нему прелестнаго пола раздражало и оскорбляло его безпредѣльное самолюбіе, что служило поводомъ съ его стороны къ безпощадному бичеванію женщинъ.

Какъ поэтъ, Лермонтовъ возвышался до геніальности, но, какъ человѣкъ, онъ былъ мелоченъ и несносенъ.

Эти недостатки и признакъ безразсуднаго упорства въ нихъ были причиною смерти геніальнаго поэта отъ выстрѣла, сдѣланнаго рукою человѣка добраго, сердечнаго, котораго Лермонтовъ довелъ своими насмѣшками и даже клеветами почти до сумасшествія.

Мартыновъ, котораго я хорошо зналъ, до конца своей жизни мучился и страдалъ отъ того, что былъ виновникомъ смерти Лермонтова, и въ годовщины этого рокового событія удалялся всегда на нѣсколько недѣль въ какой-либо изъ московскихъ монастырей на молитву и покаяніе.

Кн. Г. Г. Гагаринъ.

Кавказскіе типы Лермонтовскихъ временъ.
Типы жителей Редутъ-Кале.

4.

Е. А. Хвостова-Сушкова [1]).

Записки.

Въ Москвѣ я свела знакомство, а вскорѣ и дружбу съ Сашенькой Верещагиной [2])...

У Сашеньки встрѣчала я въ это время ея двоюроднаго брата, неуклюжаго, косолапаго мальчика лѣтъ шестнадцати или семнадцати, съ красными, но умными, выразительными глазами, со вздернутымъ носомъ и язвительно-насмѣшливой улыбкой. Онъ учился въ университетскомъ пансіонѣ, но ученыя его занятія не мѣшали ему быть почти каждый вечеръ нашимъ кавалеромъ на гуляньѣ и на вечерахъ; всѣ его называли просто Мишель, и я такъ же, какъ и всѣ, не заботясь нимало о его фамиліи. Я прозвала его своимъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ и отдавала ему на сбереженіе мою шляпу, мой зонтикъ, мои перчатки, но перчатки онъ часто затеривалъ, и я грозила отрѣшить его отъ ввѣренной ему должности.

Одинъ разъ мы сидѣли вдвоемъ съ Сашенькой въ ея кабинетѣ, какъ вдругъ она сказала мнѣ: „Какъ Лермонтовъ влюбленъ въ тебя!"

— Лермонтовъ! Да я не знаю его и, что всего лучше, въ первый разъ слышу его фамилію.

— Перестань притворяться, перестань скрытничать, ты не знаешь Лермонтова? Ты не догадалась, что онъ любитъ тебя?

— Право, Сашенька, ничего не знаю и въ глаза никогда не видала его, ни на яву, ни во снѣ.

— Мишель, — закричала она, — поди сюда, покажись, Catherine утверждаетъ, что она тебя еще не разсмотрѣла, иди же скорѣе къ намъ.

— Васъ я знаю, Мишель, и знаю довольно, чтобъ долго помнить васъ,—сказала я вспыхнувшему отъ досады Лермонтову, но мнѣ ни разу не случилось слышать вашу фамилію, вотъ моя единственная вина, я считала васъ, по бабушкѣ, Арсеньевымъ.

— А его вина,—подхватила немилосердно Сашенька, —это красть перчатки петербургскихъ модницъ, вздыхать по нихъ, а онѣ даже и не позаботятся освѣдомиться объ его имени.

Мишель разсердился и на нее, и на меня и опрометью побѣжалъ домой (онъ жилъ почти противъ Сашеньки); какъ мы его ни звали, какъ ни кричали ему въ окно:

Revenez donc, tantôt
Vous aurez du bonbon,

[1]) Спб., 1870.

[2]) Нынѣ замужемъ за барономъ Гюгелемъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ въ королевствѣ Вюртембергскомъ.

но онъ не возвращался. Прошло нѣсколько дней, а о Мишелѣ ни слуху, ни духу; я о немъ не спрашивала, мнѣ о немъ ничего не говорила Сашенька, да и я не любопытствовала разузнавать, дуется ли онъ на меня, или нѣтъ...

Вчужѣ отрадно было видѣть, какъ старушка Арсеньева боготворила внука своего Лермонтова; бѣдная, она пережила всѣхъ своихъ, и одинъ Мишель остался ей утѣшеніемъ и подпорой на старость; она жила имъ однимъ и для исполненія его прихотей; не нахвалится, бывало, имъ, не налюбуется на него; бабушка (мы всѣ ее такъ звали) любила очень меня, я предсказывала ей великаго человѣка въ косолапомъ и умномъ мальчикѣ.

Сашенька и я, точно мы обращались съ Лермонтовымъ, какъ съ мальчикомъ, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращеніе бѣсило его до крайности, онъ домогался попасть въ юноши въ нашихъ глазахъ, декламировалъ намъ Пушкина, Ламартина и былъ неразлученъ съ огромнымъ Байрономъ. Бродитъ, бывало, по тѣнистымъ аллеямъ и притворяется углубленнымъ въ размышленія, хотя ни малѣйшее наше движеніе не ускользало отъ его зоркаго взгляда. Какъ любилъ онъ подъ вечерокъ пускаться съ нами въ самыя сантиментальныя сужденія! А мы, чтобъ подразнить его, въ отвѣтъ подадимъ ему воланъ или веревочку, увѣряя его, что по его лѣтамъ ему свойственнѣе прыгать и скакать, чѣмъ прикидываться непонятымъ и неоцѣненнымъ снимкомъ съ первѣйшихъ поэтовъ.

Еще очень подсмѣивались мы надъ нимъ въ томъ, что онъ не только былъ неразборчивъ въ пищѣ, но никогда не зналъ, что ѣлъ, телятину или свинину, дичь или барашка; мы говорили, что, пожалуй, онъ со-временемъ, какъ Сатурнъ, будетъ глотать булыжникъ. Наши насмѣшки выводили его изъ терпѣнія, онъ споривалъ съ нами почти до слезъ, стараясь убѣдить насъ въ утонченности своего гастрономическаго вкуса; мы побились объ закладъ, что уличимъ его въ противномъ на дѣлѣ. И въ тотъ же самый день, послѣ долгой прогулки верхомъ, велѣли мы напечь къ чаю булочекъ съ опилками! И что же? Мы вернулись домой утомленные, разгоряченные, голодные, съ жадностью принялись за чай, а нашъ-то гастрономъ Мишель, не поморщась, проглотилъ одну булочку, принялся за другую и уже придвинулъ къ себѣ и третью, но Сашенька и я, мы остановили его за руку, показывая въ то же время на неудобоваримую для желудка начинку. Тутъ не на шутку взбѣсился онъ, убѣжалъ отъ насъ и не только не говорилъ съ нами ни слова, но даже и не показывался нѣсколько дней, притворившись больнымъ...

Изо всѣхъ поступковъ Лермонтова видно, какъ голова его была набита романическими идеями и какъ рано было развито въ немъ желаніе попасть въ герои и губители сердецъ. Да и я, нечего лукавить, стала его бояться, стала скрывать отъ Сашеньки его стихи и блаженствовала, когда мнѣ удавалось ее обмануть.

Е. А. Хвостова-Сушкова.

Въ то время былъ публичный экзаменъ въ университетскомъ пансіонѣ. Мишель за сочиненія и успѣхи въ исторіи получилъ первый призъ; весело было смотрѣть, какъ онъ былъ счастливъ, какъ торжествовалъ. Зная его чрезмѣрное самолюбіе, я ликовала за него. Смолоду его грызла мысль, что онъ дуренъ, не складенъ, не знатнаго происхожденія, и въ минуты увлеченія онъ признавался мнѣ не разъ, какъ бы хотѣлось ему попасть въ люди, а главное, никому въ этомъ не быть обязану, кромѣ самого себя. Мечты его уже начали сбываться, долго, очень долго будетъ его имя жить въ русской литературѣ—и до гроба въ сердцахъ многихъ его поклонницъ...

Я не видала Лермонтова съ 30-го года; онъ почти не перемѣнился въ эти четыре года, возмужалъ немного, но не выросъ и не похорошѣлъ и почти все такой же былъ неловкій и неуклюжій, но глаза его смотрѣли съ большею увѣренностью, нельзя было не смутиться, когда онъ устремлялъ ихъ съ какой то неподвижностью.

— Меня только недавно произвели въ офицеры,—сказалъ онъ;—я поспѣшилъ похвастаться передъ вами моимъ гусарскимъ мундиромъ

и моими эполетами; они даютъ мнѣ право танцовать съ вами мазурку; видите ли, какъ я злопамятенъ, я не забылъ косого конно-гвардейца, оттого въ юнкерскомъ мундирѣ я избѣгалъ случая встрѣчать васъ; помню, какъ жестоко вы обращались со мной, когда я носилъ студенческую курточку.

— А ваша злопамятность и теперь доказываетъ, что вы сущій ребенокъ; но вы ошиблись, теперь и безъ вашихъ эполетъ я бы пошла танцовать съ вами.

— По зрѣлости моего ума?

— Нѣтъ, это въ сторону; во-первыхъ, я въ Петербургѣ не могу выбирать кавалеровъ, а, во-вторыхъ, я перемѣнилась во многомъ.

— И этому причина любовь?

— Да я и сама не знаю; скорѣе, мнѣ кажется, непростительное равнодушіе ко всему и ко всѣмъ.

— Къ окружающимъ—я думаю; къ отсутствующимъ—позвольте не вѣрить вамъ.

— Браво, monsieur Michel, вы, кажется, заочно меня изучали; смотрите, легко ошибиться.

— Тѣмъ лучше; посмотрите, изучилъ ли я васъ или нѣтъ, но вы точно перемѣнились; вы какъ будто находитесь подъ вліяніемъ чьей-то власти, какъ будто на васъ тяготѣетъ какая то обязанность, отвѣтственность, правда ли?

— Нѣтъ, пустяки,—оставимте настоящее и будущее, давайте вспоминать.

Тутъ мы стали болтать о Сашенькѣ, о Средниковѣ, о Троицкой лаврѣ,—много смѣялись, но я не могла рѣшиться замолвить первая о Л—хинѣ (Лопухинѣ) [1]).

Раздалась мазурка; едва мы усѣлись, какъ Лермонтовъ сказалъ мнѣ, смотря прямо мнѣ въ глаза:

— Знаете ли, на-дняхъ сюда пріѣдетъ Л—хинъ.

Для избѣжанія утвердительнаго отвѣта я спросила:

— Такъ вы скоро его ждете?

Я чувствовала, какъ я краснѣла отъ этого имени, отъ своего непонятнаго притворства, а главное, отъ испытующихъ взоровъ Мишеля.

— Какъ хорошо, какъ звучно называться Madame de L—ne,—продолжалъ Мишель,—не правда ли? Согласились бы вы принять это имя?

— Я соглашусь въ томъ, что есть много именъ лучше этого,—отвѣчала я отрывисто, раздосадованная на Л—хина, котораго я упрекала въ измѣнѣ: отъ меня требовалъ молчанія, а самъ, безъ моего согласія, повѣрилъ нашу тайну своимъ друзьямъ, а, можетъ быть, и хвастается вліяніемъ своимъ на меня. Не помню теперь слово въ слово разговоръ мой съ Лермонтовымъ, но помню только, что я убѣ-

[1]) За котораго хотѣла выйти Сушкова. Интрига Л—ва была, главнымъ образомъ, направлена противъ этого брака. *В. К.*

дилась въ томъ, что ему все было извѣстно, и что онъ въ безпрерывной перепискѣ съ Л—хинымъ; онъ распространялся о добротѣ его сердца, о ничтожности его ума, а болѣе всего напиралъ, съ колкостью, о его богатствѣ.

Лиза [1]) и я, мы сказали Лермонтову, что у насъ 6-го будутъ танцовать, и онъ намъ рѣшительно объявилъ, что пріѣдетъ къ намъ.

— Возможно ли,—вскричали мы въ одинъ голосъ:—вы не знаете ни дядей, ни тетокъ?

— Что за дѣло! Я пріѣду къ вамъ.

— Да мы не можемъ принять васъ, мы не принимаемъ никого!

— Пріѣду пораньше, велю доложить вамъ, вы меня и представите.

Мы были и испуганы и удивлены его удальствомъ, но, зная его коротко, ожидали отъ него такого необдуманнаго поступка.

Мы начали ему представлять строгость тетокъ, и сколько онъ намъ навлечетъ непріятныхъ хлопотъ.

— Во что бы то ни стало,—повторилъ онъ,—я непремѣнно буду у васъ послѣзавтра.

Возвратясь домой, мы много разсуждали съ сестрой о Лермонтовѣ, о Л—хинѣ и очень безпокоились, какъ сойдетъ намъ съ рукъ безразсудное посѣщеніе Лермонтова.

Наконецъ, наступилъ страшный день 6-го декабря.

Съ утра у насъ была толпа поздравителей; къ обѣду собралось человѣкъ сорокъ, всѣ родные, вся канцелярія и нѣкоторые изъ несносныхъ нашихъ обожателей; по какому то предчувствію я отказала всѣмъ первую кадриль и мазурку, не говоря да и не зная навѣрное, съ кѣмъ придется ихъ танцовать; впрочемъ, лучшіе кавалеры должны были пріѣхать позднѣе, и я могла всегда выбрать одного изъ нихъ.

Не позже семи часовъ лакей пришелъ доложить сестрѣ и мнѣ, что какой то маленькій офицеръ проситъ насъ обѣихъ выйти къ нему въ лакейскую.

— Что за вздоръ,—вскричали мы въ одинъ голосъ: какъ это можетъ быть!

— Право, сударыня, какой то маленькій гусаръ спрашиваетъ, здѣсь ли живутъ Екатерина Александровна и Елизавета Александровна Сушковы.

— Поди, спроси его имя.

Лакей возвратился и объявилъ, что Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ пріѣхалъ къ дѣвицамъ С—мъ.

— А, теперь я понимаю,—сказала я;—онъ у меня спрашивалъ адресъ брата Дмитрія и, вѣроятно, отыскиваетъ его.

Братъ Дмитрій пригодился намъ и могъ доставить истинное удовольствіе, представивъ въ нашъ домъ умнаго танцора, остраго разсказчика и, сверхъ всего, моего милаго поэта. Мы съ сестрой увѣ-

[1]) Сестра Сушковой, по мужу Ладыженская. *В. К.*

рили его, что бывшій его товарищъ по университетскому пансіону къ нему пріѣхалъ, и дали ему мысль представить его Марьѣ Васильевнѣ [1]). Онъ такъ и сдѣлалъ; все обошлось какъ нельзя лучше.

Я отъ души смѣялась съ Лермонтовымъ.

Лермонтовъ самъ удивился, какъ все складно устроилось, а я просто не приходила въ себя отъ удивленія къ своей находчивости.

— Видите ли, сказалъ онъ мнѣ,—какъ легко достигнуть того, чего пламенно желаешь!

— Я бы не тратила свои пламенныя желанія для одного танцовальнаго вечера больше или меньше въ зиму.

— Тутъ не о лишнемъ вечерѣ идетъ дѣло; я сдѣлалъ первый шагъ въ ваше общество, и этого много для меня. Помните, я еще въ Москвѣ вамъ говорилъ объ этой мечтѣ, теперь только осуществившейся.

Онъ позвалъ меня на два сбереженные для него танца и былъ очень веселъ и милъ со всѣми, даже ни надъ кѣмъ не посмѣялся. Во время мазурки онъ началъ мнѣ говорить о скоромъ своемъ отъѣздѣ въ Москву.

— И скоро вы ѣдете?

— Къ праздникамъ или тотчасъ послѣ праздниковъ.

— Я вамъ завидую, вы увидите Сашеньку!

— Я бы вамъ охотно уступилъ это счастье, особенно вамъ, а не другому. Я ѣду не для удовольствія: меня тоже зависть гонитъ отсюда; я не хочу, я не могу быть свидѣтелемъ счастія другого, видѣть, что богатство доставляетъ все своимъ избраннымъ; богатому лишнее имѣть умъ, душу, сердце, его и безъ этихъ прилагательныхъ полюбятъ, оцѣнятъ; для него не замѣтятъ искренней любви бѣдняка, а если и замѣтятъ, то прикинутся недогадливыми; не правда ли, это часто случается?

— Я не знаю, я никогда не была въ такомъ положеніи; по моему мнѣнію, одно богатство безъ личныхъ достоинствъ ничего не значитъ.

— Поэтому, позвольте васъ спросить, что же вы нашли въ Л—хинѣ?

— Я говорю вообще и не допускаю личностей.

— А я прямо говорю о немъ.

— О, если такъ,—сказала я, стараясь выказать какъ можно больше одушевленія,—такъ мнѣ кажется, что Л—хинъ имѣетъ все, чтобы быть истинно любимымъ и безъ его богатства: онъ такъ добръ, такъ внимателенъ, такъ чистосердеченъ, такъ безкорыстенъ, что въ любви и въ дружбѣ можно положиться на него.

— А я увѣренъ, что если бы отняли у него принадлежащія ему пять тысячъ душъ, то вы бы первая и не взглянули на него.

— Могу васъ увѣрить, я не знала, богатъ или бѣденъ онъ, когда познакомилась съ нимъ въ Москвѣ, и долго спустя узнала, какъ

[1]) Теткѣ автора. *В. К.*

отецъ его поступилъ благородно съ сестрой своей и, по неотступной просьбѣ Л—хина, уступилъ ей половину имѣнія, а такіе примѣры рѣдки. Теперь я знаю, что онъ богатъ, но это не увеличило ни на волосъ моего хорошаго мнѣнія о немъ; для меня богатство для человѣка все равно, что роскошный переплетъ для книги: глупой не придастъ занимательности, хорошей не придастъ цѣны и своей мишурной позолотой.

— И вы всегда такъ думали?

— Всегда, и нѣсколько разъ доказывала это на дѣлѣ.

— Такъ ваше мнѣніе о Л—хинѣ?

— Самое лестное и непоколебимое.

— Да я зналъ и прежде, что вы въ Москвѣ очень благоволили къ нему, а онъ то совсѣмъ растаялъ; я знаю все, помните ли вы Нескучное, превратившееся безъ васъ въ Скучное, букетъ изъ незабудокъ, страстные стихи въ альбомѣ; да, я все тогда же зналъ и теперь знаю, съ какими надеждами онъ сюда ѣдетъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ чернокнижникъ, но истощаете свое дарованіе на пустяки.

— О, если бы я былъ точно чернокнижникъ! Но я просто другъ Л—хина, и у него нѣтъ отъ меня ни одной скрытой мысли, ни одного задушевнаго желанія.

Мнѣ еще досаднѣе стало на Л—хина, зачѣмъ поставилъ онъ меня въ фальшивое положеніе передъ Мишелемъ, разболтавъ ему всѣ эти пустяки и наши планы на будущее.

Между тѣмъ мазурка кончилась: въ ожиданіи ужина Яковлевъ пѣлъ разные романсы и восхищалъ всѣхъ своимъ пріятнымъ голосомъ и чудной методой.

Когда онъ запѣлъ:

Я васъ любилъ, любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей погасла не совсѣмъ,—

Мишель шепнулъ мнѣ, что эти слова выражаютъ ясно его чувства въ настоящую минуту.

Но пусть она васъ больше не тревожитъ,
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.

— О нѣтъ,—продолжалъ Лермонтовъ вполголоса,—пускай тревожитъ, это—вѣрнѣйшее средство не быть забыту.

Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То радостью, то робостью томимъ,—

— Я не понимаю робости и безмолвія,—шепталъ онъ,—а безнадежность предоставляю женщинамъ.

Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ!

Это совсѣмъ надо перемѣнить: естественно ли желать счастія любимой женщинѣ, да еще съ другимъ? Нѣтъ, пусть она будетъ несчастлива; я такъ понимаю любовь, что предпочелъ бы ея любовь— ея счастію: несчастлива черезъ меня, это бы связало ее навѣкъ со мною! А вѣдь такія мелкія, сладкія натуры, какъ Л—хинъ, чего добраго, и пожелали бы счастія своимъ предметамъ! А все-таки жаль, что я не написалъ эти стихи, только я бы ихъ немного измѣнилъ. Впрочемъ, у Баратынскаго есть пьеса, которая мнѣ еще больше нравится, она еще вѣрнѣе обрисовываетъ мое прошедшее и настоящее,—и онъ началъ декламировать:

Нѣтъ, обманула васъ молва,
По-прежнему я занятъ вами,
И надо мной свои права
Вы не утратили съ годами.
Другимъ курилъ я ѳиміамъ,
Но васъ носилъ въ святынѣ сердца,
Другимъ молился божествамъ,
Но съ безпокойствомъ старовѣрца!

— Вамъ, Михаилъ Юрьевичъ, нечего завидовать этимъ стихамъ, вы еще лучше выразились:

Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все Богъ!

— Вы помните мои стихи, вы сохранили ихъ? Ради Бога, отдайте мнѣ ихъ; я нѣкоторые забылъ, я передѣлаю ихъ получше и вамъ же посвящу.

— Нѣтъ, ни за что не отдамъ, я ихъ предпочитаю, какими они есть, съ ихъ ошибками, но съ свѣжестью чувства: они точно не полны, но если вы ихъ передѣлаете, они утратятъ свою неподдѣльность, оттого то я и дорожу вашими первыми опытами.

Онъ настаивалъ, я защищала свое добро—и отстояла.

На другой день вечеромъ мы сидѣли съ Лизой въ маленькой гостиной, и какъ обыкновенно случается послѣ двухъ баловъ сряду, въ неглиже, усталыя, полусонныя, и лѣниво читали вновь вышедшій романъ г-жи Дебордъ-Вальморъ: „l'Atelier d'un peintre". Марья Васильевна по обыкновенію играла въ карты въ большой пріемной, какъ вдругъ раздался шумъ сабли и шпоръ.

— Вѣрно, Лермонтовъ,—проговорила Лиза.

— Что за вздоръ,—отвѣчала я,—съ какой стати?

Тутъ раздались слова тетки: „мои племянницы въ той комнатѣ", и передъ нами вдругъ явился Лермонтовъ. Я оцѣпенѣла отъ удивленія.

— Какъ это можно,—вскрикнула я,—два дня сряду! и прежде никогда не бывали у насъ, какъ это вамъ не отказали! сегодня у насъ принимаютъ только самыхъ короткихъ.

— Да мнѣ и отказали, но я настойчивъ.

— Какъ же васъ приняла тетка?

— Какъ видите, очень хорошо, нельзя лучше, потому что допустила до васъ.

— Это просто сумасбродство, monsieur Michel, s'est absurde. Вы еще не имѣете ни малѣйшаго понятія о свѣтскихъ приличіяхъ.

Не долго я сердилась; онъ меня заговорилъ, развеселилъ, разсмѣшилъ разными разсказами. Потомъ мы пустились разсуждать о новомъ романѣ, и, по просьбѣ его, я ему дала прочитать съ уговоромъ, чтобъ онъ написалъ свои замѣчанія на тѣ мѣста, которыя мнѣ больше нравились и которыя, по Онѣгинской дурной привычкѣ, я отмѣчала карандашомъ или ногтемъ; онъ обѣщалъ исполнить уговоръ и взялъ книги.

Онъ предложилъ намъ гадать на карты и, по праву чернокнижника, предсказать намъ будущность. Не мудрено было ему наговорить мнѣ много правды о настоящемъ; до будущаго онъ не касался, говоря, что для этого нужны разныя приготовленія.

— Но по рукѣ я еще лучше гадаю,—сказалъ онъ:—дайте мнѣ вашу руку и увидите.

Я протянула ее и онъ серьезно и внимательно сталъ разсматривать всѣ черты на ладони, но молчалъ.

— Ну, что же?—спросила я.

— Эта рука обѣщаетъ много счастія тому, кто будетъ ею обладать и цѣловать ее, и потому я первый воспользуюсь. — Тутъ онъ съ жаромъ поцѣловалъ и пожалъ ее.

Я выдернула руку, сконфузилась, раскраснѣлась и убѣжала въ другую комнату. Что это былъ за поцѣлуй! Если я проживу и сто лѣтъ, то и тогда я не позабуду его; лишь только я теперь подумаю о немъ, то, кажется, такъ и чувствую прикосновеніе его жаркихъ губъ; это воспоминаніе и теперь еще волнуетъ меня, но въ ту самую минуту со мной сдѣлался мгновенный, непостижимый переворотъ; сердце забилось, кровь такъ и переливалась съ быстротой, я чувствовала трепетаніе всякой жилки, душа ликовала.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ досадно было на Мишеля: я такъ была проникнута моими обязанностями къ Л—хину, что считала и этотъ невинный поцѣлуй измѣной съ моей стороны и вѣроломствомъ съ его.

Я была серьезна, задумчива, разсѣяна въ продолженіе всего вечера, но непомѣрно счастлива! Мнѣ все представлялось въ радужномъ сіяніи.

Всю ночь я не спала, думала о Л—хинѣ, но еще болѣе о Мишелѣ; признаться ли, я цѣловала свою руку, сжимала ее и на другой день чуть не со слезами умыла ее: я боялась сгладить поцѣлуй, —нѣтъ! онъ остался въ памяти и въ сердцѣ, надолго, навсегда! Какъ хорошо, что воспоминаніе никто не можетъ похитить у насъ: оно одно остается намъ вѣрнымъ и всемогуществомъ своимъ воскрешаетъ прошедшее съ тѣми же чувствами, съ тѣми же ощущеніями.

съ тѣмъ же пыломъ, какъ и въ молодости. Да! я думаю, что и въ старости воспоминаніе остается молодымъ!

Во время безсонницы своей я стала сравнивать Л—хина съ Лермонтовымъ; къ чему говорить, на чьей сторонѣ былъ перевѣсъ. Всѣ нападки Мишеля на умъ Л—хина, на его ничтожество въ обществѣ,—все, выключая его богатства, было уже для меня доступно и даже казалось довольно основательнымъ; его же довѣріе къ нему непростительно глупымъ и смѣшнымъ. Поэтому я уже недалеко была отъ измѣны. Но еще совершенно не понимала состоянія моего сердца.

Въ среду мы поѣхали на балъ къ извѣстному адмиралу Шишкову; у него были положенные дни. Грустно было смотрѣть на бѣднаго старика, доживающаго свой вѣкъ! Онъ былъ очень добръ, и ему доставляло удовольствіе окружать себя веселящеюся молодежью; онъ, бывало, со многими изъ насъ поговоритъ и часто спрашивалъ: на мѣстѣ ли еще ретивое? У него были часто онѣмѣнія головы, и тогда онъ тутъ же въ залѣ ложился на диванѣ, и какая то женщина растирала ему виски и темя; всѣ ее звали чесалкой,—она, какъ тѣнь, слѣдила за Александромъ Семеновичемъ, который едва передвигалъ ноги. Я любила ѣздить къ Шишкову и говорить съ нимъ; меня трогали его доброта и гостепріимство. Онъ иногда шутилъ со мной и говорилъ, что чувствуетъ, какъ молодѣетъ, глядя на меня.

Мишель взялъ у меня списокъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ, чтобы со-временемъ постараться познакомиться съ ними. Я не воображала, чтобы онъ умѣлъ такъ скоро распорядиться, и очень удивилась, найдя его разговаривающимъ съ былой знаменитостью. Я чувствовала, что Мишель пріѣхалъ для меня; эта увѣренность заставила меня улыбнуться и покраснѣть.

Но я еще больше раскраснѣлась, когда Александръ Семеновичъ Шишковъ сказалъ мнѣ: „что, птичка, ретивое еще на мѣстѣ? смотри, держи обѣими руками; посмотри, какіе у меня сегодня славные новички". И онъ сталъ меня знакомить съ Лермонтовымъ, я такъ растерялась, что очень низко присѣла ему,—тутъ мы оба расхохотались и полетѣли вальсировать.

Надобно ли говорить, что мы почти всѣ танцы вмѣстѣ танцовали.

— Вы грустны сегодня,—сказала я ему, видя, что онъ безпрестанно задумывается.

— Не грустенъ, но золъ,—отвѣчалъ онъ:—золъ на судьбу, золъ на людей, а, главное, золъ на васъ.

— На меня? чѣмъ я провинилась?

— Тѣмъ, что вы губите себя; тѣмъ, что вы не цѣните себя; вы олицетворенная мечта поэта, съ пылкой душой, съ возвышеннымъ умомъ,—и вы заразились свѣтомъ! И вамъ необходимы поклонники, блескъ, шумъ, суета, богатство, и для этой мишуры вы затаиваете, заглушаете ваши лучшія чувства, приносите ихъ въ

жертву человѣку, неспособному васъ понять, вамъ сочувствовать,— человѣку, котораго вы не любите и никогда не можете полюбить.

— Я васъ не понимаю, Михаилъ Юрьевичъ; какое право имѣете вы все это говорить; знайте разъ навсегда, я не люблю ни проповѣдей, ни проповѣдниковъ.

— Нѣтъ, вы меня понимаете и очень хорошо. Но извольте, я выражусь просто: послѣзавтра пріѣзжаетъ Л—хинъ; принадлежащія ему пять тысячъ душъ дѣлаютъ его самоувѣреннымъ, да въ чемъ же ему и сомнѣваться? Первый его намекъ поняли, онъ ѣдетъ не побѣжденнымъ, а побѣдителемъ; увижу, придастъ ли ему хоть эта увѣренность ума, а я такъ думаю и, признаюсь, желаю, чтобъ онъ потерялъ и то, чего никогда не имѣлъ;—то-то я поторжествую!

— Я думаю тоже, что ему нечего терять.

— Какъ? что вы сказали?

— Не вы же одни имѣете право говорить загадками.

— Нѣтъ, я не говорю загадками, но просто спрошу васъ: зачѣмъ вы идете за него замужъ: вѣдь вы его не любите?

— Я иду за него? вскричала я почти съ ужасомъ: о, это еще не рѣшено! Я вижу, что вы все знаете, но не знаю, какъ вамъ передали это обстоятельство. Такъ и быть, я сама вамъ все разскажу. Признаюсь, я сердита на Л—хина: чѣмъ онъ хвастается, въ чемъ такъ увѣренъ? Сашенька мнѣ писала по его просьбѣ, что если сердце мое узнаетъ и назоветъ того, кто безпрестанно думаетъ обо мнѣ, краснѣетъ при одномъ моемъ имени; что если я напишу ей, что угадала его имя, то онъ пріѣдетъ въ Петербургъ и будетъ просить моей руки,—вотъ и весь романъ; кто знаетъ, какая еще будетъ развязка? Да, я рѣшаюсь выйти за него безъ сильной любви, но съ увѣренностью, что буду счастлива съ нимъ, онъ такъ добръ, благороденъ, не глупъ, любитъ меня, а дома я такъ несчастлива. Я такъ хочу быть любимой!

— Боже мой! еслибы вы только хотѣли догадаться, какъ васъ любятъ! Еслибы хотѣли только понять, съ какой пылкостью, съ какой покорностью, съ какимъ неистовствомъ васъ любитъ одинъ молодой человѣкъ моихъ лѣтъ.

— Я знаю, что вы опять говорите о Л—хинѣ; я именно и ввѣряю ему свою судьбу, потому что увѣрена въ его любви, потому что я первая его страсть.

— Вотъ прекрасно, вы думаете, что я хлопочу за Л—хина?

— Если не о немъ, такъ о комъ же вы говорите?

— Положимъ, что и о немъ. Но отвѣчайте мнѣ прежде на одинъ мой вопросъ: скажите, еслибы васъ въ одно время любили два молодые человѣка, одинъ — пускай, это будетъ Л—хинъ, онъ богатъ, счастливъ, все ему улыбается, все передъ нимъ преклоняется, все ему доступно, единственно потому только, что онъ богатъ! Другой же молодой человѣкъ далеко не богатъ, не знатенъ, не хорошъ собой, но уменъ, но пылокъ, воспріимчивъ и глубоко

несчастливъ; онъ стоитъ на краю пропасти, потому что никому и ни во что не вѣритъ, не знаетъ, что такое взаимность, что такое ласка матери, дружба сестры,—и еслибы этотъ бѣднякъ рѣшился обратиться къ вамъ и сказать вамъ: спаси меня, я тебя боготворю, ты сдѣлаешь изъ меня великаго человѣка, полюби меня, и я буду вѣрить въ Бога, ты одна можешь спасти мою душу. Скажите, что бы вы сдѣлали?

— Я надѣюсь не быть никогда въ такомъ затруднительномъ положенiи; судьба моя уже почти рѣшена, я любима и сама буду любить.

— Будете любить! пошлое выраженiе, впрочемъ, доступное женщинамъ; любовь по приказанiю, по долгу! желаю вамъ полнаго успѣха, но мнѣ что то не вѣрится, чтобъ вы полюбили Л—хина; да этого и не будетъ!

Возвратясь домой, я еще больше негодовала на Л—хина: вѣдь это его необдуманная откровенность навлекла мнѣ такiе неловкiе разговоры съ Лермонтовымъ, сблизила меня съ нимъ.

Проучу же я его, помучаю, раздумывала я. Понятно, что я хотя безсознательно, но уже дѣйствовала, думала и руководствовалась внушеньями Мишеля. А между тѣмъ всѣ мои помышленiя были для Лермонтова. Я вспоминала малѣйшее его слово, вездѣ видѣла его жгучiе глаза, поцѣлуй его все еще звучалъ въ ушахъ и раздавался въ сердцѣ, но я не признавалась себѣ, что люблю его. Прiѣдетъ Л—хинъ, разсуждала я сама съ собой, и все пойдетъ иначе; онъ любитъ меня, хотя и безъ волненiя, но глубоко; участiе его успокоитъ меня, разгонитъ мои сомнѣнiя, я ему разскажу подробно все, что мнѣ говорилъ Лермонтовъ; я не должна ничего отъ него скрывать. Такъ думала я, такъ хотѣла поступать, но вышло иначе.

Вечеромъ прiѣхалъ къ намъ Мишель, разстроенный, блѣдный; улучилъ минуту увѣдомить меня, что Л—хинъ прiѣхалъ, что онъ ревнуетъ, что встрѣча ихъ была, какъ встрѣча двухъ враговъ, и что Л—хинъ намекнулъ ему, что онъ знаетъ ухаживанiе за мной и что онъ не прочь и отъ дуэли, даже и съ роднымъ братомъ, еслибы тотъ задумалъ быть его соперникомъ.

— Видите ли,—продолжалъ Лермонтовъ,—если любовь его къ вамъ не придала ему ума, то по крайней мѣрѣ придала ему догадливости; онъ еще не видалъ меня съ вами, а уже знаетъ, что я васъ люблю; да, я васъ люблю, повторилъ онъ съ какимъ то дикимъ выраженiемъ, и намъ съ Л—хинымъ тѣсно вдвоемъ на землѣ!

Мишель,—вскричала я внѣ себя,—что же мнѣ дѣлать?

— Любить меня.

— Но Л—хинъ, но письмо мое, оно равняется согласiю.

— Если не вы рѣшите, такъ предоставьте судьбѣ или, правильнѣе сказать, пистолету.

— Неужели нѣтъ исхода? Помогите мнѣ, я все сдѣлаю, но только откажитесь отъ дуэли, только живите оба, я уѣду въ Пензу къ дѣдушкѣ, и вы оба меня скоро забудете.

— Послушайте; завтра прiѣдетъ къ вамъ Л—хинъ, лучше не говорите ему ни слова обо мнѣ, если онъ самъ не начнетъ этого разговора; примите его непринужденно, ничего не говорите роднымъ о его предложенiи; увидя васъ, онъ самъ догадается, что вы перемѣнились къ нему.

— Я не перемѣнилась, я все та же, и все люблю и уважаю его.

— Уважаете! это не любовь; я люблю васъ, да и вы меня любите, или это будетъ непремѣнно; бойтесь меня, я на все способенъ и никому васъ не уступлю, я хочу вашей любви. Будьте осторожны: двѣ жизни въ вашихъ рукахъ!

Онъ уѣхалъ, я осталась одна съ самыми грустными мыслями, съ самыми черными предчувствiями.

Мнѣ все казалось, что Мишель лежитъ передо мной въ крови, раненый, умирающiй; я старалась въ воображенiи моемъ замѣнить его трупъ трупомъ Л—хина; это мнѣ не удавалось, и, несмотря на мои старанiя, Л—хинъ являлся предо мной бѣленькимъ, розовымъ, съ свѣтлымъ взоромъ, съ самодовольной улыбкой, я жмурила глаза, но обѣ эти картины не измѣнялись, не исчезали. Совѣсть уже мучила меня за Л—хина; сердце билось, замирало, жило однимъ только Лермонтовымъ.

На другой день, часовъ въ двѣнадцать, прiѣхалъ къ намъ Л—хинъ; это первое свиданiе было принужденно, тетка не отходила отъ насъ; она очень холодно и свысока приняла Л—хина, но по просьбѣ дяди Николая Васильевича[1]) пригласила его въ тотъ же день къ себѣ обѣдать. Дядя желалъ отъ души, чтобъ я вышла замужъ за Л—хина, и лишь только онъ уѣхалъ, онъ началъ мнѣ толковать о всѣхъ выгодахъ такой партiи, но и тутъ я ни въ чемъ не призналась ему; какъ ни добивался онъ откровенности, но на этотъ разъ я дѣйствовала уже по разсчету. Съ первыхъ моихъ словъ онъ бы выгналъ Лермонтова, все бы высказалъ Л—хину и устроилъ бы нашу свадьбу. А мнѣ уже казалось невозможнымъ отказаться отъ счастья видѣть Мишеля, говорить съ нимъ, танцовать съ нимъ.

За обѣдомъ Л—хинъ сидѣлъ подлѣ меня; онъ былъ веселѣе, чѣмъ утромъ, говорилъ только со мною, вспоминалъ наше московское житье до малѣйшей подробности, освѣдомлялся о моихъ выѣздахъ, о моихъ занятiяхъ, о моихъ подругахъ.

Мнѣ было неловко съ нимъ. Я все боялась, что онъ вотъ сейчасъ заговоритъ о Мишелѣ; я сознавалась, что очень виновата передъ нимъ, разсудокъ говорилъ мнѣ: „съ нимъ ты будешь счастлива", а сердце вступалось за Лермонтова и шептало мнѣ: „тотъ больше меня любитъ". Мы ушли въ мой кабинетъ, Л—хинъ тотчасъ же спросилъ меня:

— Помните ли, что вы писали Сашенькѣ въ отвѣтъ на ея письмо?

[1]) Сушкова.

— Конечно,—отвѣчала я,—это было такъ недавно.

— А еслибы давно, то вы бы забыли или перемѣнились?

— Не знаю и не понимаю, къ чему ведетъ этотъ допросъ.

— Могу ли я объясниться съ вашими родными?

— Ради Бога подождите,—сказала я съ живостью.

— Зачѣмъ же ждать, если вы согласны?

— Все лучше; постарайтесь понравиться Марьѣ Васильевнѣ, играйте съ ней въ вистъ и потомъ...

— Неужели она можетъ имѣть на васъ вліяніе? Я стараюсь нравиться только вамъ, я васъ люблю болѣе жизни и клянусь все сдѣлать для вашего счастья, лишь бы вы меня немного любили.

Я заплакала и готова была тутъ же высказать все Л—хину, упрекнуть его въ неограниченно-неумѣстномъ довѣріи къ Лермонтову, сообщить ему всѣ наши разговоры, всѣ его увѣренія, просить его совѣта, его помощи. Едва я вымолвила первыя слова, какъ дядя Николай Сергѣевичъ пришелъ, предложилъ ему сигару и увелъ въ свой кабинетъ. Четверть часа прошло, а съ нимъ и мое благое намѣреніе; мнѣ опять представился Лермонтовъ съ своими угрозами и вооруженнымъ пистолетомъ. Л—хинъ былъ очень веселъ, усѣлся за вистъ съ Марьей Васильевной; я взяла работу, подсѣла къ карточному столу; онъ часовъ до девяти пробылъ у насъ, уѣхалъ, выпросивъ позволеніе пріѣхать на другой день посмотрѣть на мой туалетъ,—мы собирались на балъ къ генералъ-губернатору.

Лишь только Л—хинъ отъ насъ уѣхалъ, какъ влетѣлъ Лермонтовъ. Для избѣжанія задушевнаго разговора я осталась у карточнаго стола, онъ надулся, гремѣлъ саблей, острилъ безъ пощады, говорилъ вообще дурно о свѣтскихъ дѣвушкахъ и въ самыхъ язвительныхъ выраженіяхъ разсказывалъ громогласно, относя къ давно прошедшему, мои отношенія къ Л—хину, любовь свою ко мнѣ и мое кокетство съ обоими братьями.

Наконецъ, эта пытка кончилась; взбѣшенный моимъ равнодушіемъ и невмѣшательствомъ моимъ въ разговоръ, онъ уѣхалъ, но однако же при всѣхъ пригласилъ меня на завтрашнюю мазурку.

Я задумала остаться дома, упрашивала объ этомъ, мнѣ не позволяли, называли меня капризной. Итакъ, все было противъ меня и противъ моего желанія остаться вѣрной Л—хину.

Собираясь на балъ, я очень обдумывала свой туалетъ; никогда я не желала казаться такой хорошенькой, какъ въ этотъ вечеръ; на мнѣ было бѣлое платье и вѣтки репейника на головѣ, такая же вѣтка у лифа. Л—хинъ пріѣхалъ, я вышла къ нему съ дядей Николаемъ Васильевичемъ, который очень любилъ выказывать меня. Л—хинъ пришелъ въ восторгъ отъ моего сіянія, какъ онъ выразился, и поцѣловалъ мою руку,—какая разница съ поцѣлуемъ Лермонтова!

Тотъ рѣшилъ судьбу мою, въ немъ была вся моя жизнь, и я бы отдала всѣ предстоящіе мнѣ годы за другой такой же поцѣлуй!

Мы усѣлись; онъ спросилъ меня, какъ я кончила вчерашній вечеръ.

— Скучно!

— Кто былъ у васъ?

— Никого, кромѣ Лермонтова.

— Лермонтовъ былъ! невозможно!

— Что же тутъ невозможнаго? онъ и третьяго дня былъ!

— Какъ! въ день моего пріѣзда?

— Да.

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ.

Да, и тысячу разъ да,—отвѣчала я, обидѣвшись, что онъ мнѣ не вѣритъ.

Мы оба надулись и прохаживались по комнатѣ. Тутъ я ужъ ничего не понимала, отчего такъ убѣжденъ Л—хинъ въ невозможности посѣщеній Мишеля. Я предчувствовала какія то козни, но я не пыталась отгадывать и даже боялась отгадать, кто ихъ устраиваетъ; я чувствовала себя опутанной, связанной по рукамъ и по ногамъ, но кѣмъ?...

Вошла Марья Васильевна, и мы поѣхали на балъ.

Лермонтовъ ждалъ меня у дверей, протанцовалъ со мной двѣ первыя кадрили и, подъ предлогомъ какого то скучнаго вечера, уѣхалъ, обѣщаясь возвратиться къ мазуркѣ. Съ его минутнымъ отсутствіемъ какъ глубоко поняла я значеніе стиха графа Рессанье:

Le bal continuait,—la fête n'ètait plus!

Онъ сдержалъ слово и возвратился на балъ, когда усаживались къ мазуркѣ. Онъ былъ веселъ, шутливъ, говорилъ съ восторгомъ о своей неизмѣнной любви и повершилъ тѣмъ, что объявилъ, что онъ очень счастливъ.

— А вы?—спросилъ онъ меня.

— Я, такъ себѣ, по-прежнему.

— Вы продолжаете начатое?

— Лучше сказать... я останавливаю неначатое.

Онъ улыбнулся и съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку въ турѣ.

— Что Л—хинъ?—спросилъ онъ.

— Ждетъ!—отвѣчала я.—Но скажите же, monsieur Michel, что мнѣ дѣлать? Я въ такомъ неловкомъ, запутанномъ положеніи; ваши угрозы смутили меня, я не могу быть откровенна съ Л—хинымъ, все боюсь недосказать или высказаться, я безпрестанно противорѣчу себѣ, своимъ убѣжденіямъ. Признайтесь, его ревность, его намѣреніе стрѣляться съ вами, все это было въ вашемъ только воображеніи?

— О, я вижу, —сказалъ онъ съ живостью, —что ужъ успѣли мнѣ повредить въ вашемъ мнѣніи; вы мнѣ больше не вѣрите. Я вамъ говорилъ, что у меня есть враги и вотъ они и постарались внушить вамъ подозрѣнія, и успѣли, кажется: оттого то вы мнѣ и не вѣрите.

— Вѣрю, божусь, вѣрю, но бѣдный Л—хинъ въ такомъ миролюбивомъ расположеніи, такъ увѣренъ во мнѣ, а я, я, мнѣ кажется, его обманываю, поступаю съ нимъ неблагородно, мучу его и сама терзаюсь. Надо же положить всему этому конецъ!

— Ну, что же, выходите за него; онъ богатъ, онъ глупъ, вы будете водить его за носъ. Что вамъ до меня, что вамъ любовь моя?... Я бѣденъ!... Пользуйтесь вашимъ положеніемъ, будьте счастливы, выходите за него, но на дорогѣ къ этому счастью вы перешагнете черезъ мой или его трупъ, тѣмъ лучше! Какая слава для васъ, два брата, два друга за васъ сдѣлаются непримиримыми врагами, убійцами. Весь Петербургъ, вся Москва съ недѣлю будетъ говорить о васъ! Довольно ли этого для вашего ненасытнаго самолюбія, для вашего кокетства?

— Вы меня, Михаилъ Юрьевичъ, или не знаете, или презираете. Скажите, что я сдѣлала, чтобы заслужить такія колкія и дерзкія выраженія? Я согласилась на предложеніе Л—хина, прежде чѣмъ встрѣтилась съ вами; я не звала васъ къ намъ, вы ворвались въ нашъ домъ почти силой и съ тѣхъ поръ преслѣдуете меня вашими увѣреньями, угрозами и даже дерзостью. Я болѣе не допущу этого, я довольно настрадалась въ это время и завтра же все покончу. Вотъ и теперь на балѣ, въ кругу блеска, золота, веселья, меня преслѣдуетъ вашъ образъ окровавленный, обезображенный, я вижу васъ умирающимъ, я страдаю за васъ, готова сейчасъ заплакать, а вы упрекаете меня въ кокетствѣ!

Мазурка кончилась, всѣ танцующіе сдѣлали большой туръ по всѣмъ комнатамъ, мы немного отстали, и, пробѣгая черезъ большую билліардную, Лермонтовъ нагнулся, поцѣловалъ мою руку, сжалъ ее крѣпко въ своей и шепнулъ мнѣ: „я счастливъ!“

Возвратясь въ большую залу, мы прямо усѣлись за столъ. Лермонтовъ, конечно, ужиналъ подлѣ меня; никогда не былъ онъ такъ веселъ, такъ оживленъ.

— Поздравьте меня,—сказалъ онъ,—я началъ славное дѣло, оно представляло затрудненія, но по началу, по завязкѣ я надѣюсь на блестящее окончаніе.

— Вы пишете что-нибудь?

— Нѣтъ, но я на дѣлѣ заготовляю матеріалы для многихъ [1]) сочиненій: знаете ли, вы будете почти вездѣ героиней.

— Ахъ, ради Бога, избавьте меня отъ такой гласности.

— Невозможно! первая любовь, первая мечта поэтовъ вездѣ вкрадывается въ ихъ сочиненіяхъ: знаете ли, вы мнѣ сегодня дали мысль для одного стихотворенія?

— Мнѣ кажется, что у меня въ это время не было ни одной ясной мысли въ головѣ, и вы мнѣ придаете свои.

— Нѣтъ, прекрасная мысль! Вы мнѣ съ такимъ увлеченіемъ

[1]) Моихъ? *В. К.*

сказали, что въ кругу блеска, шума, танцевъ вы только видите меня, раненаго, умирающаго, и въ эту минуту вы улыбались для толпы, но вашъ голосъ дрожалъ отъ волненія, но на глазахъ блестѣли слезы, и со-временемъ я опишу это. Узнаете ли вы себя въ моихъ произведеніяхъ?

— Если они не будутъ раскрашены вашимъ воображеніемъ, то останутся безцвѣтными и блѣдными, какъ я, и немногихъ заинтересуютъ.

— А были ли вы сегодня блѣдны, когда Л—хинъ, провожая васъ на балъ, поцѣловалъ вашу руку?

— Вы шпіонъ?

— Нѣтъ, я просто повѣренный.

— Глупъ же Л—хинъ, что вамъ довѣряется; ваше поведеніе съ нимъ неблагородно.

— Въ войнѣ всѣ хитрости допускаются. Да и вы то, кажется, переходите на непріятельскую сторону: прежде восхваляли его умъ, а теперь называете его глупцомъ.

— А вы забываете, что и умный человѣкъ можетъ быть глуподовѣрчивъ, и самая эта довѣрчивость говоритъ въ его пользу: онъ добръ и неспособенъ къ хитрости.

Я провела ужасныя двѣ недѣли между двумя этими страстями. Л—хинъ трогалъ меня своею преданностью, покорностью, смиреніемъ, но иногда у него проявлялись проблески ревности, Лермонтовъ же поработилъ меня совершенно своей взыскательностью, своими капризами, онъ не молилъ, но требовалъ любви, онъ не преклонялся, какъ Л-хинъ, передъ моей волей, но налагалъ на меня свои тяжелыя оковы, говорилъ, что не понимаетъ ревности, но безпрестанно терзалъ меня сомнѣніемъ и насмѣшками.

Меня приводило въ большое недоумѣніе то, что они никогда не встрѣчались у насъ, а лишь только одинъ уѣдетъ, другой сейчасъ войдетъ.

Когда же ни одного изъ нихъ не было у меня на глазахъ, я просто не знала, куда дѣваться отъ мучительнаго безпокойства. Дуэль между ними была моей господствующей мыслью. Я высказала свои страданія Лермонтову и упросила его почаще проѣзжать мимо нашихъ оконъ: онъ жилъ дома за три отъ насъ. Я такъ привыкла къ скрипу его саней, къ крику его кучера, что, не глядя въ окошко, знала его приближеніе и иногда, издали завидя развѣвающійся бѣлый султанъ и маханіе батистовымъ платкомъ, я успокаивалась на нѣсколько времени. Мнѣ казалось, что я такъ глубоко сохранила въ душѣ моей предпочтеніе къ нему подъ личиной равнодушія и насмѣшливости, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода подозрѣвать это предпочтеніе, а между тѣмъ я высказывала ему свою душу безъ собственнаго сознанія, и онъ узналъ прежде меня самой, что всѣ мои опасенія были для него одного.

Мнѣ было также непонятно ослѣпленіе всѣхъ родныхъ на его

счетъ, особливо же со стороны Марьи Васильевны. Она терпѣть не могла Лермонтова, но считала его ничтожнымъ и неопаснымъ мальчишкой, принимала его немножко свысока, но, боясь его эпиграммъ, свободно допускала его разговаривать со мной; при Л—хинѣ она сторожила меня, не давала почти случая сказать двухъ словъ другъ другу, а съ Мишелемъ оставляла цѣлые вечера вдвоемъ! Теперь, когда я болѣе узнала жизнь и поняла людей, я еще благодарна Лермонтову, несмотря на то, что онъ убилъ во мнѣ сердце, душу, разрушилъ всѣ мечты, всѣ надежды, но онъ могъ и совершенно погубить меня и не сдѣлалъ этого.

Впослѣдствіи одна изъ моихъ кузинъ [1]), которой я разсказала всю эту эпоху съ малѣйшими подробностями, спросила одинъ разъ Мишеля, зачѣмъ онъ не поступилъ со мною, какъ и съ Любанькой Б. и съ хорошенькой дурочкой Т., онъ отвѣчалъ: „потому, что я ее любилъ искренно, хотя и не долго, она мнѣ была жалка, и я увѣренъ, что никто и никогда такъ не любилъ и не полюбитъ меня, какъ она“.

Онъ всѣми возможными, самыми ничтожными средствами тиранилъ меня; гладко зачесанные волосы не шли ко мнѣ: онъ требовалъ, чтобъ я всегда такъ чесалась; мнѣ сшили пунцовое платье съ золотой кордельерой и къ нему прибавили зеленый вѣнокъ съ золотыми желудями; для одного раза въ зиму этотъ нарядъ былъ орошъ, но Лермонтовъ настаивалъ, чтобы я на всѣ балы надѣала его и, несмотря на ворчанье Марьи Васильевны и пересуды оихъ пріятельницъ, я постоянно являлась въ этомъ театральномъ костюмѣ, движимая увѣреніями Мишеля, который повторялъ: „что̀ вамъ до другихъ, если вы мнѣ такъ нравитесь?“

Однако же онъ такъ началъ поступать послѣ 26 декабря, день, въ который я въ первый разъ призналась въ любви и дала торжественное обѣщаніе отдѣлаться отъ Л—хина. Это было на балѣ у генералъ-губернатора. Лермонтовъ пріѣхалъ къ самой мазуркѣ; я не помню ничего изъ нашего несвязнаго объясненія, но знаю, что счастье мое началось съ того вечера. Онъ былъ такъ нѣженъ, такъ откровененъ, разсказывалъ мнѣ о своемъ дѣтствѣ, о бабушкѣ, о Чембарской деревнѣ, такими радужными красками описывалъ будущее житье наше въ деревнѣ, за границей, всегда вдвоемъ, всегда любящими и безконечно счастливыми, молилъ отвѣта и рѣшенія его участи, такъ, что я не выдержала, измѣнила той холодной роли, которая давила меня, и, въ свою очередь, сказала ему, что люблю его больше жизни, больше, чѣмъ любила мать свою, и поклялась ему въ неизмѣнной вѣрности.

Онъ рѣшилъ, что прежде всего надо выпроводить Л-хина, потомъ понемногу уговаривать его бабушку согласиться на нашу свадьбу; о родныхъ моихъ и помину не было; мнѣ была опорой

[1]) Вѣроятно, Е. П. Сушкова (гр. Ростопчина).

любовь Мишеля, и съ ней я никогда не боялась, готова была открыто дѣйствовать, даже и противъ Марьи Васильевны!

Въ этотъ вечеръ я всю свою душу открыла Мишелю, высказала ему свои задушевныя мечты, помышленія. Онъ увѣрился, что онъ давно былъ любимъ и любимъ свято, глубоко: онъ казался вполнѣ счастливымъ, но какъ будто боялся чего то,—я обидѣлась, предполагая, что онъ сомнѣвается во мнѣ, и лицо мое омрачилось.

— Я увѣренъ въ тебѣ,—сказалъ онъ мнѣ, но у меня такъ много враговъ, они могутъ оклеветать меня, очернить, я такъ не привыкъ къ счастію, что и теперь, когда я увѣрился въ твоей любви, я счастливъ настоящимъ, но боюсь за будущее; да, я еще не зналъ, что и счастье заставляетъ грустно задумываться!

— Да, и такъ скоро раздумывать о завтрашнемъ днѣ, который уже можетъ сокрушить это счастье.

— Но кто же мнѣ поручится, что завтра кто-нибудь не постарается словесно или письменно перетолковать вамъ мои чувства и дѣйствія?

— Повѣрьте, мнѣ никто и никогда не повредитъ въ моемъ мнѣніи о васъ, вообще я не руководствуюсь чужими толками.

— И потому ты вопреки всѣхъ и всегда будешь моей заступницей?

— Конечно. Къ чему объ этихъ предположеніяхъ такъ долго говорить: кому какое дѣло до насъ, до нашей любви? Посмотрите кругомъ, никто не занимается нами, и кто скажетъ, сколько радостей и горя скрывается подъ этими блестящими нарядами; дай Богъ, чтобъ всѣ они были такъ счастливы, какъ я!

— Какъ мы,—подтвердилъ Лермонтовъ:—надо вамъ привыкать, думая о своемъ счастіи, помнить и обо мнѣ.

Я возвратилась домой совершенно перерожденная.

Наконецъ то я любила; мало того, я нашла идола, передъ которымъ не стыдно было преклоняться передъ цѣлымъ свѣтомъ, я могла гордиться своей любовью, а еще болѣе его любовью, мнѣ казалось, что я достигла цѣли всей своей жизни; я бы съ радостью умерла, унеся съ собой на небо, какъ вѣнецъ безсмертія, клятву его любви и вѣру мою въ неизмѣнность этой любви. О, какъ счастливы тѣ, которые умираютъ неразочарованными! Измѣна хуже смерти; что за жизнь, когда никому не вѣришь и во всемъ сомнѣваешься!

На другой день Л-хинъ былъ у насъ; на обычный его вопросъ, съ кѣмъ я танцовала мазурку, я отвѣчала не запинаясь:

— Съ Лермонтовымъ.

— Опять!—вскричалъ онъ.

— Развѣ я могла ему отказать?

— Я не объ этомъ говорю; мнѣ бы хотѣлось навѣрное знать, съ кѣмъ вы танцовали?

— Я вамъ сказала.

— Но если я знаю, что это неправда.

— Такъ, стало быть, я лгу?

— Я этого не смѣю утверждать, но полагаю, что вамъ весело со мной кокетничать, меня помучить, развить мою ревность къ бѣдному Мишелю; все это, можетъ быть, очень мило, но некстати; перестаньте шутить, мнѣ, право, тяжело; ну, скажите же мнѣ, съ кѣмъ вы забывали меня въ мазуркѣ?

— Съ Михаиломъ Юрьевичемъ Лермонтовымъ.

— Это ужъ черезчуръ,—вскричалъ Л—хинъ:—какъ вы хотите, чтобы я вамъ повѣрилъ, когда я до двѣнадцати почти часовъ просидѣлъ у больного Лермонтова и оставилъ его въ постели крѣпко заснувшаго!

— Ну что жъ? Онъ послѣ вашего отъѣзда проснулся, выздоровѣлъ и пріѣхалъ на балъ прямо къ мазуркѣ.

— Пожалуйста, оставьте Лермонтова въ покоѣ; я прошу васъ назвать мнѣ вашего кавалера; замѣтьте, я прошу, я бы вѣдь могъ требовать.

— Требовать!—вскричала я, вспыхнувъ,—какое же вы имѣете право? Что, я вамъ обѣщала, увѣряла ли васъ въ чемъ-нибудь? Слава Богу, вы ничего не можете требовать, а ваши безпрестанныя вспышки, всѣ эти сцены до того меня истерзали, измучили, истомили, что лучше намъ теперь же положить всему конецъ и врозь искать счастія.

Я не смѣла взглянуть на Л—хина и поспѣшила выйти изъ комнаты. Наединѣ я предалась отчаянію; я чувствовала себя кругомъ виноватой передъ Л—хинымъ; я сознавалась, что отталкивала вѣрное счастіе быть любимой, богатой, знатной, за невѣрный призракъ, за ненадежную любовь!

Притворная болѣзнь Лермонтова, умолчаніе со мной объ этой продѣлкѣ чернымъ предчувствіемъ опутали всѣ мои мысли; мнѣ стало страшно за себя, я какъ будто чувствовала бездну подъ своими ногами, но я такъ его любила, что успокоила себя его же парадоксомъ: „предпочитать страданіе и горе отъ любимаго человѣка—богатству и любви другого". „Будь, что должно быть,—сказала я себѣ:—я поступила такъ, какъ онъ хотѣлъ, и такъ неожиданно скоро! Ему это будетъ пріятно; а мнѣ только этого и надо".

Въ первый разъ, когда я увидѣла Мишеля послѣ этого разрыва и когда онъ мнѣ сказалъ: tu es un ange,—я была вполнѣ вознаграждена; мнѣ казалось, что онъ преувеличиваетъ то, что называлъ онъ моимъ жертвоприношеніемъ. Я нашла почти жестокимъ съ его стороны выставлять и толковать мнѣ, „какъ я необдуманно поступила, отказавъ Л—хину, какая была бы это для меня, бѣдной сироты, блестящая партія, какъ бы я всегда была облита брилліантами, окутана шалями, окружена роскошью". Онъ какъ будто поддразнивалъ меня.

— Я поступила по собственному убѣжденію, а, главное, по вашему желанію, и потому ни о чемъ не жалѣю.

— Неужели одна моя любовь можетъ все это замѣнить?

— Рѣшительно все.

— Но у меня дурной характеръ; я вспыльчивъ, золъ, ревнивъ; я долженъ служить, заниматься, вы всю жизнь проведете взаперти съ моей бабушкой.

— Мы будемъ съ ней говорить о васъ, ожидать вашего возвращенія; намъ вмѣстѣ будетъ даже весело; моя пылкая любовь понимаетъ и оцѣнитъ ея старческую привязанность.

Онъ пожалъ мнѣ руку, сказавъ:

— Съ моей стороны это было маленькое испытаніе; я вѣрю вашей любви и готовности сдѣлать мое счастіе, и самъ я никогда не былъ такъ счастливъ, потому что никогда не былъ такъ любимъ. Но однако же обдумайте все хорошо, не пожалѣете ли вы когда о Л—хинѣ? Онъ добръ — я золъ, онъ богатъ — я бѣденъ; я не прощу вамъ ни сожалѣнія, ни сравненія, а теперь еще время не ушло, и я еще могу помирить васъ съ Л—хинымъ и быть вашимъ шаферомъ.

— Мишель, неужели вы не понимаете, что вамъ жестоко теперь подсмѣиваться надо мной и уговаривать меня поступить противъ моего сердца и моей совѣсти? Я васъ люблю, и для меня все кончено съ Л—хинымъ. Зачѣмъ вы мучаете меня и выказываетесь хуже, чѣмъ вы есть?

— Чтобы не поступить, какъ другіе: всѣ хотятъ казаться добряками, и въ нихъ скоро разочаровываются: я, можетъ быть, преувеличиваю свои недостатки, и для васъ будетъ пріятный сюрпризъ найти меня лучше, чѣмъ вы ожидали.

Трудно представить, какъ любовь Лермонтова возвысила меня въ моихъ собственныхъ глазахъ; я благоговѣла передъ нимъ, удивлялась ему; гляжу, бывало, на него и не нагляжусь, слушаю и не наслушаюсь. Я переходила черезъ всѣ фазы ревности, когда пріѣзжали къ намъ молодыя дѣвушки (будь онѣ уроды), я каждую изъ нихъ ревновала, каждой изъ нихъ завидовала, каждую ненавидѣла за одинъ его взглядъ, за самое его пошлое слово. Но отрадно мнѣ было при моихъ поклонникахъ: передъ ними я гордилась его любовью, была съ ними почти неучтива, едва отвѣчала на ихъ фразы, мнѣ такъ и хотѣлось сказать имъ: „оставьте меня, вамъ ли тягаться съ нимъ. Вотъ мой алмазъ-регентъ, онъ обогатилъ, онъ украсилъ жизнь мою; вотъ мой кумиръ, — онъ вдохнулъ безсмертную любовь въ мою безсмертную душу“.

Въ это время я жила полной, но тревожной жизнью сердца и воображенія и была счастлива до безконечности.

Помнишь ли ты, Маша [1]), послѣдній нашъ балъ, на которомъ мы въ послѣдній разъ такъ весело танцовали вмѣстѣ, на которомъ однако же я такъ разсердилась на тебя? Я познакомила тебя съ

[1]) Составительница записокъ въ этомъ мѣстѣ обращается къ своему другу М. С. Бегговутъ, для которой собственно и были писаны эти записки.

Лермонтовымъ и съ Л—хинымъ, и ты на мои пылкіе и страстные разсказы отвѣчала, покачавъ головой:

— Ты промѣняла кукушку на ястреба.

О, ты должна вѣрить, какъ искренно я тебя люблю, потому что я тебѣ простила это дерзкое сравненіе. Да, твоя дружба предугадала его измѣну, ты все проникла своимъ свѣтлымъ, спокойнымъ взоромъ и сказала мнѣ: „съ Л—хинымъ ты будешь счастлива, а Лермонтовъ, кромѣ горя и слезъ, ничего не дастъ тебѣ“. Да, ты была права: но я, безразсудная, была въ чаду, въ угарѣ отъ его рукопожатій, нѣжныхъ словъ и страстныхъ взглядовъ.

Въ мазуркѣ я сѣла рядомъ съ тобой, предупредивъ Мишеля, что ты все знаешь и присутствіемъ твоимъ покровительствуешь намъ и что мы можемъ говорить, не стѣсняясь твоимъ сосѣдствомъ. Ты слышала, какъ онъ увѣрялъ меня, что дѣла наши подходятъ къ концу, что недѣли черезъ двѣ онъ объявитъ о нашей свадьбѣ, что бабушка согласна, ты все это слышала и радовалась за меня. А я! о, какъ слѣпо я ему вѣрила, когда онъ клялся, что сталъ другимъ человѣкомъ, будто перерожденнымъ, вѣритъ въ Бога, въ любовь, въ дружбу, что все благородное, все высокое ему доступно и что это чудо совершила любовь моя;—какъ было не вскружиться моей бѣдной головѣ!

На этомъ балѣ Л—хинъ совершенно распрощался со мной передъ отъѣздомъ своимъ въ Москву. Я рада была этому отъѣзду, мнѣ съ нимъ было такъ неловко и отчасти совѣстно передъ нимъ; къ тому же я воображала, что присутствіе его мѣшаетъ Лермонтову просить моей руки.

На другой день этого бала Мишель принесъ мнѣ кольцо, которое я храню, какъ святыню, хотя слова, вырѣзанныя на этомъ кольцѣ, теперь можно принять за одну только насмѣшку [1]).

Мнѣ становится тяжело писать; я подхожу къ перелому всей моей жизни, а до сихъ поръ я съ какой то ребячливостью отталкивала и заглушала все, что мнѣ напоминало объ этомъ ужасномъ времени.

Одинъ разъ, вечеромъ, у насъ были гости, играли въ карты, я съ Лизой и дядей Николаемъ Сергѣевичемъ сидѣла въ кабинетѣ; она читала, я вышивала, онъ по обыкновенію раскладывалъ grand patience. Лакей подалъ мнѣ письмо, полученное по городской почтѣ; я начала его читать и, вѣроятно, очень измѣнилась въ лицѣ, потому что дядя вырвалъ его у меня изъ рукъ и сталъ читать его вслухъ, не понимая ни слова, ни смысла, ни намековъ о Л—хинѣ, о Лермонтовѣ, и удивлялся, съ какой стати злой анонимъ такъ заботится о моей судьбѣ. Но для меня каждое слово этого рокового письма было пропитано ядомъ, и сердце мое обливается кровью. Но что я была принуждена вытерпѣть брани, колкостей, униженія, когда

[1]) Кольцо это не сохранилось въ семействѣ Е. А. Хвостовой.

гости разъѣхались, и Марья Васильевна прочла письмо, врученное ей покорнымъ супругомъ! Я и теперь еще краснѣю отъ негодованія, припоминая грубыя выраженія ея гнѣва.

Вотъ содержаніе письма, которое никогда мнѣ не было возвращено, но которое огненными словами запечатлѣлось въ моей памяти и въ моемъ сердцѣ:

„Милостивая государыня,
Екатерина Александровна!

„Позвольте человѣку, глубоко вамъ сочувствующему, уважающему васъ и умѣющему цѣнить ваше сердце и благородство, предупредить васъ, что вы стоите на краю пропасти, что любовь ваша къ нему (извѣстная всему Петербургу, кромѣ родныхъ вашихъ) погубитъ васъ. Вы и теперь уже многое потеряли во мнѣніи свѣта, оттого что не умѣете и даже не хотите скрывать вашей страсти къ нему.

„Повѣрьте, онъ недостоинъ васъ. Для него нѣтъ ничего святого, онъ никого не любитъ. Его господствующая страсть: господствовать надъ всѣми и не щадить никого для удовлетворенія своего самолюбія.

„Я зналъ его прежде, чѣмъ вы; онъ былъ тогда моложе и неопытнѣе, что однако же не помѣшало ему погубить дѣвушку, во всемъ равную вамъ и по уму и по красотѣ. Онъ увезъ ее отъ семейства и, натѣшившись ею, бросилъ.

„Опомнитесь, придите въ себя, увѣрьтесь, что и васъ ожидаетъ такая же участь. На васъ вчужѣ жаль смотрѣть. О, зачѣмъ, зачѣмъ вы его такъ полюбили? Зачѣмъ принесли ему въ жертву сердце, преданное вамъ и достойное васъ?

Одно участіе побудило меня писать къ вамъ; авось, еще не поздно! Я ничего не имѣю противъ него, кромѣ презрѣнія, которое онъ вполнѣ заслуживаетъ. Онъ не женится на васъ, повѣрьте мнѣ; покажите ему это письмо, онъ прикинется невинымъ, обиженнымъ, забросаетъ васъ страстными увѣреніями, потомъ объявитъ вамъ, что бабушка не даетъ ему согласія на бракъ; въ заключеніе прочтетъ вамъ длинную проповѣдь или просто признается, что онъ притворялся, да еще посмѣется надъ вами, и — это лучшій исходъ, котораго отъ души желаетъ вамъ:

Вамъ неизвѣстный, но преданный вамъ
другъ N. N.“ [1])

Вообрази, какое волненіе произвело это письмо на весь семейный конгрессъ и какъ оно убило меня! Но никто изъ родныхъ и не подозрѣвалъ, что дѣло шло о Лермонтовѣ и о Лопухинѣ; они

[1]) Въ составленіи этого письма Е. А., какъ сама впослѣдствіи разсказывала, подозрѣвала М. Ю. Лермонтова; но это подозрѣніе родилось въ ней не вдругъ, а въ послѣдующіе уже годы ея жизни.

судили, рядили, но, не догадываясь, стали допрашивать меня. Тутъ я ожила и стала утверждать, что не понимаю, о комъ шла рѣчь въ письмѣ, что, вѣроятно, его написалъ изъ мести какой-нибудь отверженный поклонникъ, чтобы навлечь мнѣ непріятность. Можетъ быть, все это и сошло бы мнѣ съ рукъ, роднымъ мысль моя показалась правдоподобной, еслибы сестра моя, Лиза, не сочла нужнымъ сказать имъ, что въ письмѣ намекалось на Лермонтова, котораго я люблю, и на Л—хина, за котораго я не пошла замужъ по совѣту и по волѣ Мишеля.

Я не могу вспомнить, что я выстрадала отъ этого неожиданнаго заявленія, тѣмъ болѣе, что Лиза знала многіе мои разговоры съ Мишелемъ и сама старалась воспламенить меня, отдавая предпочтеніе Мишелю предъ Л—хинымъ.

... Открыли мой столъ, перешарили все въ моей шкатулкѣ, перелистали всѣ мои книги и тетради, конечно, ничего не нашли; мои дѣйствія, мои мысли, моя любовь были такъ чисты, что если я во время этого обыска и краснѣла, то только отъ негодованія, отъ стыда за ихъ поступки и ихъ подозрѣнія. Они поочередно допрашивали всѣхъ лакеевъ, всѣхъ дѣвушекъ, не была ли я въ перепискѣ съ Лермонтовымъ, не цѣловалась ли съ нимъ, не имѣла ли я съ нимъ тайнаго свиданія!?

Что за адское чувство страдать отъ напраслины, а, главное, выслушивать, какъ обвиняютъ боготворимаго человѣка! Удивительно, какъ въ ту ночь я не выплакала все сердце и осталась въ своемъ умѣ.

Я была отвержена всѣмъ семействомъ: со мной не говорили, на меня не смотрѣли (хотя и зорко караулили), мнѣ даже не позволяли обѣдать за общимъ столомъ, какъ будто мое присутствіе могло осквернить и замарать ихъ! А Богъ видѣлъ, кто изъ насъ былъ чище и правѣе.

Моей единственной отрадой была мысль о любви Мишеля, она поддерживала меня, — но какъ ему дать знать все, что я терплю и какъ страдаю изъ любви къ нему? Я знала, что онъ два раза заѣзжалъ къ намъ, но ему отказывали.

Дня черезъ три послѣ анонимнаго письма и моей опалы Мишель опять пріѣхалъ, его не велѣли принимать, онъ настаивалъ, шумѣлъ въ лакейской, говорилъ, что не уѣдетъ, не повидавшись со мной, и велѣлъ доложить объ этомъ. Марья Васильевна, не отличавшаяся храбростью, побаивалась Лермонтова, не рѣшалась выйти къ нему и упросила свою невѣстку, А. С. С—ву, принять его. Она не соглашалась выдти къ нему безъ меня, за что я ей несказанно была благодарна. Марья Васильевна ухитрилась надѣть на меня шубу, какъ несомнѣнное доказательство тому, что мы ѣдемъ въ театръ, и потому только отказывала ему, чѣмъ она ясно доказала Мишелю, что боится не принимать его и прибѣгаетъ къ пошлымъ обманамъ. Я въ слезахъ, но съ восторгомъ выскочила къ

Мишелю; добрая А. С. учтиво извинилась передъ нимъ и дала намъ свободу поговорить. На всѣ его разспросы я твердила ему безсвязно: „анонимное письмо, меня мучатъ,—насъ разлучаютъ,—мы не ѣдемъ въ театръ,—я все та же и никогда не измѣнюсь".

— Какъ намъ видѣться?—спросилъ онъ.

— На балахъ, когда выйду изъ домашняго ареста.

Тутъ онъ опять обратился къ А. С. и просилъ передать роднымъ, что пріѣзжалъ объясниться съ ними обо мнѣ и не понимаетъ, почему они не хотятъ его видѣть, намѣренія его благородны и обдуманны. И онъ уѣхалъ—въ послѣдній разъ былъ онъ въ нашемъ домѣ.

Тутъ началась для меня самая грустная, самая пустая жизнь; мнѣ некого было ждать, не пріѣдетъ онъ больше къ намъ;—надежда на будущее становилась все блѣднѣе и неяснѣе. Мнѣ казалось невѣроятнымъ и невозможнымъ жить и не видѣть его, а давно ли еще мы такъ часто бывали вмѣстѣ, просиживали вдвоемъ длинные вечера; уѣдетъ, бывало, и мнѣ останется отрадой припоминать всякое движеніе его руки, значеніе улыбки, выраженіе глазъ, повторять всякое его слово, обдумывать его. Провожу, бывало, его и съ нетерпѣніемъ возвращаюсь въ комнату, сажусь на то мѣсто, на которомъ онъ сидѣлъ, съ упоеніемъ допиваю неоконченную имъ чашку чая, перецѣлую все, что онъ держалъ въ рукахъ своихъ,—и все это я дѣлала съ какимъ то благоговѣніемъ.

Долго я не могла понять этой жестокой разлуки; самую смерть его, мнѣ казалось, я приняла бы съ большею покорностью, тутъ было бы предопредѣленіе Божіе; но эта разлука, наложенная ненавистными людьми, была мнѣ ненавистна, и я роптала на нихъ, даже проклинала ихъ.

„Какъ выдержитъ онъ это испытаніе? безпрестанно спрашивала я себя. Устоитъ ли его постоянство? Преодолѣетъ ли онъ всѣ препятствія? Что будетъ со мной, если деспотическое тиранство моихъ гонителей согласуется съ его тайнымъ желаніемъ отвязаться отъ моей пылкой и ревнивой страсти? Любитъ ли еще онъ меня?" вскрикивала я съ отчаяніемъ и не знала, что отвѣчать на всѣ эти вопросы... Иногда я доходила до помѣшательства: я чувствовала, какъ мысли мои путались, сталкивались; я тогда много писала и не находила словъ для выраженія моихъ мыслей: по четверти часа я задумывалась, чтобъ припомнить самыя обыкновенныя слова. Иногда мнѣ приходило въ голову, что жизнь моя можетъ вдругъ пересѣчься, и я обдумывала средство жить безъ самой жизни.

Да, страшное было то время для меня, но оно прошло, какъ и все проходитъ, не оставивъ слѣда ни на лицѣ моемъ, ни на окружающихъ предметахъ; но бѣдное мое сердце! Однако же и въ самые эти дни испытанія и пытки душевной я нашла истинное утѣшеніе, я пріобрѣла вѣрныхъ и надежныхъ друзей: А. С. показывала мнѣ большое участіе, хотя и не знала всей грустной драмы моей жизни, а только ободряла и утѣшала меня, видя недоброе расположеніе

ко мнѣ Марьи Васильевны. Cousin мой, Долгорукій, съ грустью тоже смотрѣлъ на меня и даже вызвался доставить письмо Мишелю, и я всегда ему буду благодарна за этотъ добрый порывъ, но я не воспользовалась его предложеніемъ; моимъ первымъ желаніемъ было жить и дѣйствовать такъ, чтобы не заслужить ни малѣйшаго обвиненія, а сердце никто не можетъ упрекнуть, къ кому бы оно ни привязалось: любить свято, глубоко, не краснѣть за свою любовь, хранить воспоминаніе этого чувства яснымъ, свѣтлымъ, это еще хорошій удѣлъ и данъ не многимъ.

Горничная моя, Танюша, тоже въ эти дни гоненія очень привязалась ко мнѣ: она считала себя кругомъ виноватой передо мной: во время обыска въ моихъ вещахъ родные такъ напугали ее обѣщаніемъ наказанія, если она что нибудь утаитъ, что она принесла имъ романъ: L'Atelier d'un peintre, божась, что больше никогда ничего не видала отъ Михаила Юрьевича въ моихъ рукахъ, какъ эти книжки, исписанныя на поляхъ его примѣчаніями, и прибавила, что я ихъ безпрестанно перечитываю и цѣлую. Какъ послѣ она горько плакала со мной, раскаявалась, что выдала имъ книжки: „хоть бы ихъ то вы теперь читали, говорила она: настращали меня, я испугалась, отдала ихъ, думала, что и васъ оставятъ въ покоѣ; такъ ужъ я имъ клялась, что больше ничего не было у васъ отъ Михаила Юрьевича".

Мнѣ кажется, что это одно показаніе Танюши могло бы ихъ убѣдить, какъ невинна была моя любовь. Нѣтъ, подозрѣніе и караулъ продолжались. Они стерли резинкой всѣ его замѣтки въ книжкахъ, но нѣкоторыя я еще помню. Тамъ, гдѣ говорилось о любви, онъ подписалъ:

Aimer plus que l'on est aime—Malheur!
Aimer moins que l'on est aime—Dégout!
Choisir!!!

Я подписала внизу: „Mon Dieu, comment donc vous aimer, vous ne serez content d'aucun amour. On peut cependant aimer autant que l'on est aime!"

Потомъ что то говорилось о мертвой головѣ; онъ подчеркнулъ и написалъ: une tête de mort—la seule qui ne mente pas!

Ses yeux remplis d'etoiles,—онъ опять подписалъ, „comme les vôtres,—je profiterai de cette comparaison".

Въ концѣ было: „On est si bien pris de la bontè", онъ замѣтилъ: „это нравится Лизѣ, и ея замѣтка не ваша".

По этимъ припискамъ тетка заключила, что онъ меня не уважаетъ, считаетъ совершенно погибшей; что она давно знала, что во мнѣ пути не будетъ, и тому подобныя вещи я должна была выслушивать съ утра до ночи.

Еще одинъ молодой человѣкъ, Ю—чъ, въ это тяжелое время доказалъ мнѣ свою неограниченную преданность и на дѣлѣ явилъ, что нераздѣленная, но истинная, любовь можетъ обратиться въ

искреннюю дружбу. Онъ ужъ нѣсколько лѣтъ былъ однимъ изъ нашихъ habitues и съ перваго времени знакомства влюбился въ меня.

Онъ снискалъ мною благосклонность тѣмъ, что никогда не промолвился мнѣ о любви своей, однако же повѣрялъ ее другимъ; онъ считалъ меня недосягаемой для него, но, кажется, видя меня равнодушною ко всѣмъ, надѣялся на будущее. Онъ первый догадался о любви моей къ Лермонтову, и съ этой самой минуты онъ началъ поступать такъ благородно, какъ рѣдко приходится видѣть тому примѣры: онъ безъ ревности, безъ всякагс выказыванія самопожертвованія покорился судьбѣ и всячески старался выставить меня передъ Лермонтовымъ, возвышалъ каждое мое слово, выхвалялъ каждый мой поступокъ. Въ этомъ же ужасномъ переломѣ моей жизни онъ явился настоящимъ моимъ ангеломъ утѣшителемъ.

Видя, какъ я грустила и изнывала, не зная ничего о Мишелѣ, онъ или собиралъ всюду о немъ извѣстія, или выдумывалъ ихъ, но раза три или четыре въ недѣлю доносилъ мнѣ подробно, что Мишель дѣлалъ, гдѣ былъ, съ кѣмъ танцовалъ. Отъ наблюдательности его, обогащеннной еще намеками Марьи Васильевны на мой счетъ, ничего не скрылось изъ этихъ недавнихъ происшествій; мало-по-малу онъ мнѣ высказался и увѣрилъ меня, что все сдѣлаетъ въ угодность мнѣ и что мое счастіе будетъ всегда его счастіемъ.

„Я хочу только его видѣть", отвѣчала я, не цѣня тогда его самоотверженія;—такъ всякое глубокое чувство невольно заставляетъ насъ быть жестокими къ самымъ преданнымъ намъ людямъ.

На другой же день, за обѣдомъ (мнѣ уже разрѣшили обѣдать вмѣстѣ со всѣми), Ю-чъ сказалъ мнѣ вполголоса, но такъ, чтобы всѣ могли разслышать, что „въ городѣ удивляются, отчего я такъ давно не выѣзжаю и что сестру видятъ одну съ Марьей Васильевной, что даже упрекаютъ ее въ потворствѣ моимъ капризамъ, что находятъ страннымъ мое отчужденіе отъ свѣта, дѣлаютъ разныя предположенія, что все это нехорошо, и надо, чтобы толки обо мнѣ прекратились".

Слова эти были всѣми услышаны, но пропущены какъ бы безъ вниманія; однако же на той же недѣлѣ меня повезли на вечеръ къ Л., и тамъ я въ первый разъ встрѣтилась съ Мишелемъ, послѣ отказа ему отъ нашего дома. Хотя я напередъ знала, что непремѣнно увижу его тамъ, я заранѣе старалась приготовиться къ этому счастію, но, войдя въ комнату, такъ смутилась, увидя его послѣ двухъ-недѣльной разлуки, что вся задрожала, у меня потемнѣло въ глазахъ, я чуть не упала. Марья Васильевна ущипнула меня, сказавъ, что сейчасъ увезетъ меня, если я намѣрена разыгрывать комедію; эта угроза всего болѣе подѣйствовала на меня, обдавъ меня холодомъ дѣйствительной жизни, и я оправилась. Мазурку мнѣ запрещено было танцовать съ Лермонтовымъ, но мы усѣлись рядомъ и могли говорить, сколько душѣ было угодно.

Онъ мнѣ сказалъ, что все прошедшее не удивляетъ его, что

онъ давно предугадывалъ, что ему повредятъ во мнѣніи моихъ родныхъ, но что теперь ему все равно, потому что мое то мнѣніе о немъ осталось непоколебимымъ. Вѣроятно, любовь моя была такъ искренна, что не могла укрыться подъ личиной свѣтскаго равнодушія и тѣмъ возбудила почти общее сочувствіе; всѣ знакомые, какъ бы сговорясь, охраняли ее и прикрывали отъ зоркихъ глазъ Марьи Васильевны. Она на вечерахъ всегда играла въ карты; тогда мы танцовали вмѣстѣ или уходили говорить въ другую комнату, но когда она кончала свою партію, многіе прибѣгали объявить мнѣ объ этомъ и толпой сопровождали меня въ залу.

Такимъ образомъ я прозябала отъ вечера до вечера и считала жизнію только тѣ минуты, въ которыя видала Мишеля. Онъ старался поддержать во мнѣ надежду, обдумывалъ средство войти опять въ нашъ домъ, но больше уговаривалъ о побѣгѣ, о тайномъ бракѣ. Я возставала противъ этой мысли, говоря, что у меня достанетъ твердости объявить роднымъ, что и безъ ихъ согласія я выйду за него; эти споры все болѣе и болѣе разрушали мою надежду въ счастіе и терзали мое сердце.

Потомъ я видѣла его рѣже. На Страстной недѣли я говѣла; всю душу свою излила я передъ почтеннымъ духовникомъ своимъ, Петромъ Борисовичемъ Вишлянскимъ. Онъ одобрилъ мой отказъ бѣжать съ Лермонтовымъ, старался доказать мнѣ, что онъ меня не искренно любитъ и совѣтовалъ выйти за кого другого, котораго я бы могла уважать, и тогда, сказалъ онъ, строгое исполненіе вашихъ обязанностей, забота о счастіи человѣка, ввѣрившаго вамъ свое имя, мало-по-малу заглушатъ вашу любовь, а душевное спокойствіе и сознаніе, что вы свято исполнили обязанности жены и матери, замѣнятъ счастіе.

Въ этотъ годъ Святая была довольно поздно. За заутреней, когда все ликовало и радовалось вокругъ меня, я такъ горько плакала, такъ судорожно рыдала во время всей службы, что возбудила общее участіе, даже и родные похристосовались со мною благосклонно и обѣщали возвратить прежнюю пріязнь и хорошее мнѣніе, съ уговоромъ, что я забуду Лермонтова!

Въ самый первый день Христова Воскресенія была такая вьюга, такая метель, что десятки людей погибли на улицахъ, занесенные снѣгомъ; я такъ была настроена, что во всемъ этомъ видѣла грустное предзнаменованіе для меня.

Я съ особенной радостью и живѣйшимъ нетерпѣніемъ собиралась въ слѣдующую среду на балъ, такъ давно не видалась я съ Мишелемъ, и, вопреки всѣхъ и вся, рѣшила въ умѣ своемъ танцовать съ нимъ мазурку.

Пріѣзжаемъ на балъ,—его еще тамъ не было... Не знаю, достанетъ ли у меня силъ разсказать все, что я выстрадала въ этотъ вечеръ. Вообще я пишу вкратцѣ, выпускаю многіе разговоры, но у меня есть завѣтная тетрадка, въ которую я вписывала, по нѣсколь-

ку разъ въ день, всѣ его слова, все, что я слышала о немъ; мнѣ тяжело вторично воспоминаніемъ перечувствовать былое, я спѣшу только довести до конца главные факты этого переворота въ моей жизни [1]).

Я танцовала, когда Мишель пріѣхалъ; какъ стукнуло мнѣ въ сердце, когда онъ прошелъ мимо меня и... и... не замѣтилъ меня! Я не хотѣла вѣрить своимъ глазамъ и подумала, что онъ дѣйствительно проглядѣлъ меня. Кончивъ танцовать, я сѣла на самое видное мѣсто и стала пожирать его глазами, онъ и не смотритъ въ мою сторону; глаза наши встрѣтились, я улыбнулась,—онъ отворотился. Что было со мной, я не знаю и не могу передать всей горечи моихъ ощущеній; голова пошла кругомъ, сердце замерло, въ ушахъ зашумѣло, я предчувствовала что то недоброе, я готова была заплакать, но толпа окружала меня, музыка гремѣла, зала блистала огнемъ, нарядами, всѣ казались веселыми, счастливыми...

Вотъ тутъ то въ первый разъ поняла я, какъ тяжело притворяться и стараться сохранить безпечно равнодушный видъ; однакоже, это мнѣ удалось, но Боже мой! чего мнѣ стоило это притворство! Не всѣхъ я успѣла обмануть; я на нѣсколько минутъ ушла въ уборную, чтобъ тамъ свободно вздохнуть; за мной послѣдовали мои милыя бальныя пріятельницы, Лиза Б. и Сашенька Ж.

— Что съ тобой? Что съ вами обоими сдѣлалось?—приставали онѣ ко мнѣ.

— Не знаю,—отвѣчала я и зарыдала передъ ними.

— Я улажу все дѣло,—сказала Сашенька.

— И я буду о томъ же стараться,—подхватила Лиза.

И въ самомъ дѣлѣ, въ мазуркѣ онѣ безпрестанно подводили ко мнѣ Мишеля. Особливо цѣнила я эту жертву со стороны Лизы. Она сама страстно любила Лермонтова, однако же уступала мнѣ свою очередь протанцовать съ нимъ, не принимала передо мною торжествующаго вида, но сочувствовала моему отчаянію и просила прощенія за то, что въ этотъ вечеръ онъ за ней ухаживалъ болѣе, чѣмъ за другими,—она поневолѣ сдѣлалась моей соперницей. Зато теперь, когда бѣдная Лиза сгубила себя для него, потеряна для родныхъ и для свѣта, какъ бы я была счастлива, еслибы мнѣ привелось случайно ее встрѣтить, пожать ей руку, показать ей мое живѣйшее участіе не въ одномъ разочарованіи, но въ истинномъ бѣдствіи. Бѣдная Лиза! Не было у нея довольно силы характера, чтобы противостоять ему,—и она погибла!

Когда въ фигурѣ названій Лермонтовъ подошелъ ко мнѣ съ двумя товарищами и, зло улыбаясь и холодно смотря на меня, сказалъ: haine, mèpris et vengeance, я, конечно, выбрала vengeance, какъ благороднѣйшее изъ этихъ ужасныхъ чувствъ.

[1]) Тетрадка эта была, какъ говорится, зачитана у Е. А. однимъ изъ ея родственниковъ, нѣсколько лѣтъ спустя, и такимъ образомъ, безъ сомнѣнія, пропала безвозвратно.

— Вы несправедливы и жестоки,—сказала я ему.

— Я теперь такой же, какъ былъ всегда.

- Неужели вы всегда меня ненавидѣли, презирали? За что вамъ мстить мнѣ?

— Вы ошибаетесь, я не перемѣнился, да и къ чему было мѣняться; напыщенныя роли тяжелы и не подъ силу мнѣ; я дѣйствовалъ откровенно, но вы такъ охраняемы родными, такъ недоступны, такъ изучили теорію любить съ ихъ дозволенія, что мнѣ нечего дѣлать, когда меня не принимаютъ.

— Неужели вы сомнѣваетесь въ моей любви?

— Благодарю за такую любовь!

Онъ довелъ меня до мѣста и, кланяясь, шепнулъ мнѣ:

— Но лишній плѣнникъ вамъ дороже!

Въ мою очередь я подвела ему двухъ дамъ и сказала:

— Pardon, dèvouement, résignation.

Онъ выбралъ résignation, т.-е. меня. И, язвительно улыбаясь, сказалъ:

— Какъ скоро вы покоряетесь судьбѣ, вы будете очень счастливы!

— Мишель, не мучьте меня, скажите прямо, за что вы сердитесь?

— Имѣю ли я право сердиться на васъ? Я доволенъ всѣмъ и всѣми и даже благодаренъ вамъ, за все благодаренъ.

Онъ уже больше не говорилъ со мной въ этотъ вечеръ. Я не могу дать и малѣйшаго понятія о тогдашнихъ моихъ страданіяхъ; въ одинъ мигъ я утратила все и утратила такъ неожиданно, такъ незаслуженно! Онъ зналъ, какъ глубоко, какъ горячо я его любила; къ чему же мучить меня недовѣріемъ, упрекать въ кокетствѣ? Не по его ли совѣтамъ я дѣйствовала, поссорясь съ Л—хинымъ? Съ той самой минуты, какъ сердце мое отдалось Мишелю, я жила имъ однимъ или воспоминаніемъ о немъ, все вокругъ меня сіяло въ его присутствіи и меркло безъ него.

Въ эту грустную ночь я не могла ни на минуту сомкнуть глазъ. Я истощила всѣ средства, чтобъ найти причины его перемѣны, его раздражительности, и не находила.

„Ужъ не испытаніе ли это?“ мелькнуло у меня въ головѣ, и благодатная эта мысль нѣсколько успокоила меня. „Пускай испытываетъ меня, сколько хочетъ,—сказала я себѣ:—не боюсь: при первомъ же свиданіи я разскажу ему, какъ я страдала, какъ я терзалась, но скоро отгадала его злое намѣреніе испытанія, и что ни холодность его, ни даже дерзость его не могли ни на минуту измѣнить моихъ чувствъ къ нему“.

Какъ я переродилась; куда дѣвалась моя гордость, моя самоувѣренность, моя насмѣшливость! Я готова была стать передъ нимъ на колѣни, лишь бы онъ ласково взглянулъ на меня!

Долго ждала я желаемой встрѣчи и дождалась, но онъ все не глядѣлъ и не смотрѣлъ на меня,—не было возможности заговорить

съ нимъ. Такъ прошло нѣсколько скучныхъ вечеровъ, наконецъ, выпалъ удобный случай, и я спросила его:

— Ради Бога, разрѣшите мое сомнѣніе, скажите, за что вы сердитесь? Я готова просить у васъ прощенія, но выносить эту пытку и не знать, за что̀, это невыносимо. Отвѣчайте, успокойте меня!

— Я ничего не имѣю противъ васъ; что прошло, того не воротишь, да я ничего ужъ и не требую; словомъ, я васъ больше не люблю, да, кажется, и никогда не любилъ.

— Вы жестоки, Михаилъ Юрьевичъ; отнимайте у меня настоящее и будущее, но прошедшее мое, оно одно мнѣ осталось, и никому не удастся отнять у меня воспоминаніе: оно моя собственность, — я дорого заплатила за него.

Мы холодно разстались... И вотъ я опять вступила въ грустную, одинокую жизнь, болѣе грустную и холодную, чѣмъ была она прежде, тогда я еще надѣялась, жаждала любви, а тутъ ужъ и надежды не было, и любовь моя, схороненная въ глубинѣ сердца, мучила и терзала меня. Все мнѣ надоѣло, всѣ окружающіе меня сдѣлались мнѣ несносны, противны, я рада была скорому отъѣзду въ деревню...

5.

Е. А. Ладыженская.

Замѣчанія на „Воспоминанія“ Е. А. Хвостовой [1]).

Недавно въ нашей литературѣ появились записки, съ интересомъ прочтенныя массой читателей, но которыя не могли не произвести самаго прискорбнаго впечатлѣнія на лицъ, близкихъ къ тѣмъ, о комъ въ нихъ упоминается. Я говорю о „Воспоминаніяхъ“ Екатерины Александровны Хвостовой. Ея перо, если исключить *романъ* Лермонтова, очерчиваетъ людей частныхъ, безвѣстныхъ, мало значащихъ и въ литературномъ, и въ общественномъ, и въ гражданскомъ строѣ земли Русской, и очерчиваетъ ихъ до того невѣрно, что эти „Воспоминанія“ показались мнѣ чистою мистификаціей.

Какъ ни тяжело обличать въ неправдахъ покойника, особенно если онъ носилъ имя, драгоцѣнное для сердца кровныхъ, злосчастное изданіе въ свѣтъ такихъ меморій, гдѣ преимущественно опорочены характеръ и жизнь собственныхъ родителей, родныхъ и благодѣтелей г-жи Хвостовой, гораздо ранѣе ея сошедшихъ въ могилу, возлагаетъ на меня печальную необходимость снять поношеніе съ моихъ незабвенныхъ и свято чтимыхъ родныхъ покойниковъ...

[1]) „Русскій Вѣстникъ“, 1872, II. Е. А. Ладыженская—сестра Е. А. Сушковой-Хвостовой.

Прошло болѣе четырехъ лѣтъ послѣ навѣкъ неизгладимыхъ впечатлѣній, воспріятыхъ нѣжною душою Лермонтова (въ Средниковѣ и Большаковѣ), когда онъ, окончивъ свое ученіе въ юнкерской школѣ, повстрѣчался съ нами на балѣ моихъ милыхъ пензенскихъ К. и сестры ея А. Не „сестра Лиза", а сама Лизина сестра отыскала байбака (какъ непочтительно называла будущаго пѣвца „Мцыри" тетушка Пр. Вас. Сушкова). Старые знакомые очень обрадовались нежданной встрѣчѣ, много танцовали и разговаривали между собою въ этотъ вечеръ. Михаилъ Юрьевичъ тутъ же былъ представленъ Беклешовымъ, которые благосклонно приняли юношу. Лермонтовъ сталъ къ намъ часто ѣздить запросто по вечерамъ. Легкій доступъ въ нашъ строго-разборчивый домъ открылся ему не ради его значенія, а по многимъ другимъ причинамъ: мы обѣ были знакомы съ нимъ по Москвѣ, онъ былъ сверстникъ и сотоварищъ (по бывшему Моск. Благ. Унив. пансіону) нашихъ двоюродныхъ братьевъ Серг. и Дм. Петровичей Сушковыхъ, такой же неоперившійся юноша, какъ съ десятокъ подрастающихъ или выросшихъ мальчиковъ на глазахъ и на попеченіи Беклешовыхъ. Притомъ былъ нѣкоторый поводъ думать, что въ эту зиму пріѣдетъ въ Петербургъ родственникъ юнаго гусара, богатый молодой человѣкъ[1]), постоянно жившій въ Москвѣ и остававшійся, какъ предполагалось, неравнодушнымъ къ Екатеринѣ Александровнѣ[2]).

Въ такіе вечера, съ работой въ рукахъ, сидѣли мы или втроемъ съ Лермонтовымъ, или въ обществѣ и другихъ молодыхъ людей,— у одного стола, у одной лампы, въ той же большой гостиной, гдѣ тетенька играла въ вистъ. Въ другой, болѣе уютной маленькой гостиной, гдѣ мы сиживали съ братьями или съ болѣе давними знакомыми, служившими по большей части въ комитетѣ для принятія прошеній, гдѣ дядя Беклешовъ былъ директоромъ, я Мих. Юр. не помню. На званыхъ и на положенныхъ вечерахъ нашихъ знакомыхъ, немедленно сдѣлавшихся и знакомыми Лермонтова, онъ постоянно танцовалъ съ сестрой мазурку. Такая милость, оказываемая Ек. Ал. незначащему, только что выпущенному офицерику, навѣрное, не была бы обойдена безъ замѣчаній со стороны тетеньки, еслибъ онъ не казался всѣмъ намъ звеномъ соединенія между сестрой и ожидаемымъ пріѣзжимъ.

Послѣ одной изъ такихъ мазурокъ, кажется, на святкахъ, я еще теперь вижу тотъ уголокъ, у камина, въ залѣ тогдашняго генералъ-губернатора графа Эссена, гдѣ они пріютились на этотъ продолжительный танецъ; сестра, необыкновенно оживленная, пожала мнѣ руку, а дома повѣдала, что Лермонтовъ, доставъ (безъ всякаго сомнѣнія, изъ кармана) крестъ, произнесъ клятву въ жгучей любви. Теперь изъ послѣдовавшихъ происшествій я заключаю, что онъ

[1]) Лопухинъ.
[2]) Сушкова-Хвостова.

Кн. Г. Г. Гагаринъ. *Кавказскіе типы Лермонтовскихъ временъ. Городничій, уѣздный начальн. и типы жителей Александрополя (Эриванск. губ.).*

обязалъ какою то клятвой и ее, но что она, къ чести ея будь сказано, произнесла свою гораздо искреннѣе. Этой подробности она не ввѣрила моей дружбѣ, и мнѣ остался неизвѣстенъ подарокъ кольца, можетъ статься - обмѣнъ двухъ колецъ... Форма присяги юнаго поэта, вѣрно, была краснорѣчива, и въ тѣ мои годы я очень могла воскликнуть: „О, какъ онъ тебя любитъ!“

Рѣшительно не могу припомнить, совпали ли эти клятвы съ прибытіемъ г-на Л-на [1]) въ Петербургъ, или онъ пріѣхалъ въ скорости, даже его самого едва помню въ нашемъ домѣ, гдѣ онъ побывалъ раза два-три не запросто, а съ утреннимъ визитомъ, и на танцовальномъ вечерѣ; все прочее совершенно стерлось въ моей памяти, такъ какъ и пріѣздъ остался безъ результатовъ и посѣщенія московскаго гостя не были отмѣчены ничѣмъ особеннымъ.

Но живо сохранился въ моемъ воспоминаніи пятый актъ кратковременнаго сценическаго представленія самого автора „Маскарада“. Частью по его содѣйствію, частью по обстоятельствамъ этотъ пятый актъ разыгрался въ нашемъ домѣ гораздо оригинальнѣе, чѣмъ разсказано въ „Воспоминаніяхъ“. Лермонтовъ воспользовался *паникой* честнѣйшаго семейства консерваторовъ, къ которому принадлежали мои добрые родные.

Къ новому, 1835 году правительство вознамѣрилось учредить городскую почту. У насъ старшими гостями и хозяевами подчасъ выражались порицанія этой мѣрѣ: и чего добраго, съ такими нововведеніями къ молодымъ дѣвушкамъ и женщинамъ полетятъ любовныя признанія, посыплются безыменные пасквили на цѣлыя семейства!.. То ли дѣло заведенный порядокъ! Войдетъ въ переднюю огромный ливрейный лакей съ маленькою записочкой въ рукахъ, возгласитъ четыремъ-пяти своимъ собратьямъ: „отъ Ольги Николаевны, отвѣта не нужно“, или: „отъ Глафиры Сергѣевны, просятъ отвѣта“, и одинъ изъ заслуженныхъ домочадцевъ несетъ писульку къ барынѣ, докладываетъ ей, отъ кого, часто и о чемъ, какъ будто самъ умѣетъ читать, даже по-французски. Не лучше ли такъ? Не нравственнѣе ли? Вся жизнь барыни и барышень на ладони всякаго лакея; каждый изъ нихъ можетъ присягнуть, что ни за одной изъ нихъ ни малѣйше-шероховатой переписки не водится, а почталіонъ что? какое ему дѣло?—отдалъ, получилъ плату, и былъ таковъ!

Тревожное раздуміе болѣе всего озабочивало тетеньку: это нововведеніе казалось ей первымъ насильственнымъ вторженіемъ внѣшняго міра въ свято охраняемый бытъ семейный. Если Фамусовъ кряхтѣлъ отъ одной „комиссіи“, то у Мар. Вас. было ихъ на рукахъ двѣ, и уже стояла на степени кандидатки третья, подрастающая и воспитывающаяся въ пансіонѣ сиротка. Провѣдалъ ли о ея черныхъ думахъ Михаилъ Юрьевичъ или по чутью догадался, что у насъ дойти письму въ собственныя руки барышни такъ же труд-

[1]) Лопухинъ.

но, какъ мальчику вскинуть свой мячъ до луны? Въ первыхъ числахъ января г. Л-нъ уѣзжалъ обратно въ Москву. Въ самый день его отъѣзда, какъ разъ на починѣ рокового учрежденія, не ранѣе 10-ти часовъ вечера, зазвенѣлъ колокольчикъ. Въ тѣ времена онъ не могъ такъ поздно возвѣщать посѣтителей, а развѣ курьера къ одному изъ дядей, да развѣ-развѣ Лермонтова, что то запропавшаго въ послѣдніе дни: послѣ проводовъ родственника онъ ѣдетъ мимо, и завидѣлъ наши освѣщенныя окна... Отъ самаго обѣда мы сидѣли однѣ-одинехоньки въ маленькой гостиной; тетенькѣ съ трудомъ составилась партія въ большой... (Необыкновенная тишина, нелюдность нашего дома въ этотъ день напоминаютъ мнѣ, что то былъ Крещенскій Сочельникъ). Тоже припоминается теперь, что сестра сильно встрепенулась при звукѣ колокольчика, проговорила: „Лермонтовъ!" и послала меня посмотрѣть, кто войдетъ. Дойдя до порога второй гостиной, я увидѣла, что лакей что-то подалъ дядѣ Николаю Сергѣевичу, сидѣвшему возлѣ партнеромъ, а не съ нами, какъ значится въ „Воспоминаніяхъ" (для вставки его нравоописанія и тутъ переиначена семейная картина). „Хорошо, зажги свѣчи въ кабинетѣ", сказалъ дядя человѣку и направился туда. Вскорѣ партнеры разъѣхались, мы ждали прихода тетеньки и дядей къ намъ, какъ это дѣлалось обыкновенно, но, къ удивленію нашему, слышимъ, что Ник. Серг. заперся въ своемъ кабинетѣ съ женой и съ дядей Н. В. Сушковымъ. Этого не случалось никогда, никогда, притомъ такъ поздно, пора ужинать.

Зовутъ и насъ! — Ужъ не предложеніе ли? мнѣ? тебѣ? Вотъ правду сказываютъ: Богъ—сиротамъ опекунъ!..

Мы вошли. На дѣловомъ столѣ дяди лежалъ мелко исписанный большой почтовый листъ бумаги.

Екатеринѣ Александровнѣ подали письмо и конвертъ, адресованный на ея имя.

— Покорно благодарю!—вымолвила тетенька далеко не умильно и не ласково.—Вотъ что навлекаетъ на насъ ваша вѣтреность, ваше кокетство!.. Я ли не старалась?.. Вотъ плоды!! Стой и ты тутъ, слушай! И ты туда же пойдешь,—обратилась она ко мнѣ.—Извольте читать и сказать обѣ, кѣмъ и про кого это написано!

Намъ стоило бросить взглядъ, чтобъ узнать руку Лермонтова. Обѣ мы въ разное время столько перевидали въ Москвѣ лоскутковъ бумажекъ съ его стихотворными опытами. Мнѣ давали ихъ на прочтеніе не Александра В. [1]), а другая его кузина, Полина В., съ которою мы брали танцовальные уроки у Іогеля, въ домѣ ея матери (Екат. Арк. Столыпиной), гдѣ я и познакомилась съ Лермонтовымъ, тогда еще московскимъ студентомъ. Недавнія замѣтки на страницахъ L'Atelier d' un Peintre—романъ, подаренный мною Ек. Ал. въ ея именины—снова ознакомили насъ съ мало измѣнившимся почеркомъ поэта.

[1]) Верещагина.

Въ одинъ мигъ Екатерина Александровна придавила мнѣ ногу: „молчи, дескать!“. Я ничего не сказала.

Длинное французское безымянное письмо руки Лермонтова, отъ *лица благородной дѣвушки*, обольщенной, обезчещенной и послѣ жестоко покинутой безжалостнымъ сокрушителемъ счастія дѣвъ, было исполнено нѣжнѣйшихъ предостереженій и самоотверженнаго желанія предотвратить другую несчастливицу отъ обаянія бездны, въ которую была низвергнута горемычная она. „Я подкараулила, я видѣла васъ,— писала сердобольная падшая барышня въ ментикѣ и доломанѣ,— вы прелестные, вы пышете чувствомъ, довѣрчивостью... и горькія сожалѣнія наполнили мою душу. Увы! и я нѣкогда была чиста и невинна, подобно вамъ,—и я любила, и я мечтала, что любима, но этотъ коварный, этотъ змѣй...“ И такъ далѣе, на четырехъ страницахъ, которыя очерняли кого-то, не называя его.

Мѣсто злодѣйскихъ дѣйствій происходило въ Курской губерніи. Повидимому, не то чтобы вчера, ибо „юная дѣва“ успѣла „подъ вечеръ осенью ненастной перейти пустынныя мѣста“; всѣ раны ея уже закрылись, какъ вдругъ, находясь ненарокомъ въ столицѣ, она услышала, что ножъ занесенъ на другую жертву, и вотъ бросается спасать ее. Само собою разумѣется, что предъ посылкою письма Лермонтовъ на одномъ или двухъ послѣднихъ вечерахъ былъ мраченъ, разсѣянъ, говорилъ объ угрызеніяхъ, о внезапномъ видѣніи на улицѣ... „Дашенька—Курскъ...“ Когда сестра въ первыхъ попыхахъ той ночи сообщила мнѣ это предисловіе,—несмотря на почеркъ Лермонтова, въ которомъ намъ невозможно было сомнѣваться,—мы едва ли не повѣрили и существованію Дашеньки, и тому, что сидѣвшій въ школѣ двадцатилѣтній подпрапорщикъ натворилъ столько бѣдъ въ Курскѣ. Ручаюсь, по крайней мѣрѣ, за мое легковѣріе.

Утромъ дѣло усложнилось. Я уже сказала: чувство чести сильно развито въ нашемъ семействѣ, и тетенькѣ было очень жутко при мысли, что безыменное письмо, какъ оно ни благонамѣренно, заподозриваетъ однако ея пріемную дочь въ возможности увлеченія. Мужъ ея, вставъ ранѣе обыкновеннаго, развѣдалъ отъ людей, что письмо было принесено,—даже не почталіономъ, а кѣмъ бы вы думали?—хозяиномъ... мелочной лавочки, лежащей наискосокъ!! Дворецкаго отрядили къ нему за справками: кто далъ тебѣ вчера письмо?—Остановились сани въ одну лошадь, кучеръ далъ ему конвертъ, сказавъ: „отнеси-ка, братъ, на генеральскую квартиру, да скажи, чтобъ отдали старшей барышнѣ“. Лавочникъ то и поусердствовалъ, опрометью бросился на генеральскую квартиру, въ первый разъ ступилъ въ нее ногой, да такъ и брякнулъ „devant des domestiques!“ Это-съ для старшей барышни...

Вы только представьте себѣ весь ужасъ нашего положенія. Ослава сдѣлана: лавочникъ! люди! Остается предотвратить гибель. Кто же этотъ неотразимый соблазнитель? Когда начались допросы,

Ек. Ал. не запнулась назвать того, „кто умъ и сердце волновалъ" —мои. Но мои бурныя чувства не укрылись отъ родныхъ, и они единогласно сказали: „нѣтъ, нѣтъ, это по части Лизы". Дядя Н. В. Сушковъ своею рѣшительностью и проницательностью добрался до истины бумаги: онъ потребовалъ сестрины бумаги: почеркъ стихотвореній 1830 года и на романѣ г-жи Дебордъ-Вальморъ и на вчерашнемъ письмѣ оказался одинъ и тотъ же. Всѣ трое судей сильно вознегодовали на мальчика, осмѣлившагося такъ потѣшаться надъ дѣвушкой и переслать ей подобное письмо.

Екатерину Александровну, конечно, порядкомъ пожурили, но ни опалы, ни заключенія, ни отверженія *не было. Въ тотъ же самый вечеръ,* дабы „злой свѣтъ" не проникъ въ наши безпримѣрные въ лѣтописяхъ міра переполохи, *мы танцовали* на званомъ вечерѣ у С. Это былъ день рожденія хозяйки дома, которую тетенька особенно уважала. Присутствіе же сестры на этомъ вечерѣ мнѣ чрезвычайно памятно, потому что, простодушно опасаясь, чтобы въ силу утренней угрозы насъ не отправили къ дѣдушкѣ въ Пензу („въ глушь, въ Саратовъ")—ее въ наказаніе за причиненное огорченіе, а меня, такъ себѣ, ради компаніи, -она объявила мнѣ, что займется въ этотъ вечеръ выдачей замужъ меня за единственнаго кавалера, знакомаго мнѣ въ этомъ домѣ и нимало мнѣ не любезнаго. Несмотря на мои отговорки, она положила пристроить меня, Петербурга не оставлять, а переѣхать жить ко мнѣ. Она дѣйствительно и посватала меня обиняками, да не успѣла сразить моего мнимаго вздыхателя страшною вѣстью о моемъ предстоящемъ отъѣздѣ.

Черезъ два-три дня мы были, какъ обыкновенно по пятницамъ, у Л. Считаясь въ родствѣ, Лермонтовъ постоянно бывалъ у нихъ. Екатеринѣ Александровнѣ внушали изъявить презрѣніе дерзкому шалуну, танцовать же съ нимъ положительно запретили. Она была замѣтно разстроена и все искала случая перемолвиться съ Лермонтовымъ, державшимъ себя какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ и поклонился развязно, и подсѣлъ къ ней съ величайшею непринужденностью; но дядя Н. В. Сушковъ, не скрывая строгого неодобренія въ лицѣ и въ глазахъ, съ явно пренебрежительнымъ видомъ то отводилъ его отъ племянницы, то не допускалъ къ ней приблизиться. Лермонтову не возбранялся этимъ путь къ честному прямому объясненію честныхъ намѣреній, еслибъ они у него были, а только доказывалось ему, что Ек. Алек. не беззащитна, что насталъ часъ прекратить затѣянную надъ ней игру,--не то шутка можетъ кончиться совсѣмъ не шуткой. Такое завѣреніе выразилъ ему дядя и изустно, сдѣлавъ ему честь съ минуту пройтись съ нимъ гдѣ-то по залѣ и побесѣдовать о нравственномъ выводѣ моднаго ли романа или театральной пьесы. Впрочемъ, поэтъ съ перваго вечера уже прикинулся обиженнымъ; потомъ пробовалъ холодно изумленными, вопросительными взглядами или мимолетными колкостями вымещать на Екатеринѣ Александровнѣ непостижимое обращеніе ея дяди. Но

такъ какъ этотъ не измѣнялъ ни своего выраженія вызывающей насмѣшливости во всей осанкѣ, ни строгой бдительности за маневрами гусара, черезъ недѣлю съ небольшимъ Михаилъ Юрьевичъ почти пересталъ и кланяться сестрѣ. Внезапный, даже неприличный его налетъ на нашъ домъ, въ 7 часу вечера, вслѣдъ за тою первою пятницей, заставилъ нашихъ покровителей отдать приказаніе отказывать ему во всякое время дня, и наши слуги отлично выполнили возложенное порученіе. Два - три откровенныхъ „васъ не приказано принимать" окончательно вразумили г. Лермонтова, что авторъ анонимнаго письма узнанъ и оцѣненъ по заслугамъ. Съ наступленіемъ Великаго поста, онъ чуть ли не совсѣмъ исчезъ съ нашего горизонта. Тѣмъ и кончился романъ, которому въ моихъ рѣдкихъ обращеніяхъ на него и на давнее прошлое я придавала, по крайней мѣрѣ, болѣе продолжительности, а онъ длился всего одинъ мѣсяцъ.

Нанесъ ли этотъ коротенькій и нелестный эпизодъ кровавыя, неизлѣчимыя раны сердцу Екатерины Александровны, мнѣ, стоявшей вблизи, какъ случается нерѣдко, это было совершенно незамѣтно. Мы припоминали замѣтки Лермонтова, безжалостно стертыя со страницъ любимой нами книги, но возобновлять ихъ въ ней не дерзали, — сохрани Богъ, увидитъ тетенька! —а записывали ихъ на другихъ летучихъ листкахъ; совершенно успокоенныя подсмѣивались надъ смятеніемъ, произведеннымъ письмомъ между нашими старшими, вообще проводили лѣто и шумно, и людно въ богатомъ Ѳедосьинѣ, тѣмъ болѣе шумно и людно, что „громадное семейство Андрея и Прасковьи Вас. Сушковыхъ, съ ангеломъ Варечкой" могло въ первый разъ послѣ цѣлыхъ девяти лѣтъ пріѣхать погостить у Беклешовыхъ.

Въ началѣ осени я вышла замужъ.

Года черезъ два послѣ того, когда я съ любопытствомъ отсталой деревенской барыни закидывала временно пріѣзжавшихъ столичныхъ моихъ родственниковъ и о прошломъ, и о новостяхъ, услышала я изъ собственныхъ устъ Ек. Ал. объясненіе продѣлки съ нею Лермонтова. Вотъ оно: какъ только узналось о его короткомъ знакомствѣ въ нашемъ домѣ, то одна москвитянка, страстно влюбленная въ г. Л—на и вдобавокъ пріятельница Ек. Ал., поручила умненькому молодому гусару воспрепятствовать предполагаемому союзу. Въ эпоху этого разсказа, слышаннаго собственными моими ушами, въ чувствахъ Ек. Ал. преобладали гнѣвъ на вѣроломство пріятельницы, сожалѣніе объ утратѣ хорошаго жениха, и отнюдь не было воздвигнуто кумирни Михаилу Юрьевичу. Онъ обожествленъ гораздо, гораздо позднѣе.

Не помянула она его добрымъ словомъ и возвратясь изъ Тифлиса, вскорѣ послѣ трагической смерти молодого поэта, исторгшей слезы изъ многихъ другихъ глазъ, а смотрѣла на этотъ грустный конецъ, какъ на заслуженное наказаніе за безпрерывную нестерпимую придирчивость его къ г. Мартынову, которому, по ея словамъ, онъ втайнѣ завидовалъ.

Иногда случалось мнѣ удовлетворять любопытству нѣкоторыхъ лицъ, разспрашивавшихъ меня о рано погибшемъ даровитомъ юношѣ; я всегда излагала мой разсказъ и его объясненіе, которому вполнѣ вѣрила тогда [1]), такъ, какъ они переданы здѣсь, и, восхищаясь стихами и прозой Михаила Юрьевича, никогда не хвалила, не возбуждала другихъ уважать его характеръ, — такъ въ глубинѣ души сердилась я на него за сестру.

Совершенно неожиданно въ моемъ сужденіи и въ самыхъ чувствахъ стала происходить перемѣна. Съ переселеніемъ Екат. Ал. изъ чужихъ краевъ въ Россію (осенью 1852 или 53) мнѣ такъ часто приходилось слышать о страстной, о единственной въ жизни поэта любви къ моей сестрѣ, что мнѣ бывало и совѣстно, и смѣшно, и досадно. Разубѣдить ее мнѣ не было никакой возможности, мы были такъ далеки другъ отъ друга, и моя попытка осталась бы совершенно безуспѣшною.

Тетради Ек. Ал., вѣроятно, все толстѣли, съ тѣмъ вмѣстѣ — надо полагать — учащались и распространялись ея изустныя преданія.

Едва пріѣхала въ Петербургъ (1855) и вошла ко мнѣ незабвенная и — увы! — тоже покойная кузина Ростопчина, какъ принялась прелестно подшучивать надъ вновь открытою диковиной: у насъ появились свои доморощенные Петрарка и Лаура, или Данте и Беатриче, слитые въ жизни, въ потомствѣ, въ вѣчности, — Михаилъ Юрьевичъ и Екатерина Александровна. Вслѣдъ за этимъ заставила она меня покатиться со смѣху, которому такъ увлекательно мило вторила и сама разсказчица, передавая мнѣ, какъ приглашенный и не принявшій приглашенія быть шаферомъ Ек. Ал. на вѣнчаніе ея въ 1838 году съ г. Хвостовымъ скорбный поэтъ, стоя за ея спиной, отъ тоски, волненія раздирательныхъ чувствъ, то и дѣло готовъ былъ падать въ обморокъ и то опирался на руку одного, то склонялся головой на перси другого сострадательнаго смертнаго.

Будь графиня Ростопчина жива, она сама засвидѣтельствовала бы достовѣрность этого анекдота; его скрѣпилъ бы своею подписью и самъ Лермонтовъ, еслибъ и онъ не отошелъ къ тѣнямъ, такъ напрасно, такъ суетно, такъ недостойно вызваннымъ „Воспоминаніями" и такъ бездушно выведеннымъ предъ публикой...

Въ заключеніе укажу еще нѣсколько неточностей „Воспоминаній".

М. Ю. Лермонтовъ не былъ „исключенъ за шалость изъ Московскаго университета". Лермонтовъ былъ на 2-мъ или на 3-мъ курсѣ, когда ему захотѣлось перейти въ Петербургъ. Снеслись съ

[1]) Теперь я или не дала бы вѣроятія подобнымъ объясненіямъ, или истолковала бы возложенное порученіе не страстью, а заботливостью и той особы, и другихъ родственницъ г. Л—на, не имѣвшихъ права удерживать независимаго, но чрезвычайно молодого человѣка отъ слишкомъ ранней женитьбы, если онъ о ней помышлялъ, и потому попросившихъ близкаго имъ Лермонтова изучить, какъ сказали бы теперь, дѣвушку, совершенно незнакомую однимъ, мало знакомую другимъ изъ нихъ. Съ другой стороны, не чуждо мнѣ и то предположеніе, что Лермонтовъ, по природѣ болѣе склонный наносить вредъ, чѣмъ вносить съ собою благополучіе, самъ отъ себя затѣялъ разлучить, а не соединить. Опять повторяю: если былъ помыселъ о соединеніи.

Прим. автора.

тамошнимъ университетомъ, который дозволилъ переводъ не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы проситель началъ сызнова, т.-е. выдержалъ вступительный экзаменъ.

Такое требованіе разсердило Лермонтова; онъ съ досады вступилъ въ юнкерскую школу. Шумъ, произведенный этимъ дѣломъ, совершенно извратившимъ карьеру молодого человѣка, который преимущественно отличался умственными способностями, вызвалъ начальство установить съ той поры, что студенты могутъ переходить изъ одного университета въ другой, ничего не теряя изъ своихъ учебныхъ годовъ.

Такъ разсказывала мнѣ по смерти поэта его родственница Ек. Лук. С., урожденная Б. Можно справиться у нея или у ея дочери, Маріи Львовны Д. Онѣ живы.

М. Ю. Лермонтовъ никакъ не могъ перелѣзть черезъ заборъ и нарвать въ саду Сушковыхъ желтаго шиповника по тѣмъ причинамъ, что при домѣ Сушковыхъ никакого сада не было, а былъ пустырь безъ всякихъ кустовъ и дорожекъ, въ одномъ углу котораго стояла, кажется, баня, въ другомъ же, противоположномъ, разстилалось не то божье дерево, не то заглохшій кустъ смородины; да и шиповники, какого бы цвѣту они ни были, цвѣтутъ весной, а не осенью.

М. Ю. Лермонтовъ не былъ нищій, а, сколько помнится, владѣлецъ 800 душъ. Ему нечего было смиренничать предъ дѣвушкой, имѣвшей гораздо менѣе благосостоянія и бывшей нѣсколько старѣе его. Недовѣріе къ себѣ, конечно, составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ истинной любви, а самоуниженіе могло быть одною изъ разительнѣйшихъ чертъ характера Михаила Юрьевича. Въ такомъ случаѣ мнѣ понятна его милая застѣнчивость.

6.

А. Меринскій.

Воспоминаніе о Лермонтовѣ [1]).

Лермонтовъ былъ брюнетъ, съ блѣдно-желтоватымъ лицомъ, съ черными, какъ уголь глазами, взглядъ которыхъ, какъ онъ самъ выразился о Печоринѣ, былъ иногда тяжелъ. Невысокаго роста, широкоплечій, онъ не былъ красивъ, но почему то вниманіе каждаго, и не знавшаго, кто онъ, невольно на немъ останавливалось.

[1]) „Атеней“ 1858, № 48.

Въ 1831 году, переѣхавъ изъ Москвы въ Петербургъ, онъ началъ приготовляться къ экзамену для вступленія въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, куда и поступилъ въ началѣ 1832 года (кажется, въ мартѣ), въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ[1]). Годомъ позднѣе Лермонтова, опредѣлясь въ гвардейскіе уланы, я поступилъ въ ту же школу и познакомился съ нимъ, какъ съ товарищемъ. Вступленіе его въ юнкера не совсѣмъ было счастливо.

Сильный душой, онъ былъ силенъ и физически, и часто любилъ выказывать свою силу. Разъ послѣ ѣзды въ манежѣ, будучи еще, по школьному выраженію, новичкомъ, подстрекаемый старыми юнкерами, онъ, чтобъ показать свое знаніе въ ѣздѣ, силу и смѣлость, сѣлъ на молодую лошадь, еще не выѣзженную, которая начала бѣситься и вертѣться около другихъ лошадей, находившихся въ манежѣ. Одна изъ нихъ ударила Лермонтова въ ногу и расшибла ему ее до кости. Его безъ чувствъ вынесли изъ манежа. Онъ проболѣлъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, находясь въ домѣ у своей бабушки, Е. А. Арсеньевой, которая любила его до обожанія. Добрая старушка, какъ она тогда была огорчена и сколько впослѣдствіи перестрадала за нашего поэта! Всѣ юнкера, его товарищи, знали ее, всѣ ее уважали и любили. Во всѣхъ она принимала участіе, и многіе изъ насъ часто бывали обязаны ея ловкому ходатайству передъ строгимъ начальствомъ. Живя каждое лѣто въ Петергофѣ, близъ кадетскаго лагеря, въ которомъ въ это время обыкновенно стояли юнкера, она особенно бывала въ страхѣ за своего внука, когда эскадронъ нашъ отправлялся на конныя ученья. Мы должны были проходить мимо ея дачи, и всегда видѣли, какъ почтенная старушка, стоя у окна, издали крестила своего внука и продолжала крестить всѣхъ насъ, пока длинною вереницей не пройдетъ передъ ея домомъ весь эскадронъ и не скроется изъ виду.

Въ юнкерской школѣ Лермонтовъ былъ хорошъ со всѣми товарищами, хотя нѣкоторые изъ нихъ не очень любили его за то, что онъ преслѣдовалъ ихъ своими остротами и насмѣшками за все ложное, натянутое и неестественное, чего никакъ не могъ переносить. Впослѣдствіи и въ свѣтѣ онъ не оставилъ своей привычки, хотя имѣлъ за то много непріятностей и враговъ. Между юнкерами онъ особенно друженъ былъ съ А. В. Вонлярлярскимъ[2]) (извѣстнымъ беллетристомъ, авторомъ „Большой барыни“ и пр.), котораго любилъ за веселыя шутки. Своими забавными разсказами Вонлярлярскій привлекалъ къ себѣ многихъ. Бывало, въ школѣ, по вечерамъ, когда нѣкоторые изъ насъ соберутся, какъ мы тогда выражались, „поболтать“, разсказы Вонлярлярскаго были неистощимы; разумѣется,

[1]) Въ то время юнкера, находившіеся въ школѣ, считались въ полкахъ и носили каждый своего полка мундиръ.

[2]) Въ то время Вонлярлярскій тоже былъ юнкеромъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка. Произведенъ офицеромъ въ гвардейскіе конно-піонеры.

при этомъ Лермонтовъ никому не уступалъ въ остротахъ и веселыхъ шуткакъ.

Зимой, въ началѣ 1834 года, кто то изъ насъ предложилъ издавать въ школѣ журналъ, конечно, рукописный. Всѣ согласились. Вотъ какъ это было. Журналъ долженъ былъ выходить одинъ разъ въ недѣлю, по средамъ; въ продолженіе семи дней накоплялись статьи. Кто писалъ и хотѣлъ помѣщать свои сочиненія, тотъ клалъ рукопись въ назначенный для того ящикъ одного изъ столиковъ, находившихся при кроватяхъ въ нашихъ кàморахъ. Желавшій могъ оставаться неизвѣстнымъ. По средамъ вынимались изъ ящика статьи и сшивались, составляя довольно толстую тетрадь, которая вечеромъ въ тотъ же день, при сборѣ всѣхъ насъ, громко прочитывалась. При этомъ смѣхъ и шутки не умолкали. Такихъ нумеровъ журнала набралось нѣсколько. Не знаю, что съ ними сталось; но въ нихъ много было помѣщено стихотвореній Лермонтова, правда, большею частью, не совсѣмъ скромныхъ и не подлежащихъ печати, какъ, напримѣръ: „Уланша", „Праздникъ въ Петергофѣ" и другія. „Уланша" была любимымъ стихотвореніемъ юнкеровъ; вѣроятно, и теперь, въ нынѣшней школѣ, завѣтная тетрадка тайкомъ переходитъ изъ рукъ въ руки. Надо сказать, что юнкерскій эскадронъ, въ которомъ мы находились, былъ раздѣленъ[1]) на четыре отдѣленія: два тяжелой кавалеріи, то есть кирасирскія, и два легкой уланское и гусарское. Уланское отдѣленіе, въ которомъ состоялъ и я, было самое шумное и самое шаловливое. Этихъ то уланъ Лермонтовъ воспѣлъ, описавъ ихъ ночлегъ въ деревнѣ Ижоркѣ, близъ Стрѣльны, при переходѣ ихъ изъ Петербурга въ петергофскій лагерь. Вотъ одна изъ окончательныхъ строфъ, — описаніе выступленія послѣ ночлега:

На утро дневное свѣтило
Взошло сквозь сѣрыхъ облаковъ,
И кровли спящія домовъ
Живымъ лучомъ позолотило.
Вдругъ слышенъ крикъ: вставай, скорѣй!
И сборъ пробили барабаны[2])
И полусонные уланы,
Зѣвая, сѣли на коней.

Въ одной изъ тетрадей того же журнала было помѣщено шутливое стихотвореніе Лермонтова: „Юнкерская молитва"

Никто изъ насъ тогда. конечно, не подозрѣвалъ и не разгадывалъ великаго таланта въ Лермонтовѣ. Да были ли тогда досугъ и охота намъ что-нибудь разгадывать, намъ, юношамъ въ семнадцать лѣтъ, смѣло и горячо начинавшимъ жизнь, что называется безъ оглядки и разгадки! Въ то время Лермонтовъ писалъ не одни ша

[1]) Раздѣленіе это было не по фрунтовой части.

[2]) Хотя при эскадронѣ были трубачи, но какъ въ отрядѣ, шедшемъ въ лагерь, находились подпрапорщики и кадеты, то подъемъ дѣлался по барабанному бою.

ловливыя стихотворенія; но только немногимъ и немногое показывалъ изъ написаннаго. Разъ въ откровенномъ разговорѣ со мной онъ мнѣ разсказалъ планъ романа, который задумалъ писать прозой и три главы котораго были тогда уже имъ написаны. Романъ этотъ былъ изъ временъ Екатерины II, основанный на истинномъ происшествіи, по разсказамъ его бабушки. Не помню хорошо всего сюжета, помню только, что какой то нищій игралъ значительную роль въ этомъ романѣ; въ немъ также описывалась первая любовь, не вполнѣ раздѣленная, и встрѣча одного изъ лицъ романа съ женщиной съ сильнымъ характеромъ, что разъ случилось и съ самимъ поэтомъ въ его раннней юности, какъ онъ мнѣ самъ о томъ разсказывалъ и о чемъ, кажется, намекаетъ въ одномъ мѣстѣ записокъ Печорина.

Поэма „Демонъ", задолго до появленія въ печати всѣмъ извѣстная въ рукописи, была написана Лермонтовымъ еще въ 1830-мъ и 31-мъ годахъ, когда ему было не болѣе семнадцати лѣтъ. Я имѣю первоначальную рукопись этой поэмы, впослѣдствіи передѣланной и увеличенной. Въ нѣкоторыхъ монологахъ „Демона" поэтъ уничтожилъ нѣсколько стиховъ прекрасныхъ, но слишкомъ смѣлыхъ. Въ юнкерской школѣ онъ написалъ стихотворную повѣсть (1833 г.) „Хаджи-Абрекъ". Осенью 1834 года его родственникъ и товарищъ, тоже нашъ юнкеръ, Н. Д. Юрьевъ, тайкомъ отъ Лермонтова отнесъ эту повѣсть къ Смирдину, въ журналъ „Библіотеку для Чтенія", гдѣ она и была помѣщена въ слѣдующемъ 1835 году. Это, если не ошибаюсь, было первое появившееся въ печати стихотвореніе Лермонтова, по крайней мѣрѣ, съ подписью его имени.

Въ то время въ юнкерской школѣ намъ не позволялось читать книгъ чисто литературнаго содержанія, хотя мы не всегда исполняли это; тѣ, которые любили чтеніе, занимались имъ большею частью по праздникамъ, когда насъ распускали изъ школы. Всякій разъ, какъ я заходилъ въ домъ къ Лермонтову, почти всегда находилъ его съ книгою въ рукахъ, и книга эта была: сочиненія Байрона и иногда Вальтеръ-Скоттъ, на англійскомъ языкѣ, — Лермонтовъ зналъ этотъ языкъ. Какое имѣло вліяніе на поэзію Лермонтова чтеніе Байрона — всѣмъ извѣстно; но не одно это, — и характеръ его, отчасти схожій съ Байроновымъ, былъ причиной, что Лермонтовъ, несмотря на свою самобытность, невольно иногда подражалъ британскому поэту.

Наконецъ, въ исходѣ 1834 года Лермонтовъ былъ произведенъ въ корнеты въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, и оставилъ юнкерскую школу. По производствѣ въ офицеры онъ началъ вести разсѣянную и веселую жизнь, проводя время зимой — въ высшемъ кругу петербургскаго общества и въ Царскомъ Селѣ, въ дружескихъ пирушкахъ гусарскихъ; лѣтомъ - на ученьяхъ и въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ, откуда, одинъ разъ, онъ совершилъ романическое путешествіе верхомъ, сопровождая ночью своего товарища на одну изъ

дачъ, лежащихъ по петергофской дорогѣ. Путешествіе это описано имъ въ стихотвореніи „Монго“ очень игриво.

МОНГО.

Садится солнце за горой,
Туманъ дымится надъ болотомъ,
И вотъ дорогой столбовой
Летятъ, склонившись надъ лукой,
Два всадника лихимъ налетомъ.
Одинъ—высокъ и сухощавъ,
Кобылу сѣрую собравъ,
То горячитъ нетерпѣливо,
То сдержитъ вдругъ одной рукой.
Малъ и широкъ въ плечахъ другой...
Храпя, мотаетъ длинной гривой
Подъ нимъ саврасый скакунокъ,
Степей башкирскихъ сынъ счастливый.
Устали всадники. До ногъ
Отъ головы покрыты прахомъ.
Коней пріѣзженныхъ размахомъ
Они любуются порой,
И рѣчь ведутъ между собой:
— Монго, послушай—тутъ направо!
Осталось только три версты!...
— Постой! ужъ эти мнѣ мосты!
Грозятъ и смотрятъ такъ лукаво.
— Впередъ, Маёшка! только насъ
Измучитъ это приключенье,
Вѣдь завтра въ шесть часовъ ученье!
— Нѣтъ, въ семь! я самъ читалъ приказъ!
Но прежде нужно вамъ, читатель,
Героевъ показать портретъ:
Монго—повѣса и корнетъ,
Актрисъ коварныхъ обожатель—
Былъ молодъ сердцемъ и душой,
Безпечно женскимъ ласкамъ вѣрилъ
И на аршинъ предлинный свой
Людскую честь и совѣсть мѣрилъ.
Породы англійской онъ былъ—
Флегматикъ съ бурыми усами;
Собакъ и портеръ онъ любилъ,
Не занимался онъ чинами,
Ходилъ немытый цѣлый день,
Носилъ фуражку набекрень;
Имѣлъ онъ гадкую посадку;
Неловко гнулся напередъ
И не тянулъ ноги онъ въ пятку,
Какъ долженъ каждый патріотъ.
Но если, милый, вы ѣзжали
Смотрѣть россійскій нашъ балетъ,
То, вѣрно, въ креслахъ замѣчали
Его внимательный лорнетъ.
Одна изъ дѣвъ ему сначала

Дней девять сряду отвѣчала,
Въ десятый день онъ былъ забытъ—
Съ толпою смѣшанъ волокитъ.
Всѣ жесты, вздохи, объясненья
Не помогали ничего...
И зародился пламень мщенья
Въ душѣ озлобленной его.
Маёшка былъ такихъ же правилъ:
Онъ лѣнь въ законъ себѣ поставилъ,
Домой съ дежурства уѣзжалъ,
Хотя и дома былъ безъ дѣла;
Порою разсуждалъ онъ смѣло,
Но чаще онъ не разсуждалъ.
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ.
Его покоя не смущало,
Что не касалось до него;
Насмѣшекъ гибельное жало
Броню желѣзную встрѣчало
Надъ самолюбіемъ его.
Слова онъ вѣсилъ осторожно,
И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ.
Порою трезвый—вралъ безбожно
И молчаливъ былъ на пирахъ.
Характеръ вовсе безполезный
И для друзей, и для враговъ...
Увы! читатель мой любезный,
Что дѣлать мнѣ—онъ былъ таковъ!
Теперь онъ слѣдуетъ за другомъ
На подвигъ славный, роковой,
Терзаемъ пьяницы недугомъ—
Изгагой мучимъ огневой.
Пріюты нѣги и прохлады
Вдоль по дорогѣ въ Петергофъ
Мелькаютъ въ рядъ изъ-за ограды
Разнообразные фасады
И кровли мирныя домовъ
Въ тѣни таинственныхъ садовъ.
Тамъ есть трактиръ... и онъ отъ вѣка
Зовется Краснымъ кабачкомъ,
И тамъ—для блага человѣка—
Построенъ сумасшедшихъ домъ,
И тамъ пріютъ себѣ смиренный
Танцорка юная нашла.
Краса и честь балетной сцены
На содержаніи была:
N. N., помѣщикъ изъ Казани,
Богатый волжскій старожилъ,
Безъ волокитства, безъ признанья,
Ее невинности лишилъ.
— Мой другъ!—ему я говорилъ:
Ты не въ свои садишься сани,
Танцоркой вздумалъ управлять!

Ну гдѣ тебѣ? . . . .
Но обратимся поскорѣе
Мы къ нашимъ буйнымъ молодцамъ.
Они стоятъ въ пустой аллеѣ,
Коней привязываютъ тамъ,
И вотъ, тропинкой потаенной,
Они къ калиткѣ отдаленной
Спѣшатъ, подобно двумъ ворамъ.
На землю сумракъ ниспадаетъ,
Сквозь вѣтви брезжетъ лунный свѣтъ
И переливами играетъ
На гладкой мѣди эполетъ.
Впередъ отправился Маёшка;
Въ кустахъ проползъ онъ, какъ черкесъ,
И осторожно, точно кошка,
Черезъ заборъ онъ перелѣзъ.
За нимъ Монго нашъ долговязый,
Довольный этою проказой,
Перевалился кое-какъ.
Ну, лихо! сдѣлалъ первый шагъ!
Теперь душа моя въ покоѣ—
Судьба окончитъ остальное!
Облокотившись у окна,
Межъ тѣмъ танцорка молодая
Сидѣла дома и одна.
Ей было скучно и, зѣвая,
Такъ тихо думала она:
„Чудна судьба! о томъ ни слова—
На матушкѣ моей чепецъ
Фасона самаго дурного.
И мой отецъ простой кузнецъ!...
А я—на шелковомъ диванѣ
Ѣмъ мармеладъ, пью шоколадъ;
На сценѣ—знаю ужъ заранѣ—
Мнѣ будетъ хлопать третій рядъ.
Теперь со мной плохія шутки:
Меня сударыней зовутъ,
И за меня три раза въ сутки
Каналью повара дерутъ.
Мой Pierre не слишкомъ интересенъ,
Ревнивъ, упрямъ, что ни толкуй,
Не любитъ смѣху онъ, ни пѣсенъ,
Зато богатъ и глупъ, какъ...
Теперь не то, что было въ школѣ:
Ѣмъ за троихъ порой и болѣ,
И за обѣдомъ пью люнель.
А въ школѣ—Боже!—вотъ мученье!
Днемъ—танцы, выправка, ученье,
А ночью—жесткая постель.
Встаешь, бывало, утромъ рано,
Бренчитъ ужъ въ залѣ фортепьяно,
Поютъ всѣ врозь, трещитъ въ ушахъ;
А тутъ сама, поднявши ногу,
Стоишь, какъ аистъ, на часахъ.
Флёри хлопочетъ, бьетъ тревогу...

Но вотъ одиннадцатый часъ—
Въ кареты всѣхъ сажаютъ насъ.
Тутъ у подъѣзда офицеры,
Стоятъ всѣ въ рядъ, порою въ два...
Какія милыя манеры
И все отборныя слова!
Иныхъ улыбкой ободряешь,
Другихъ бранишь и отгоняешь,
Зато—вернулись лишь домой,
Директоръ порѣтъ на убой!
Ни взглядъ не думай бросить лишній,
Ни слова ты сказать не смѣй,—
А самъ! Прости ему Всевышній—
Вѣдь ужъ какой прелюбодѣй!"
Но тутъ въ окно она взглянула,
И чуть не брякнулась со стула.
Предъ ней, какъ призракъ роковой,
Съ нагайкой, освѣщонъ луной,
Готовый влѣзть почти въ окошко,
Стоитъ Монго, за нимъ Маёшка.
„Что это значитъ, господа?
И кто васъ звалъ придти сюда?
Ворваться къ дѣвушкѣ—безчестно!..."
— Намъ, право, это очень лестно!
„Я васъ прошу: подите прочь!"
—Но гдѣ же проведемъ мы ночь?
Мы мчались, выбились изъ силы...
„Вы неучи!"—Вы очень милы!..
„Чего хотите вы теперь?
Ей Богу, я не понимаю!.."
— Мы просимъ только чашку чаю!
„Панфишка! отвори имъ дверь!"
Поклонъ отвѣсивши пренизко,
Монго ей бросилъ нѣжный взоръ,
Потомъ садится очень близко
И продолжаетъ разговоръ.
Сначала колкіе намеки,
Воспоминанія, упреки;
Ну, словомъ, весь любовный вздоръ...
И нѣжный вздохъ прилично-томный
Порхнулъ изъ груди молодой...
Вотъ ножку нѣжную порой
Онъ жметъ коленкою нескромной,
И говоря о томъ, о семъ...
. . . . . будто бы случайно,
. . . . . . жметъ корсетъ,
. . . . . . что было тайной,
Увы! для насъ въ шестнадцать лѣтъ.
. . . .
Маёшка, другъ великодушный,
Засѣлъ поодаль на диванъ,
Угрюмъ, безмолвенъ, какъ султанъ.
Чужое счастіе намъ скучно,
Какъ добродѣтельный романъ.
Друзья! ужасное мученье

Быть на пиру съ больнымъ ....комъ,
Иль адъютантомъ на сраженьи
При генералишкѣ пустомъ;
Быть на парадѣ жалонёромъ,
Или на балѣ быть танцоромъ,
Но хуже, хуже во сто разъ
Встрѣчать огонь прелестныхъ глазъ,
И думать: это не для насъ!
Межъ тѣмъ Монго горитъ и таетъ.
Вдругъ самый пламенный пассажъ
Зловѣщимъ стукомъ прерываетъ
На дворъ влетѣвшій экипажъ.
Девятимѣстная коляска
И въ ней пятнадцать сѣдоковъ...
Увы! печальная развязка—
Неотразимый гнѣвъ боговъ!..
То былъ NN съ своею свитой:
Степаномъ, Ѳедоромъ, Никитой,
Тарасомъ, Сидоромъ, Петромъ,—
Идутъ, гремятъ, орутъ, содомъ!
Всѣ пьяны... прямо изъ трактира,—
И на устахъ— . . . .
Но, нѣтъ, постой, умолкни, лира!
Тебѣ ль, поклонницѣ мундира,
Поганыхъ фрачныхъ воспѣвать?
Въ истерикѣ младая дѣва...
Какъ защититься ей отъ гнѣва,
Куда гостей своихъ дѣвать?..
Подъ столъ, въ комодъ иль подъ кровать?
Въ комодѣ мѣста нѣтъ и платью,—
. . . . подъ кроватью...
Имъ остается лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть въ окно...
Но вмигъ проснулся духъ военный:
Прыгъ, прыгъ!.. и были таковы...
. . . . [1])
. . . .
Ужъ ночь была, ни зги не видно,
Когда, свершивъ побѣгъ обидный
Для самолюбья и любви,
Повѣсы на коней вскочили
И думы мрачныя свои
Другъ другу вздохомъ сообщили.
Дѣля печаль своихъ господъ,
Ихъ кони съ рыси не сбивались,
Упрямо убавляя ходъ,
Они п..., спотыкались,
И лѣность ихъ преодолѣть
Ни шпоры не могли, ни плеть.
Когда же въ комнатѣ дежурной
Они сошлися поутру,
Воспоминанья ночи бурной
Прогнали краткую хандру.

[1]) Точки въ рукописи.

Тутъ было шутокъ, смѣху было,
И, право, Пушкинъ нашъ не вретъ,
Сказавъ, что день бѣды пройдетъ,
А что пройдетъ, то будетъ мило...
Такъ повѣсть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами,
А вы не можете ль, друзья,
Нравоученье сдѣлать сами?..

Лермонтовъ, какъ сказано, былъ далеко некрасивъ собой и, въ первой юности, даже неуклюжъ. Онъ очень хорошо зналъ это и зналъ, что наружность много значитъ при впечатлѣніи, дѣлаемомъ на женщинъ въ обществѣ. Съ его чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, съ его желаніемъ вездѣ и во всемъ первенствовать и быть замѣченнымъ, не думаю, чтобы онъ хладнокровно смотрѣлъ на этотъ небольшой свой недостатокъ. Знаніемъ сердца женскаго, силою своихъ рѣчей и чувствъ онъ успѣвалъ располагать къ себѣ женщинъ,— но видѣлъ, какъ другіе, иногда ничтожные, люди легко этого достигали. Въ обществѣ Лермонтовъ былъ очень злорѣчивъ, но душу имѣлъ добрую: какъ его товарищъ, знавшій его близко, я въ томъ убѣжденъ. Многіе его недоброжелатели увѣряли въ противномъ и называли безпокойнымъ человѣкомъ.

Въ 1837 г. Лермонтовъ написалъ стихотвореніе на смерть А. С. Пушкина. Не удовольствовавшись первоначальнымъ текстомъ, онъ черезъ нѣсколько дней прибавилъ къ нему еще шестнадцать окончательныхъ стиховъ, вызванныхъ толками противной партіи и имѣвшихъ вліяніе на его участь. Въ концѣ 1837 г. онъ былъ возвращенъ снова въ гвардію, сперва въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ, а вскорѣ потомъ въ прежній, гдѣ служилъ.

Въ началѣ 1840 года Лермонтова снова отправили на Кавказъ, за дуэль его съ молодымъ Барантомъ, сыномъ французскаго посланника. Въ апрѣлѣ онъ уже былъ на пути изъ Петербурга въ Ставрополь. Тогда то, въ дорогѣ, онъ написалъ извѣстное стихотвореніе:

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную *и проч.*

Прибывъ въ эту страну южную, онъ отправился въ горы, въ экспедицію противъ чеченцевъ. Впослѣдствіи онъ описалъ одно изъ дѣлъ съ горцами въ своемъ стихотвореніи „Валерикъ“. Въ то время какъ Лермонтовъ уѣзжалъ на югъ, изданъ былъ въ первый разъ его романъ „Герой нашего времени“; черезъ годъ уже вышло второе его изданіе. Также при жизни поэта напечатаны были въ одной книгѣ его мелкія стихотворенія, самыя безукоризненныя, какъ выразился о нихъ покойный Бѣлинскій. До появленія ихъ вмѣстѣ они помѣщаемы были, почти исключительно, въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

Въ концѣ 1840 года Лермонтову разрѣшенъ былъ пріѣздъ въ Петербургъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Передъ окончаніемъ этого отпуска и передъ послѣднимъ своимъ отъѣздомъ на Кавказъ весною 1841 г. онъ пробылъ нѣкоторое время въ Москвѣ и съ удовольствіемъ вспоминалъ о томъ.

„Никогда я такъ не проводилъ пріятно время, какъ этотъ разъ въ Москвѣ",—сказалъ онъ мнѣ, встрѣтясь со мной при проѣздѣ своемъ черезъ Тулу.

Эта встрѣча моя съ нимъ была послѣдняя.

Въ Тулѣ онъ пробылъ одинъ день, для свиданія съ своей родною теткой, жившей въ этомъ городѣ. Вмѣстѣ съ нимъ на Кавказъ ѣхалъ его пріятель и общій нашъ товарищъ А. А. Столыпинъ. Они оба у меня обѣдали и провели нѣсколько часовъ. Лермонтовъ былъ веселъ и говорливъ; передъ вечеромъ онъ уѣхалъ. Это было 15 апрѣля 1841 года, ровно за три мѣсяца до его кровавой кончины.

По пріѣздѣ въ Ставрополь онъ былъ уволенъ, передъ экспедиціею, на нѣсколько времени въ Пятигорскъ. Покойный П. А. Гвоздевъ, тоже его товарищъ по юнкерской школѣ, бывшій въ то время на кавказскихъ водахъ, разсказалъ мнѣ о послѣднихъ дняхъ Лермонтова.

8-го іюля онъ встрѣтился съ нимъ довольно поздно на пятигорскомъ бульварѣ. Ночь была тихая и теплая. Они пошли ходить. Лермонтовъ былъ въ странномъ расположеніи духа,—то грустенъ, то вдругъ становился желчнымъ и съ сарказмомъ отзывался о жизни и обо всемъ, его окружавшемъ. Между прочимъ въ разговорѣ онъ сказалъ: „Чувствую—мнѣ очень мало осталось жить". Черезъ недѣлю послѣ того онъ дрался на дуэли, близъ пятигорскаго кладбища, у подошвы горы Машукъ.

Вовсе не желая къ воспоминанію о смерти Лермонтова примѣшивать мелодраматизма, котораго, при жизни своей, онъ не терпѣлъ, ненавидя всякіе эффекты, я невольно долженъ передать одну подробность о его концѣ, сообщенную мнѣ П. А. Гвоздевымъ. 15-го іюля, съ утра еще, надъ городомъ Пятигорскомъ и горою Машукъ собиралась туча и, какъ нарочно, сильная гроза разразилась ударомъ грома въ то самое мгновеніе, какъ выстрѣлъ изъ пистолета повергъ Лермонтова на землю [1]). Буря и ливень такъ усилились, что нѣсколько минутъ препятствовали положить тѣло убитаго въ экипажъ. Наконецъ, его привезли въ Пятигорскъ. Гвоздевъ, услыхавъ о происшествіи и не зная навѣрное, что случилось, въ смутномъ ожиданіи, отправился на квартиру Лермонтова и тамъ увидѣлъ окровавленный трупъ поэта. Надъ нимъ рыдалъ его слуга. Всѣ тамъ находившіеся были въ большомъ смущеніи. Грустно и больно было видѣть ему бездыханнымъ того, чья жизнь такъ много обѣ-

[1]) Въ 5 часу пополудни. „Одесскій Вѣстникъ", 1841 г., № 63.

щала! Невольно тогда пришли пріятелю моему на память стихи убитаго товарища:

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой...

7.

Я. И. Костенецкій [1]).

Воспоминанія.

Когда уже я былъ на третьемъ курсѣ, въ 1831 году, поступилъ въ университетъ по политическому же факультету Лермонтовъ, неуклюжій, сутуловатый, маленькій, лѣтъ шестнадцати юноша, брюнетъ, съ лицомъ оливковаго цвѣта и большими черными глазами, какъ бы исподлобья смотрѣвшими. Вообще студенты послѣдняго курса не очень то сходились съ первокурсниками, и потому и я былъ мало знакомъ съ Лермонтовымъ, хотя онъ и часто подлѣ меня садился на лекціяхъ; тогда еще никто и не подозрѣвалъ въ немъ никакого поэтическаго таланта. Кстати разскажу теперь всѣ мои случайныя встрѣчи съ этимъ знаменитымъ поэтомъ. На Кавказѣ, въ 1841 году, находился я въ Ставрополѣ, въ штабѣ командующаго войсками въ то время генерала Граббе, гдѣ я въ должности старшаго адъютанта завѣдывалъ первымъ, т.-е. строевымъ, отдѣленіемъ штаба. Однажды входитъ ко мнѣ въ канцелярію штаба офицеръ въ полной формѣ и рекомендуется поручикомъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка Лермонтовымъ. Въ то время мнѣ уже были извѣстны его поэтическія произведенія, возбуждавшія такой восторгъ, и поэтому я съ особеннымъ волненіемъ сталъ смотрѣть на него и, попросивъ его садиться, спросилъ, не учился ли онъ въ Московскомъ университетѣ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, я сказалъ ему свою фамилію, и онъ припомнилъ наше университетское съ нимъ знакомство. Послѣ этого онъ объяснилъ мнѣ свою надобность, приведшую его въ канцелярію штаба: ему хотѣлось знать, что сдѣлано по запросу о немъ военнаго министра. Я какъ то и не помнилъ этой бумаги, велѣлъ писарю отыскать ее, и когда писарь принесъ мнѣ бумагу, то я прочиталъ ее Лермонтову. Въ бумагѣ этой къ командующему войсками военный министръ писалъ, что Государь Императоръ, вслѣдствіе ходатайства бабки

---

1) „Русскій Архивъ“, 1887, I.

Рисун. кн. Г. Г. Гагарина.

Товарищи Лермонтова по полку.

поручика Тенгинскаго полка Лермонтова (такой то, не помню фамилии [1]) объ отпускѣ его въ С.-Петербургъ для свиданія съ нею, приказалъ узнать о службѣ, поведеніи и образѣ жизни означеннаго офицера.—„Что же вы будете отвѣчать на это?“ спросилъ меня Лермонтовъ. По обыкновенію въ штабѣ, по нѣкоторымъ бумагамъ, не требующимъ какой-либо особой отписки, писаря сами составляли черновые отпуски, и вотъ въ эту то категорію попалъ какъ то случайно и запросъ министра о Лермонтовѣ, и писарь начернилъ и отвѣтъ на него. — „А вотъ вамъ и отвѣтъ“, сказалъ я, засмѣявшись, и началъ читать Лермонтову черновой отпускъ, составленный писаремъ, въ которомъ было сказано, что такой то поручикъ Лермонтовъ служитъ исправно, ведетъ жизнь трезвую и добропорядочную и ни въ какихъ злокачественныхъ поступкахъ не замѣченъ... Лермонтовъ расхохотался надъ такой его аттестаціей и просилъ меня нисколько не измѣнять ея выраженій и этими же самыми словами отвѣчать министру, что, разумѣется, нельзя было такъ оставить.

Послѣ этого тотчасъ же былъ посланъ министру самый лестный о немъ отзывъ, вслѣдствіе котораго и былъ разрѣшенъ ему двадцативосьмидневный отпускъ въ Петербургъ. Это было въ началѣ 1841 рокового для Лермонтова года, зимою. Въ маѣ мѣсяцѣ я, по случаю болѣзни, отправился въ Пятигорскъ для пользованія минеральными водами. Вскорѣ пріѣхалъ туда и Лермонтовъ, возвратившійся уже изъ Петербурга. Въ Пятигорскѣ знакомство мое съ Лермонтовымъ ограничивалось только нѣсколькими словами при встрѣчахъ. Сойтиться ближе мы не могли. Во-первыхъ, онъ былъ вовсе не симпатичная личность и скорѣе отталкивающая, нежели привлекающая, а, главное, въ то время, даже и на Кавказѣ, былъ особенный, извѣстный родъ изящныхъ людей, людей свѣтскихъ, считавшихъ себя выше другихъ по своимъ аристократическимъ манерамъ и свѣтскому образованію, постоянно говорящихъ по-французски, развязныхъ въ обществѣ, ловкихъ и смѣлыхъ съ женщинами и высокомѣрно презирающихъ весь остальной людъ, которые, съ высоты своего величія, гордо смотрѣли на нашего брата, армейскаго офицера, и сходились съ нами развѣ только въ экспедиціяхъ, гдѣ мы въ свою очередь съ презрѣніемъ на нихъ смотрѣли и издѣвались надъ ихъ аристократизмомъ. Къ этой категоріи принадлежала большая часть гвардейскихъ офицеровъ, ежегодно тогда посылаемыхъ на Кавказъ, и къ этой же категоріи принадлежалъ и Лермонтовъ, который, сверхъ того, и по характеру своему не любилъ дружиться съ людьми: онъ всегда былъ ѣдокъ и высокомѣренъ, и едва ли онъ имѣлъ хоть одного друга въ жизни.

[1]) Арсеньевой.

8.

П. Ѳ. Вистенгофъ [1]).

Воспоминанія.

Всѣхъ слушателей на первомъ курсѣ словеснаго факультета было около ста пятидесяти человѣкъ. Молодость скоро сближается. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль мы сдѣлались своими людьми, болѣе или менѣе другъ съ другомъ сошлись, а нѣкоторые даже и подружились, смотря по роду состоянія, средствамъ къ жизни, взглядамъ на вещи. Выдѣлялись между нами и люди, горячо принявшіеся за науку: Станкевичъ, Строевъ, Красовъ, Компанейщиковъ, Плетневъ, Ефремовъ, Лермонтовъ. Оказались и такіе, какъ и я самъ, т.-е. мечтавшіе какъ-нибудь три года промаячить въ стѣнахъ университетскихъ и затѣмъ, схвативъ степень дѣйствительнаго студента, броситься въ омутъ жизни.

Студентъ Лермонтовъ, въ которомъ тогда никто изъ насъ не предвидѣлъ будущаго замѣчательнаго поэта, имѣлъ тяжелый, несходчивый характеръ, держалъ себя совершенно отдѣльно отъ всѣхъ своихъ товарищей, за что въ свою очередь и ему платили тѣмъ же. Его не любили, отдалялись отъ него и, не имѣя съ нимъ ничего общаго, не обращали на него никакого вниманія. Онъ даже и садился постоянно на одномъ мѣстѣ, отдѣльно отъ другихъ, въ углу аудиторіи, у окна, облокотясь по обыкновенію на одинъ локоть и, углубясь въ чтеніе принесенной книги, не слушалъ профессорскихъ лекцій. Это бросалось всѣмъ въ глаза. Шумъ, происходившій при перемѣнѣ часовъ преподаванія, не производилъ никакого на него дѣйствія. Роста онъ былъ небольшого, сложенъ некрасиво, лицомъ смуглъ; темные его волосы были приглажены на головѣ, темно-каріе большіе глаза пронзительно впивались въ человѣка. Вся фигура этого студента внушала какое то безотчетное къ себѣ нерасположеніе.

Такъ прошло около двухъ мѣсяцевъ. Мы не могли оставаться спокойными зрителями такого изолированнаго положенія его среди насъ. Многіе обижались, другимъ стало это надоѣдать, а нѣкоторые даже и волновались. Каждый хотѣлъ его разгадать, узнать затаенныя его мысли, заставить его высказаться.

Какъ то разъ нѣсколько товарищей обратились ко мнѣ съ предложеніемъ отыскать какой-нибудь предлогъ для начатія разговора съ Лермонтовымъ и тѣмъ вызвать его на какое-нибудь сообщеніе.

— Вы подойдите къ Лермонтову и спросите его, какую онъ

[1]) „Истор. Вѣстн.“, 1884, май, стр. 332—334.

читаетъ книгу съ такимъ постояннымъ напряженнымъ вниманіемъ. Это предлогъ для начатія разговора самый основательный.

Недолго думая, я отправился.

— Позвольте спросить васъ, Лермонтовъ, какую это книгу вы читаете? Безъ сомнѣнія, очень интересную, судя по тому, какъ углубились вы въ нее; нельзя ли подѣлиться ею и съ нами?—обратился я къ нему не безъ нѣкотораго волненія. Онъ мгновенно оторвался отъ чтенія. Какъ ударъ молніи, сверкнули глаза его. Трудно было выдержать этотъ непривѣтливый, насквозь пронизывающій взглядъ.

— Для чего вамъ хочется это знать? Будетъ безполезно, если я удовлетворю ваше любопытство. Содержаніе этой книги васъ нисколько не можетъ интересовать; вы тутъ ничего не поймете, еслибы я даже и рѣшился сообщить вамъ содержаніе ея, — отвѣтилъ онъ мнѣ рѣзко и принялъ прежнюю свою позу, продолжая читать.

Какъ будто ужаленный, отскочилъ я отъ него, успѣвъ лишь мелькомъ заглянуть въ его книгу,—она была англійская.

Передъ рождественскими праздниками профессора дѣлали репетиціи, то-есть провѣряли знанія своихъ слушателей за пройденное полугодіе, и согласно отвѣтамъ ставили баллы, которые брались въ соображеніе потомъ и на публичномъ экзаменѣ.

Профессоръ Побѣдоносцевъ, читавшій изящную словесность, задалъ Лермонтову какой то вопросъ.

Лермонтовъ началъ бойко и съ увѣренностью отвѣчать. Профессоръ сначала слушалъ его, а потомъ остановилъ и сказалъ:

— Я вамъ этого не читалъ; я желалъ бы, чтобы вы мнѣ отвѣчали именно то, что я проходилъ. Откýда могли вы почерпнуть эти знанія?

— Это правда, господинъ профессоръ, того, что я сейчасъ говорилъ, вы намъ не читали и не могли передавать, потому что это слишкомъ ново и до васъ еще не дошло. Я пользуюсь источниками своей собственной библіотеки, снабженной всѣмъ современнымъ.

Мы всѣ переглянулись.

Подобный отвѣтъ былъ данъ и адъюнктъ-профессору Гастеву, читавшему геральдику и нумизматику.

Дерзкими выходками этими профессора обидѣлись и постарались срѣзать Лермонтова на публичныхъ экзаменахъ.

Иногда въ аудиторіи нашей, въ свободные отъ лекцій часы, студенты громко вели между собой оживленныя сужденія о современныхъ интересныхъ вопросахъ. Нѣкоторые увлекались, возвышая голосъ. Лермонтовъ иногда отрывался отъ своего чтенія, взглядывалъ на ораторствующаго, но какъ взглядывалъ! Говорившій невольно конфузился, умалялъ свой экстазъ или совсѣмъ умолкалъ. Ядовитость во взглядѣ Лермонтова была поразительна. Сколько презрѣнія, насмѣшки и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣнія изображалось тогда на его строгомъ лицѣ.

Лермонтовъ любилъ посѣщать каждый вторникъ тогдашнее великолѣпное московское благородное собраніе, блестящіе балы котораго были очаровательны. Онъ всегда былъ изысканно одѣтъ, а при встрѣчахъ съ нами дѣлалъ видъ, будто насъ не замѣчаетъ. Не похоже было, что мы съ нимъ были въ одномъ университетѣ, на одномъ факультетѣ и на одномъ и томъ же курсѣ. Онъ постоянно окруженъ былъ хорошенькими молодыми дамами высшаго общества и довольно фамильярно разговаривалъ и прохаживался по заламъ съ почтенными и вліятельными лицами. Танцующимъ мы его никогда не видали...

Разсѣянная свѣтская жизнь въ продолженіе года не осталась безслѣдною. Многіе изъ насъ не были подготовлены для сдачи экзаменовъ. Нравственное и догматическое богословіе, а также греческій и латинскій языки подкосили насъ. Панинъ и Голохвостовъ[1]), присутствуя на экзаменахъ, злорадствовали нашей неудачѣ. Послѣдствіемъ этого было то, что насъ оставили на первомъ курсѣ на другой годъ; въ этомъ числѣ былъ и студентъ Лермонтовъ.

Самолюбіе Лермонтова было уязвлено. Съ негодованіемъ покинулъ онъ Московскій университетъ навсегда, отзываясь о профессорахъ, какъ о людяхъ отсталыхъ, глупыхъ, бездарныхъ, устарѣлыхъ, какъ равно и о тогдашней университетской нелѣпой администраціи. Впослѣдствіи мы узнали, что онъ, какъ человѣкъ богатый, поступилъ на службу юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ.

9.

А. М. Миклашевскій.

М. Ю. Лермонтовъ въ замѣткахъ его товарища[2]).

Во всѣхъ біографіяхъ М. Ю. Лермонтова, сколько мнѣ удавалось читать ихъ, не упоминается кажется, что до поступленія его въ Московскій университетъ бабушка его Арсеньева опредѣлила его въ Московскій университетскій благородный пансіонъ. Сколько могу припомнить, кажется, онъ, хорошо, видно, дома подготовленный, поступилъ въ первый классъ, откуда онъ, не кончивъ послѣдняго шестого класса, скоро вышелъ. Много было печатано воспоминаній бывшихъ учениковъ пансіона, а потому я ограничусь только сообщеніемъ о томъ времени, когда Лермонтовъ былъ въ числѣ воспитанниковъ.

1) Высшее университетское начальство.
2) „Русская Старина“ 1884, ноябрь.

Лучшіе профессора того времени преподавали у насъ въ пансіонѣ, и я еще живо помню, какъ на лекціяхъ русской словесности заслуженный профессоръ Мерзляковъ принесъ къ намъ въ классъ только что вышедшее стихотвореніе Пушкина:

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя и пр.

и какъ онъ, древній классикъ, разбирая это стихотвореніе, критиковалъ его, находя всѣ уподобленія невозможными, неестественными, и какъ все это бѣсило тогда Лермонтова. Я не помню, конечно, какое именно стихотвореніе представилъ Лермонтовъ Мерзлякову; но черезъ нѣсколько дней, возвращая всѣ наши сочиненія на заданныя имъ темы, онъ, возвращая стихи Лермонтову, хотя и похвалилъ ихъ, но прибавилъ только: „молодо, зелено", какой, впрочемъ, аттестаціи почти всѣ наши сочиненія удостоивались. Все это было въ 1829 или 1830 году, за давностью хорошо не помню. Нашими соучениками въ то время были блистательно кончившіе курсъ братья Д. А. и Н. А. Милютины и много бывшихъ потомъ государственныхъ дѣятелей.

Въ послѣднемъ 6-мъ классѣ пансіона сосредоточивались всѣ университетскіе факультеты, за исключеніемъ, конечно, медицинскаго. Тамъ преподавали всѣ науки, и потому у многихъ, во время экзамена, выходилъ какой то хаосъ въ головѣ. Нужно было приготовиться, кажется, изъ 36 различныхъ предметовъ. Директоромъ былъ у насъ Курбатовъ. Инспекторомъ, онъ же и читалъ физику въ 6-мъ классѣ, М. Г. Павловъ. Судопроизводство -старикъ Сандуновъ. Римское право — Маловъ, съ которымъ потомъ была какая то исторія въ университетѣ. Фортификацію читалъ Мягковъ. Тактику, механику и проч. и проч. я уже не помню, кто читалъ. Французскій языкъ—Бальтусъ, съ которымъ ученики продѣлывали разныя шалости, подкладывали ему подъ стулъ хлопушки и проч.

Всѣмъ намъ товарищи давали разныя прозвища. Въ памяти у меня сохранилось, что Лермонтова, не знаю почему, прозвали лягушкою. Вообще, какъ помнится, его товарищи не любили, и онъ ко многимъ приставалъ. Не могу припомнить, пробылъ ли онъ въ пансіонѣ одинъ годъ или менѣе, но въ 6-мъ классѣ къ концу курса онъ не былъ. Всѣ мы, воспитанники Благороднаго пансіона, жили тамъ и отпускались къ роднымъ по субботамъ, а Лермонтова бабушка ежедневно привозила и отвозила домой.

Въ 1832 году я снова встрѣтился съ Лермонтовымъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ. Извѣстно, что въ школѣ онъ былъ юнкеромъ л.-гв. гусарскаго полка и вышелъ въ тотъ же полкъ корнетомъ. Гвардейская школа помѣщалась тогда у Синяго моста въ огромномъ домѣ, бывшемъ потомъ дворцѣ в. кн. Маріи Николаевны. Мы, пѣхотинцы, помѣщались въ верхнемъ этажѣ, кавалерія и классы—въ среднемъ. Пѣхотные подпрапорщики мало и рѣдко

сближались съ юнкерами, которые называли насъ „крупою". Иногда, въ свободное время, юнкера заходили къ намъ въ рекреаціонную небольшую залу, гдѣ у насъ находился старый разбитый рояль...

Обращеніе съ нами въ школѣ было самое гуманное, никакого особенно гнета мы не чувствовали. Директоромъ былъ у насъ баронъ Шлиппенбахъ. Ротой пѣхоты командовалъ одинъ изъ добрѣйшихъ и милыхъ людей, полковникъ Гельмерсенъ, кавалеріею—полковникъ Стунѣевъ, онъ былъ женатъ на сестрѣ жены М. И. Глинки. Инспекторомъ классовъ — добрѣйшая личность, инженеръ-полковникъ Павловскій. Дежурные офицеры обращались съ нами по-товарищески. Дежурные въ пѣхотѣ и кавалеріи спали въ особыхъ комнатахъ около дортуаровъ. Утромъ будили насъ, проходя по спальнямъ, и никогда барабанный бой насъ не тревожилъ, а потому нервы Лермонтова отъ барабаннаго боя не могли разстраиваться. Дежурные офицеры были у насъ: А. Ф. Гольтгофъ, впослѣдствіи генералъ, князь Химшеевъ, Нагель, Андрей Федоровичъ Лишенъ, впослѣдствіи директоръ какого-то корпуса. Кавалеристовъ не помню, за исключеніемъ ротмистра л.-гв. уланскаго полка Клерона, лихого француза, и всѣ эти господа обращались съ юнкерами совершенно по-товарищески, и, можетъ быть, это обращеніе съ нами начальства было причиною, что, не желая огорчить кого-нибудь изъ любимыхъ нами дежурныхъ, въ двухлѣтнее пребываніе мое въ школѣ я не помню, чтобы кто-нибудь подвергался взысканію. По субботамъ мы, бывало, отправлялись по очереди, по два, отъ пѣхоты и кавалеріи, во дворецъ къ великому князю Михаилу Павловичу и обѣдали за однимъ съ его высочествомъ столомъ.

Въ одно время съ нами былъ въ школѣ въ пѣхотѣ извѣстный потомъ острякъ-повѣса, Костя Булгаковъ, Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, сынъ бывшаго московскаго почтъ-директора. Бывшій нашъ школьный товарищъ обладалъ многими талантами. Всегда веселый острякъ, отличный музыкантъ, онъ въ свободное время группировалъ около себя всѣхъ насъ, и къ намъ наверхъ приходили Лермонтовъ и другіе юнкера Во время пѣнія, весьма часто разныхъ скабрезныхъ куплетовъ, большею частью аккомпанировалъ Мишель Сабуровъ, который, кажется, наизусть зналъ всѣ тогдашнія французскія шансонетки и въ особенности пѣсни Беранже. Костя Булгаковъ, какъ мы его обыкновенно называли, былъ общій любимецъ и дѣйствительно примѣчательная личность. Къ сожалѣнію, отъ слишкомъ сильнаго разгула онъ рано кончилъ жизнь. Шутки и остроты его не ограничивались только кругомъ товарищей, онъ часто забавлялъ ими великаго князя Михаила Павловича. Въ то время много анекдотовъ передавали о похожденіяхъ Булгакова. Вотъ съ этою-то личностью соперничалъ въ остротахъ Лермонтовъ.

Третій и послѣдній разъ я встрѣтился съ Лермонтовымъ въ 1837 году, не помню, въ Пятигорскѣ или Кисловодскѣ, на вечерѣ у знаменитой графини Ростопчиной. Припоминаю, что на этомъ ве-

черѣ онъ былъ грустный и скоро исчезъ, а мы долго танцовали. Въ это время, кажется, онъ ухаживалъ за m-lle Емиліею Верзилиной, прозванной имъ же, кажется, La Rose du Caucase. Всѣ эти подробности давно извѣстны, и не для чего ихъ повторять.

Въ Кисловодскѣ я жилъ съ двумя товарищами на одной квартирѣ: княземъ Владимиромъ Ивановичемъ Барятинскимъ, бывшимъ

Товарищъ Лермонтова кн. А. Долгорукій.

потомъ генералъ-адъютантомъ, и княземъ Александромъ Долгорукимъ, тоже во цвѣтѣ лѣтъ погибшимъ на дуэли. Къ намъ по вечерамъ заходилъ Лермонтовъ съ общимъ нашимъ пріятелемъ, хромымъ докторомъ Мейеромъ, о которомъ онъ въ „Героѣ нашего времени“ упоминаетъ [1]). Веселая бесѣда, споры и шутки долго, бывало, продолжались.

---

[1]) Докторъ Вернеръ.

И. А. Гончаровъ.

10.

И. А. Гончаровъ.

Изъ университетскихъ воспоминаній.

Насъ, первогодничныхъ, было, помнится, человѣкъ сорокъ. Между прочими тутъ былъ и Лермонтовъ, впослѣдствіи знаменитый поэтъ, тогда смуглый, одутловатый юноша, съ чертами лица какъ будто восточнаго происхожденія, съ черными выразительными глазами. Онъ казался мнѣ апатичнымъ, говорилъ мало и сидѣлъ всегда въ лѣнивой позѣ, полулежа, опершись на локоть. Онъ не долго пробылъ въ университетѣ. Съ перваго курса[1]) онъ вышелъ и уѣхалъ въ Петербургъ. Я не успѣлъ познакомиться съ нимъ.

---

[1]) Л—въ числился въ Московскомъ университетѣ 2 года. Первый годъ не былъ зачтенъ ему вслѣдствіе прекращенія занятій по случаю холеры, второй—вслѣдствіе столкновеній съ профессорами на экзаменѣ. *В. К.*

В. Г. Бѣлинскій.

11.

Письмо В. Г. Бѣлинскаго В. П. Боткину (1840 г.).

Недавно былъ я у Лермонтова въ заточеніи [1]) и въ первый разъ поразговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій духъ! Какъ онъ вѣрно смотритъ на искусство, какой глубокій и чисто-непосредственный вкусъ изящнаго! О, это будетъ поэтъ съ Ивана Великаго! Чудная натура! Я былъ безъ памяти радъ, когда онъ сказалъ мнѣ, что Куперъ выше В. Скотта, что въ его романахъ больше глубины и больше художественной цѣлости. Я давно такъ думалъ и еще перваго человѣка встрѣтилъ, думающаго такъ же. Передъ Пушкинымъ онъ благоговѣетъ и больше всего любитъ „Онѣгина". Женщинъ ругаетъ

[1]) На гауптвахтѣ послѣ дуэли съ Барантомъ. *В К.*

однѣхъ за то...., другихъ за то.... Мужчинъ также презираетъ, но любитъ однѣхъ женщинъ, и въ жизни только ихъ и видитъ. Взглядъ чисто онѣгинскій. Печоринъ—это онъ самъ, какъ есть. Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого. Я это сказалъ ему—онъ улыбнулся и сказалъ: „дай Богъ!“ Боже мой, какъ онъ ниже меня по своимъ понятіямъ, и какъ я безконечно ниже его въ моемъ передъ нимъ превосходствѣ. Каждое его слово—онъ самъ, вся его натура во всей глубинѣ и цѣлости своей. Я съ нимъ робокъ—меня давятъ такія цѣлостныя, полныя натуры, я передъ нимъ благоговѣю и смиряюсь въ сознаніи своего ничтожества. Понимаешь ли ты меня.... о, московская душа![1])

12.

Показанія С. А. Раевскаго по дѣлу о стихахъ Лермонтова на смерть Пушкина[2]).

Бабка моя, Кирѣева, во младенчествѣ воспитывалась въ домѣ Столыпиныхъ, съ дѣвицею Е. А. Столыпиною, впослѣдствіи по мужѣ Арсеньевою (дамою 64 лѣтъ, родною бабкою корнета Лермонтова, автора стиховъ на смерть Пушкина). Эта связь сохранилась и впослѣдствіи между домами нашими; Арсеньева крестила меня въ г. Пензѣ въ 1809 году и постоянно оказывала мнѣ родственное расположеніе, по которому и потому, что я, видя отличныя способности въ молодомъ Лермонтовѣ, коротко сошелся—предложены были въ домѣ ихъ столъ и квартира.

Лермонтовъ имѣетъ особенную склонность къ музыкѣ, живописи и поэзіи, почему свободные у обоихъ насъ отъ службы часы проходили въ сихъ занятіяхъ, въ особенности послѣдніе три мѣсяца, когда Лермонтовъ, по болѣзни, не выѣзжалъ.

Въ январѣ Пушкинъ умеръ. Когда эта новость была сообщена Лермонтову съ городскими толками о безыменныхъ письмахъ, возбуждавшихъ ревность Пушкина и мѣшавшихъ ему заниматься сочиненіями въ октябрѣ и ноябрѣ (мѣсяцы, въ которые, по слухамъ, Пушкинъ исключительно сочинялъ),—то въ тотъ же вечеръ Лермонтовъ написалъ элегическіе стихи, которые оканчивались словами:

„И на устахъ его печать“.

---

[1]) Письма, Бѣлинскій, II, 38.
[2]) „Вѣстникъ Европы“, 1887, I, стр. 337—340.

Среди нихъ слова: „Не вы ли гнали его свободный чудный даръ“—означаютъ безыменныя письма, что совершенно доказывается вторыми двумя стихами:

„И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ“.

Стихи эти появились прежде многихъ и были лучше всѣхъ, что я узналъ изъ отзыва журналиста Краевскаго, который сообщилъ ихъ В. А. Жуковскому, князьямъ Вяземскому, Одоевскому и проч. Знакомые Лермонтова безпрестанно говорили ему привѣтствія, и пронеслась даже молва, что В. А. Жуковскій читалъ ихъ Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику, и что онъ изъявилъ высокое свое одобреніе.

Успѣхъ этотъ радовалъ меня по любви къ Лермонтову, а Лермонтову вскружилъ, такъ сказать, голову—изъ желанія славы. Экземпляры стиховъ раздавались всѣмъ желающимъ, даже съ прибавленіемъ 12 (16) стиховъ, содержащихъ въ себѣ выходку противъ лицъ, не подлежащихъ русскому суду—дипломатовъ и иностранцевъ, а происхожденіе ея есть, какъ я убѣжденъ, слѣдующее.

Къ Лермонтову пріѣхалъ братъ его, камеръ-юнкеръ Столыпинъ. Онъ отзывался о Пушкинѣ невыгодно, говорилъ, что онъ себя неприлично велъ среди людей большого свѣта, что Дантесъ обязанъ былъ поступить такъ, какъ поступилъ. Лермонтовъ, будучи, такъ сказать, обязанъ Пушкину извѣстностью, невольно сдѣлался его партизаномъ и по врожденной пылкости повелъ разговоръ горячо. Онъ и половина гостей доказывали, между прочимъ, что даже иностранцы должны щадить людей замѣчательныхъ въ государствѣ, что Пушкина, несмотря на его дерзости, щадили два Государя, и даже осыпали милостями, и что затѣмъ о его строптивости мы не должны уже судить.

Разговоръ шелъ жарче; молодой камеръ-юнкеръ Столыпинъ сообщалъ мнѣнія, рождавшія новые споры, и въ особенности настаивалъ, что иностранцамъ дѣла нѣтъ до поэзіи Пушкина, что дипломаты свободны отъ вліянія законовъ, что Дантесъ и Гекернъ, будучи знатные иностранцы, не подлежатъ ни законамъ, ни суду русскому. Разговоръ принялъ было юридическое направленіе, но Лермонтовъ прервалъ его словами, которыя послѣ почти вполнѣ помѣстилъ въ стихахъ: „Если надъ ними нѣтъ закона и суда земного, если они палачи генія, такъ есть Божій судъ“.

Разговоръ прекратился, а вечеромъ, возвратясь изъ гостей, я нашелъ у Лермонтова и извѣстное прибавленіе, въ которомъ явно выражался весь споръ. Нѣсколько времени это прибавленіе лежало безъ движенія; потомъ, по неосторожности, объявлено о его существованіи и дано для переписыванія; чѣмъ болѣе говорили Лермонтову и мнѣ про него, что у него большой талантъ, тѣмъ охотнѣе давалъ я переписывать экземпляры.

Разъ пришло было намъ на мысль, что стихи темны, что за нихъ можно пострадать, ибо ихъ можно перетолковать по желанію; но сообразивъ, что фамилія Лермонтова подъ ними подписывалась вполнѣ, что высшая цензура давно бы остановила ихъ, еслибъ считали это нужнымъ, и что Государь Императоръ осыпалъ семейство Пушкина милостями, слѣдовательно, дорожилъ имъ,—положили, что, стало быть, можно было бранить враговъ Пушкина, оставили было идти дѣлу такъ, какъ оно шло, но вскорѣ вовсе прекратили раздачу экземпляровъ съ прибавленіями, потому что бабку его, Арсеньеву, не знавшую ничего о прибавленіи, начали безпокоить общіе вопросы о ея внукѣ, и что она этого пожелала.

Вотъ все, что по совѣсти обязанъ я сказать объ этомъ дѣлѣ.

Обязанный дружбою и одолженіями Лермонтову и видя, что радость его очень велика отъ соображенія, что онъ въ 22 года отъ роду сдѣлался всѣмъ извѣстнымъ, я съ удовольствіемъ слушалъ всѣ привѣтствія, которыми осыпали его за экземпляры. Политическихъ мыслей, и тѣмъ болѣе противныхъ порядку, установленному вѣковыми законами, у насъ не было и быть не могло. Лермонтову, по его состоянію, образованію и общей любви, ничего не остается желать—развѣ кромѣ славы. Я трудами и небольшимъ имѣніемъ могу также жить не хуже моихъ родителей. Сверхъ того, оба мы—русскіе душою и, еще болѣе, вѣрноподданные. Вотъ еще доказательство, что Лермонтовъ неравнодушенъ къ славѣ и чести своего Государя. Услышавъ, что въ какомъ-то французскомъ журналѣ напечатаны клеветы на Государя Императора, Лермонтовъ въ прекрасныхъ стихахъ обнаружилъ русское негодованіе противъ французской безнравственности ихъ палатъ и т. п.; сравнивая Государя Императора съ благороднѣйшими героями древними, а журналистовъ -съ наемными клеветниками, онъ оканчиваетъ словами:

Такъ, въ дни воинственные Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда съ тріумфомъ шелъ Фабрицій
И раздавался по столицѣ
Народа благодарный кликъ,—
Бѣжалъ за свѣтлой колесницей
Одинъ наемный клеветникъ.

Начало стиховъ не помню,—они писаны, кажется, въ 1835 году,—и тогда я всѣмъ моимъ знакомымъ раздавалъ ихъ по экземпляру съ особеннымъ удовольствіемъ.

Губернскій секретарь Раевскій.

21 февраля 1837.

Н. М. Смирновъ.

13.

Н. М. Смирновъ.

Памятныя замѣтки [1]).

Лермонтова въ первый разъ узнали по стихамъ, которые онъ написалъ о Пушкинѣ. Въ нихъ нападаетъ онъ на аристократію за малое участіе, ею принятое въ смерти незабвеннаго нашего поэта. За эти стихи онъ былъ переведенъ въ армію изъ л.-гв. гусарскаго полка; но черезъ два года возвращенъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ сталъ ѣздить въ большой кругъ и, получивъ извѣстность, былъ вездѣ принятъ очень хорошо. Черезъ нѣсколько времени онъ влюбился во вдову княгиню Щербатову, урожденную Штеричъ, за которою волочился сынъ Французскаго посла барона Баранта. Соперничество въ любви и сплетни поссорили Лермонтова съ Барантомъ. Они дрались; послѣдній выстрѣлилъ и не попалъ, а другой выстрѣлилъ на воздухъ. Сія исторія осталась долго скрытою отъ началь-

[1]) „Русскій Архивъ", 1882, II.

Кн. Г. Г. Гагаринъ.

Кавказскіе типы Лермонтовскихъ временъ.
Турокъ.

посаженъ подъ арестъ. Впрочемъ, не было бы никакихъ другихъ дурныхъ послѣдствій для нашего поэта, ибо всѣ его оправдывали, еслибъ онъ не потребовалъ новой сатисфакціи отъ Баранта по случаю новыхъ сплетней. Узнавъ объ этомъ, военное начальство сослало его въ армію на Кавказъ, откуда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ только однажды и гдѣ онъ нашелъ смерть отъ пули не въ сраженьи, а на новомъ поединкѣ. На теплыхъ водахъ Пятигорска онъ встрѣтилъ стараго товарища юнкерской школы, бывшаго въ кавалергардахъ, Мартынова. По старой школьной привычкѣ онъ сталъ надъ нимъ трунить и прозвалъ его le chevalier du poignard, потому что Мартыновъ носилъ черкескую одежду съ огромнымъ кинжаломъ. Однажды вечеромъ у г-жи Верзилиной шутки надоѣли Мартынову, и по выходѣ изъ общества онъ просилъ Лермонтова ихъ прекратить. Сія просьба была принята дурно, и на другой день въ 6 часовъ вечера они дрались за горою Бештау. Князь Васильчиковъ былъ секундантомъ Мартынова. Сей послѣдній выстрѣлилъ, и противникъ его упалъ мертвымъ. Такъ не стало нашего юнаго поэта, замѣнившаго Пушкина. Объ его талантѣ нечего говорить: его творенія всегда останутся живыми. Другими же качествами онъ былъ несравненно ниже Пушкина: онъ не имѣлъ начитанности Пушкина, ни рѣзкаго проницательнаго его ума, ни его глубокаго взгляда, ни чувствительной, всеобъемлющей души его. Его характеръ не былъ еще совершенно сформированъ, и безпрестанно увлеченный обществомъ молодыхъ людей, онъ характеромъ былъ моложе, чѣмъ слѣдовало по лѣтамъ. Онъ еще любилъ гусарскую, разгульную жизнь, волочиться за дамами, подраться на сабляхъ, заставить объ себѣ говорить, подтрунить, пошутить и жаждалъ болѣе славы свѣтской, остряка, чѣмъ славы поэта. Эта молодость убила его. Всѣ пріятели Лермонтова ожидали сего печальнаго конца, ибо знали его страсть насмѣхаться и его готовность отвѣчать за свои насмѣшки. Не взирая на то, его смерть поразила всѣхъ, какъ неожиданная новость. И въ какую минуту онъ былъ похищенъ! Въ то время, когда его талантъ началъ созрѣвать. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ и еслибъ могъ оставить службу и удалиться (какъ онъ хотѣлъ) въ деревню, онъ близко бы достигъ высоты Пушкина.

14.

Н. М. Лонгиновъ [1]).

Библіографическія замѣтки.

Кавказъ вдохновилъ двадцати-одного-лѣтняго Пушкина и двадцати-двухъ-лѣтняго Лермонтова (онъ родился въ 1815 [2]) году, въ Москвѣ, у Красныхъ воротъ, въ домѣ, принадлежащемъ теперь купцу Бурову). Первая его поѣздка въ юности на Кавказъ относится къ началу 1837 года. Вторая происходила ровно три года спустя. Изъ нея онъ возвращался не надолго въ Петербургъ, въ началѣ 1841 года, и, возвращаясь на Кавказъ, кончилъ тамъ дни свои въ томъ же году 15-го іюля. Онъ очень любилъ этотъ дикій край, съ которымъ успѣлъ свыкнуться. Въ стихотвореніи „Кавказъ" три раза повторяется припѣвъ: „Люблю я Кавказъ". И во многихъ его произведеніяхъ высказывается не только восторженіе красотами кавказской природы, но и особенная привязанность къ этому краю, съ которымъ поэтъ ознакомился съ дѣтства. Вспомните начало „Измаилъ-Бея":

„Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣдой!
Твоимъ горамъ я путникъ не чужой:
Онѣ меня въ младенчествѣ носили
И къ небесамъ пустыни пріучили".

Основаніе этого поэтическаго обращенія взято изъ дѣйствительности. Въ доказательство тому привожу свидѣтельство „Отечественныхъ записокъ" Свиньина (1825 г. августа № 54). Тамъ напечатанъ присланный издателемъ съ Кавказскихъ минеральныхъ водъ списокъ посѣтителей и посѣтительницъ, прибывшихъ туда на іюль 1825 года, и на ст. 260 подъ №№ 57, 58, 59, 60, 61 и 62 показаны: „Арсеньева Елисавета Алексѣевна, вдова, поручица, изъ Пензы; при ней внукъ Михаилъ Лермонтовъ, родственникъ ея Михаилъ Пожогинъ, докторъ Ансельмъ Левизъ, учитель Иванъ Капа, гувернерка Христина Ремеръ".

Лермонтовъ родился въ домѣ у своей бабушки Е. А. Арсеньевой, урожденной Столыпиной. Мать Лермонтова, Марья Михайловна, была единственная дочь ея отъ супружества съ Михайломъ Васильевичемъ Арсеньевымъ. Выйдя замужъ за Юрія Петровича Лермонтова, она прожила не долго, и послѣ нея будущій поэтъ остался лѣтъ двухъ отъ роду. Нѣжность Елизаветы Алексѣевны, лишившейся единственной дочери. перенеслась вся на внука, и Лермонтовъ до

[1]) Соч., I, изд. Л. Э. Бухгеймъ, стр. 46
[2]) 1814 г.

самаго вступленія въ Юнкерскую школу (1832) жилъ и воспитывался въ ея домѣ. Она такъ любила внука, что къ ней можно примѣнить выраженіе: „не могла имъ надышаться“, и имѣла горесть пережить его. Она была женщина чрезвычайно замѣчательная по уму и любезности. Я зналъ ее лично и часто видалъ у матушки, которой она по мужу была родня. Не знаю почти никого, кто бы пользовался такимъ общимъ уваженіемъ и любовью, какъ Елисавета Алексѣевна. Что это была за веселость, что за снисходительность! Даже молодежь съ ней не скучала, несмотря на ея преклонныя лѣта. Какъ теперь смотрю на ея высокую, прямую фигуру, опирающуюся слегка на трость, и слышу ея неторопливую, внятную рѣчь, въ которой заключалось всегда что-нибудь занимательное. У насъ въ семействѣ ее всѣ называли бабушкой, и такъ же называли ее во всемъ многочисленномъ ея родствѣ. Къ ней относится слѣдующій куплетъ въ стихотвореніи гр. Ростопчиной „На дорогу М. Ю. Лермонтову“, написанномъ въ 1841 году, по случаю послѣдняго отъѣзда его изъ Петербурга и напечатанномъ въ „Русской Бесѣдѣ“ Смирдина, т. II. Послѣ исчисленія лишеній и опасностей, которымъ подвергнется отъѣзжающій на Кавказъ поэтъ, въ стихотвореніи этомъ сказано:

„Но есть заступница родная,
Съ заслугою преклонныхъ лѣтъ:
Она ему конецъ всѣхъ бѣдъ
У неба вымолитъ, рыдая“.

Къ несчастію, предсказаніе не сбылось. Когда эти стихи были напечатаны, Лермонтова уже полгода не было на свѣтѣ.

15.

М. Н. Лонгиновъ.

Замѣтка о знакомствѣ съ Лермонтовымъ[1]).

Я узналъ Лермонтова въ 1830 или 1831 году, когда онъ былъ еще отрокомъ, а я ребенкомъ. Онъ привезенъ былъ тогда изъ Москвы въ Петербургъ, кажется, чтобы поступить въ университетъ, но вмѣсто того вступилъ въ 1832 году въ юнкерскую школу лейбъ-гусарскимъ юнкеромъ, а въ офицеры произведенъ въ тотъ же полкъ въ началѣ 1835 года. Мы находились въ дальнемъ свойствѣ съ Арсеньевымъ, къ роду которыхъ принадлежали мать Лермонтова и моя

[1]) „Русскій Вѣстникъ“, 1857, № 11.

прабабушка. Старинныя дружескія отношенія въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній тѣсно соединяли всѣхъ членовъ многочисленнаго рода, несмотря на то, что кровная связь ихъ съ каждымъ поколѣніемъ ослабѣвала. Въ Петербургѣ жилъ тогда Никита Васильевичъ Арсеньевъ (род. 1775 г., ум. 1847), родной братъ дѣда Лермонтова и двоюродный братъ моей бабушки; Лермонтовъ былъ порученъ его попеченіямъ. У Никиты Васильевича, большого хлѣбосола и весельчака, всѣми любимаго, собирались еженедѣльно по воскресеньямъ на обѣдъ и на вечеръ многочисленные родные, и тамъ часто видалъ я Лермонтова, сперва въ полуфракѣ, а потомъ юнкеромъ.

Въ 1836 году, на Святой недѣлѣ, я былъ отпущенъ въ Петербургъ изъ Царскосельскаго лицея, и, разумѣется, на второй или на третій день праздника я обѣдалъ у дѣдушки Никиты Васильевича (такъ его всѣ родные называли).

Тутъ обѣдалъ и Лермонтовъ, уже гусарскій офицеръ, съ которымъ я часто видался и въ Царскомъ Селѣ, гдѣ стоялъ его полкъ. Когда Лермонтовъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, то занималъ въ то время комнаты въ нижнемъ этажѣ обширнаго дома, принадлежавшаго Никитѣ Васильевичу (къ Коломнѣ, за Никольскимъ мостомъ). Послѣ обѣда Лермонтовъ позвалъ меня къ себѣ внизъ, угостилъ запрещеннымъ тогда плодомъ—трубкой, сѣлъ за фортепіано и пѣлъ презабавные русскіе и французскіе куплеты (онъ былъ живописецъ и немного музыкантъ). Какъ то я подошелъ къ окну и увидѣлъ на немъ тетрадь in-folio и очень толстую; на заглавномъ листѣ крупными буквами было написано: „Маскарадъ, драма“. Я взялъ ее и спросилъ у Лермонтова: его ли это сочиненіе? Онъ обернулся и сказалъ: „оставь, оставь; это секретъ“. Но потомъ подошелъ, взялъ рукопись и сказалъ, улыбаясь: „впрочемъ, я тебѣ прочту что-нибудь; это сочиненіе одного молодого человѣка“, и дѣйствительно прочелъ мнѣ нѣсколько стиховъ.

16.

М. Н. Лонгиновъ.

Замѣтка о Лермонтовѣ [1]).

Когда Пушкинъ былъ убитъ, я лежалъ въ постели, тяжко больной и едва-едва спасенный недавно отъ смерти заботами Арендта и попечительнымъ уходомъ за мною доброй матушки. Мнѣ не смѣли объявить сейчасъ же и прямо о смерти Пушкина. Я узналъ о ней послѣ разныхъ приготовленій къ такому объявленію. Тогда же

[1]) „Русская Старина“, 1873, III.

получилъ я рукописные стихи на эту кончину Губера и Лермонтова. Извѣстно, что пьеса послѣдняго произвела вскорѣ громкій скандалъ, и автору готовилась печальная участь. Бабушка Лермонтова Елисавета Алексѣевна была въ отчаяніи и съ горя говорила, упрекая себя: „и зачѣмъ это я на бѣду свою еще брала Мерзлякова, чтобъ учить Мишу литературѣ; вотъ до чего онъ довелъ его“.

Послѣ дуэли Лермонтова съ Барантомъ нужно было ожидать большой бѣды для перваго, такъ какъ онъ уже во второй разъ попадался. Можно вообразить себѣ горе „бабушки“. Понятно также, что родные и друзья старались утѣшать ее, сколько было возможно. Между прочимъ, ее увѣряли, будто участь внука будетъ смягчена, потому что „свыше“ выражено удовольствіе за то, что Лермонтовъ при объясненіи съ Барантомъ вступился вообще за честь русскихъ офицеровъ передъ французомъ. Старушка высказала какъ то эту надежду при племянникѣ своемъ покойномъ Екимѣ Екимовичѣ Хастатовѣ, служившемъ адъютантомъ при гвардейскомъ дивизіонномъ начальникѣ Ушаковѣ. Хастатовъ былъ большой чудакъ и, между прочимъ, имѣлъ иногда обыкновеніе произносить рѣчи, какъ говорятъ по-театральному, „въ сторону“, но дѣлалъ это такимъ чистымъ басомъ, что тѣ, отъ которыхъ онъ хотѣлъ скрыть слова свои, слышали ихъ, какъ нельзя лучше. Когда „бабушка“ повторила утѣшительное извѣстіе, онъ обратился къ кому то изъ присутствовавшихъ и сказалъ ему по-своему „въ сторону“: „какъ же! Напротивъ того, говорятъ, что упекутъ голубчика“. Старушка услышала это и пришла въ отчаяніе.

Поединокъ съ Барантомъ грозилъ Лермонтову тѣмъ болѣе серьезными послѣдствіями, что покойный государь долго не соглашался перевести его обратно въ гвардію. Въ 1838 году императоръ разрѣшилъ этотъ переводъ единственно по неотступной просьбѣ любимца своего, шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа. Графъ представилъ государю отчаяніе старушки „бабушки“, просилъ о снисхожденіи къ Лермонтову, какъ о личной для себя милости, и обѣщалъ, что Лермонтовъ не подастъ болѣе поводовъ къ взысканіямъ съ него, и, наконецъ, получилъ желаемое. Это было, если не ошибаюсь, передъ праздникомъ Рождества 1837 года. Графъ сейчасъ отправился къ „бабушкѣ“. Передъ ней стоялъ портретъ любимаго внука. Графъ, обращаясь къ нему, сказалъ, не предупреждая ее ни о чемъ: „ну, поздравляю тебя съ царскою милостью“. Старушка сейчасъ догадалась, въ чемъ дѣло, и отъ радости заплакала. Лермонтова перевели тогда въ лейбъ-гвардіи гродненскій гусарскій полкъ, стоявшій на поселеніяхъ, близъ Спасской Полести, въ Новгородской губерніи.

Въ началѣ 1841 года Лермонтовъ въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Я не зналъ еще о его недавнемъ пріѣздѣ. Однажды, часу во второмъ, зашелъ я въ извѣстный ресторанъ Леграна, въ

Большой Морской. Я вошелъ въ билліардную и сѣлъ на скамейку. На билліардѣ игралъ съ маркеромъ небольшого роста офицеръ, котораго я не разсмотрѣлъ по своей близорукости. Офицеръ этотъ изъ дальняго угла закричалъ мнѣ: „здравствуй, Лонгиновъ!“ и направился ко мнѣ; тутъ узналъ я Лермонтова въ армейскихъ эполетахъ съ цвѣтнымъ на нихъ полемъ. Онъ разсказалъ мнѣ объ обстоятельствахъ своего пріѣзда, разрѣшеннаго ему для свиданія съ „бабушкой“.

Онъ былъ тогда на той высшей степени апогея своей извѣстности, до которой ему только суждено было дожить. Петербургскій „beau-monde“ встрѣтилъ его съ увлеченіемъ; онъ сейчасъ вошелъ въ моду и сталъ являться по приглашеніямъ на балы, гдѣ бывалъ дворъ.

Но все это было непродолжительно. Въ одно утро, послѣ бала, кажется, у графа С. С. Уварова, на которомъ былъ Лермонтовъ, его позвали къ тогдашнему дежурному генералу, графу Клейнмихелю, который объявилъ ему, что онъ уволенъ въ отпускъ лишь для свиданія съ „бабушкой“, а что въ его положеніи неприлично разъѣзжать по праздникамъ, особенно когда на нихъ бываетъ дворъ, и что поэтому онъ долженъ воздержаться отъ посѣщеній такихъ собраній. Лермонтовъ, тщеславный и любившій свѣтскіе успѣхи, былъ этимъ чрезвычайно огорченъ и оскорбленъ, въ совершенную противоположность тому, что выражено въ написанномъ имъ около этого времени стихотвореніи: „Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ“.

Лермонтовъ былъ очень плохой служака, въ смыслѣ фронтовика и исполнителя всѣхъ мелочныхъ подробностей въ обмундированіи и исполненіи обязанностей тогдашняго гвардейскаго офицера. Онъ частенько сиживалъ въ Царскомъ Селѣ на гауптвахтѣ, гдѣ я его иногда навѣщалъ. Между прочимъ помню, какъ однажды онъ жестоко приставалъ къ арестованному вмѣстѣ съ нимъ лейбъ-гусару, покойному Владиміру Дмитріевичу Бакаеву (†1871 г.)

Весною 1839 г. Лермонтовъ явился къ разводу съ маленькою, чуть-чуть не игрушечною дѣтскою саблею при боку, несмотря на присутствіе великаго князя Михаила Павловича, который тутъ же арестовалъ его за это, велѣлъ снять съ него саблю и далъ поиграть ею маленькимъ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, которыхъ привели посмотрѣть на разводъ. Въ августѣ того же года великій князь за неформенное шитье на воротникѣ и обшлагахъ вицмундира послалъ его подъ арестъ прямо съ бала, который давали въ ротондѣ царскосельской китайской деревни царскосельскія дамы офицерамъ расположенныхъ тамъ гвардейскихъ полковъ (лейбъ-гусарскаго и кирасирскаго), въ отплату за праздники, которые эти кавалеры устраивали въ ихъ честь. Такая нерадивость причитывалась къ болѣе крупнымъ проступкамъ Лермонтова и не располагала начальство къ снисходительности въ отношеніи къ нему, когда онъ въ чемъ-либо попадался.

А. Н. Муравьевъ.

17.

Воспоминанія А. Н. Муравьева[1]).

Не много уже времени оставалось Пушкину украшать отечественную словесность зрѣлыми плодами своего генія, когда появился другой необычайный талантъ, обѣщавшій наслѣдовать его славу, если бы и ему не предназначенъ былъ еще болѣе краткій срокъ на литературномъ поприщѣ и не ожидала его такая же роковая судьба, какъ и нашего великаго поэта. Я хочу говорить о Лермонтовѣ; онъ еще былъ тогда лейбъ-гусарскимъ юнкеромъ въ Гвардейской школѣ, и никто о немъ не слыхалъ. Однажды его товарищъ по школѣ, гусаръ Цейдлеръ, приноситъ мнѣ тетрадку стиховъ неизвѣстнаго поэта и, не называя его по имени, проситъ только сказать мое мнѣніе о самыхъ стихахъ. Это была первая поэма Лермонтова „Демонъ". Я былъ изумленъ живостью разсказа и звучностью стиховъ и просилъ передать это неизвѣстному поэту. Тогда лишь, съ его дозволенія, рѣшился онъ мнѣ назвать Лермонтова, и когда гусарскій юнкеръ надѣлъ эполеты, онъ не замедлилъ ко мнѣ явиться. Таково было начало нашего знакомства. Лермонтовъ просиживалъ у меня по цѣлымъ вечерамъ; живая и остроумная его бесѣда была увлекательна, анекдоты сыпались, но громкій и пронзительный его смѣхъ былъ

[1]) Знакомство съ русскими поэтами. Кіевъ. 1871.

непріятенъ для слуха, какъ бывало и у Хомякова, съ которымъ во многомъ имѣлъ снъ сходство; не одинъ разъ просилъ я и того и другого „смѣяться проще“. Часто читалъ мнѣ молодой гусаръ свои стихи, въ которыхъ отзывались пылкія страсти юношескаго возраста, и я говорилъ ему: „отъ чего не изберете болѣе высокаго предмета для столь блистательнаго таланта?“ Пришло ему на мысль написать комедію [1]) въ родѣ „Горе отъ ума“, рѣзкую критику на современные нравы, хотя и далеко не въ уровень съ безсмертнымъ твореніемъ Грибоѣдова. Лермонтову хотѣлось видѣть ее на сценѣ, но строгая цензура III отдѣленія не могла ее пропустить! Авторъ съ негодованіемъ прибѣжалъ ко мнѣ и просилъ убѣдить начальника сего отдѣленія, моего двоюроднаго брата Мордвинова, быть снисходительнымъ къ его творенію; но Мордвиновъ оставался неумолимъ; даже цензура получила неблагопріятное мнѣніе о заносчивомъ писателѣ, что ему вскорѣ отозвалось непріятнымъ образомъ.

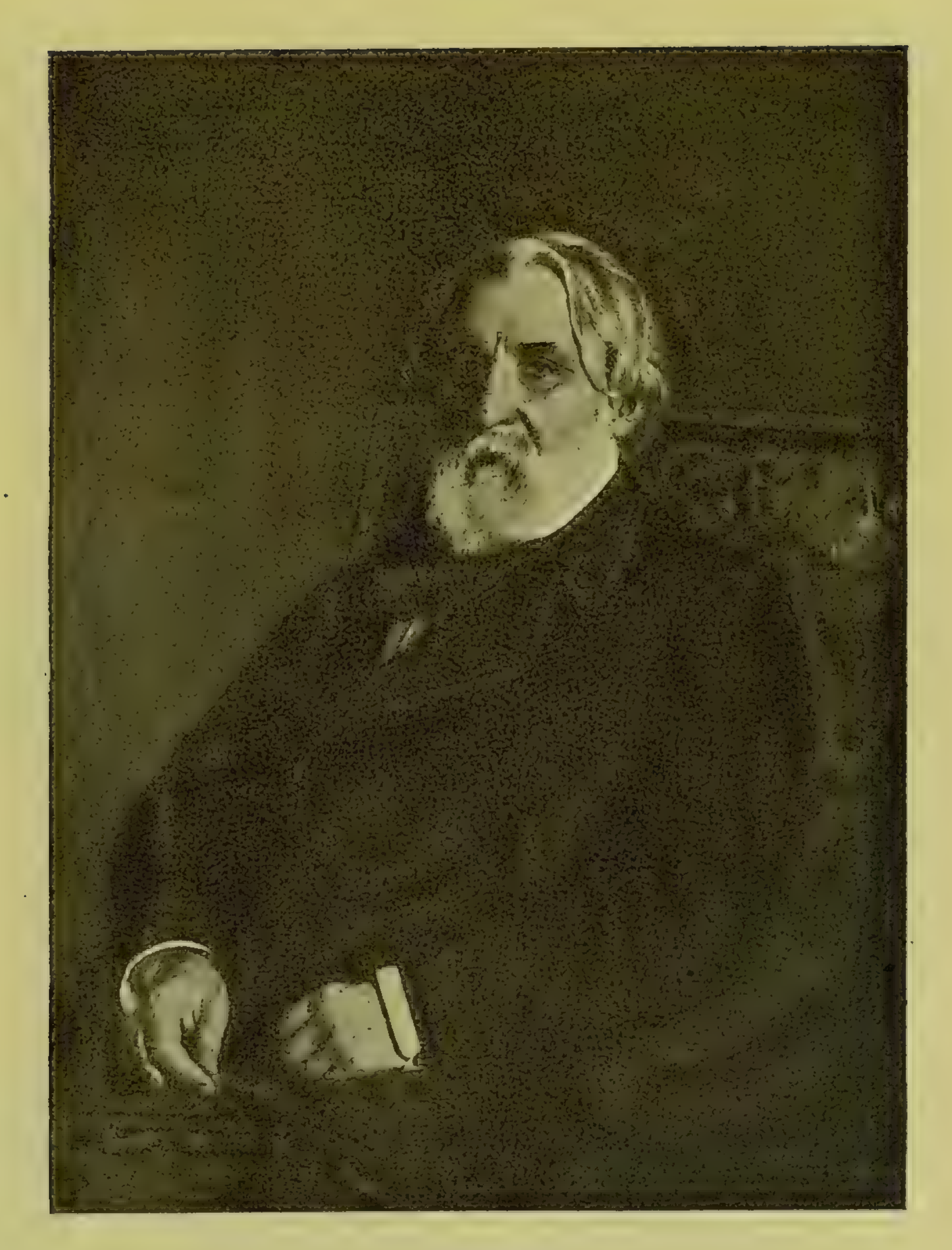
Случилась несчастная дуэль Пушкина; столица поражена была смертью любимаго поэта; народъ толпился около его дома, гдѣ сторожила полиція, испуганная такимъ сборищемъ; впускали только по одиночкѣ поклониться тѣлу усопшаго. Два дня сряду въ тѣсной его квартирѣ являлись, какъ тѣни, люди всякаго рода и званія, одинъ за другимъ благоговѣйно подходили къ его рукѣ и молча удалялись, чтобы дать мѣсто другимъ почитателямъ его памяти. Было даже опасеніе взрыва народной ненависти къ убійцѣ Пушкина. Если потеря его произвела такое сильное впечатлѣніе на народъ, то можно себѣ представить, каково было раздраженіе въ литературномъ кругу. Лермонтовъ сдѣлался его эхомъ и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность, написавъ энергическіе стихи на смерть Пушкина; но себѣ навлекъ онъ большую бѣду, такъ какъ упрекалъ въ нихъ вельможъ, стоявшихъ около трона, за то, что могли допустить столь печальное событіе. Ходила молва, что Пушкинъ палъ жертвою тайной интриги, по личной враждѣ, умышленно возбудившей его ревность; дѣятелями же были люди высшаго слоя общества. Поздно вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ Лермонтовъ и съ одушевленіемъ прочелъ свои стихи, которые мнѣ очень понравились. Я не нашелъ въ нихъ ничего особенно рѣзкаго, потому что не слыхалъ послѣдняго четвертостишія, которое возбудило бурю противъ поэта. Стихи сіи ходили въ двухъ спискахъ по городу — одни съ прибавленіемъ, а другіе безъ него, и даже говорили, что прибавленіе было сдѣлано другимъ поэтомъ, но что Лермонтовъ благородно принялъ это на себя. Онъ просилъ меня поговорить въ его пользу Мордвинову, и на другой день я поѣхалъ къ моему родичу. Мордвиновъ былъ очень занятъ и не въ духѣ. „Ты всегда съ старыми вѣстями, — сказалъ онъ,—я давно читалъ эти стихи графу Бенкендорфу, и мы не нашли въ нихъ ничего предосудительнаго“. Обрадованный такою вѣ-

[1]) „Маскарадъ“.

стью, я поспѣшилъ къ Лермонтову, чтобы его успокоить, и, не заставъ дома, написалъ ему, отъ слова до слова, то, что сказалъ мнѣ Мордвиновъ. Когда же возвратился домой, нашелъ у себя его записку, въ которой онъ опять просилъ моего заступленія, потому что ему грозила опасность. Долго ожидая меня, написалъ онъ на томъ же листкѣ чудные свои стихи „Вѣтка Палестины", которые по внезапному вдохновенію у него исторглись въ моей образной, при видѣ палестинскихъ пальмъ, принесенныхъ мною съ востока:

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты цвѣла, гдѣ ты росла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?... *и проч.*

Меня чрезвычайно тронули эти стихи, но каково было мое изумленіе вечеромъ, когда флигель-адъютантъ Столыпинъ сообщилъ мнѣ, что Лермонтовъ уже подъ арестомъ. Случилось мнѣ на другой день обѣдать у Мордвинова; за столомъ потребовали его къ гр. Бенкендорфу; чрезъ часъ онъ возвратился и съ крайнимъ раздраженіемъ сказалъ мнѣ: „что ты на насъ выдумалъ? ты самъ будешь отвѣчать за свою записку." Оказалось, что когда Лермонтовъ былъ взятъ подъ арестъ, генералъ Веймарнъ, исполнявшій должность гр. Бенкендорфа за его болѣзнью, поѣхалъ опечатать бумаги поэта и между ними нашелъ мою записку. При тогдашней строгости это могло дурно для меня кончиться; но меня выручилъ изъ бѣды бывшій начальникъ штаба жандармскаго корпуса, генералъ Дупельтъ. Когда Веймарнъ показалъ ему мою записку, уже пришитую къ дѣлу, Дупельтъ очень спокойно у него спросилъ: „что онъ думаетъ о стихахъ Лермонтова, безъ конечнаго къ нимъ прибавленія?" Тотъ отвѣчалъ: „что въ четырехъ послѣднихъ стихахъ и заключается весь ядъ". — „А если Муравьевъ ихъ не читалъ, точно такъ же какъ и Мордвиновъ, который ввелъ его въ такой промахъ?"—возразилъ Дупельтъ. Веймарнъ одумался и оторвалъ мою записку отъ дѣла. Это меня спасло, иначе я совершенно невиннымъ образомъ попался бы въ исторію Лермонтова. Ссылка его на Кавказъ надѣлала много шуму; на него смотрѣли, какъ на жертву, и это быстро возвысило его поэтическую славу. Съ жадностью читали его стихи съ Кавказа, который послужилъ для него источникомъ вдохновенія.

И. С. Тургеневъ.

18.

Изъ воспоминанiй И. С. Тургенева.

Лермонтова я видѣлъ всего два раза: въ домѣ одной знатной петербургской дамы княгини Ш—ой, и нѣсколько дней спустя, на маскарадѣ въ Благородномъ собранiи, подъ новый 1840 годъ. У княгини Ш—ой я, весьма рѣдкiй, непривычный посѣтитель свѣтскихъ вечеровъ, лишь издали, изъ уголка, куда я забился, наблюдалъ за быстро вошедшимъ въ славу поэтомъ. Онъ помѣстился на низкомъ табуретѣ передъ диваномъ, на которомъ, одѣтая въ черное

платье, сидѣла одна изъ тогдашнихъ столичныхъ красавицъ—бѣлокурая графиня М. П.[1]) — рано погибшее, дѣйствительно прелестное созданіе.

На Лермонтовѣ былъ мундиръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка; онъ не снялъ ни сабли, ни перчатокъ и, сгорбившись и насупившись, угрюмо посматривалъ на графиню. Она мало съ нимъ разговаривала и чаще обращалась къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ графу Ш—у, тоже гусару. Въ наружности Лермонтова было что то зловѣщее и трагическое: какой то сумрачной и недоброй силой, — задумчивой презрительностью и страстью вѣяло отъ его смуглаго лица, отъ его большихъ и неподвижно-темныхъ глазъ. Ихъ тяжелый взоръ странно не согласовался съ выраженіемъ почти дѣтски-нѣжныхъ и выдававшихся губъ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, съ большой головой на сутулыхъ широкихъ плечахъ, возбуждала ощущеніе непріятное; но присущую мощь тотчасъ сознавалъ всякій. Извѣстно, что онъ до нѣкоторой степени изобразилъ себя въ Печоринѣ. Слова: „Глаза его не смѣялись, когда онъ смѣялся" [2]) и т. д., дѣйствительно примѣнялись къ нему. Помнится, графъ Ш. и его собесѣдница внезапно засмѣялись чему то и смѣялись долго; Лермонтовъ также засмѣялся, но въ то же время съ какимъ то обиднымъ удивленіемъ оглядывалъ ихъ обоихъ. Несмотря на это, мнѣ все-таки казалось, что и графа Ш—а онъ любилъ, какъ товарища, и къ графинѣ питалъ чувство дружелюбное. Не было сомнѣнія, что онъ, слѣдуя тогдашней модѣ, напустилъ на себя извѣстнаго рода байроновскій жанръ съ примѣсью другихъ, еще худшихъ капризовъ и чудачествъ. И дорого же онъ поплатился за нихъ! — Внутренно Лермонтовъ, вѣроятно, скучалъ глубоко; онъ задыхался въ тѣсной сферѣ, куда его втолкнула судьба.—На балѣ Дворянскаго собранія ему не давали покоя, безпрестанно приставали къ нему, брали его за руки; одна маска смѣнялась другою, а онъ почти не сходилъ съ мѣста и молча слушалъ ихъ пискъ, поочередно обращая на нихъ свои сумрачные глаза. Мнѣ тогда же почудилось, что я уловилъ на лицѣ его прекрасное выраженіе поэтическаго творчества. Быть можетъ, ему приходили въ голову тѣ стихи:

Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ
Съ небрежной смѣлостью красавицъ городскихъ
Давно безтрепетныя руки... *и т. д.*

---

[1]) Мусина-Пушкина.
[2]) „Герой нашего времени".

Гр. В. А. Соллогубъ.

19.

Изъ воспоминаній гр. В. А. Соллогуба[1]).

Самыми блестящими послѣ баловъ придворныхъ были празднества, даваемыя графомъ Иваномъ Воронцовымъ-Дашковымъ. Одинъ изъ этихъ баловъ остался мнѣ особенно памятнымъ. Нѣсколько дней передъ этимъ баломъ Лермонтовъ былъ осужденъ на ссылку на Кавказъ. Лермонтовъ, съ которымъ я находился сыздавна въ самыхъ товарищескихъ отношеніяхъ, хотя и происходилъ отъ хорошей русской дворянской семьи, не принадлежалъ, однако, по рожденію къ квинтъ-эссенціи петербургскаго общества, но онъ его любилъ, бредилъ имъ, хотя и подсмѣивался надъ нимъ, какъ всѣ мы грѣшные... Къ тому же въ то время онъ страстно былъ влюбленъ въ графиню Мусину-Пушкину и слѣдовалъ за нею всюду, какъ тѣнь. Я зналъ, что онъ, какъ всѣ люди, живущіе воображеніемъ, и въ особенности въ то время, жаждалъ ссылки, притѣсненій, страданій, что, впрочемъ, не мѣшало ему веселиться и танцовать до упаду на всѣхъ балахъ; но я все-таки нѣсколько удивился, заставъ его такимъ беззаботно веселымъ почти наканунѣ его отъѣзда на

---

1) Спб., 1887, стр. 207—210.

Кавказъ; вся его будущность поколебалась отъ этой ссылки, а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, кружился въ вальсѣ. Раздосадованный, я подошелъ къ нему.

— Да что ты тутъ дѣлаешь!—закричалъ я на него:—убирайся ты отсюда, Лермонтовъ, того и гляди, тебя арестуютъ! Посмотри, какъ грозно глядитъ на тебя великiй князь Михаилъ Павловичъ!

— Не арестуютъ у меня!—щурясь сквозь свой лорнетъ, вскользь проговорилъ графъ Иванъ, проходя мимо насъ.

Въ продолженiе всего вечера я наблюдалъ за Лермонтовымъ. Имъ обуяла какая то лихорадочная веселость; но по временамъ что то странное точно скользило на его лицѣ; послѣ ужина онъ подошелъ ко мнѣ.

— Сологубъ, ты куда поѣдешь отсюда?—спросилъ онъ меня.

— Куда?.. домой, братъ; помилуй—половина четвертаго.

— Я поѣду къ тебѣ, я хочу съ тобой поговорить!.. Нѣтъ, лучше здѣсь. Послушай, скажи мнѣ правду! Слышишь—правду?.. Какъ добрый товарищъ, какъ честный человѣкъ... Есть у меня талантъ или нѣтъ?.. говори правду!..

— Помилуй, Лермонтовъ!—закричалъ я внѣ себя:—какъ ты *смѣешь* меня объ этомъ спрашивать! человѣкъ, который какъ ты, написалъ...

— Хорошо,—перебилъ онъ меня.—Ну, такъ слушай: государь милостивъ; когда я вернусь, я, вѣроятно, застану тебя женатымъ, ты остепенишься, образумишься, я тоже, и мы вмѣстѣ съ тобой станемъ издавать толстый журналъ.

Я, разумѣется, на все соглашался, но тайное скорбное предчувствiе какъ то ныло во мнѣ. На другой день я ранѣе обыкновеннаго отправился вечеромъ къ Карамзинымъ. У нихъ каждый вечеръ собирался кружокъ, состоявшiй изъ цвѣта тогдашняго литературнаго и художественнаго мiра: Глинка, Брюловъ, Даргомыжскiй,—словомъ, что носило извѣстное въ Россiи имя въ искусствѣ, прилежно посѣщало этотъ радушный, милый, высоко-эстетическiй домъ. Едва я вошелъ въ тотъ вечеръ въ гостиную Карамзиныхъ, Софья Карамзина стремительно бросилась ко мнѣ навстрѣчу, схватила мои обѣ руки и сказала мнѣ взволнованнымъ голосомъ:

— Ахъ, Владимiръ, послушайте, что Лермонтовъ написалъ! какая это прелесть! заставьте сейчасъ его сказать вамъ эти стихи!

Лермонтовъ сидѣлъ у чайнаго стола; вчерашняя веселость съ него „соскочила", онъ показался мнѣ блѣднѣе и задумчивѣе обыкновеннаго. Я подошелъ къ нему и выразилъ ему мое желанiе, мое нетерпѣнiе услышать тотчасъ вновь сочиненные имъ стихи.

Онъ нехотя поднялся со своего стула.

— Да, я давно написалъ эту вещь,—проговорилъ онъ и подошелъ къ окну.

Софья Карамзина, я и еще двое-трое изъ гостей окружили его, онъ оглянулъ насъ всѣхъ бѣглымъ взглядомъ, потомъ, точно задумался и медленно началъ:

На воздушномъ океанѣ
Безъ руля и безъ вѣтрилъ
Тихо плаваютъ въ туманѣ...

И такъ далѣе. Когда онъ кончилъ, слезы потекли по щекамъ, а мы, очарованные этимъ, едва ли не самымъ поэтическимъ его произведеніемъ и рѣдкой музыкальностью созвучій, стали горячо его хвалить.

— C'est du Pouchkine cela,— сказалъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Non c'est du Лермонтовъ, ce qui vaudra son Pouchkine!— вскричалъ я.

Лермонтовъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, братъ, далеко мнѣ до Александра Сергѣевича,— сказалъ онъ, грустно улыбнувшись:—да и времени работать мало остается: убьютъ меня, Владиміръ!

Предчувствіе Лермонтова сбылось; въ Петербургъ онъ больше не вернулся; но не отъ черкесской пули умеръ геніальный юноша, и на русское имя кровавымъ пятномъ легла его смерть.

20.

Изъ воспоминаній И. И. Панаева[1]).

Наклонность къ такъ называемой великосвѣтскости, которой были подвержены нѣкоторые литературные дѣятели 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ, дѣйствовала на нихъ и на ихъ произведенія весьма неблаготворно. Этой наклонности были подвергнуты даже такіе могучіе таланты, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ.

Лермонтовъ хотѣлъ слыть во что бы то ни стало и прежде всего за свѣтскаго человѣка и оскорблялся точно такъ же, какъ Пушкинъ, если кто-нибудь разсматривалъ его, какъ литератора. Несмотря на сознаніе, что причина гибели Пушкина была, между прочимъ, наклонность его къ великосвѣтскости (сознаніе это ясно выражено Лермонтовымъ въ его заключительныхъ стихахъ „На смерть Пушкина“), -- несмотря на то, что Лермонтову хотѣлось иногда бросать въ свѣтскихъ людей желѣзный стихъ,

„Облитый горечью и злостью“—

онъ никакъ не могъ отрѣшиться отъ свѣтскихъ предразсудковъ, и высшій свѣтъ дѣйствовалъ на него обаятельно, несмотря на его глубокій умъ и огромный поэтическій талантъ.

---

[1]) Спб., 1876, стр. 173—180.

Лермонтовъ сдѣлался извѣстенъ публикѣ своимъ стихотвореніемъ „На смерть Пушкина"; но еще и до этого, когда онъ былъ въ Юнкерской школѣ, носились слухи объ его замѣчательномъ поэтическомъ талантѣ, и его поэма „Демонъ" ходила уже по рукамъ въ рукописи.

Литературная критика обратила на него вниманіе послѣ появленія его повѣсти о купцѣ Калашниковѣ въ Литературныхъ При-

А. А. Краевскій.

бавленіяхъ къ „Русскому Инвалиду", издававшихся подъ редакціей Краевскаго.

Я въ первый разъ увидѣлъ Лермонтова на вечерахъ князя Одоевскаго.

Наружность Лермонтова была очень замѣчательна: онъ былъ небольшого роста, плотнаго сложенія, имѣлъ большую голову, крупныя черты лица, широкій и большой лобъ, глубокіе умные и пронзительные черные глаза, невольно приводившіе въ смущеніе того,

на кого онъ смотрѣлъ долго. Лермонтовъ зналъ силу своихъ глазъ и любилъ смущать и мучить людей робкихъ и нервическихъ своимъ долгимъ и пронзительнымъ взглядомъ. Однажды онъ встрѣтилъ у Краевскаго моего пріятеля М. А. Языкова... Языковъ сидѣлъ противъ Лермонтова. Они не были знакомы другъ съ другомъ. Лермонтовъ нѣсколько минутъ не спускалъ съ него глазъ. Языковъ почувствовалъ сильное нервное раздраженіе и вышелъ въ другую комнату, не будучи въ состояніи вынести этого взгляда. Онъ и до сихъ поръ не забылъ его.

Я много слышалъ о Лермонтовѣ отъ его школьныхъ и полковыхъ товарищей. По ихъ словамъ, онъ былъ любимъ очень немногими, только тѣми, съ которыми былъ близокъ, но и съ своими онъ не былъ сообщителенъ. У него была страсть отыскивать въ каждомъ своемъ знакомомъ какую-нибудь комическую сторону, какую-нибудь слабость, и, отыскавъ ее, онъ упорно и постоянно преслѣдовалъ такого человѣка, подтрунивалъ надъ нимъ и выводилъ его изъ терпѣнія. Когда онъ достигалъ этого, онъ былъ очень доволенъ.

— Странно,—говорилъ мнѣ одинъ изъ его товарищей,—въ сущности онъ былъ, если хотите, добрый малый: покутить, повеселиться,—во всемъ этомъ онъ не отставалъ отъ товарищей; но у него не было ни малѣйшаго добродушія, и ему непремѣнно нужна была жертва,—безъ этого онъ не могъ быть покоенъ, и выбравъ ее, онъ ужъ безпощадно преслѣдовалъ ее. Онъ непремѣнно долженъ былъ кончить такъ трагически: не Мартыновъ, такъ кто-нибудь другой убилъ бы его.

Лермонтовъ по своимъ связямъ и знакомствамъ принадлежалъ къ высшему обществу, и былъ знакомъ только съ литераторами, принадлежащими къ этому свѣту, съ литературными авторитетами и знаменитостями. Я въ первый разъ увидѣлъ его у Одоевскаго и потомъ довольно часто встрѣчался съ нимъ у Краевскаго. Гдѣ и какъ онъ сошелся съ Краевскимъ, этого я не знаю; но онъ былъ съ нимъ довольно коротокъ и даже говорилъ ему *ты*.

Лермонтовъ обыкновенно заѣзжалъ къ Краевскому по утрамъ (это было въ первые годы „Отечественныхъ Записокъ", въ 1839, 40 и 41 годахъ) и привозилъ ему свои новыя стихотворенія. Онъ съ шумомъ вбѣгалъ въ его кабинетъ, заставленный фантастическими столами, полками и полочками, на которыхъ были аккуратно разставлены и разложены книги, журналы и газеты, подходилъ къ столу, за которымъ, глубокомысленно погруженный въ корректуры, сидѣлъ редакторъ въ томъ алхимическомъ костюмѣ, покрой котораго былъ снятъ имъ у Одоевскаго, разбрасывалъ *эти* корректуры и бумаги по полу и производилъ страшную кутерьму на столѣ и въ комнатѣ. Однажды онъ даже опрокинулъ ученаго редактора со стула и заставилъ его барахтаться на полу въ корректурахъ. Краевскому, при его всегдашней солидности, при его наклонности къ порядку и

аккуратности, такія шуточки и школьничьи выходки не должны были нравиться; но онъ поневолѣ переносилъ это отъ великаго таланта, съ которымъ былъ на *ты*, и, полуморщась, полуулыбаясь, говорилъ:

— Ну, полно, полно... перестань, братецъ, перестань...

Краевскій походилъ въ такія минуты на гётевскаго Вагнера, а Лермонтовъ — на маленькаго бѣсенка, котораго Мефистофель подсылалъ къ Вагнеру, чтобы смущать его глубокомысліе.

Когда ученый приходилъ въ себя, поправлялъ свои волосы и отряхалъ свои одежды, поэтъ пускался въ разсказы о своихъ свѣтскихъ похожденіяхъ, прочитывалъ свои новые стихи и уѣзжалъ. Посѣщенія его всегда были очень непродолжительны.

Заговоривъ о Лермонтовѣ, я выскажу здѣсь кстати все, что помню о немъ, и читатель, вѣрно, проститъ меня за нарушеніе хронологическаго порядка.

Разъ утромъ Лермонтовъ пріѣхалъ къ Краевскому въ то время, когда я былъ у него. Онъ привезъ ему свое стихотвореніе:

„Есть рѣчи, значенье
Темно, иль ничтожно“...

прочелъ его и спросилъ:

— Ну, что, годится?..

— Еще бы! дивная вещь,—отвѣчалъ Краевскій,—превосходно; но тутъ есть въ одномъ стихѣ маленькій грамматическій промахъ, неправильность...

— Что такое?—спросилъ съ безпокойствомъ Лермонтовъ.

„Изъ *пламя* и свѣта
Рожденное слово...“

— Это неправильно, не такъ, — возразилъ Краевскій, — по-настоящему надо сказать, изъ пламени и свѣта...

— Да если этотъ пламень не укладывается въ стихъ? Это вздоръ, ничего, —вѣдь поэты позволяютъ себѣ разныя поэтическія вольности, и у Пушкина ихъ много... Однако... (Лермонтовъ на минуту задумался)... дай-ка я попробую передѣлать этотъ стихъ.

Онъ взялъ листокъ со стихами, подошелъ къ высокому фантастическому столу Краевскаго съ выемкой, обмакнулъ перо и задумался...

Такъ прошло минутъ пять. Мы молчали. Наконецъ, Лермонтовъ бросилъ съ досадой перо и сказалъ:

— Нѣтъ, ничего нейдетъ въ голову. Печатай такъ, какъ есть: сойдетъ съ рукъ...

Въ другой разъ я засталъ Лермонтова у Краевскаго въ сильномъ волненіи. Онъ былъ взбѣшонъ за напечатаніе, безъ его спроса, „Казначейши“ въ „Современникѣ“, издававшемся Плетневымъ. Онъ держалъ тоненькую розовую книжечку „Современника“ въ рукѣ и покушался было разодрать ее, но Краевскій не допустилъ его до этого.

— Это чортъ знаетъ, что такое! позволительно ли дѣлать такія вещи! — говорилъ Лермонтовъ, размахивая книжечкой...—Это ни на что не похоже!

Онъ подсѣлъ къ столу, взялъ толстый красный карандашъ и на оберткѣ „Современника“, гдѣ была напечатана его „Казначейша“, набросалъ какую-то каррикатуру.

Вѣроятно, этотъ нумеръ „Современника“ сохраняется у Краевскаго въ воспоминаніе о поэтѣ.

Я также встрѣтился у Краевскаго съ Лермонтовымъ въ день его дуэли съ сыномъ г. Баранта, находившимся тогда при французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ... Лермонтовъ пріѣхалъ послѣ дуэли прямо къ Краевскому и показывалъ намъ свою царапину на рукѣ. Они дрались на шпагахъ. Лермонтовъ въ это утро былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ. Если я не ошибаюсь, тутъ былъ и Бѣлинскій.

Бѣлинскій встрѣчался у Краевскаго съ Лермонтовымъ. Бѣлинскій пробовалъ было не разъ заводить съ нимъ серьезный разговоръ, но изъ этого никогда ничего не выходило. Лермонтовъ всякій разъ отдѣлывался шуткой или просто прерывалъ его, а Бѣлинскій приходилъ въ смущеніе.

— Сомнѣваться въ томъ, что Лермонтовъ уменъ, — говорилъ Бѣлинскій, — было бы довольно странно; но я ни разу не слыхалъ отъ него ни однаго дѣльнаго и умнаго слова. Онъ, кажется, нарочно щеголяетъ свѣтскою пустотою.

И дѣйствительно, Лермонтовъ какъ будто щеголялъ ею, примѣшивая къ ней иногда что то сатанинское и байроническое: пронзительные взгляды, ядовитыя шуточки и улыбочки, желаніе показать презрѣніе къ жизни, а иногда даже задорливость бреттера. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если онъ не изобразилъ въ Печоринѣ самого себя, то по крайней мѣрѣ идеалъ, сильно тревожившій его въ то время и на который онъ очень желалъ походить.

Когда онъ сидѣлъ въ ордонансъ-гаузѣ послѣ дуэли съ Барантомъ, Бѣлинскій навѣстилъ его; онъ провелъ съ нимъ часа четыре, глазъ на глазъ, и отъ него прямо пришелъ ко мнѣ.

Я взглянулъ на Бѣлинскаго и тотчасъ увидѣлъ, что онъ въ необыкновенно пріятномъ настроеніи духа. Бѣлинскій не могъ скрывать своихъ ощущеній и впечатлѣній и никогда не драпировался. Я не встрѣчалъ человѣка естественнѣе, проще и откровеннѣе его. Въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенный контрастъ Лермонтову.

— Знаете ли, откуда я?—спросилъ Бѣлинскій.

— Откуда?

— Я былъ въ ордонансъ-гаузѣ у Лермонтова, и попалъ очень удачно. У него никого не было. Ну, батюшка, въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка настоящимъ человѣкомъ!! Вы знаете мою свѣтскость и ловкость: я вошелъ къ нему и сконфузился по обыкновенію. Думаю себѣ: ну, зачѣмъ меня принесла къ нему нелегкая?

Мы едва знакомы, общихъ интересовъ у насъ никакихъ, я буду его женировать, онъ меня... Что еще связываетъ насъ немного, - такъ это любовь къ искусству, но онъ не подается на такіе разговоры... Я, признаюсь, досадовалъ на себя и рѣшился пробыть у него не больше четверти часа. Первыя минуты мнѣ было неловко, но потомъ у насъ завязался какъ то разговоръ объ англійской литературѣ и Вальтеръ-Скоттѣ... „Я не люблю Вальтеръ-Скотта, — сказалъ мнѣ Лермонтовъ, — въ немъ мало поэзіи Онъ сухъ". И началъ развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрѣлъ на него — и не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе, онъ былъ въ эту минуту самимъ собою... Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть. И онъ перешелъ отъ Вальтера-Скотта къ Куперу и говорилъ о немъ съ жаромъ, доказывалъ, что въ Куперѣ несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ Вальтеръ-Скоттѣ, и доказывалъ это съ тонкостью и умомъ и—что удивило меня—даже съ увлеченіемъ. Боже мой! Сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ. Не даромъ же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ, наконецъ, удалось таки его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ. Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя хоть на минуту быть самимъ собою, - я увѣренъ въ этомъ...

Бѣлинскій, послѣ возвращенія Лермонтова съ Кавказа, зимою 1841 года[1]), нѣсколько разъ видѣлся съ нимъ у Краевскаго и у Одоевскаго, но между ними не только не было никакихъ дружескихъ отношеній, а и серьезный разговоръ уже не возобновлялся болѣе.

21.

А. Е. Головачева-Панаева[2]).

Воспоминанія.

Я видѣла Лермонтова одинъ только разъ, передъ его отъѣздомъ на Кавказъ, въ кабинетѣ моего зятя. А. А. Краевскаго, къ которому онъ пришелъ проститься. Лермонтовъ предложилъ мнѣ передать письмо моему брату, служившему на Кавказѣ. У меня остался въ памяти пронзительный взглядъ его черныхъ глазъ.

1) 1840 г.
2) Спб., 1890, стр. 86.

Лермонтовъ школьничалъ въ кабинетѣ у Краевскаго, перевороши̇лъ у него на столѣ всѣ бумаги, книги на полкахъ. Онъ удивилъ меня своей живостью и веселостью и нисколько не походилъ на тѣхъ литераторовъ, съ которыми я познакомилась.

22.

Н. М. Сатинъ [1]).

Изъ воспоминаній.

Ив. Ив. Панаевъ въ своихъ „Литературныхъ Воспоминаніяхъ“ говоритъ, что Бѣлинскій и Лермонтовъ познакомились въ Петербургѣ, у г. Краевскаго, въ то время, когда Бѣлинскій принималъ дѣятельное участіе въ изданіи „Отечественныхъ Записокъ“, т.-е. въ 1839 или 1840 году. Это несправедливо. Они познакомились въ 1837 г. въ Пятигорскѣ, у меня. Сошлишь и разошлись они тогда вовсе не симпатично. Бѣлинскій, впослѣдствіи столь высоко цѣнившій Лермонтова, не разъ подсмѣивался самъ надъ собой, говоря, что онъ тогда *не раскусилъ* Лермонтова.

Лѣтомъ 1837 года я жилъ въ Пятигорскѣ, больной, почти безъ движенія отъ ревматическихъ болей въ ногахъ. Туда же и тогда же пріѣхали Бѣлинскій и Лермонтовъ, первый—изъ Москвы лѣчиться, второй—изъ Нижегородскаго полка повеселиться.

Съ Бѣлинскимъ я не былъ знакомъ прежде; но онъ привезъ мнѣ изъ Москвы письмо отъ нашего общаго пріятеля К.[2]); на этомъ основаніи мы скоро сблизились, и Бѣлинскій навѣщалъ меня ежедневно.

Съ Лермонтовымъ мы встрѣчались, какъ старые товарищи. Мы были съ нимъ вмѣстѣ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, но въ 1831 году, послѣ преобразованія пансіона въ Дворянскій институтъ (когда-нибудь поговоримъ и объ этомъ замѣчательномъ фактѣ) и введенія въ него *розогъ*, вмѣстѣ и оставили его. Лермонтовъ тотчасъ же вступилъ въ Московскій университетъ и прямо наткнулся на исторію профессора Малова, вслѣдствіе которой былъ исключенъ изъ университета [3]), и поступилъ въ Юнкерскую школу. Я поступилъ въ университетъ только на слѣдующій годъ.

На порогѣ школьной жизни мы разстались съ Лермонтовымъ холодно и скоро забыли другъ о другѣ. Вообще въ пансіонѣ това-

[1]) „Починъ“, 1895, М., стр. 237—241, 250.
[2]) Н. Х. Кетчера.
[3]) Ошибка: Лермонтовъ за эту исторію не пострадалъ.

рищи не любили Лермонтова за его наклонность подтрунивать и надоѣдать: „пристанетъ, такъ не отстанетъ“, говорили о немъ. Замѣчательно, что эта юношеская наклонность привела его и къ послѣдней трагической дуэли.

Въ 1837 году мы встрѣтились уже молодыми людьми, и, разумѣется, школьныя неудовольствія были взаимно забыты. Я сказалъ, что былъ серьезно боленъ и почти недвижимъ, Лермонтовъ, напротивъ, пользовался всѣмъ здоровьемъ и велъ свѣтскую разсѣянную жизнь. Онъ былъ знакомъ со всѣмъ *водянымъ* обществомъ (тогда очень многочисленнымъ), участвовалъ на всѣхъ обѣдахъ, пикникахъ и праздникахъ.

Такая, повидимому, пустая жизнь не пропадала, впрочемъ, для него даромъ: онъ писалъ тогда „Княжну Мери“ и зорко наблюдалъ за встрѣчающимися ему личностями. Тѣ, которые были въ 1837 году въ Пятигорскѣ, вѣроятно, давно узнали и княжну Мери, и Грушницкаго, и въ особенности милаго, умнаго и оригинальнаго доктора Майера [1]).

Майеръ былъ докторомъ при штабѣ генерала Вельяминова. Это былъ замѣчательно умный и образованный человѣкъ: тѣмъ не менѣе онъ тоже не раскусилъ Лермонтова.

Лермонтовъ снялъ съ него портретъ замѣчательно вѣрный; но умный Майеръ обидѣлся, и когда „Княжна Мери“ была напечатана, онъ писалъ ко мнѣ о Лермонтовѣ:

„Pauvre sire, pauvre talent“ [2]).

Лермонтовъ приходилъ ко мнѣ почти ежедневно послѣ обѣда отдохнуть и поболтать. Онъ не любилъ говорить о своихъ литературныхъ занятіяхъ, не любилъ даже читать своихъ стиховъ; но зато охотно разсказывалъ о своихъ свѣтскихъ похожденіяхъ, самъ первый подсмѣивался надъ своими *любвями* и волокитствами.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ встрѣтился у меня съ Бѣлинскимъ. Познакомились, и дѣло шло ладно, пока разговоръ вертѣлся на разныхъ пустячкахъ; они даже открыли, что оба уроженцы города Чембаръ (Пензенской губ.) [3]).

Но Бѣлинскій не могъ долго удовлетворяться пустословіемъ. На столѣ у меня лежалъ томъ записокъ Дидерота; взявъ его и перелистовавъ, онъ съ удивленіемъ началъ говорить о французскихъ энциклопедистахъ и остановился на Вольтерѣ, котораго именно онъ въ то время читалъ. Такой переходъ отъ пустого разговора къ серьезному разбудилъ юморъ Лермонтова. На серьезныя мнѣнія Бѣлинскаго онъ началъ отвѣчать разными шуточками; это явно сердило Бѣлинскаго, который начиналъ горячиться: горячность же Бѣлинскаго болѣе и болѣе возбуждала юморъ Лермонтова, который хохоталъ отъ души и сыпалъ разными шутками.

[1]) Это тотъ самый докторъ, который описанъ въ „Княжнѣ Мери“ подъ именемъ Вернера.
[2]) „Ничтожный человѣкъ, ничтожный талантъ“.
[3]) Ошибка: Лермонтовъ родился въ Москвѣ. *В. К.*

„Да я вотъ что скажу вамъ о вашемъ Вольтерѣ, —сказалъ онъ въ заключенie: если бы онъ явился теперь къ намъ въ Чембары, то его ни въ одномъ порядочномъ домѣ не взяли бы въ гувернеры“.

Такая неожиданная выходка, впрочемъ, не лишенная смысла и правды, совершенно озадачила Бѣлинскаго. Онъ въ теченie нѣсколькихъ секундъ посмотрѣлъ молча на Лермонтова, потомъ, взявъ фуражку и едва кивнувъ головой, вышелъ изъ комнаты.

Лермонтовъ разразился хохотомъ. Тщетно я увѣрялъ его, что Бѣлинскiй замѣчательно умный человѣкъ; онъ передразнивалъ Бѣлинскаго и утверждалъ, что это недоучившiйся фанфаронъ, который, прочитавъ нѣсколько страницъ Вольтера, воображаетъ, что проглотилъ всю премудрость.

Бѣлинскiй съ своей стороны иначе не называлъ Лермонтова, какъ *пошлякомъ*, и когда я ему напоминалъ стихотворенie Лермонтова „На смерть Пушкина“, —онъ отвѣчалъ: „Вотъ важность написать нѣсколько удачныхъ стиховъ! Отъ этого еще не сдѣлаешься поэтомъ и не перестанешь быть пошлякомъ!“.

На впечатлительную натуру Бѣлинскаго встрѣча съ Лермонтовымъ произвела такое сильное влiянie, что въ первомъ же письмѣ изъ Москвы онъ писалъ ко мнѣ: „Повѣрь, что пошлость заразительна, и потому, пожалуйста, не пускай къ себѣ такихъ пошляковъ, какъ Лермонтовъ“.

Такъ встрѣтились и разошлись въ первый разъ эти двѣ замѣчательныхъ личности. Черезъ два или три года они глубоко уважали и цѣнили другъ друга...

Зимой [1]) къ нашему обществу присоединился Лермонтовъ, но—признаюсь—только помѣшалъ ему. Этотъ человѣкъ постоянно шутилъ и подтрунивалъ, что, наконецъ, надоѣло всѣмъ. Бѣлинскiй, какъ разсказываетъ Панаевъ, имѣлъ хотя разъ случай слышать въ ордонансгаузѣ серьезный разговоръ Лермонтова о Вальтеръ-Скоттѣ и Куперѣ. Мнѣ, признаюсь, несмотря на мое продолжительное знакомство съ нимъ, не случалось этого. Этотъ человѣкъ—постоянно шутилъ и подтрунивалъ. Ложно понятый байронизмъ сбилъ его съ обычной дороги. Пренебреженie къ пошлости есть дѣло достойное всякаго мыслящаго человѣка; но Лермонтовъ доводилъ это до absurdum, не признавая въ окружающемъ его обществѣ ничего достойнаго его вниманiя.

[1]) 1838 г.

23.

Гр. Е. П. Ростопчина.

Письмо къ Александру Дюма [1]).

Лермонтовъ родился 1814 или въ 1815 году [2]) и происходилъ отъ богатаго и почтеннаго семейства; потерявъ еще въ малолѣтствѣ отца и мать, онъ былъ воспитанъ бабушкой, со стороны матери; г-жа Арсеньева, женщина умная и достойная, питала къ своему внуку самую безграничную любовь, словомъ сказать,—любовь бабушки; она ничего не жалѣла для его образованія. Въ четырнадцать или пятнадцать лѣтъ онъ уже сталъ писать стихи, которые далеко еще не предвѣщали будущаго блестящаго и могучаго таланта. Созрѣвъ рано, какъ и все современное ему поколѣніе, онъ уже мечталъ о жизни, не зная о ней ничего, и такимъ образомъ теорія повредила практикѣ. Ему не достались въ удѣлъ ни прелести, ни радости юношества; одно обстоятельство, уже съ той поры, повліяло на его характеръ и продолжало имѣть печальное и значительное вліяніе на всю его будущность. Онъ былъ дуренъ собой, и эта некрасивость, уступившая впослѣдствіи силѣ выраженія, почти исчезнувшая, когда геніальность впослѣдствіи преобразила простыя черты его лица, была поразительна въ его самые юные годы. Она то и рѣшила его образъ мыслей, вкусы и направленія молодого человѣка, съ пылкимъ умомъ и неограниченнымъ честолюбіемъ. Не признавая возможности нравиться, онъ рѣшилъ соблазнять или пугать и драпировался въ байронизмъ, который былъ тогда въ модѣ. Донъ-Жуанъ сдѣлался его героемъ, мало того, его образцомъ; онъ сталъ бить на таинственность, на мрачное и на колкости. Эта дѣтская игра оставила неизгладимые слѣды въ подвижномъ и впечатлительномъ воображеніи; вслѣдствіе того, что онъ представлялъ изъ себя Лара и Манфреда, онъ привыкъ быть такимъ. Въ то время я его два раза видѣла, на дѣтскихъ балахъ, на которыхъ я прыгала и скакала, какъ настоящая дѣвочка, которою я и была, между тѣмъ какъ онъ, одних со мною лѣтъ, даже нѣсколько моложе, занимался тѣмъ, что старался свернуть голову одной моей кузинѣ [3]), очень кокетливой; съ ней, какъ говорится, шла у него двойная игра; я до сей поры помню странное впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ бѣднымъ ребенкомъ, загримированнымъ въ старика и опередившимъ года страстей трудолюбивымъ подражаніемъ. Кузина повѣряла мнѣ свои тайны; она показывала мнѣ стихи, которые Лермонтовъ писалъ

[1]) „Русская Старина“, 1882, сентябрь.
[2]) Въ 1814 г. .
[3]) Екатеринѣ Александровнѣ Сушковой, въ замужествѣ Хвостовой.

ей въ альбомъ; я находила ихъ дурными, особенно потому, что они не были правдивы. Въ то время я была въ полномъ восторгѣ отъ Шиллера, Жуковскаго, Байрона, Пушкина; я сама пробовала заняться поэзіей и написала оду на Шарлотту Корде, и была настолько разумна, что впослѣдствіи ее сожгла. Наконецъ, я даже не имѣла желанія познакомиться съ Лермонтовымъ,—такъ онъ мнѣ казался мало симпатичнымъ.

Онъ тогда былъ въ Благородномъ пансіонѣ, служившемъ приготовительнымъ пансіономъ при Московскомъ университетѣ.

Впослѣдствіи онъ перешелъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ; насмѣшливый, ѣдкій, ловкій— проказы, шалости, шутки всякаго рода сдѣлались его любимымъ занятіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ полный ума, самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душою общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ, всего того, что составляетъ жизнь въ эти годы.

По выходѣ изъ школы онъ поступилъ въ гвардейскій егерскій полкъ [1]), одинъ изъ самыхъ блестящихъ полковъ и отлично составленый; тамъ опять живость, умъ и жажда удовольствій поставили Лермонтова въ головѣ его товарищей; онъ импровизировалъ для нихъ цѣлыя поэмы, на предметы самые обыденные изъ ихъ казарменной или лагерной жизни. Эти пьесы, которыя я не читала, такъ какъ онѣ написаны не для женщинъ, отличаются жаромъ и блестящей пылкостью автора. Онъ давалъ всѣмъ различныя прозвища въ насмѣшку; справедливость требовала, чтобы и онъ получилъ свое; къ намъ дошелъ изъ Парижа, откуда къ намъ приходитъ все, особый типъ, съ которымъ онъ имѣлъ много сходства,—горбатаго Майе (Mayeux), и Лермонтову дали это прозвище, вслѣдствіе его малаго роста и большой головы, которые придавали ему нѣкоторымъ образомъ фамильное сходство съ этимъ уродцемъ. Веселая холостая жизнь не препятствовала ему посѣщать и общество, гдѣ онъ забавлялся тѣмъ, что сводилъ съ ума женщинъ, съ цѣлью потомъ ихъ покидать и оставлять въ тщетномъ ожиданіи; другая его забава была разстройство партій, находящихся въ зачаткѣ, и для того онъ представлялъ изъ себя влюбленнаго въ продолженіе нѣсколькихъ дней; всѣмъ этимъ, какъ казалось, онъ старался доказать самому себѣ, что женщины могутъ его любить, несмотря на его малый ростъ и некрасивую наружность. Мнѣ случалось слышать признанія нѣсколькихъ изъ его жертвъ, и я не могла удержаться отъ смѣха, даже прямо въ лицо, при видѣ слезъ моихъ подругъ, не могла не смѣяться надъ оригинальными и комическими развязками, которыя онъ давалъ своимъ злодѣйскимъ донжуанскимъ подвигамъ. Помню, одинъ разъ онъ, забавы ради, рѣшился замѣстить богатаго жениха, и когда всѣ считали уже Лермонтова готовымъ занять его мѣсто, родители не-

[1]) Лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ.

вѣсты вдругъ получили анонимное письмо, въ которомъ ихъ уговаривали изгнать Лермонтова изъ своего дома и въ которомъ описывались всякіе о немъ ужасы. Это письмо написалъ онъ самъ, и затѣмъ уже болѣе въ этотъ домъ не являлся [1]).

Около того же времени умеръ Пушкинъ; Лермонтовъ вознегодовалъ, какъ и все молодое въ Россіи, противъ той недоброй (mauvaise) партіи нашего общества, которая возстановляла другъ противъ друга двухъ противниковъ. Лермонтовъ написалъ посредственное (?) стихотвореніе, но жгучее, въ которомъ онъ обращался прямо къ Императору, требуя мщенія. При всеобщемъ возбужденіи умовъ этотъ поступокъ, столь натуральный въ молодомъ человѣкѣ, былъ перетолкованъ. Новый поэтъ, выступившій въ защиту умершаго поэта, былъ посаженъ подъ арестъ на гауптвахту, а засимъ переведенъ въ полкъ на Кавказъ. Эта катастрофа, столь оплакиваемая друзьями Лермонтова, обратилась въ значительной степени въ его пользу: оторванный отъ пустоты петербургской жизни, поставленный въ присутствіе строгихъ обязанностей и постоянной опасности, перенесенный на театръ вѣчной войны, въ незнакомую страну, прекрасную до великолѣпія, вынужденный, наконецъ, сосредоточиться въ самомъ себѣ, поэтъ мгновенно выросъ, и талантъ его мощно развернулся. До того времени всѣ его опыты, хотя и многочисленные, были какъ будто только ощупыванія, но тутъ онъ сталъ работать по вдохновенію и изъ самолюбія, чтобы показать свѣту что-нибудь свое; о немъ знали лишь по ссылкѣ, а произведеній его еще не читали. Здѣсь будетъ у мѣста провести паралель между Пушкинымъ и Лермонтовымъ, собственно въ смыслѣ поэта и писателя.

Пушкинъ -весь порывъ, у него все прямо выливается; мысль исходитъ или, скорѣе, извергается изъ его души, изъ его мозга во всеоружіи съ головы до ногъ; затѣмъ онъ все передѣлываетъ, исправляетъ, подчищаетъ, но мысль остается та же, цѣльная и точно опредѣленная.

Лермонтовъ ищетъ, сочиняетъ, улаживаетъ; разумъ, вкусъ, искусство указываютъ ему на средство округлить фразу, усовершенствовать стихъ; но первоначальная мысль постоянно не имѣетъ полноты, неопредѣленна и колеблется; даже и теперь въ полномъ собраніи его сочиненій попадается тотъ же стихъ, та же строфа, та же идея, вставленная въ совершенно разныхъ пьесахъ.

Пушкинъ давалъ себѣ тотчасъ отчетъ въ ходѣ и совокупности даже и самой маленькой изъ его отдѣльныхъ пьесъ.

Лермонтовъ набрасывалъ на бумагу стихъ или два, пришедшіе въ голову, не зная самъ, что онъ съ ними сдѣлаетъ, а потомъ включалъ ихъ въ то или другое стихотвореніе, къ которому, какъ ему казалось, они подходили. Главная его прелесть заключалась преимущественно въ описаніи мѣстностей; онъ самъ, хорошій пейзажистъ,

[1]) См. выше воспоминанія Сушковой-Хвостовой и Ладыженской и „Княгиню Лиговскую“ Лермонтова.

дополнялъ поэта — живописцемъ; очень долго обиліе матеріаловъ, бродящихъ въ его мысляхъ, не позволяло ему привести ихъ въ порядокъ, и только со времени его вынужденнаго бездѣйствія на Кавказѣ начинаются полное обладаніе имъ самимъ собою, знакомство со своими силами и, такъ сказать, правильная эксплоатація его различныхъ способностей; по мѣрѣ того какъ онъ оканчивалъ, пересмотрѣвъ и исправивъ тетрадку своихъ стихотвореній, онъ отсылалъ ее къ своимъ друзьямъ въ Петербургъ; эти отправки причиной того, что мы должны оплакивать утрату нѣсколькихъ изъ лучшихъ его произведеній. Курьеры, отправляемые изъ Тифлиса, бываютъ часто атакуемы чеченцами или кабардинцами, подвергаются опасности попасть въ горные потоки или пропасти, черезъ которые они переправляются на доскахъ или же переходятъ въ бродъ, гдѣ иногда, чтобы спасти самихъ себя, они бросаютъ довѣренные имъ пакеты, и такимъ образомъ пропали двѣ-три тетради Лермонтова; это случилось съ послѣдней тетрадью, отправленной Лермонтовымъ къ своему издателю, такъ что отъ нея у насъ остались только первоначальные наброски стихотвореній вполнѣ законченныхъ, которыя въ ней заключались.

На Кавказѣ юношеская веселость уступила мѣсто у Лермонтова припадкамъ черной меланхоліи, которая глубоко проникла въ его мысли и наложила особый отпечатокъ на его поэтическія произведенія. Въ 1838 году[1]) ему разрѣшено было вернуться въ Петербургъ, а такъ какъ талантъ, а равно и ссылка уже воздвигли ему пьедесталъ, то свѣтъ поспѣшилъ его хорошо принять.

Нѣсколько успѣховъ у женщинъ, нѣсколько салонныхъ волокитствъ (flirtations) вызвали противъ него вражду мужчинъ; споръ о смерти Пушкина[2]) былъ причиной столкновенія между нимъ и г. де Барантомъ, сыномъ французскаго посланника: послѣдствіемъ спора была дуэль, и въ очень короткое время вторая, между русскимъ и французомъ; нѣкоторыя женщины выболтали, и о поединкѣ узнали до его совершенія; чтобы покончить эту международную вражду, Лермонтовъ былъ вторично сосланъ на Кавказъ.

Отъ временъ второго пребыванія въ этой странѣ войны и величественной природы исходятъ лучшія и самыя зрѣлыя произведенія нашего поэта. Поразительнымъ скачкомъ онъ вдругъ себя превосходитъ, и его дивные стихи, его великія и глубокія мысли 1840 года какъ будто не принадлежатъ молодому человѣку, пробовавшему свои силы въ предшествовавшемъ году; тутъ уже находишь больше правды и добросовѣстности въ отношеніи къ самому себѣ; онъ съ собою болѣе ознакомился и себя лучше понимаетъ; маленькое тщеславіе исчезаетъ, и если онъ сожалѣетъ о свѣтѣ, то только въ смыслѣ воспоминаній объ оставленныхъ тамъ привязанностяхъ.

[1]) У Дюма ошибка: 1833 г.
[2]) Столкновеніе изъ-за кн. Щербатовой.

Въ началѣ 1841 года его бабушка, госпожа Арсеньева, выхлопотала ему разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ для свиданія съ нею и полученія послѣдняго благословенія; года и слабость понуждали ее спѣшить возложить руки на главу любимаго дѣтища. Лермонтовъ прибылъ въ Петербургъ 7 или 8 февраля, и, горькою насмѣшкою судьбы, его родственница, госпожа Арсеньева, проживавшая въ отдаленной губерніи, не могла съ нимъ съѣхаться по причинѣ дурного состоянія дорогъ, происшедшаго отъ преждевременной распутицы.

Именно въ это то время я познакомилась лично съ Лермонтовымъ, и двухъ дней было довольно, чтобы связать насъ дружбой; однимъ днемъ болѣе, чѣмъ съ вами, любезный Дюма, а потому не ревнуйте. Принадлежа къ одному и тому же кругу, мы постоянно встрѣчались и утромъ, и вечеромъ; что насъ окончательно сблизило, это мой разсказъ объ извѣстныхъ мнѣ его юношескихъ проказахъ; мы вмѣстѣ вдоволь надъ ними посмѣялись, и такимъ образомъ вдругъ сошлись, какъ будто были знакомы съ самаго того времени. Три мѣсяца, проведенные тогда Лермонтовымъ въ столицѣ, были, какъ я полагаю, самые счастливые и самые блестящіе въ его жизни. Отлично принятый въ свѣтѣ, любимый и балованный въ кругу близкихъ, онъ утромъ сочинялъ какіе-нибудь прелестные стихи и приходилъ къ намъ читать ихъ вечеромъ. Веселое расположеніе духа проснулось въ немъ опять въ этой дружественной обстановкѣ, онъ придумывалъ какую-нибудь шутку или шалости, и мы проводили цѣлые часы въ веселомъ смѣхѣ, благодаря его неисчерпаемой веселости.

Однажды онъ объявилъ, что прочитаетъ намъ новый романъ, подъ заглавіемъ: „Штосъ“, при чемъ онъ разсчитывалъ, что ему понадобится, по крайней мѣрѣ, четыре часа для его прочтенія. Онъ потребовалъ, чтобы собрались вечеромъ рано, и чтобы двери были заперты для постороннихъ. Всѣ его желанія были исполнены, и избранники сошлись числомъ около тридцати; наконецъ, Лермонтовъ входитъ съ огромной тетрадью подъ мышкой, принесли лампу, двери заперли, и затѣмъ начинается чтеніе; спустя четверть часа оно было окончено. Неисправимый шутникъ заманилъ насъ первой главой какой то ужасной исторіи, начатой имъ только наканунѣ; написано было около двадцати страницъ, а остальное въ тетради была бѣлая бумага. Романъ на этомъ остановился, и никогда не былъ оконченъ.

Отпускъ его приходилъ къ концу, а бабушка не ѣхала. Стали просить объ отсрочкахъ, въ которыхъ сначала было отказано, а потомъ онѣ взяты штурмомъ высокимъ покровительственнымъ вліяніемъ. Лермонтову очень не хотѣлось ѣхать, у него были всякаго рода дурныя предчувствія. Наконецъ, около конца апрѣля или начала мая мы собирались на прощальный ужинъ, чтобы пожелать ему добраго пути. Я изъ послѣднихъ пожала ему руку. — Мы ужинали втроемъ, за маленькимъ столомъ, онъ и еще другой другъ, ко-

торый тоже погибъ насильственной смертью въ послѣднюю войну. Во время всего ужина и на прощаньи Лермонтовъ только и говорилъ объ ожидавшей его скорой смерти. Я заставляла его молчать, и стала смѣяться надъ его казавшимися пустыми предчувствіями, но они поневолѣ на меня вліяли и сжимали сердце. Черезъ два мѣсяца они осуществились, и пистолетный выстрѣлъ во второй разъ [1])—похитилъ у Россіи драгоцѣнную жизнь, составлявшую національную гордость. Но что было всего ужаснѣе въ этотъ разъ,—ударъ послѣдовалъ отъ дружеской руки.

24.

Изъ записной книжки „Русскаго Архива“ [2]).

Отецъ Лермонтова грубо обращался съ своею тещею Е. А. Арсеньевой. Навѣщая ее въ деревнѣ, онъ ложился при всѣхъ на диванъ и, чтобы заснуть, оборачивался даже спиною къ ней и ея гостямъ. Въ Москвѣ, когда Лермонтовъ былъ студентомъ въ университетѣ, бабушка огорчалась пріѣздомъ его отца, потому что онъ, бывало, пріѣдетъ за сыномъ и увезетъ его, Богъ знаетъ куда, такъ что молодой внукъ возвращался домой поздно ночью.

Отецъ Лермонтова жилъ помѣщикомъ средней руки въ Елецкомъ уѣздѣ, Воронежской [3]) губерніи. Сосѣдъ его И. А. Викулинъ отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ степенномъ и добросердечномъ. Онъ умеръ около 1834 г.

25.

Воспоминанія гр. А. Д. Блудовой [4]).

Лермонтовъ—съ страннымъ смѣшеніемъ самолюбія не совсѣмъ ловкаго свѣтскаго человѣка и скромности даровитаго поэта, неумолимо строгій въ оцѣнкѣ своихъ стиховъ, взыскательный до крайности къ собственному таланту и гордый весьма посредственными успѣхами въ гостиныхъ. Они скоро бы надоѣли ему, еслибы не сгубили безвременно тогда именно, когда возрасталъ и зрѣлъ его высокій поэтическій даръ.

---

1) Первый—смерть Пушкина.
2) „Русскій Архивъ“, 1893, X, 256.
3) Орловской губ.
4) „Русскій Архивъ“, 1899, I, 64 (и „Заря“, 1871 г.).

26.

Боденштедтъ.

Характеристика Лермонтова [1]).

Не многіе поэты сумѣли, подобно Лермонтову, остаться во всѣхъ обстоятельствахъ жизни вѣрными искусству и самимъ себѣ.

Выросшій среди общества, гдѣ лицемѣріе и ложь считаются признаками хорошаго тона, Лермонтовъ, до послѣдняго вздоха, остался чуждъ всякой лжи и притворства.

Несмотря на то, что онъ много терпѣлъ отъ ложныхъ друзей, а тревожная кочевая жизнь не разъ вырывала его изъ объятій истинной дружбы, онъ оставался неизмѣнно вѣренъ своимъ друзьямъ и въ счастьи, и въ несчастіи,— но зато былъ непримиримъ въ ненависти. А онъ имѣлъ право ненавидѣть; имѣлъ его болѣе, нежели кто-либо!

Что внутренно возвышало его, было орудіемъ противъ него извнѣ. Но онъ не переставалъ чтить бога, жившаго въ его сердцѣ... Оскорбленный въ томъ, что казалось ему святымъ; въ разладѣ со всѣмъ окружающимъ; преслѣдуемый, когда начиналъ говорить; подозрѣваемый, когда молчалъ; окруженный со всѣхъ сторонъ непріязнью и неспособный подавлять надолго свои мысли и чувства, онъ могъ вполнѣ и беззавѣтно довѣряться только поэзіи. Она утѣшала его и вознаграждала его за житейскія разочарованія и лишенія.

Онъ былъ счастливъ, только когда творилъ; а творить онъ могъ только въ минуты вдохновенія,— что бы ни вдохновляло его: радость, горе, негодованіе, отчаяніе или гордое сознаніе своей силы. Но безъ этого побужденія, безъ истиннаго душевнаго порыва онъ никогда не бросался въ объятія музы,— такъ что всѣ его произведенія могутъ назваться написанными на случай, Gelegenheits-Gedichte —въ томъ смыслѣ, какой придавалъ этому названію Гёте.

Неопредѣленные заоблачные сны фантазіи были ему совершенно чужды; куда ни обращалъ онъ глаза, къ небу ли или къ аду, онъ всегда отыскивалъ прежде твердую точку опоры на землѣ.

Этимъ то свойствомъ да, кромѣ того, тѣмъ, что Лермонтовъ въ совершенствѣ владѣлъ языкомъ и былъ одаренъ тонкою наблюдательностью, объясняются необыкновенная вѣрность, точность и жизненная свѣжесть его изображеній въ эпическихъ стихотвореніяхъ. Тою же самою художественною правдою проникнуты и его лирическія изліянія, всегда служащія вѣрнымъ отраженіемъ настроенія его души.

[1]) „Современникъ", 1862.

Вдохновеніе врывалось внезапно, какъ солнечный лучъ, въ его мрачную жизнь, соединяло въ одномъ фокусѣ и мысль его, и чувство, и вспыхивали чудные стихи.. Случайности жизни Лермонтова не должны быть упускаемы изъ виду при точной оцѣнкѣ его произведеній. Ими многое объясняется и многое оправдывается. Поэтическій стонъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ производитъ на насъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, нежели бьющая на эффектъ зѣвота скучающаго риѳмача, или чувствительныя лебединыя пѣсни плаксивыхъ ханжей.

Не спорю, что въ сильныхъ строфахъ Лермонтова звучатъ по временамъ дисонансы; что не одно жесткое слово, не одинъ рѣзкій образъ могли бы быть выпущены изъ нихъ. Но гдѣ же такой садъ поэзіи, гдѣ не росло бы сорныхъ травъ?

Справедливость требуетъ замѣтить, что случайные недостатки стиховъ Лермонтова рѣдко могутъ быть поставлены въ упрекъ самому поэту, потому что и въ свѣтлыя, и въ мрачныя минуты вдохновенія онъ искалъ только словъ, чтобъ излить его, вовсе не думая выходить съ нимъ на судъ публики. Стихи:

.... Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ вѣнца:
Любовь и пѣсни — вотъ вся жизнь пѣвца;
Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила!

вылились у него изъ глубины души.

Самъ Лермонтовъ издалъ, какъ извѣстно, относительно лишь малую часть своихъ произведеній; да и тѣ были, можно сказать, вырваны у него его друзьями, чтобы попасть въ печать. Всѣхъ причинъ этого упрямства никто не могъ бы объяснить...

Постоянныя неудачи въ жизни производятъ совершенно различное дѣйствіе на твердые и на слабые характеры...

.... Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Характеръ Лермонтова—самаго крѣпкаго закала, и чѣмъ грознѣе падали на него удары судьбы, тѣмъ болѣе становился онъ твердымъ.

Онъ не могъ противостоять преслѣдовавшей его судьбѣ; но въ то же время не хотѣлъ ей покориться. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы одолѣть ее, но и слишкомъ гордъ, чтобы позволить одолѣть себя.

Вотъ причина того пылкаго негодованія, того бурнаго безпокойства во многихъ стихотвореніяхъ его, въ которыхъ отражаются — какъ въ кипящемъ подъ грозою морѣ при свѣтѣ молній — и небо, и земля.

Вотъ причина также и его раздражительности и желчи, которыми онъ, въ своей жизни, часто отталкивалъ отъ себя лучшихъ друзей и давалъ поводъ къ дуэлямъ.

Первая изъ этихъ дуэлей привела къ долгому заточенію, а послѣдняя—къ преждевременной смерти.

Не берусь рѣшить, что именно подало поводъ къ этой послѣдней дуэли: неосторожныя ли остроты и шутки Лермонтова, какъ говорятъ нѣкоторые, вызвали ее, или, какъ утверждаютъ другіе, то ли, что противникъ его принялъ на свой счетъ нѣкоторые намеки въ романѣ „Герой нашего времени“ и оскорбился ими, какъ касавшимися притомъ и его семейства. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ слышалъ я эту исторію отъ секунданта Лермонтова, г. Глѣбова, который и закрылъ глаза своему убитому другу.

Очень вѣроятно, что Лермонтовъ, обрисовавшій себя немножко яркими красками въ главномъ героѣ этого романа, списалъ съ натуры и другихъ дѣйствующихъ лицъ, такъ что прототипамъ ихъ не трудно было узнать себя.

Книга написана прекрасною прозою, полна глубокой мысли и представляетъ превосходный комментарій къ стихамъ „Думы“:

Печально я гляжу на наше поколѣнье:
Его грядущее иль пусто, иль темно...

Въ концѣ этого романа описывается дуэль, въ которой тотъ, кому первому предстоитъ подвергнуться выстрѣлу противника, долженъ стать на краю обрыва, чтобы, въ случаѣ раны, немедленно упасть туда на вѣрную смерть: по странному сближенію, почти точно такимъ же образомъ умеръ впослѣдствіи самъ Лермонтовъ.

Это поразительное сходство положеній объясняется тѣмъ, что Лермонтовъ былъ по убѣжденію отъявленнымъ врагомъ дуэли, но, однажды доведенный до нея, не могъ уже сдѣлать изъ нея дѣтской шутки или рисковать подвергнуться одному увѣчью. Поэтому онъ и принялъ такія мѣры, чтобы одинъ изъ двухъ неизбѣжно остался на мѣстѣ.

У него была твердость заклеймить дуэль, какъ отвратительнѣйшее порожденіе человѣческой глупости, но недостало твердости отказаться отъ этой глупости. Онъ ея не искалъ, но и не уклонялся отъ нея, отъ этой „отваги дерзости слѣпой“. Онъ предпочелъ, впрочемъ, сознательно высказать такую слѣпую дерзость, чѣмъ отстраниться отъ мнѣній и толковъ людей, которыхъ презиралъ отъ всей души.

Въ его жизни было много подобныхъ странностей, но всѣ онѣ истекаютъ изъ одного источника — изъ его страданій и, большею частью, могутъ быть оправданы ими.

Невозможно, чтобы человѣкъ при подобныхъ обстоятельствахъ не сбивался иногда съ дороги. Проницательный умъ указываетъ мудрецу людскія глупости, но не всегда предостерегаетъ его отъ нихъ и не можетъ совершенно уберечь его отъ вліяній окружающей среды.

Произнося судъ надъ умомъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ умовъ, слѣдуетъ брать мѣриломъ не то, что въ немъ есть общаго съ толпою, которая стоитъ ниже его, а то, что отличаетъ его отъ этой толпы и возвышаетъ надъ ней.

Недостатки Лермонтова были недостатками всего свѣтскаго молодого поколѣнія въ Россіи; но достоинствъ его не было ни у кого. Вѣрнѣйшее изображеніе его личности все-таки останется намъ въ его произведеніяхъ, гдѣ онъ выказывается вполнѣ такимъ, какимъ былъ, тогда какъ въ жизни онъ былъ лишь тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ казаться. Не надо понимать этого въ дурномъ смыслѣ: если Лермонтовъ и надѣвалъ маску, то надѣвалъ не съ злымъ намѣреніемъ. Онъ былъ несчастливъ, но слишкомъ гордъ, чтобы высказывать свое несчастіе, — и потому пряталъ свои страданія подъ личиною веселости, и самыя ѣдкія остроты его отзываются солью слезъ.

Чтобы дать хотя бы слабое понятіе о томъ впечатлѣніи, какое производила личность Лермонтова, я хочу разсказать о моихъ первыхъ встрѣчахъ съ нимъ зимою 1840 года въ Москвѣ, насколько онѣ сохранились у меня въ памяти. Къ сожалѣнію, мнѣ рѣдко удавалось вести правильный дневникъ во время моего пребыванія въ Россіи; не удавалось, во-первыхъ, потому, что я пишу кропотливо и тяжело, и мнѣ нужно не мало досуга для собранія воедино своихъ впечатлѣній; во-вторыхъ, потому, что моя — можетъ быть, излишняя — осторожность оставляла въ моей записной книжкѣ лишь самую слабую помощь моей памяти, только имена и числа.

Зимою 1840 — 1841 года, въ Москвѣ, передъ послѣднимъ отъѣздомъ Лермонтова на Кавказъ, случилось мнѣ обѣдать въ одинъ пасмурный, хотя и праздничный день съ Павломъ О., очень умнымъ молодымъ русскимъ. Обѣдали мы въ одномъ французскомъ ресторанѣ, который посѣщала въ то время вся знатная московская молодежь.

Во время обѣда къ намъ присоединилось еще нѣсколько знакомыхъ и, между прочимъ, одинъ молодой князь замѣчательно-красивой наружности и довольно ограниченнаго ума, но большой добрякъ. Онъ позволялъ потѣшаться надъ собою и добродушно сносилъ всѣ остроты, которыя другіе отпускали на его счетъ.

Легкая шутливость, искрящееся остроуміе, быстрая смѣна противоположныхъ предметовъ въ разговорѣ, — однимъ словомъ, весь такъ называемый esprit français, такъ же свойственъ большей части знатныхъ русскихъ, какъ и французскій языкъ.

Мы были уже за шампанскимъ. Снѣжная пѣна лилась черезъ край стакановъ; и черезъ край лились изъ устъ моихъ собесѣдниковъ то плохія, то мѣткія остроты.

Въ то время мнѣ не было еще двадцати двухъ лѣтъ, я былъ свѣжимъ и толстощекимъ, довольно неловкимъ и сантиментальнымъ юношей, и больше слушалъ, чѣмъ говорилъ, и, вѣроятно, казался нѣсколько страннымъ среди этой блестящей, уже порядочно пожившей молодежи.

— А! Михайло Юрьевичъ! — вскричали двое-трое изъ моихъ собесѣдниковъ при видѣ только что вошедшаго молодого офицера.

Онъ привѣтствовалъ ихъ короткимъ: „здравствуйте“, слегка потрепалъ О. по плечу и обратился къ князю со словами:

Кн. Г. Г. Гагаринъ. *Кавказскіе типы Лермонтовскихъ временъ.*

Хевсуръ.

— Ну, какъ поживаешь, умникъ?

У вошедшаго была гордая, непринужденная осанка, средній ростъ и замѣчательная гибкость движеній. Вынимая при входѣ носовой платокъ, чтобы обтереть мокрые усы, онъ выронилъ на полъ бумажникъ или сигарочницу и при этомъ нагнулся съ такой ловкостью, какъ будто былъ вовсе безъ костей, хотя плечи и грудь были у него довольно широки.

Гладкіе, бѣлокурые, слегка вьющіеся по обѣимъ сторонамъ волосы оставляли совершенно открытымъ необыкновенно высокій лобъ. Большіе, полные мысли глаза, казалось, вовсе не участвовали въ насмѣшливой улыбкѣ, игравшей на красиво очерченныхъ губахъ молодого человѣка.

Одѣтъ онъ былъ въ парадную форму: на шеѣ небрежно повязанъ черный платокъ; военный сюртукъ не новъ и не до верху застегнутъ, и изъ-подъ него виднѣлось ослѣпительной свѣжести бѣлье. Эполетъ на немъ не было.

Мы говорили до тѣхъ поръ по-французски, и О. представилъ меня на томъ же діалектѣ вошедшему. Обмѣнявшись со мною нѣсколькими бѣглыми фразами, офицеръ сѣлъ съ нами обѣдать. При выборѣ кушаньевъ и въ обращеніи къ прислугѣ онъ употреблялъ выраженія, которыя въ большомъ ходу у многихъ — чтобы не сказать у всѣхъ — русскихъ, но которыя въ устахъ новаго гостя непріятно поражали меня. Поражали потому, что гость этотъ былъ — Михаилъ Лермонтовъ. Эти выраженія иностранецъ прежде всего выучиваетъ въ Россіи, потому что слышитъ ихъ повсюду и безпрестанно; но ни одинъ порядочный человѣкъ — кромѣ развѣ грека или турка, у которыхъ у самихъ въ ходу точь въ точь такія выраженія — не рѣшится написать ихъ въ переводѣ на свой родной языкъ.

Во время обѣда я замѣтилъ, что Лермонтовъ не пряталъ подъ столъ своихъ нѣжныхъ, выхоленныхъ рукъ. Отвѣдавъ нѣсколькихъ кушаньевъ и осушивъ два стакана вина, онъ сдѣлался очень разговорчивъ и, надо полагать, много острилъ, такъ какъ слова его были нѣсколько разъ прерываемы громкимъ хохотомъ. Къ сожалѣнію, для меня его остроты оставались непонятными, такъ какъ онъ нарочно говорилъ по-русски и къ тому же чрезвычайно скоро, а я въ то время недостаточно хорошо понималъ русскій языкъ, чтобы слѣдить за разговоромъ. Я замѣтилъ только, что остроты его часто переходили въ личности; но, получивъ раза два мѣткій отпоръ отъ О., онъ разсчелъ за лучшее упражняться только надъ молодымъ княземъ.

Нѣкоторое время тотъ добродушно переносилъ шпильки Лермонтова; но, наконецъ, и ему уже стало невмочь, и онъ съ достоинствомъ умѣрилъ его пылъ, показавъ, что, при всей ограниченности ума, сердце у него такое же, какъ и у другихъ людей.

Казалось, Лермонтова искренно огорчило, что онъ обидѣлъ князя, своего товарища, и онъ всѣми силами старался помириться съ нимъ, въ чемъ скоро и успѣлъ.

Я уже зналъ и любилъ тогда Лермонтова по собранію его стихотвореній, вышедшихъ въ 1840 г., но въ этотъ вечеръ онъ произвелъ на меня столь невыгодное впечатлѣніе, что у меня пропала всякая охота поближе сойтись съ нимъ. Весь разговоръ, съ самаго его прихода, звенѣлъ у меня въ ушахъ, какъ будто кто-нибудь скребъ по стеклу.

Я никогда не могъ, можетъ быть, ко вреду моему, сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ задорнымъ человѣкомъ, какое бы онъ ни занималъ мѣсто въ обществѣ, никогда не могъ извинять шалостей знаменитыхъ и геніальныхъ людей только во имя ихъ знаменитости и геніальности. Я часто убѣждался, что можно быть основательнымъ ученымъ, поэтомъ или писателемъ и въ то же время невыносимымъ человѣкомъ въ обществѣ. У меня правило основывать мое мнѣніе о людяхъ на первомъ впечатлѣніи; но въ отношеніи Лермонтова мое первое, непріятное впечатлѣніе вскорѣ совершенно изгладилось пріятнымъ.

Не далѣе какъ на слѣдующій вечеръ, встрѣтивъ снова Лермонтова въ салонѣ г-жи М., я увидѣлъ его въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Лермонтовъ вполнѣ умѣлъ быть милымъ.

Отдаваясь кому-нибудь, онъ отдавался отъ всего сердца, только едва ли это съ нимъ часто случалось. Въ самыхъ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ находился онъ съ умною графинею Ростопчиною, которой было бы поэтому легче, нежели кому-либо, дать вѣрное понятіе о его характерѣ.

Людей же, недостаточно знавшихъ его, чтобы извинять его недостатки за его высокія, обаятельныя качества, онъ скорѣе отталкивалъ, нежели привлекалъ къ себѣ, давая слишкомъ много воли своему нѣсколько колкому остроумію. Впрочемъ, онъ могъ быть въ то же время кротокъ и нѣженъ, какъ ребенокъ, и вообще въ характерѣ его преобладало задумчивое, часто грустное настроеніе.

Серьезная мысль была главною чертою его благороднаго лица, какъ и всѣхъ значительнѣйшихъ его твореній, къ которымъ его легкія, шутливыя произведенія относятся, какъ его насмѣшливый, тонко очерченный ротъ къ его большимъ, полнымъ думы глазамъ.

Многіе изъ соотечественниковъ Лермонтова раздѣляли съ нимъ его прометеевскую участь, но ни у одного изъ нихъ страданія не вырвали такихъ драгоцѣнныхъ слезъ, которыя служили ему облегченіемъ при жизни и дали ему неувядаемый вѣнокъ по смерти.

Рисуетъ ли онъ предъ нами исполинскія горы многовершиннаго Кавказа, гдѣ взоръ, подымаясь кверху, теряется въ снѣжныхъ облакахъ и, опускаясь внизъ, тонетъ въ безднѣ; или горный потокъ, то клубящійся подъ утесомъ, на которомъ страшно стоять дикой козѣ, то свѣтло ниспадающій, „какъ согнутое стекло“, въ пропасть, гдѣ сливается съ новыми ручьями и вновь выходитъ на свѣтъ; описываетъ ли онъ намъ горные аулы и лѣса Дагестана, или испещренныя цвѣтами долины Грузіи; указываетъ ли на облака,

Кавказскіе типы Лермонтовскихъ временъ.

Рисун. Кн. Г. Г. Гагарина.

бѣгущія „степью лазурною, цѣпью жемчужною“, или на коня, несущагося по синей безконечной степи; воспѣваетъ ли онъ священную тишину лѣсовъ, или буйный громъ битвы, — онъ всегда и во всемъ остается вѣренъ природѣ до малѣйшихъ подробностей. Всѣ эти картины возстаютъ передъ нами въ жизненно-ясныхъ краскахъ, и въ то же время отъ нихъ вѣетъ какою то таинственною поэтическою прелестью, какъ будто бы дѣйствительнымъ благоуханіемъ и свѣжестью этихъ горъ, цвѣтовъ, луговъ и лѣсовъ.

Борьба Мцыри съ тигромъ, кулачный бой на Москвѣ-рѣкѣ, сцены битвы въ „Измаилъ-беѣ“, картины, въ родѣ слѣдующей:

„Шумитъ Аргуна мутною волной;
Она коры не знаетъ ледяной,
Цѣпей зимы и хлада не боится:
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между снѣговъ родится,
И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
Дитя природы, съ дѣтской простотой,
Она рѣзвясь, играетъ и катится!
Порою, какъ согнутое стекло,
Межъ длинныхъ травъ, прозрачно и свѣтло,
По гладкимъ камнямъ въ бездну ниспадая
Теряется во мракѣ, и надъ ней
Съ прощальнымъ воркованьемъ вьется стая
Пугливыхъ, сизыхъ, вольныхъ голубей...
Зеленымъ можжевельникомъ покрыты,
Надъ мрачной бездной гробовыя плиты
Висятъ и ждутъ, когда замолкнетъ вой,
Чтобы упасть и все покрыть собой.
Напрасно ждутъ онѣ! — волна не дремлетъ,
Пусть темнота кругомъ ее объемлетъ,
Прорветъ Аргуна землю гдѣ-нибудь
И снова полетитъ въ далекій путь!“

или:

„Погасъ, блѣднѣя, день осенній;
Свернувъ душистые листы,
Вкушаютъ сонъ безъ сновидѣній
Полузавядшіе цвѣты,
И въ часъ урочный молчаливо
Изъ-подъ камней ползетъ змѣя,
Играетъ, тѣшится лѣниво,
И серебрится чешуя
Надъ перегибистой спиною“ *и т. д.*;

или такія мѣста, какъ то, когда Хаджи Абрекъ вскакиваетъ на коня съ окровавленною головой Леилы:

„Послушный конь его, объятый
Внезапно страхомъ неземнымъ,
Храпитъ и пѣнится подъ нимъ:
Щетиной грива, ржетъ и пышетъ,
Грызетъ стальные удила,
Ни словъ, ни повода не слышитъ,
И мчится въ горы, какъ стрѣла“...

И безчисленное множество другихъ мѣстъ изъ его кавказскихъ стихотвореній, — все это высочайшія красоты поэзіи.

Два замѣчательнѣйшихъ ученыхъ новѣйшаго времени — Александръ Гумбольдтъ въ своемъ „Космосѣ" и Христіанъ Эрстедъ въ своемъ разсужденіи объ отношеніи естествознанія къ поэзіи — указываютъ, какъ на настоятельное требованіе нашего времени, на болѣе обширное приложеніе въ области изящнаго современныхъ открытій и изслѣдованій природы.

Стоитъ прочесть цѣликомъ упомянутыя сочиненія, чтобы убѣдиться, что Лермонтовъ выполнилъ въ своихъ стихотвореніяхъ бо̀льшую часть того, что эти великіе ученые признаютъ потребностью нашего времени и чего такъ живо желаютъ.

Пусть назовутъ мнѣ хоть одно изъ множества толстыхъ географическихъ, историческихъ и другихъ сочиненій о Кавказѣ, изъ котораго можно бы живѣе и вѣрнѣе познакомиться съ характеристическою природою этихъ горъ и ихъ населенія, нежели изъ которой-нибудь поэмы Лермонтова, гдѣ мѣсто дѣйствія происходитъ на Кавказѣ.

Поэтическій геній Пушкина выразился въ его зрѣлѣйшихъ произведеніяхъ съ такой мощью и такъ самостоятельно-народно, что молодые поэты не могли не подчиниться его обаятельному вліянію, и оно было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ даровитѣе была натура поэта, какъ, напримѣръ, у Лермонтова.

Лермонтовъ явился достойнымъ послѣдователемъ своего великаго предшественника: онъ сумѣлъ извлечь пользу для себя и для народа изъ его богатаго наслѣдства, не впадая въ рабское подражаніе. Онъ выучился у Пушкина простотѣ выраженія и чувству мѣры; онъ подслушалъ у него тайну поэтической формы. Нѣкоторыя изъ его первыхъ лирическихъ стихотвореній, какъ, напримѣръ, „Вѣтка Палестины", невольно напоминаютъ Пушкина; нѣкоторое внѣшнее сходство съ Пушкинымъ представляютъ и два-три другихъ стихотворенія, въ особенности „Казначейша". Но противоположности между характерами обоихъ поэтовъ гораздо ярче и опредѣленнѣе этого сходства. Сходство въ нихъ скорѣе случайное, внѣшнее, условное, тогда такъ то, въ чемъ они расходятся, составляетъ самую сущность ихъ личностей. Поэтическія средства у обоихъ были почти одинаковы, точно такъ же, какъ и обстоятельства, при которыхъ они развивались; только самое развитіе было различно.

Обоимъ пришлось дорого заплатить за первые поэтическіе порывы свои. Пушкинъ вернулся изъ изгнанія; Лермонтовъ и умеръ вдали отъ родины.

Пушкинъ сумѣлъ впослѣдствіи примириться и считаться съ людьми и обстоятельствами, на которыхъ вначалѣ такъ горячо ополчился, которымъ клялся въ непримиримой враждѣ. — Лермонтовъ никогда не могъ и не хотѣлъ дойти до такого примиренія,

потому что оно не могло бы быть полнымъ, а половинныхъ мѣръ онъ не терпѣлъ.

Пушкинъ, по словамъ однаго критика, былъ прежде всего художникомъ, и, огородивъ себѣ мирный уголокъ, гдѣ бы онъ смогъ спокойно жить со своимъ искусствомъ, онъ уже не такъ строго смотрѣлъ на все остальное.

У Лермонтова, напротивъ того, искусство и жизнь были нераздѣльны; онъ никогда не могъ отдѣлить художника отъ человѣка Вотъ въ чемъ великая между ними разница!

Лермонтова упрекали, будто онъ, въ гордомъ ослѣпленіи, чуждался своей отчизны и не любилъ ея. Онъ отвѣтилъ на это чуднымъ стихотвореніемъ, которое начинается такъ:

„Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья“.

Пушкинъ умѣлъ вдохновляться этой славой, этимъ „полнымъ гордаго довѣрія покоемъ“; онъ воспѣвалъ ихъ въ своихъ стихахъ. У Лермонтова также есть художественныя картины битвъ, но онъ вдохновлялся ими лишь настолько, насколько нужно художнику, чтобы что-либо воспроизвести. Его точка зрѣнія выше Пушкинской. Онъ оканчиваетъ слѣдующимъ размышленіемъ неподражаемыя боевыя сцены въ „Валерикѣ“:

Я думалъ: „Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ.... зачѣмъ?“.

О томъ, какъ свято чтилъ Лермонтовъ искусство, мы можемъ судить по его пѣсни „На смерть Пушкина“, по драматической сценѣ „Поэтъ, читатель и журналистъ“, превосходнымъ стихотвореніямъ „Пророкъ“, „Поэтъ“ и по множеству повсюду разбросанныхъ мыслей.

О томъ же, какъ глубоко зналъ онъ сердце человѣка, какъ вѣрно постигалъ свое время и какъ нераздѣльно слиты были въ немъ поэзія и жизнь, лучше всего свидѣтельствуетъ его полная божественнаго огня „Дума“, начинающаяся словами:

Печально я гляжу на наше поколѣнье...

Говорить ли мнѣ что-либо о воспитаніи и познаніяхъ Лермонтова? Подробности его дѣтства въ точности мнѣ неизвѣстны. У всѣхъ писавшихъ о немъ было мало точныхъ и положительныхъ свѣдѣній и указаній объ этой эпохѣ его жизни. Вѣроятно, этотъ недостатокъ слѣдуетъ приписать кочевой его жизни и ранней кончинѣ, которыя не дали ни ему, ни другимъ времени и случая отмѣтить кое-какія

біографическія черты. Кому можетъ придти въ голову освѣдомляться о школьной жизни и о дѣтскихъ похожденіяхъ только что выступающаго поэта? Конечно, всѣ эти частности могутъ быть для многихъ интересны, но для оцѣнки Лермонтова, какъ поэта, можно обойтись и безъ нихъ. Что былъ бы это за поэтъ, еслибъ ему нужно было засвидѣтельствовать свою ученость и образованіе школьными аттестатами и учеными цитатами!

Извѣстно, что Лермонтовъ училъ въ школѣ все, что требовалось къ экзамену, и что впослѣдствіи, по собственному побужденію, основательно изучалъ исторію міра и природы. При этомъ онъ, какъ и слѣдовало русскому аристократу, зналъ французскій и нѣмецкій языки, какъ свой собственный; а по-итальянски и по-англійски настолько, чтобы хорошо понимать любого писателя.

Къ Лермонтову какъ нельзя лучше примѣняется то, что Гёте замѣчаетъ относительно всѣхъ вообще людей, одаренныхъ художественными способностями, а именно, что они бываютъ обязаны своимъ образованіемъ главнымъ образомъ природѣ и самимъ себѣ. „Вамъ, педагоги,—говоритъ онъ,—никогда не создать искусственно такого разнообразнаго поприща, на которомъ бы геній всегда находилъ достаточно мѣста для дѣятельности своихъ силъ и для наслажденія“. Онъ же говоритъ, что „для генія правила вреднѣе примѣровъ“.

27.

Изъ записокъ Н. И. Лорера[1]).

Въ одно утро явился ко мнѣ молодой человѣкъ, въ сюртукѣ нашего Тенгинскаго полка, рекомендуя себя поручикомъ Лермонтовымъ, переведеннымъ изъ лейбъ-гусарскаго полка. Онъ привезъ мнѣ изъ Петербурга, отъ племянницы моей Александры Осиповны Смирновой письмо и книжку „Imitation de Jesus Christ“. Я тогда еще ничего не зналъ про Лермонтова, да и онъ въ то время не печаталъ, кажется, ничего замѣчательнаго, и „Герой нашего времени“, какъ и другія его сочиненія, вышли позже. Съ перваго шага нашего знакомства Лермонтовъ мнѣ не понравился. Я былъ всегда счастливъ тѣмъ, что сталкивался съ людьми симпатичными, теплыми, умѣвшими во всѣхъ фазисахъ своей жизни сохранять благодатный пламень сердца, живое сочувствіе ко всему высокому, прекрасному; а изъ разговора съ Лермонтовымъ онъ показался мнѣ холоднымъ, желчнымъ, раздражительнымъ и ненавистникомъ человѣческаго рода

[1]) „Русскій Архивъ“, 1874, II.

вообще, а я долженъ былъ показаться ему мягкимъ добрякомъ, ежели онъ замѣтилъ мое душевное спокойствіе и забвеніе всѣхъ золъ, мною претерпѣнныхъ. До сихъ поръ не могу себѣ отдать отчета, почему мнѣ съ нимъ было какъ то неловко, и мы разстались вѣжливо, но холодно. Онъ ѣхалъ въ штабъ полка явиться къ начальству и весною собирался на воды въ Пятигорскъ. Это второй разъ, что онъ ссылается на Кавказъ; въ первый, за какіе-то вольные стихи, написанные имъ на смерть Пушкина, а теперь, кажется, за дуэль (впрочемъ, не состоявшуюся) съ сыномъ французскаго посла въ Петербургѣ, Барантомъ...

Н. И. Лореръ.

Левъ Пушкинъ пріѣхалъ въ Пятигорскъ въ большихъ эполетахъ. Онъ произведенъ въ майоры, а все тотъ же! Прибѣжитъ на минуту впопыхахъ, вѣчно чѣмъ то озабоченъ; ужъ такая натура! Онъ свелъ меня съ Дмитревскимъ, нарочно пріѣхавшимъ изъ Тифлиса, чтобы съ нами, декабристами, познакомиться. Дмитревскій былъ поэтъ; онъ въ то время былъ влюбленъ и пѣлъ прекрасными стихами о какихъ то прекрасныхъ карихъ глазахъ. Лермонтовъ восхищался этими стихами и говаривалъ обыкновенно: „Послѣ твоихъ стиховъ разлюбишь по неволѣ черныя и голубыя очи и полюбишь каріе глаза“. Дмитревскому везло, какъ говорится, и по службѣ; онъ назначенъ вице-губернаторомъ Кавказской области; но, къ сожалѣнію, онъ не долго пользовался этими благами жизни и скоро скончался. Я былъ съ нимъ нѣкоторое время въ перепискѣ и теперь еще храню автографъ Карихъ глазъ.

Гвардейская молодежь жила разгульно въ Пятигорскѣ, и Лермонтовъ былъ душою общества и производилъ сильное впечатлѣніе на женскій полъ. Стали давать танцовальные вечера; устраивали пикники, кавалькады, прогулки въ горы; но для меня они были слишкомъ шумны, и я не пользовался ими часто. Въ это же время пріѣхалъ изъ Тифлиса командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка,

полковникъ Сергѣй Дмитріевичъ Безобразовъ, одинъ изъ красивѣйшихъ мущинъ своего времени, и много прибавилъ къ веселью блестящей молодежи. Я зналъ его еще въ Варшавѣ, когда онъ былъ адъютантомъ великаго князя Константина Павловича. Въ то время его смѣло можно было назвать Аполлономъ Бельведерскимъ, а при его любезности, ловкости, умѣньи танцовать, въ особенности мазурку, немудрено было ему сводить всѣхъ полекъ съ ума. Въ 1841 году я нашелъ Безобразова уже не тѣмъ, и время взяло свое, хотя еще оставило слѣды прежней красоты.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ молодежь задумала дать балъ пятигорской публикѣ, которая, само собою разумѣется, болѣе или менѣе между собою знакома. Составилась подписка, и затѣя приняла громадные размѣры. Вся молодежь дружно помогала устройству праздника, который 8 іюля и былъ данъ на одной изъ площадокъ аллеи, у огромнаго грота, великолѣпно украшеннаго природой и искусствомъ. Сводъ грота убрали разноцвѣтными шалями, соединивъ ихъ въ центрѣ въ красивый узелъ и прикрывъ зеркаломъ; стѣны обтянули персидскими коврами; повѣсили искусно импровизированныя люстры изъ простыхъ обручей и веревокъ, обвитыхъ чрезвычайно красиво великолѣпными живыми цвѣтами и вьющеюся зеленью; снаружи грота на огромныхъ деревьяхъ аллей, прилегающихъ къ площадкѣ, на которой собирались танцовать,—развѣсили, какъ говорятъ, болѣе 2500 разноцвѣтныхъ фонарей... Хоръ военной музыки помѣстили на площадкѣ, надъ гротомъ, и во время антрактовъ между танцами мотивы музыкальныхъ знаменитостей нѣжили слухъ очарованныхъ гостей. Бальная музыка стояла въ аллеѣ; красное сукно, длинной лентой, стлалось до палатки, назначенной служить уборной для дамъ. Она также убрана была шалями и снабжена заботливыми учредителями всѣмъ необходимымъ для самой взыскательной и избалованной красавицы. Уголокъ этотъ былъ такъ мило отдѣланъ, что дамы бѣгали туда для того только, чтобъ полюбоваться имъ. Роскошный буфетъ не былъ также забытъ. Природа, какъ бы согласившись съ общимъ настроеніемъ и желаніемъ людей, высказалась въ самомъ благопріятномъ видѣ. Въ этотъ вечеръ небо было чистаго зелено-синяго цвѣта и усѣяно безчисленными серебряными звѣздами. Ни одинъ листокъ не шевелился на деревьяхъ. Къ 8 часамъ приглашенные по билетамъ собрались, и танцы быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Неприглашенные, не переходя за черту импровизированной танцовальной залы, окружали густыми рядами кружащихся и веселившихся счастливцевъ.

Лермонтовъ необыкновенно много танцовалъ, да и все общество было какъ то особенно настроено къ веселью. Послѣ одного бѣшенаго тура вальса, Лермонтовъ, весь запыхавшійся отъ усталости, подошелъ ко мнѣ и тихо спросилъ: „Видите ли вы даму Дмитревскаго?.. Это его каріе глаза? Не правда ли, какъ она хороша!“ Я тогда сталъ пристальнѣе ее разглядывать и, въ самомъ дѣлѣ, нашелъ ее красавицей. Она была въ бѣломъ платьѣ какой то изуми-

тельной бѣлизны и свѣжести... Густые каштановые волосы ея были гладко причесаны и изъ-за уха только спускались красивыми локанами на ея плечи; единственная нитка крупнаго жемчуга красиво расположилась на лебединой шеѣ этой молодой женщины, какъ бы для того, чтобы на ея природной красотѣ сосредоточить все вниманіе наблюдателя. Но главное, что поразило бы всякаго, это были большіе каріе глаза, осѣненные длинными рѣсницами и темными хорошо очерченными бровями. Красавица, какъ бы не зная, что глаза ея прелестны, иногда прищуривалась и, обращаясь къ своему кавалеру, вслѣдъ за симъ скромнымъ движеньемъ обдавала его такимъ огнемъ, что въ состояніи была бы увлечь и, вѣроятно, увле-

Лермонтовскій домикъ (въ Пятигорскѣ).

кала не одного поклонника. Я не любопытствовалъ узнать, кто она, боясь разочароваться тою обстановкою, которою она можетъ быть окружена. Я не хотѣлъ знать даже, замужемъ ли она, опасаясь, что мнѣ назовутъ и укажутъ какого-нибудь уродливаго мужа, грузина, армянина или казачьяго генерала. На другой день бала она уѣхала изъ Пятигорска, а счастливый Дмитревскій полетѣлъ за ней... Въ одно утро я собирался идти къ минеральному источнику, какъ къ окну моему подъѣхалъ какой-то всадникъ и постучалъ въ стекло нагайкой. Обернувшись, я узналъ Лермонтова и просилъ его слѣзть и войти, что онъ и сдѣлалъ. Мы поговорили съ нимъ нѣсколько минутъ и потомъ разстались; я не предчувствовалъ, что вижу его въ послѣдній разъ... Дуэль его съ Мартыновымъ уже была рѣшена, и 15 іюля онъ былъ убитъ. Я еще не зналъ о смерти его, когда

встрѣтился съ однимъ товарищемъ сибирской ссылки, Вегелинымъ, который, обратившись ко мнѣ, вдругъ сказалъ: „знаешь ты, что Лермонтовъ убитъ!“ Ежели бы громъ упалъ къ моимъ ногамъ, я бы и тогда, думаю, былъ менѣе пораженъ, чѣмъ на этотъ разъ. „Когда? Кѣмъ?“ могъ я только воскликнуть. Мы оба съ Вегелинымъ пошли на квартиру покойника, и тутъ я увидѣлъ Михаила Юрьевича на столѣ, уже въ чистой рубашкѣ и обращеннаго головой къ

Товарищъ Л—ва А. И. Арнольди.

окну. Человѣкъ его обмахивалъ мухъ съ лица покойника, а живописецъ Шведе снималъ портретъ съ него масляными красками. Дамы, знакомыя и незнакомыя, и весь любопытный людъ тѣснились въ небольшой комнатѣ, а первыя являлись и украшали безжизненное чело поэта цвѣтами...

Полный грустныхъ думъ я вышелъ на бульваръ...

Во всѣхъ углахъ, на всѣхъ аллеяхъ только и было разговоровъ, что о происшествіи... Я замѣтилъ, что прежде въ Пятигорскѣ не

было ни одного жандармскаго офицера; но тутъ, Богъ знаетъ откуда, ихъ появилось множество, и на каждой лавочкѣ отдыхало, кажется, по одному голубому мундиру. Глѣбова, какъ военнаго, посадили на гауптвахту, Васильчикова и Мартынова въ острогъ; слѣдствіе и судъ начались. Вскорѣ пріѣхалъ начальникъ штаба Трескинъ и велѣлъ всей здоровой молодежи изъ военныхъ отправиться по полкамъ. Пятигорскъ опустѣлъ.

На другой день были похороны при стеченіи всего Пятигорска.

Представители всѣхъ полковъ, въ которыхъ Лермонтовъ, волею и неволею, служилъ въ продолженіе короткой жизни, явились почтить послѣднею почестью поэта и товарища. Полковникъ Безобразовъ былъ представителемъ отъ Нижегородскаго драгунскаго полка, я отъ Тенгинскаго пѣхотнаго, Тиранъ отъ лейбъ-гусарскаго и А. И. Арнольди—отъ Гродненскаго гусарскаго. На плечахъ нашихъ вынесли мы гробъ изъ дому и донесли до уединенной могилы кладбища, на покатости Машука. По закону священникъ отказывался было сопровождать останки поэта, но сдался, и похороны совершены были со всѣми обрядами христіанскими и воинскими. Печально опустили мы гробъ въ могилу, бросили со слезою на глазахъ горсть земли, и все было кончено. Черезъ годъ тѣло Лермонтова, по просьбѣ бабки его, перевезено было въ родовое имѣніе его Пензенской губерніи.

28.

Воспоминанія кн. П. П. Вяземскаго[1]).

Я помню, какъ въ зиму 1840—1841 года Лермонтовъ набрасывалъ свои стихи то карандашомъ, то перомъ. Онъ все чертилъ ихъ, какъ будто сочинялъ.

Въ послѣдній пріѣздъ Лермонтова я не узнавалъ его.

Я былъ съ нимъ очень друженъ въ 1839 году. Когда я возвратился изъ-за границы въ 1840 г., Лермонтовъ въ томъ же году пріѣхалъ въ Петербургъ. Онъ былъ чѣмъ то встревоженъ, занятъ и со мною холоденъ. Я это приписывалъ Монго—Столыпину, у котораго мы видались. Лермонтовъ что-то имѣлъ съ Столыпинымъ и вообще чувствовалъ себя неловко въ родственной компаніи. Не помню, жилъ ли онъ у братьевъ Столыпиныхъ, или нѣтъ; но мы тамъ еженочно сходились. Разъ онъ меня позвалъ ѣхать къ Карамзинымъ: „Скучно здѣсь, поѣдемъ освѣжиться къ Карамзинымъ". Подъ словомъ освѣжиться, se raffraîchir, онъ подразумѣвалъ двухъ сестеръ княженъ О., тогда еще незамужнихъ. Третья сестра была

1) Собраніе соч. Спб. 1893.

тогда замужемъ за кн. М. Наканунѣ отъѣзда своего на Кавказъ Лермонтовъ по моей просьбѣ мнѣ передалъ шесть стиховъ Гейне: „Сосна и Пальма.“ Нѣмецкаго Гейне намъ принесла С. Н. Карамзина. Онъ наскоро, въ недодѣланныхъ стихахъ, набросалъ на клочкѣ бумаги свой переводъ. Я подарилъ его тогда же княгинѣ Юсуповой. Вѣроятно, это первый набросокъ, который сдѣлалъ Лермонтовъ, уѣзжая на Кавказъ въ 1841 г. и который нынѣ хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ. Лѣтомъ, во время красносельскихъ маневровъ, пріѣхалъ изъ лагеря къ Карамзинымъ флигель-адъютантъ полковникъ конно-гвардейскаго полка Лужинъ (впослѣдствіи московскій оберъ-полицеймейстеръ). Онъ намъ привезъ только что полученное въ главной квартирѣ извѣстіе о смерти Лермонтова. По его словамъ, государь сказалъ: „собакѣ—собачья смерть“.

Е. А. Баратынскій.

29.

Письмо Е. А. Баратынскаго женѣ[1]). 1840 г.

Познакомился съ Лермонтовымъ, который прочелъ прекрасную новую пьесу; человѣкъ, безъ сомнѣнія, съ большимъ талантомъ, но мнѣ морально не понравился. Что то нерадушное, московское.

---

[1]) Акад. изд. соч. Баратынскаго. I, 303.

Э. А. Шангирей.

30.

Э. А. Шангирей (Верзилина).

Воспоминаніе о Лермонтовѣ [1]).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1841 г. М. Ю. Лермонтовъ пріѣхалъ въ Пятигорскъ и былъ представленъ намъ въ числѣ прочей молодежи. Онъ нисколько не ухаживалъ за мной, а находилъ особенное удовольствіе me taquiner [2]). Я отдѣлывалась, какъ могла, то шуткою, то молчаніемъ, ему же крѣпко хотѣлось меня разсердить; я долго не поддавалась, наконецъ, это мнѣ надоѣло, и я однажды сказала Лермонтову, что не буду съ нимъ говорить и прошу его оставить меня въ покоѣ. Но, повидимому, игра эта его забавляла просто отъ нечего дѣлать, и онъ не переставалъ меня злить. Однажды онъ довелъ меня почти до слезъ; я вспылила и сказала, что ежели бъ я была мужчина, я бы не вызвала его на дуэль, а убила бы его изъ-за

[1]) „Русскій Архивъ“, 1889, VI.
[2]) Меня дразнить.

угла въ упоръ. Онъ какъ будто остался доволенъ, что, наконецъ, вывелъ меня изъ терпѣнія, просилъ прощенія, и мы помирились, конечно, не надолго. Какъ то разъ ѣздили верхомъ большимъ обществомъ въ колонку Карасъ. Неугомонный Лермонтовъ предложилъ мнѣ пари à discrétion [1]), что на обратномъ пути будетъ ѣхать рядомъ со мной, что ему рѣдко удавалось. Возвращались мы поздно, и я, садясь на лошадь, шепнула старику Зельмицу и юнкеру Бенкендорфу, чтобы они ѣхали подлѣ меня и не отставали. Лермонтовъ ѣхалъ сзади и все время зло шутилъ на мой счетъ. Я сердилась, но молчала. На другой день, утромъ рано, уѣзжая въ Желѣзноводскъ, онъ прислалъ мнѣ огромный прелестный букетъ въ знакъ проиграннаго пари.

Въ началѣ іюля Лермонтовъ и компанія устроили пикникъ для своихъ знакомыхъ дамъ въ гротѣ Діаны, противъ Николаевскихъ ваннъ. Гротъ внутри премило былъ убранъ шалями и персидскими шелковыми матеріями, въ видѣ персидской палатки, полъ устланъ коврами, а площадку и весь бульваръ освѣтили разноцвѣтными фонарями. Дамскую уборную устроили изъ зелени и цвѣтовъ; украшенная дубовыми листьями и цвѣтами люстра освѣщала гротъ, придавая окружающему волшебно-фантастическій характеръ. Танцовали по песку, не боясь испортить ботинки, и разошлись по домамъ лишь съ восходомъ солнца въ сопровожденіи музыки. И странное дѣло! Никому это не мѣшало, и больные даже не жаловались на безпокойство.

Лермонтовъ иногда бывалъ веселъ, болтливъ до шалости; бѣгали въ горѣлки, играли въ кошку-мышку, въ серсо; потомъ все это изображалось въ каррикатурахъ, что насъ смѣшило. Однажды сестра попросила его написать что-нибудь ей въ альбомъ. Какъ ни отговаривался Лермонтовъ, его не слушали, окружили всѣ толпой, положили передъ нимъ альбомъ, дали перо въ руки и говорятъ: „Пишите!" И написалъ онъ шутку-экспромтъ:

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ не ровно
Разобранъ вашъ рядъ,
И локонъ небрежно
Надъ шейкою нѣжной...
На поясѣ ножъ.
C'est un vers qui cloche!

Зато послѣ нарисовалъ ей же въ альбомъ акварелью курда. Все это цѣло и теперь у дочери ея.

Лермонтовъ жилъ больше въ Желѣзноводскѣ, но часто пріѣзжалъ въ Пятигорскъ. По воскресеньямъ бывали собранія въ ресторации, и вотъ именно 13 іюля собралось къ намъ нѣсколько дѣвицъ и мужчинъ, и порѣшили не ѣхать въ собраніе, а провести

[1]) На что угодно.

вечеръ дома, находя это и пріятнѣе, и веселѣе. Я не говорила и не танцовала съ Лермонтовымъ, потому что и въ этотъ вечеръ онъ продолжалъ свои поддразниванья. Тогда, перемѣнивъ тонъ насмѣшки, онъ сказалъ мнѣ: „M-lle Emilie, je vous en prie, un tour de valse seulement, pour la dernière fois de ma vie“ [1]).—„Ну ужъ такъ и быть, въ послѣдній разъ пойдемте“—М. Ю. далъ слово не сердить меня больше, и мы, провальсировавъ, усѣлись мирно разговаривать. Къ

Генералъ Верзилинъ.

намъ присоединился Л. С. Пушкинъ, который также отличался злоязычіемъ, и принялись они вдвоемъ острить свой языкъ à qui mieux [2]). Несмотря на мои предостереженія, удержать ихъ было трудно. Ничего злого особенно не говорили, но смѣшного много; но вотъ, увидѣли Мартынова, разговаривавшаго очень любезно съ младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояли, на которой игралъ кн. Трубецкой. Не выдержалъ Лермонтовъ и началъ острить на его счетъ,

---

[1]) Эмилія Александровна, прошу васъ на одинъ только кругъ вальса, послѣдній разъ въ моей жизни.

[2]) Взапуски.

называя его montagnard au grand poignard [1]) (Мартыновъ носилъ черкеску и замѣчательной величины кинжалъ.) Надо же было такъ случиться, что князь Трубецкой ударилъ послѣднiй аккордъ, слово poignard раздалось по всей залѣ.

Мартыновъ поблѣднѣлъ, закусилъ губы, глаза его сверкнули гнѣвомъ; онъ подошелъ къ намъ и голосомъ весьма сдержаннымъ сказалъ Лермонтову: „Сколько разъ просилъ я васъ оставить свои шутки при дамахъ", и такъ быстро отвернулся и отошелъ прочь, что не далъ и опомниться Лермонтову, а на мое замѣчанiе: „языкъ мой врагъ мой", М. Ю. отвѣчалъ спокойно: „Ce n'est rien; demain nous serons bons amis" [2]). Танцы продолжались, и я думала, что тѣмъ кончилась вся ссора. На другой день Лермонтовъ и Столыпинъ должны были ѣхать въ Желѣзноводскъ. Послѣ ужъ разсказывали мнѣ, что когда выходили отъ насъ, то въ передней же Мартыновъ повторилъ свою фразу, на что Лермонтовъ спросилъ: „Что жъ, на дуэль что ли вызовешь меня за это?" Мартыновъ отвѣтилъ рѣшительно „да", и тутъ же назначили день. Всѣ старанiя товарищей къ ихъ примиренiю оказались напрасными. Дѣйствительно, Лермонтовъ надоѣдалъ Мартынову своими насмѣшками; у него былъ альбомъ, гдѣ Мартыновъ изображенъ былъ во всѣхъ видахъ и позахъ.

15-го iюля пришли къ намъ утромъ кн. Васильчиковъ и еще кто то, не помню, въ самомъ пасмурномъ видѣ; даже maman замѣтила и, не подозрѣвая ничего, допрашивала ихъ, отчего они въ такомъ дурномъ настроенiи, какъ никогда ихъ не видала. Они тотчасъ замяли этотъ разговоръ вопросомъ о предстоящемъ князя Голицына балѣ, а такъ какъ никто изъ нихъ приглашенъ не былъ, то просили насъ придти на горку смотрѣть фейерверкъ и позволить имъ явиться туда инкогнито. Жаль было, что лучшихъ танцоровъ и самыхъ интересныхъ кавалеровъ не будетъ на балу, гдѣ предполагалось такъ много удовольствiй. Собираться въ садъ должны были въ 6 час.; но вотъ съ четырехъ начинаетъ накрапывать мелкiй дождь; надѣясь, что онъ пройдетъ, мы принарядились, а дождь все сильнѣй да сильнѣй и разразился ливнемъ съ сильнѣйшей грозой: удары грома повторялись одинъ за однимъ, а раскаты въ горахъ не умолкали. Приходитъ Дмитревскiй и, видя насъ въ вечернихъ туалетахъ, предлагаетъ позвать *этихъ господъ* всѣхъ сюда и устроить свой балъ; не успѣлъ онъ докончить, какъ вбѣгаетъ въ залу полковникъ Зельмицъ (онъ жилъ въ одномъ домѣ съ Мартыновымъ и Глѣбовымъ) съ растрепанными длинными сѣдыми волосами, съ испуганнымъ лицомъ, размахиваетъ руками и кричитъ: „*одинъ наповалъ, другой подъ арестомъ!*" Мы бросились къ нему. Что такое, кто наповалъ, гдѣ? *Лермонтовъ убитъ!* Такое извѣстiе и столь внезапное до того поразило матушку, что съ ней сдѣлалась исте-

[1]) Горецъ съ большимъ кинжаломъ.
[2]) Это ничего; завтра мы будемъ добрыми друзьями.

рика; едва могли ее успокоить. Отъ Дмитревскаго узнали мы подробнѣе, что случилось. Вотъ что онъ намъ сообщилъ.

Когда назначили день, то условились такъ: Лермонтовъ и Столыпинъ выѣдутъ верхомъ изъ Желѣзноводска, а Васильчиковъ, Глѣбовъ, Мартыновъ и Трубецкой къ нимъ навстрѣчу изъ Пятигорска. Въ колонкѣ Карасъ Лермонтовъ и Столыпинъ нашли m-elle Быховецъ и ея больную тетку, ѣхавшихъ въ Желѣзноводскъ лѣчиться; вмѣстѣ обѣдали, и Лермонтовъ выпросилъ у Быховецъ bandeau [1]) золотое, которое у нея было на головѣ, съ тѣмъ, что на другой же день оно будетъ возвращено ей, ежели не имъ самимъ, то кѣмъ-нибудь изъ его товарищей. Не придавая большого значенія этимъ словамъ, она дала ему bandeau, которое и нашли у него въ карманѣ, что подало поводъ думать, не была ли причиною дуэли m-elle Быховецъ; конечно, скоро въ этомъ разувѣрились, а bandeau было возвращено ей. Выѣхавъ изъ колонки, Лермонтовъ, Столыпинъ и прочіе свернули съ дороги въ лѣсъ недалеко отъ кладбища и остановились на первой полянкѣ, показавшейся имъ удобной: выбирать было и трудно подъ проливнымъ дождемъ. Первый стрѣлялъ Мартыновъ, а Лермонтовъ будто бы прежде сказалъ секунданту, что стрѣлять не будетъ, и былъ убитъ наповалъ, какъ разсказывалъ намъ Глѣбовъ.

Когда мы нѣсколько пришли въ себя отъ такого треволненія, переодѣлись и, сидя у открытаго окна, смотрѣли на проходящихъ, то видѣли, какъ проскакалъ Васильчиковъ къ коменданту и за докторомъ; позднѣе провели Глѣбова подъ карауломъ на гауптвахту. Мартынова же, какъ отставного, посадили въ тюрьму, гдѣ онъ провелъ ужасныхъ три ночи въ сообществѣ двухъ арестантовъ, изъ которыхъ одинъ все читалъ псалтырь, а другой произносилъ страшныя ругательства. Это говорилъ намъ самъ Мартыновъ впослѣдствіи. Къ 9 час. все утихло. Вечеръ былъ чудный, тишина въ воздухѣ необыкновенная, луна свѣтила, какъ день. Роковая вѣсть быстро разнеслась по городу. *Дуэль*—неслыханная вещь въ Пятигорскѣ! Многіе ходили смотрѣть на убитаго поэта изъ любопытства; знакомые же его, изъ участія и желанія узнать о причинѣ дуэли, спрашивали насъ, но мы и сами ничего не знали тогда вѣрнаго. Это хожденіе туда-сюда продолжалось до полуночи. Всѣ говорили шопотомъ, точно боялись, чтобы ихъ слова не раздались въ воздухѣ и не разбудили бы поэта, спавшаго уже непробуднымъ сномъ. На бульварѣ и музыка два дня не играла.

На другой день, когда собрались всѣ къ панихидѣ, долго ждали священника, который съ большимъ трудомъ согласился хоронить Лермонтова, уступивъ убѣдительнымъ и неотступнымъ просьбамъ кн. Васильчикова и другихъ, но съ условіемъ, чтобы не было музыки и никакого параду. Наконецъ, пріѣхалъ отецъ Павелъ, но, увидѣвъ на дворѣ оркестръ, тотчасъ повернулъ назадъ; музыку мгновенно

---

[1]) Головная повязка, діадема.

Лермонтовскій домикъ (въ Пятигорскѣ).

отправили, но зато много, много усилій употреблено было, чтобы вернуть отца Павла. Наконецъ, все уладилось, отслужили панихиду и проводили на кладбище; гробъ несли товарищи; народу было много, и всѣ шли за гробомъ въ какомъ то благоговѣйномъ молчаніи. Это меня поражало: вѣдь не всѣ же его знали и не всѣ его любили! Такъ было тихо, что только слышенъ шорохъ сухой травы подъ ногами.

Похоронили и положили небольшой камень съ надписью *Михаилъ*, какъ временный знакъ его могилы (потому что весной 1842 года его увезли; мы были, когда вынули его гробъ, поставили въ свинцовый, помолились и отправили его въ путь). Во время панихиды мы стояли въ другой комнатѣ, гдѣ лежалъ его окровавленный сюртукъ, и никому тогда не пришло въ голову сохранить его.

Нѣсколько лѣтъ спустя, мнѣ случилось быть въ Тарханахъ и удалось поклониться праху незабвеннаго поэта; надъ могилою его выстроена маленькая часовня, въ ней стоитъ одинъ большой образъ (какого святого, не помню), *вѣтка палестины*, подаренная ему А. Н. Муравьевымъ, въ ящикѣ подъ стекломъ. Рядомъ съ М. Ю. похоронена и бабушка его Арсеньева; Тарханы опустѣли, и что стало теперь съ часовней!

31.

Изъ воспоминаній С. Н. Мартынова [1]).

Семейство отца, живя постоянно въ Москвѣ и имѣя такъ же, какъ и бабка Лермонтова, Арсеньева, имѣнія въ Пензенской губерніи, издавна находилось въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ семьей поэта съ материнской стороны. Неудивительно поэтому, что Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, живя въ Москвѣ въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ, часто посѣщалъ домъ моего дѣда, у котораго познакомился съ его дочерьми, при чемъ одна изъ нихъ, Наталья Соломоновна, впослѣдствіи графиня де Турдоне, ему очень нравилась. Когда она была одиннадцатилѣтнимъ ребенкомъ, Лермонтовъ въ 1830 году посвятилъ ей стихотвореніе:

Когда поспорить Вамъ придется,
Не спорьте никогда о томъ и т. д.

Понятно, что когда Лермонтовъ въ 1832 году поступилъ въ школу гвардейскихъ кавалерійскихъ юнкеровъ, куда одновременно съ нимъ помѣщенъ былъ и покойный отецъ мой, почва для ихъ сближенія была уже подготовлена предыдущимъ знакомствомъ ихъ по Москвѣ.

Въ 1834 году они были выпущены—Лермонтовъ корнетомъ въ лейбъ-гусары, а отецъ въ кавалергарды, и съ этого времени въ теченіе трехъ лѣтъ они видались лишь въ обществѣ на великосвѣтскихъ и придворныхъ балахъ, такъ какъ стоянка лейбъ-гусаровъ была, какъ и теперь, Царское Село, а кавалергарды стояли въ Петербургѣ.

Въ 1837 году судьба свела ихъ опять на Кавказѣ, куда Лермонтовъ былъ сосланъ, какъ извѣстно, за стихи свои „На смерть Пушкина“, а отецъ перевелся волонтеромъ отъ кавалергардскаго полка. Лѣтомъ этого года въ Пятигорскъ на воды пріѣхалъ больной дѣдъ мой Соломонъ Михайловичъ Мартыновъ въ сопровожденіи всей семьи своей, въ томъ числѣ и Nathalie, которая въ то время имѣла 18 лѣтъ и сдѣлалась пышною красавицей.

Отецъ въ то время былъ прикомандированъ къ Гребенскому казачьему полку, расквартированному въ Червленной станицѣ, и принималъ участіе въ экспедиціи генералъ-лейтенанта Вельяминова за Кубанью.

Какъ то въ концѣ октября мѣсяца пріѣзжаетъ къ нему въ отрядъ Лермонтовъ, который вынулъ изъ бумажника 300 руб. ассигнаціями, объяснивъ ему, что деньги эти присланы ему изъ Пяти-

[1]) Исторія дуэли М. Ю. Лермонтова съ Н. С. Мартыновымъ, „Русское Обозрѣніе“, 1898 г., I.

горска его отцомъ и находились вмѣстѣ съ письмомъ Nathalie, въ большомъ конвертѣ, который хранился въ чемоданѣ, украденномъ у него въ г. Тамани цыганкой. „За кого ты меня принимаешь, Лермонтовъ, чтобы я согласился принять отъ тебя деньги, которыя у тебя украли, не знаю, но денегъ этихъ я у тебя не возьму, и мнѣ ихъ не нужно", отвѣчалъ отецъ. „И я ихъ у себя тоже оставить не могу, и если ты ихъ отъ меня не примешь, то я ихъ подарю отъ твоего имени пѣсенникамъ твоего полка", отвѣчалъ Лермонтовъ, и тутъ же съ согласія отца послалъ за пѣсенниками, которымъ онъ, выслушавъ лихую казацкую пѣснь, отъ имени отца передалъ эти деньги.

Отецъ изъ Екатеринодара 5 октября 1837 года писалъ своему отцу: „Триста рублей, которые Вы мнѣ послали черезъ Лермонтова, получилъ, но писемъ никакихъ, потому что его обокрали въ дорогѣ, и деньги эти, вложенныя въ письмѣ, также пропали; но онъ, само собою разумѣется, отдалъ мнѣ свои".

Въ письмѣ этомъ, какъ видно, отецъ мой, не желая, вѣроятно, встревожить дѣда извѣстіемъ, что денегъ отъ Лермонтова онъ не принялъ и что самъ онъ сидитъ безъ гроша, скрылъ отъ него это обстоятельство.

При личномъ свиданіи съ своимъ отцомъ и сестрами отецъ отъ нихъ узналъ, что Лермонтовъ, живя въ Пятигорскѣ и ежедневно видаясь съ ними, какъ-то объявилъ имъ, что ѣдетъ въ отрядъ, гдѣ увидится съ нимъ, а потому просилъ Наталью Соломоновну послать съ нимъ письмо къ брату. Та согласилась и, вложивъ въ большой конвертъ свой пятигорскій дневникъ и письмо къ брату, передала его своему отцу, спросивъ его, не желаетъ ли онъ что-либо отъ себя прибавить. „Хорошо, принеси мнѣ свое письмо, и я, быть можетъ, еще что-нибудь отъ себя припишу," отвѣчалъ мой дѣдъ, который, зная, что отецъ въ отрядѣ можетъ нуждаться въ деньгахъ, вложилъ въ это письмо триста рублей ассигнаціями, при чемъ ни дочери своей, ни Лермонтову объ этомъ ни слова не сказалъ. „Я думаю", сказалъ дѣдъ мой отцу, „что если Лермонтовъ узналъ, что въ письмѣ было вложено триста рублей, то онъ либо ясновидецъ, либо письмо это вскрылъ". По мнѣнію отца, Лермонтовъ, подстрекаемый любопытствомъ узнать, какого объ немъ мнѣнія любимая имъ дѣвушка, для которой онъ въ томъ же году написалъ одно изъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ „Молитва": „Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою"... и т. д., вскрылъ письмо и, найдя въ немъ 300 руб. денегъ, о которыхъ ни дѣдъ мой, ни его дочь его не предупредили, и видя невозможность скрыть отъ отца этотъ поступокъ, придумалъ разсказъ о похищеніи у него цыганкой въ Тамани шкатулки, а самыя деньги принесъ ему.

Впослѣдствіи, въ 1840 году, Лермонтовъ, въ свое оправданіе, помѣстилъ въ „Героѣ нашего времени" отдѣльную повѣсть „Тамань", въ которой и описалъ это происшествіе.

Какъ бы то ни было, послѣ этого случая Лермонтовъ, чувствуя себя вполнѣ передъ отцомъ виноватымъ и не желая въ этомъ поступкѣ признаться, сталъ всячески надоѣдать отцу своими сарказмами, такъ что тотъ однажды въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ предупредилъ его, что его насмѣшки онъ выносить можетъ лишь у себя дома или въ кругу товарищей, но не въ дамскомъ обществѣ; Лермонтовъ тутъ прикусилъ губу и отошелъ, не сказавъ ни слова.

Нѣкоторое время онъ дѣйствительно пересталъ досаждать отцу своими ядовитыми насмѣшками, но затѣмъ позабылъ предупрежденіе отца и снова принялся за старое.

Лѣтомъ 1841 года отецъ, выйдя въ отставку изъ военной службы, пріѣхалъ въ Пятигорскъ, куда въ то время собралась вся jeunesse dorée, служившая на Кавказѣ, а также многіе пріѣзжіе изъ Россіи. Были тутъ Васильчиковъ, Браницкій, Трубецкой, Глѣбовъ, Лермонтовъ, Столыпинъ и многіе другіе.

Время проводили они весело: пикники, балы, рауты, кавалькады и другія увеселенія смѣнялись ежедневно.

Изъ барышень особенно привлекали вниманіе молодежи дѣвицы Верзилины, дочери пятигорскаго старожила, генерала Верзилина. Между ними особенно отличалась своею красотой и остроуміемъ Эмилія Александровна, которая нѣсколько увлеклась моимъ отцомъ, но за которою ухаживали всѣ, въ томъ числѣ и Лермонтовъ. Отецъ жилъ тогда близъ самаго Пятигорска, въ Шотландской колоніи, или, какъ называли ее попросту, въ Шотландкѣ, гдѣ онъ занималъ красивый домикъ съ садомъ. Иногда Лермонтовъ, утомленный вѣчными пятигорскими кутежами и попойками, пріѣзжалъ къ нему въ Шотландку и, проводя съ отцомъ долгіе часы въ разговорахъ о поэзіи и литературѣ, иной разъ до того засиживался, что просилъ у отца позволенія у него переночевать.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній отецъ въ шутку ему сказалъ: „Lermontoff, mariéz-vous et je ferai mon possible pour vous rendre cocu“. (Лермонтовъ, женись, и я постараюсь тебя сдѣлать рогоносцемъ). — „Si mon voeu le plus cher se rèalise, cela vous sera humainemant impossible, mon cher ami“, отвѣчалъ Лермонтовъ съ загадочной улыбкой. (Если мое самое пламенное желаніе осуществится, любезный другъ, то тебѣ это будетъ физически невозможно).

Изъ этихъ словъ отецъ заключилъ, что Лермонтовъ имѣетъ виды на руку его сестры Nathalie, и продолжалъ дружески разговаривать съ Лермонтовымъ. Во время этихъ визитовъ Лермонтовъ въ шутку дѣлалъ различные рисунки съ такимъ талантомъ, что, по словамъ отца, еслибъ онъ не былъ великимъ писателемъ, то легко могъ бы сдѣлаться первоклассным живописцемъ.

Въ это то время, а не въ 1832 году, какъ ошибочно указано въ нѣкоторыхъ изданіяхъ сочиненій Лермонтова, имъ написано было шуточное стихотвореніе относительно Верзилиныхъ:

За дѣвицей Emilie
Женихи, какъ кобели,
У дѣвицы же Nadine
Былъ ихъ тоже не одинъ,
А у Груши [1]) въ цѣлый вѣкъ
Былъ лишь „дикій“ человѣкъ.

Какъ то въ послѣднихъ числахъ іюня или въ первыхъ числахъ іюля на вечерѣ у Верзилиныхъ Лермонтовъ и отецъ, какъ обыкновенно, ухаживали за Эмиліей Александровною.

Отецъ имѣлъ привычку, когда приходилось стоять, браться рукой за кинжалъ, обязательную принадлежность кавказскаго казачьяго костюма, который отецъ, только что вышедши изъ Гребенского полка, продолжалъ носить.

Поговоривъ нѣкоторое время съ Эмиліей Александровной, отецъ отошелъ на нѣсколько шаговъ отъ нея и, по обыкновенію, взялся за рукоятку кинжала, при чемъ тутъ же услыхалъ насмѣшливыя слова Лермонтова m-lle Верзилиной: „Après quoi Martynow croit de son devoir de se mettre en position“ (послѣ чего Мартыновъ считаетъ себя обязаннымъ встать въ позицію). Отецъ ясно услышалъ эти слова, но, будучи человѣкомъ благовоспитаннымъ и не желая поднимать исторіи въ семейномъ домѣ, смолчалъ тутъ и Лермонтову не сказалъ ни единаго слова, такъ что, по словамъ Васильчикова, никто изъ присутствовавшихъ его столкновенія съ Лермонтовымъ не замѣтилъ, но зато, при выходѣ изъ дома Верзилиныхъ, онъ взялъ Лермонтова подъ руку на бульварѣ и пошелъ съ нимъ рядомъ: Je Vous ai prevenu, Lermontow, que je ne souffrirais plus vos sarcasmes dans le monde et cependant vous recommencez de nouveau (Я тебя предупреждалъ, Лермонтовъ, что я не намѣренъ болѣе переносить въ обществѣ твоихъ ядовитыхъ насмѣшекъ, однако ты берешься за старое),—сказалъ ему отецъ по-французски, при чемъ добавилъ по-русски покойнымъ тономъ: „я тебя заставлю перестать“. „Но вѣдь ты знаешь, Мартыновъ, что я дуэли не боюсь и отъ нея никогда не откажусь,—значитъ, вмѣсто пустыхъ угрозъ тебѣ лучше дѣйствовать“, отвѣчалъ Лермонтовъ съ желчью. „Ну, въ такомъ случаѣ завтра у васъ будутъ мои секунданты“,—сказалъ холодно отецъ и отправился къ себѣ домой, куда въ тотъ же вечеръ пригласилъ своего пріятеля, лейбъ-гусарскаго офицера Глѣбова, котораго просилъ на другое утро, чѣмъ свѣтъ, съѣздить къ Лермонтову и передать ему формальный вызовъ на дуэль. Глѣбовъ, вернувшись отъ Лермонтова, сообщилъ отцу, что вызовъ его принятъ, и что Лермонтовъ официальнымъ секундантомъ своимъ избралъ князя Александра Иларіоновича Васильчикова [2]).

При этомъ считаю необходимымъ сдѣлать небольшое отступле-

[1]) А. П. Верзилина вышла замужъ за г. Дикаго.
[2]) Авторъ книги „О самоуправленіи“.

ніе. Дѣло въ томъ, что отецъ мой впослѣдствіи, во время судебнаго дѣла о его дуэли, показалъ, что вечеръ у Верзилиныхъ, послѣ котораго онъ нашелся вынужденнымъ вызвать Лермонтова, происходилъ 13-го іюля, то-есть за два дня до дуэли, въ статьѣ же князя Васильчикова, напечатанной въ „Русскомъ Архивѣ“, говорится о трехдневной отсрочкѣ дуэли, которой добились-таки секунданты, и о всѣхъ ихъ безплодныхъ усиліяхъ примирить противниковъ.

Покойный отецъ мой неоднократно передавалъ мнѣ, что вечеръ у Верзилиныхъ происходилъ не 13-го іюля, а гораздо раньше, именно около Петрова дня (29-го іюня).

Показалъ же онъ неосновательно объ этомъ обстоятельствѣ для того, чтобы выгородить секундантовъ, будто принимавшихъ самыя энергическія и разнообразныя мѣры къ примиренію его съ Лермонтовымъ, при чемъ понятно, что за одно 14 іюля, отдѣляющее вызовъ отъ самой дуэли, они, конечно, не могли успѣть достигнуть въ этомъ направленіи благопріятныхъ результатовъ.

Впослѣдствіи, нѣсколько дней послѣ роковой дуэли его съ Лермонтовымъ, отецъ писалъ Глѣбову и Васильчикову, что „всю вину приметъ на себя и что на судѣ покажетъ о всѣхъ ихъ усиліяхъ примирить его съ Лермонтовымъ, но требуетъ, чтобы они послѣ окончанія дѣла о дуэли возстановили истину и для очищенія его памяти опубликовали дѣло, какъ оно дѣйствительно было“.

На это письмо, отецъ, сидя въ пятигорской тюрьмѣ, куда онъ былъ заключенъ на нѣсколько дней послѣ дуэли, какъ находившійся въ отставкѣ отъ военной службы, получилъ отъ Глѣбова слѣдующую знаменательную записку, хотя уже напечатанную, но имѣющую въ исторіи дуэли такое огромное значеніе, что я считаю ее узломъ всего дѣла и не могу не привести ее цѣликомъ.

„Признаюсь тебѣ, твое письмо нѣсколько было намъ непріятно“, писалъ Глѣбовъ, „я и Васильчиковъ не только по обязанности защищаемъ тебя вездѣ и всѣмъ, но и потому, что не видимъ ничего дурного съ твоей стороны въ дѣлѣ Лермонтова и приписываемъ этотъ выстрѣлъ несчастному случаю (всѣ это знаютъ, судьба такъ хотѣла, тѣмъ болѣе, что ты въ третій разъ въ жизни своей стрѣлялъ изъ пистолета; второй, когда у тебя пистолетъ рвало въ рукѣ, и это третій). Что же касается до правды, то мы отклоняемся только въ отношеніи Т. и С. [1]), которыхъ имена не должны быть упомянуты ни въ какомъ случаѣ. Надѣемся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всѣми средствами уговаривали. Придя на баріеръ, ты напиши, что ждалъ выстрѣла Лермонтова.

„Скажи, что мы тебя уговаривали съ начала до конца, что ты не соглашался, говоря, что ты Лермонтова предупреждалъ тому три недѣли, чтобы не шутилъ на твой счетъ. Особенно настаивай на эти слова Лермонтова („вмѣсто пустой угрозы“ и пр.), которыя въ

[1]) Трубецкого и Столыпина.

самомъ дѣлѣ тебя ставили въ необходимость его вызвать или, лучше сказать, были уже вызовъ".

Изъ этого письма, къ которому намъ придется еще вернуться, явствуетъ, что отецъ до дуэли своего пистолета въ руки почти никогда не бралъ, и убилъ Лермонтова не преднамѣренно, а совершенно случайно, но важнѣе всего заключеніе, котораго изъ него нельзя не вывести, основанное, конечно, на двукратномъ напоминаніи Глѣбова отцу, что онъ долженъ показывать на судѣ о безплодныхъ усиліяхъ секундантовъ примирить его съ Лермонтовымъ, каковое напоминаніе было бы совершенно излишнимъ, еслибы дѣйствительно съ ихъ стороны были приняты къ этому какія-либо мѣры. Нельзя же допустить въ самомъ дѣлѣ, чтобы отецъ, имѣвшій несчастіе убить на дуэли Лермонтова, сталъ оговаривать своихъ секундантовъ въ непріятии мѣръ къ примиренію его съ противникомъ, еслибы они въ дѣйствительности дѣлали къ этому какія-либо попытки.

На самомъ же дѣлѣ, какъ передавалъ мнѣ отецъ, никакихъ шаговъ со стороны секундантовъ въ дуэли его съ Лермонтовымъ къ примиренію противниковъ сдѣлано не было, при чемъ отецъ объяснилъ это тѣмъ шумомъ, который надѣлалъ предыдущій поединокъ Лермонтова съ Барантомъ въ 1840 году, гдѣ противники дрались на шпагахъ и на пистолетахъ, при чемъ, не считая пустой царапины, полученной Лермонтовымъ, никто изъ нихъ даже раненъ не былъ, что сдѣлало какъ дуэлистовъ, такъ и секундантовъ ихъ посмѣшищемъ всего Петербурга.

Въ дуэли этой секундантомъ Лермонтова, хотя не офиціальнымъ, былъ, по словамъ отца, и Васильчиковъ, хотя въ дѣлѣ объ этой дуэли секундантомъ поэта названъ лишь двоюродный братъ его Монго-Столыпинъ, который и въ дуэли Лермонтова съ отцомъ былъ его секундантомъ, а Трубецкой секундантомъ у отца, что можно заключить изъ вышеприведеннаго письма Глѣбова.

Понятно, что Васильчикову, участнику первой дуэли Лермонтова, и Глѣбову, его товарищу по лейбъ-гусарскому полку, въ которомъ эта дуэль произвела самое невыгодное для Лермонтова впечатлѣніе, не приходилось, съ ихъ точки зрѣнія, особенно усердно стараться о примиреніи противниковъ, и хотя Васильчиковъ, въ единственной статьѣ своей объ этой дуэли, и выразился буквально, что, „слова Лермонтова; „потребуйте отъ меня удовлетворенія", заключали въ себѣ косвенное приглашеніе на вызовъ, и затѣмъ оставалось рѣшить, кто изъ двухъ былъ зачинщикомъ и кому передъ кѣмъ слѣдовало сдѣлать первый шагъ къ примиренію; на этомъ сокрушились всѣ наши усилія, трехдневная отсрочка не послужила ни къ чему",—однако читатель ниже увидитъ, насколько эти слова князя Васильчикова согласовались съ его дѣйствіями.

Возвращаюсь, однако, къ самой исторіи этой вѣчно печальной дуэли.

Поединокъ былъ назначенъ на 15 іюля 1841 года въ 6½ часовъ вечера, у подошвы горы Машукъ, въ полуверстѣ отъ Пятигорска.

Хотя отцу было прекрасно извѣстно, что Лермонтовъ превосходно владѣлъ пистолетомъ, изъ котораго онъ стрѣлялъ почти безъ промаха, а отецъ самъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго письма къ нему Глѣбова, вовсе стрѣлять не умѣлъ, тѣмъ не менѣе онъ съ беззаботностью молодости, ему было всего 25 лѣтъ, въ исходѣ пятаго часа велѣлъ осѣдлать своего аргамака, а бѣговыя дрожки свои онъ уступилъ секунданту своему Глѣбову.

День былъ до крайности душный и жаркій; въ воздухѣ чувствовалось приближеніе грозы. Прибывъ съ Глѣбовымъ на мѣсто дуэли одновременно съ Лермонтовымъ и Васильчиковымъ, они застали тамъ секундантовъ Трубецкого и Столыпина [1]) и много другихъ общихъ пятигорскихъ знакомыхъ, числомъ до сорока человѣкъ, о присутствіи которыхъ во время его дуэли отецъ, Глѣбовъ и Васильчиковъ на судѣ не проронили ни слова, чтобы не подвергнуть ихъ отвѣтственности за допущеніе дуэли и за недонесеніе о ней.

Имѣя въ виду, что столкновеніе отца съ Лермонтовымъ произошло, какъ сказано выше, около 29 іюня, а самая дуэль имѣла мѣсто почти черезъ двѣ недѣли, понятно, что молва о ней успѣла распространиться по всему Пятигорску, а потому естественно, что слухъ о ней почти ни для кого изъ пріятелей отца и Лермонтова не былъ тайной, и что иные изъ участія къ Лермонтову, на котораго и тогда уже многіе смотрѣли, какъ на достойнаго преемника Пушкина, большинство же изъ празднаго любопытства—пріѣхали посмотрѣть на исходъ поединка его съ моимъ покойнымъ отцомъ.

Барьеръ былъ опредѣленъ секундантами на пятнадцать шаговъ, при чемъ съ обѣихъ сторонъ была положена гряда камней, а отъ него на десять шаговъ каждый были поставлены дуэлисты, которые имѣли право стрѣлять съ своего мѣста или же подойдя къ барьеру. Противникамъ дали въ руки по пистолету, и одинъ изъ секундантовъ махнулъ платкомъ въ знакъ того, что дуэль началась. Лермонтовъ стоялъ въ рейтузахъ и красной канаусовой рубашкѣ и съ кажущеюся или дѣйствительною беззаботностью сталъ ѣсть вишни и выплевывать косточки. Онъ стоялъ на своемъ мѣстѣ въ позѣ опытнаго дуэлиста, правымъ бокомъ впередъ, прикрываясь рукой и пистолетомъ и наведя послѣдній прямо на отца. Въ это время грянулъ громовой ударъ, и дождь полилъ ливмя.

Прошла минута, показавшаяся, какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, всѣмъ присутствующимъ вѣчностью. Ни Лермонтовъ, ни отецъ не стрѣляли и стояли на своихъ мѣстахъ. Секунданты и присутствующіе начали ежиться и вполголоса дѣлать между собою замѣчанія, которыя отчасти долетали до слуха отца.

[1]) Смотри письмо Глѣбова къ отцу.

„Надо же кончать“, сказалъ кто-то, „мы и такъ насквозь промокли“.

Отецъ быстрыми шагами подошелъ къ барьеру, навелъ пистолетъ на Лермонтова и выстрѣлилъ.

Когда дымъ разсѣялся, онъ увидѣлъ Лермонтова лежащимъ на землѣ недвижимымъ. Тѣло его подергивалось легкими судорогами, и когда отецъ бросился съ нимъ прощаться, Лермонтовъ былъ уже мертвъ.

Съ мѣста дуэли отецъ поѣхалъ къ коменданту, которому и объявилъ о несчастномъ событіи. Комендантъ велѣлъ арестовать отца и обоихъ секундантовъ, и началось слѣдствіе, при началѣ котораго отецъ узналъ отъ Глѣбова, что Лермонтовъ во время переговоровъ относительно условій дуэли говорилъ своему секунданту Васильчикову: „Нѣтъ, я сознаю себя настолько виноватымъ предъ Мартыновымъ, что, чувствую, рука моя на него не поднимется“. Намекалъ ли тутъ Лермонтовъ на вскрытіе письма или на нелѣпость своей выходки на вечерѣ у Верзилиныхъ, отцу осталось неизвѣстно, но я донынѣ живо помню слова его: „Передай мнѣ объ этихъ словахъ Васильчиковъ или кто-либо другой, я Лермонтову протянулъ бы руку примиренія, и нашей дуэли, конечно, не было бы“.

Эмилія Александровна Шанъ-Гирей, рожденная Верзилина, въ 1889 году напечатала въ „Русскомъ Архивѣ“ свои воспоминанія о Лермонтовѣ, въ которыхъ, между прочимъ, говоритъ: „первымъ стрѣлялъ Мартыновъ, а Лермонтовъ будто бы прежде сказалъ секунданту, что „стрѣлять не будетъ“, и былъ убитъ наповалъ, какъ разсказалъ намъ Глѣбовъ“.

Отсюда видно, что Глѣбовъ объ этомъ фактѣ, играющемъ столь важную роль въ дуэли отца, передавалъ не ему одному, а также и другимъ, лишь косвенно прикосновеннымъ къ ней, лицамъ.

Отецъ мой, проведя всю предшествовавшую жизнь свою на военной службѣ, ходатайствовалъ о томъ, чтобы предали его военному, а не гражданскому суду.

Просьба его была уважена, и 25 сентября онъ былъ освобожденъ съ гауптвахты, куда, по его ходатайству, онъ былъ переведенъ изъ тюрьмы.

Сентенціей Пятигорскаго военнаго суда отецъ былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ и всѣхъ правъ состоянія, каковая сентенція была смягчена сперва начальникомъ лѣваго фланга, затѣмъ главнокомандующимъ на Кавказѣ, военнымъ министромъ и, наконецъ, государемъ императоромъ Николаемъ I, который 3 января 1842 года положилъ слѣдующую резолюцію: „Маіора Мартынова выдержать въ крѣпости три мѣсяца, а затѣмъ предать его церковному покаянію“.

Существуютъ въ нашей литературѣ различныя отзывы о томъ, какъ отнесся покойный императоръ Николай I къ извѣстію о смерти Лермонтова, а потому я считаю небезынтереснымъ слѣдующій разсказъ покойнаго генерала-отъ-инфантеріи Николая Николаевича

Вельяминова, скончавшагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ, гдѣ онъ служилъ начальникомъ Чесменской богадѣльни.

Года за два до своей смерти онъ передавалъ брату моему А. Н. Мартынову, что покойный императоръ Николай I, проводившій обыкновенно лѣто въ Петергофѣ, гдѣ Вельяминовъ въ 1841 году находился въ камеръ-пажахъ, и имѣвшій обыкновеніе въ праздничные дни собирать у себя послѣ обѣдни всѣхъ присутствовавшихъ лицъ свиты своей, которымъ сообщалъ наиболѣе интересныя извѣстія, имъ полученныя, высказалъ про смерть Лермонтова слѣдующее: „Сегодня я получилъ грустное извѣстіе: поэтъ нашъ Лермонтовъ, подававшій Россіи такія великія надежды, убитъ на поединкѣ. Россія въ немъ много потеряла“.

Сопоставляя этотъ отзывъ императора Николая I съ незначительностью наказанія, наложеннаго на покойнаго отца конфирмаціей государя, надо полагать, что отецъ мой въ этой дуэли не былъ настолько виноватъ, насколько это можетъ показаться съ перваго взгляда, такъ какъ причиной этой дуэли было роковое стеченіе обстоятельствъ, противъ котораго воля моего отца была вполнѣ безсильна.

Такова исторія дуэли моего отца съ Лермонтовымъ.

32.

Кн. А. Васильчиковъ [1]).

Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ Н. С. Мартыновымъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1841 года Лермонтовъ вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ А. А. Столыпинымъ и тяжело раненымъ М. П. Глѣбовымъ возвратился изъ экспедиціи, описанной въ стихотвореніи „Валерикъ“, для отдыха и лѣченія въ Пятигорскъ. Я съ нимъ встрѣтился, и мы поселились вмѣстѣ въ одномъ домѣ, кромѣ Глѣбова, который нанялъ квартиру особо. Позже подъѣхалъ къ намъ князь Трубецкой [2]), которому я уступилъ половину моей квартиры.

Мы жили дружно, весело и нѣсколько разгульно, какъ живется въ этомъ беззаботномъ возрастѣ, 20—25 лѣтъ. Хотя я и прежде былъ знакомъ съ Лермонтовымъ, но тутъ узналъ его коротко, и наше знакомство, не смѣю сказать — наша дружба, были искренны,

[1]) „Русскій Архивъ“, 1872, I, 205—213.
[2]) С. В.

чистосердечны. Однако глубокое уваженіе къ памяти поэта и добраго товарища не увлечетъ меня до односторонняго обвиненія того, кому, по собственному его выраженію, злой рокъ судилъ быть убійцею Лермонтова. Въ Лермонтовѣ (мы говоримъ о немъ, какъ о частномъ лицѣ) было два человѣка: одинъ добродушный для небольшого кружка ближайшихъ своихъ друзей и для тѣхъ немногихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ особенное уваженіе, другой — заносчивый и задорный для всѣхъ прочихъ его знакомыхъ.

Къ этому первому разряду принадлежали въ послѣднее время его жизни прежде всего Столыпинъ (прозванный имъ же Монго), Глѣбовъ, бывшій его товарищъ по гусарскому полку, впослѣдствіи тоже убитый на дуэли, князь Александръ Николаевичъ Долгорукій, декабристъ М. А. Назимовъ и нѣсколько другихъ ближайшихъ его товарищей. Ко второму разряду принадлежалъ, по его понятіямъ, весь родъ человѣческій, и онъ считалъ лучшимъ своимъ удовольствіемъ подтрунивать и подшучивать надъ всякими мелкими и крупными странностями, преслѣдуя ихъ иногда шутливыми, а весьма часто и язвительными насмѣшками.

Но, кромѣ того, въ Лермонтовѣ была черта, которая трудно соглашается съ понятіемъ о „гигантѣ поэзіи", какъ его называютъ восторженные его поклонники, о глубокомысленномъ и геніальномъ поэтѣ, какимъ (онъ) дѣйствительно проявился въ короткой и бурной своей жизни.

Онъ былъ шалунъ въ полномъ ребяческомъ смыслѣ слова, и день его раздѣлялся на двѣ половины между серьезными занятіями и чтеніями и такими шалостями, какія могутъ придти въ голову развѣ только 15-тилѣтнему школьному мальчику; напримѣръ, когда къ обѣду подавали блюдо, которое онъ любилъ, то онъ съ громкимъ крикомъ и смѣхомъ бросался на блюдо, вонзалъ свою вилку въ лучшіе куски и часто оставлялъ всѣхъ насъ безъ обѣда. Разъ какой-то проѣзжій стихотворецъ пришелъ къ нему съ толстой тетрадью своихъ произведеній и началъ ихъ читать; но въ разговорѣ, между прочимъ, сказалъ, что онъ ѣдетъ изъ Россіи и везетъ съ собой бочонокъ свѣже-просоленыхъ огурцовъ, большой рѣдкости на Кавказѣ; тогда Лермонтовъ предложилъ придти на его квартиру, чтобы внимательно выслушать его прекрасную поэзію, и на другой день, придя къ нему, намекнулъ на огурцы, которые благодушный хозяинъ и поспѣшилъ подать. Затѣмъ началось чтеніе, и покуда авторъ все болѣе и болѣе углублялся въ свою поэзію, его слушатель, Лермонтовъ, скушалъ половину огурчиковъ, а другую половину набилъ себѣ въ карманы и, окончивъ свой подвигъ, бѣжалъ безъ прощанья отъ неумолимаго чтеца-стихотворца.

Обѣдая каждый день въ пятигорской гостиницѣ, онъ выдумалъ еще слѣдующую проказу. Собирая столовыя тарелки, онъ сухимъ ударомъ въ голову слегка ихъ надламывалъ, но такъ, что образовывалась только едва замѣтная трещина, а тарелка держалась

крѣпко, покуда попадала при мытьѣ посуды въ горячую воду; тутъ она разомъ расползалась, и несчастные служители вынимали изъ лохани вмѣсто тарелокъ груды лома и черепковъ. Разумѣется, что эта шутка не могла продолжаться долго, и Лермонтовъ поспѣшилъ самъ заявить хозяину о своей виновности и невинности прислуги и расплатиться щедро за свою забаву.

Мы привели эти черты, сами по себѣ ничтожныя, для вѣрной характеристики этого страннаго, игриваго и вмѣстѣ съ тѣмъ заносчиваго нрава. Лермонтовъ не принадлежалъ къ числу разочарованныхъ, озлобленныхъ поэтовъ, бичующихъ слабости и пороки людскіе изъ зависти, что не могутъ насладиться запрещеннымъ плодомъ; онъ былъ вполнѣ человѣкъ своего вѣка, герой своего времени: вѣка и времени, самыхъ пустыхъ въ исторіи русской гражданственности. Но, живя этой жизнью, къ коей всѣ мы, юноши 30-хъ годовъ, были обречены, вращаясь въ средѣ великосвѣтскаго общества, придавленнаго и кассированнаго послѣ катастрофы 14-го декабря, онъ глубоко и горько сознавалъ его ничтожество и выражалъ это чувство не только въ стихахъ: „Печально я гляжу на наше поколѣнье", но и въ ежедневныхъ свѣтскихъ и товарищескихъ своихъ сношеніяхъ. Отъ этого онъ былъ вообще не любимъ въ кругу своихъ знакомыхъ въ гвардіи и въ Петербургскихъ салонахъ; при дворѣ его считали вреднымъ, неблагонамѣреннымъ и притомъ, по фронту, дурнымъ офицеромъ, и когда его убили, то одна высокопоставленная особа изволила выразиться, „что туда ему и дорога". Все Петербургское великосвѣтское общество, махнувъ рукой, повторило это надгробное слово надъ храбрымъ офицеромъ и великимъ поэтомъ.

Итакъ, отдавая полную справедливость внутреннимъ побужденіямъ, которыя внушали Лермонтову глубокое отвращеніе отъ современнаго общества, нельзя однако не сознаться, что это настроеніе его ума и чувствъ было невыносимо для людей, которыхъ онъ избиралъ цѣлью своихъ придирокъ и колкостей, безъ всякой видимой причины, а просто какъ предметъ, надъ которымъ онъ изощрялъ свою наблюдательность.

Однажды на вечерѣ у генеральши Верзилиной Лермонтовъ въ присутствіи дамъ отпустилъ какую-то новую шутку, болѣе или менѣе острую, надъ Мартыновымъ. Что онъ сказалъ, мы не разслышали; знаю только, что, выйдя изъ дома на улицу, Мартыновъ подошелъ къ Лермонтову и сказалъ ему очень тихимъ и ровнымъ голосомъ по-французски: „Вы знаете, Лермонтовъ, что я очень часто терпѣлъ ваши шутки, но не люблю, чтобы ихъ повторяли при дамахъ", на что Лермонтовъ такимъ же спокойнымъ тономъ отвѣчалъ: „а если не любите, то потребуйте у меня удовлетворенія". Больше ничего въ тотъ вечеръ и въ послѣдующіе дни до дуэли между ними не было, по крайней мѣрѣ намъ, Столыпину, Глѣбову и мнѣ, неизвѣстно, и мы считали эту ссору столь ничтожною и мелочною, что до послѣдней минуты увѣрены были, что она кончится примиреніемъ. Тѣмъ

не менѣе всѣ мы и въ особенности М. Н. Глѣбовъ, который соединялъ съ отважною храбростью самое любезное и сердечное добродушіе и пользовался равнымъ уваженіемъ и дружбою обоихъ противниковъ,—всѣ мы, говорю, истощили въ теченіе 3-хъ дней наши миролюбивыя усилія безъ всякаго успѣха. Хотя формальный вызовъ и послѣдовалъ отъ Мартынова, но всякій согласится, что вышеприведенныя слова Лермонтова: „потребуйте отъ меня удовлетворенія“, заключали въ себѣ уже косвенное приглашеніе на вызовъ, и затѣмъ оставалось рѣшить, кто изъ двухъ былъ зачинщикъ и кому передъ кѣмъ слѣдовало сдѣлать первый шагъ къ примиренію.

На этомъ сокрушились всѣ наши усилія; трехдневная отсрочка не послужила ни къ чему, и 15 іюля часовъ въ 6—7 вечера мы поѣхали на роковую встрѣчу; но и тутъ, въ послѣднюю минуту, мы, и я думаю, самъ Лермонтовъ, были убѣждены, что дуэль кончится пустыми выстрѣлами и что, обмѣнявшись для соблюденія чести друмя пулями, противники подадутъ себѣ руки и поѣдутъ... ужинать.

Когда мы выѣхали на гору Машукъ и выбрали мѣсто по тропинкѣ, ведущей въ колонію (имени не помню) [1], темная, громовая туча поднималась изъ-за сосѣдней горы Бештау.

Мы отмѣрили съ Глѣбовымъ 30 шаговъ; послѣдній барьеръ поставили на 10-ти и, разведя противниковъ на крайнія дистанціи, положили имъ сходиться каждому на 10 шаговъ по командѣ: маршъ. Зарядили пистолеты. Глѣбовъ подалъ одинъ Мартынову, я другой Лермонтову, и скомандовали: сходись. Лермонтовъ остался неподвиженъ и, взведя курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ, заслоняясь рукой и локтемъ по всѣмъ правиламъ опытнаго дуэлиста. Въ эту минуту, и въ послѣдній разъ, я взглянулъ на него и никогда не забуду того спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ пистолета, уже направленнаго на него. Мартыновъ быстрыми шагами подошелъ къ барьеру и выстрѣлилъ. Лермонтовъ упалъ, какъ будто его скосило на мѣстѣ, не сдѣлавъ движенія ни взадъ, ни впередъ, не успѣлъ даже захватить больное мѣсто, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди раненые или ушибленные.

Мы подбѣжали. Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкія.

Хотя признаки жизни уже, видимо, исчезли, но мы рѣшили позвать доктора. По предварительному нашему приглашенію присутствовать при дуэли, доктора, къ которымъ мы обращались, всѣ наотрѣзъ отказались. Я поскакалъ верхомъ въ Пятигорскъ, заѣзжалъ къ двумъ сосѣднимъ медикамъ, но получалъ такой же отвѣтъ, что на мѣсто поединка по случаю дурной погоды (шелъ проливной дождь) они ѣхать не могутъ, а пріѣдутъ на квартиру, когда привезутъ раненаго.

[1]) Шотландка, Каррасъ.

Когда я возвратился, Лермонтовъ уже мертвый лежалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ; около него Столыпинъ, Глѣбовъ и Трубецкой. Мартыновъ уѣхалъ прямо къ коменданту объявить о дуэли.

Черная туча, медленно поднимавшаяся на горизонтѣ, разразилась страшной грозой, и перекаты грома пѣли вѣчную память новопреставленному рабу Михаилу.

Столыпинъ и Глѣбовъ уѣхали въ Пятигорскъ, чтобы распорядиться перевозкой тѣла, а меня съ Трубецкимъ оставили при убитомъ. Какъ теперь помню странный эпизодъ этого рокового вечера: наше сидѣнье въ полѣ при трупѣ Лермонтова продолжалось очень долго, потому что извозчики, слѣдуя примѣру храбрости гг. докторовъ, тоже отказались одинъ за другимъ ѣхать для перевозки тѣла убитаго. Наступила ночь, ливень не прекращался... Вдругъ мы услышали дальній топотъ лошадей по той же тропинкѣ, гдѣ лежало тѣло, и, чтобы оттащить его въ сторону, хотѣли его приподнять; отъ этого движенія, какъ и обыкновенно случается, спертый воздухъ выступилъ изъ груди, но съ такимъ звукомъ, что намъ показалось, что это живой и болѣзный вздохъ, и мы нѣсколько минутъ были увѣрены, что Лермонтовъ еще живъ. Наконецъ, часовъ въ 11 ночи явились товарищи съ извозчикомъ, наряженнымъ, если не ошибаюсь, отъ полиціи. Покойника уложили на дроги, и мы проводили его всѣ вмѣстѣ до общей нашей квартиры...

Положа руку на сердце, всякій безпристрастный свидѣтель долженъ признаться, что Лермонтовъ самъ, можно сказать, напросился на дуэль и поставилъ своего противника въ такое положеніе, что онъ не могъ его не вызвать.

Я, какъ свидѣтель дуэли и другъ покойнаго поэта, не смѣю судить такъ утвердительно, какъ посторонніе разсказчики и незнакомцы, и не считаю нужнымъ ни для славы Лермонтова, ни для назиданія потомства обвинять кого-либо въ преждевременной его смерти. Этотъ печальный исходъ былъ почти неизбѣженъ при строптивомъ, безпокойномъ его нравѣ и при томъ непомѣрномъ самолюбіи, или преувеличенномъ чувствѣ чести (point d'honneur), которое удержало его отъ всякаго шага къ примиренію.

33.

Письмо Е. Быховецъ.

Пятигорскъ, 1841 г. августа 5, понедѣльникъ. Безцѣнный мой дружочекъ, Лизочка! Какъ я тебѣ позавидовала, моя душка, что ты была въ Успенскомъ. О, какъ бы я дорого дала, чтобы провести это время съ вами; какъ бы мы пріятно его провели; воображаю, какъ

Кн. Г. Г. Гагаринъ. Кавказскіе типы Лермонтовскихъ временъ.

Тифлисскій бродячій кузнецъ.

мамаша тебѣ обрадовалась, моему милому дружочку; она съ такой радостью мнѣ описываетъ, что Манюшка къ ней очень ласкова. Вашъ балъ былъ очень хорошъ, тебя удивляетъ, что все такъ перемѣнилось. Я не знаю, что сдѣлалось съ Тарусскимъ уѣздомъ, откуда Татьянушка учится этимъ гримасамъ, и такъ ужъ она на гримасу похожа, некому безъ меня ее остановить.

Какъ же я весело провела время! Этотъ день [1]) молодые люди дѣлали намъ пикникъ въ гротѣ, который былъ весь убранъ шалями; колонны обвиты цвѣтами и люстры всѣ изъ цвѣтовъ; танцовали мы на площадкѣ около грота; лавочки были обиты прелестными коврами; освѣщено было чудесно; вечеръ очаровательный; небо было такъ чисто; деревья отъ освѣщенья необыкновенно хороши были, аллея также была освѣщена, и въ концѣ аллеи была уборная прехорошенькая; два хора музыки. Конфектъ, фруктъ, мороженаго безпрестанно подавали; танцовали до упада; молодежь была такъ любезна, занимала своихъ гостей; ужинали; послѣ ужина опять танцовали; даже Лермонтовъ, который не любилъ танцовать, и тотъ былъ такъ веселъ; оттуда мы шли пѣшкомъ. Всѣ молодые люди насъ провожали съ фонарями; одинъ изъ нихъ началъ немного шалить. Лермонтовъ, какъ cousin, предложилъ сейчасъ мнѣ руку; мы пошли скорѣй, и онъ до дому меня проводилъ.

Мы съ нимъ такъ дружны были—онъ мнѣ правнучатый братъ и всегда называлъ cousine, а я его cousin, и любила, какъ родного брата. Такъ меня здѣсь и знали подъ именемъ charmante cousine Лермонтова. Кто изъ молодежи прiѣзжалъ сюда, то сейчасъ его просили, чтобы онъ ихъ познакомилъ со мной.

Этотъ пикникъ послѣднiй былъ; ровно черезъ недѣлю мой добрый другъ убитъ, а давно ли онъ мнѣ этого изверга, его убiйцу, рекомендовалъ, какъ товарища, друга. Этотъ Мартыновъ глупъ ужасно, всѣ надъ нимъ смѣялись; онъ ужасно самолюбивъ; каррикатуры (на него) его безпрестанно прибавлялись; Лермонтовъ имѣлъ дурную привычку острить. Мартыновъ всегда ходилъ въ черкескѣ и съ кинжаломъ; онъ его назвалъ при дамахъ M-r le Poignard и sauvage'омъ. Онъ (т.-е. Мартыновъ) тутъ ему сказалъ, что при дамахъ этого не смѣетъ говорить, тѣмъ и кончилось. Лермонтовъ совсѣмъ не хотѣлъ его обидѣть, а такъ посмѣяться хотѣлъ, бывши такъ хорошъ съ нимъ.

Это было въ одномъ частномъ домѣ [2]). Выходя оттуда, Мартынка глупо вызвалъ Лерм. Но никто не зналъ. На другой день Лермонтовъ былъ у насъ—ничего, веселъ; онъ мнѣ всегда говорилъ, что ему жизнь ужасно надоѣла, судьба его такъ гнала, Государь его не любилъ. Великiй князь (Михаилъ Павловичъ?) ненавидѣлъ, (они?) не могли его видѣть,—и тутъ еще любовь: онъ (Лермонтовъ) былъ

[1]) 8 iюля 1841 года.
[2]) У Верзилиныхъ.

страстно влюбленъ въ В. А. Бахметьеву; она ему была кузина; я думаю, онъ и меня оттого любилъ, что находилъ въ насъ сходство. и о ней его любимый разговоръ былъ.

Черезъ четыре дня онъ (Лермонтовъ) поѣхалъ на Желѣзныя; былъ въ этотъ день нѣсколько разъ у насъ и все меня упрашивалъ пріѣхать на Желѣзныя; это 14 верстъ отсюда, я ему обѣщала, и 15 (іюля) мы отправились въ 6 часовъ утра,—я съ Обыденной въ коляскѣ, а Дмитревскій [1]) и Бекендорфъ и Пушкинъ (Л. С.), братъ сочинителя,—верхами.

На половинѣ дороги, въ колонкѣ [2]) мы пили кофе и завтракали. Какъ пріѣхали на Желѣзныя, Лермонтовъ сейчасъ прибѣжалъ; мы пошли въ рощу и все тамъ гуляли. Я все съ нимъ ходила подъ руку. На мнѣ было бандо. Ужъ не знаю, какими судьбами коса моя распустилась и бандо свалилось, которое онъ взялъ и спряталъ въ карманъ. Онъ при всѣхъ былъ веселъ, шутилъ, а когда мы были вдвоемъ, онъ ужасно грустилъ, говорилъ мнѣ такъ, что сейчасъ можно догадаться, но мнѣ въ голову не приходила дуэль. Я знала причину его грусти и думала, что все то же [3]), уговаривала его, утѣшала, какъ могла, и съ полными глазами слезъ (онъ меня) благодарилъ, что я пріѣхала, умаливалъ, чтобы я пошла къ нему на квартиру закусить, но я не согласилась; поѣхали назадъ, онъ поѣхалъ тоже съ нами.

Въ колонкѣ обѣдали. Уѣзжавши, онъ цѣлуетъ нѣсколько разъ мою руку и говоритъ:

— „Cousine, душечка, счастливѣе этого часа не будетъ больше въ моей жизни".

Я еще надъ нимъ смѣялась; такъ мы и отправились.

Это было въ пять часовъ, а (въ) 8 пришли сказать, что онъ убитъ.

Никто не зналъ, что у нихъ дуэль, кромѣ двухъ молодыхъ мальчиковъ, которыхъ они заставили поклясться, что никому не скажутъ; они такъ и сдѣлали.

Л—ву такъ жизнь надоѣла, что ему надо было первому стрѣлять, онъ не хотѣлъ, и тотъ извергъ (Мартыновъ) имѣлъ духа долго цѣлиться, и пуля навылетъ! Ты не повѣришь, какъ его смерть меня огорчила, я и теперь не могу его вспомнить.

Прощай, мой милый другъ, грустно и пора на почту. Сестра и братъ вамъ кланяются. Я тебя и дѣтишекъ цѣлую безсчетно разъ. Не забывай твоего друга и обожающую тебя сестру

Катю Быховецъ.

[1]) Дмитревскій—вице-губернаторъ Кавказской области, пріѣхавшій въ лѣто 1841 г. въ Пятигорскъ изъ Тифлиса.

[2]) Колонія Каррасъ или Шотландка.

[3]) Т.-е. любовь къ В. А. Бахметевой.

Сейчасъ смотрѣла на часы, на почту еще рано, и я еще съ тобой поговорю. Дмитревскій меня раздосадовалъ ужасно: бандо мое, которое было въ крови Лермонтова, взялъ, чтобъ отдать мнѣ, и потерялъ его; такъ грустно, это бы мнѣ была память. Мнѣ отдали шнурокъ, на которомъ онъ всегда носилъ крестъ.

Я была на похоронахъ: съ музыкой его хоронить не позволили, и священника насилу уговорили его отпѣть.

Онъ мертвый былъ такъ хорошъ, какъ живой. Портретъ его сняли.

Я теперь принялась пользоваться; у меня такая жестокая боль въ боку, что я двѣ недѣли, кромѣ блузы, не могу ничего надѣть: только, душка, не пиши къ мамашѣ, это пройдетъ, все прежняя моя болѣзнь, воды мнѣ помогаютъ. Прощай [1]).

34.

Письма Ю. Ѳ. Самарина о Лермонтовѣ [2]).

I.

19 іюля 1840.

Я часто видѣлъ Лермонтова за все время его пребыванія въ Москвѣ. Это чрезвычайно артистическая натура, неуловимая и неподдающаяся никакому внѣшнему вліянію, благодаря своей наблюдательности и значительной дозѣ индифферентизма. Вы еще не успѣли съ нимъ заговорить, а онъ васъ уже насквозь раскусилъ; онъ все замѣчаетъ; его взоръ тяжелъ, и чувствовать на себѣ этотъ взоръ утомительно. Первыя минуты присутствіе этого человѣка было мнѣ непріятно; я чувствовалъ, что онъ очень проницателенъ и читаетъ въ моемъ умѣ; но въ то же время я понималъ, что сила эта имѣла причиною одно лишь простое любопытство, безъ всякаго иного интереса, и потому поддаваться этой силѣ мнѣ казалось унизительнымъ. Этотъ человѣкъ никогда не слушаетъ то, что вы ему говорите, онъ васъ самихъ слушаетъ и наблюдаетъ и послѣ того, что онъ вполнѣ понялъ васъ, вы продолжаете оставаться для него чѣмъ то совершенно внѣшнимъ, не имѣющимъ никакого права что-

[1]) „Русская Старина" 1892, III, 766—769.
[2]) Бальбасовъ, Самаринъ Гагарину о Л—вѣ, стр. 8—9, 10—11.

либо измѣнить въ его жизни. Въ моемъ положенiи, мнѣ очень жаль. что знакомство наше не продолжалось дольше. Я думаю, что между имъ и мною могли бы установиться отношенiя, которыя помогли бы мнѣ постичь многое.

II.

Москва, 3 августа 1841.

Пишу вамъ, мой другъ, подъ тяжкимъ впечатлѣнiемъ только что полученнаго извѣстiя. Лермонтовъ убитъ Мартыновымъ на дуэли на Кавказѣ. Подробности ужасны. Онъ выстрѣлилъ на воздухъ, а противникъ убилъ его, стрѣлялъ почти въ упоръ. Эта смерть послѣ смерти Пушкина, Грибоѣдова и другихъ наводитъ на очень грустныя размышленiя. Смерть Пушкина вызвала Лермонтова изъ неизвѣстности, и Лермонтовъ, въ большинствѣ своихъ произведенiй, былъ отголоскомъ Пушкина, но уже среди новаго, лучшаго поколѣнiя.

Онъ унесъ съ собою болѣе чѣмъ надежды. Послѣ своего романа „Герой нашего времени“ онъ очутился въ долгу передъ современниками, и этотъ нравственный долгъ никто теперь не можетъ за него уплатить. Только ему самому возможно было бы въ этомъ оправдаться. А теперь у очень многихъ онъ оставляетъ за собою тяжелое и неутѣшительное впечатлѣнiе, тогда какъ творчество его еще далеко не вполнѣ расцвѣло. Очень мало людей поняло, что его романъ указывалъ на переходную эпоху въ его творчествѣ, и для этихъ людей дальнѣйшее направленiе этого творчества представляло вопросъ высшаго интереса. Я лично тотчасъ же почувствовалъ большую пустоту. Я мало зналъ Лермонтова, но онъ, казалось, чувствовалъ ко мнѣ дружбу. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, съ которыми я любилъ встрѣчаться, окидывая взоромъ окружающихъ меня. Онъ „присутствовалъ“ въ моихъ мысляхъ, въ моихъ трудахъ; его одобренiе радовало меня. Онъ представлялъ для меня лишнiй интересъ въ жизни.

Во время его послѣдняго проѣзда черезъ Москву мы очень часто встрѣчались. Я никогда не забуду нашего послѣдняго свиданiя, за полчаса до его отъѣзда. Прощаясь со мной, онъ оставилъ мнѣ стихи, его послѣднее творенiе.

Все это возстаетъ у меня въ памяти съ поразительной ясностью. Онъ сидѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ я вамъ теперь пишу. Онъ говорилъ мнѣ о своей будущности, о своихъ литературныхъ проектахъ, и среди всего этого онъ проронилъ о своей скорой кончинѣ нѣсколько словъ, которыя я принялъ за обычную шутку съ его стороны. Я былъ послѣднiй, который пожалъ ему руку въ Москвѣ.

Собираются печатать его посмертныя произведенiя. Мы снова увидимъ его имя тамъ, гдѣ любили его отыскивать, снова прочтемъ

еще нѣсколько новыхъ вдохновенныхъ твореній, всегда искреннихъ, но, какъ всѣ послѣднія его поэтическія вещи, конечно, грустныхъ и вызывающихъ особенно скорбное чувство при воспоминаніи, что родникъ изсякъ.

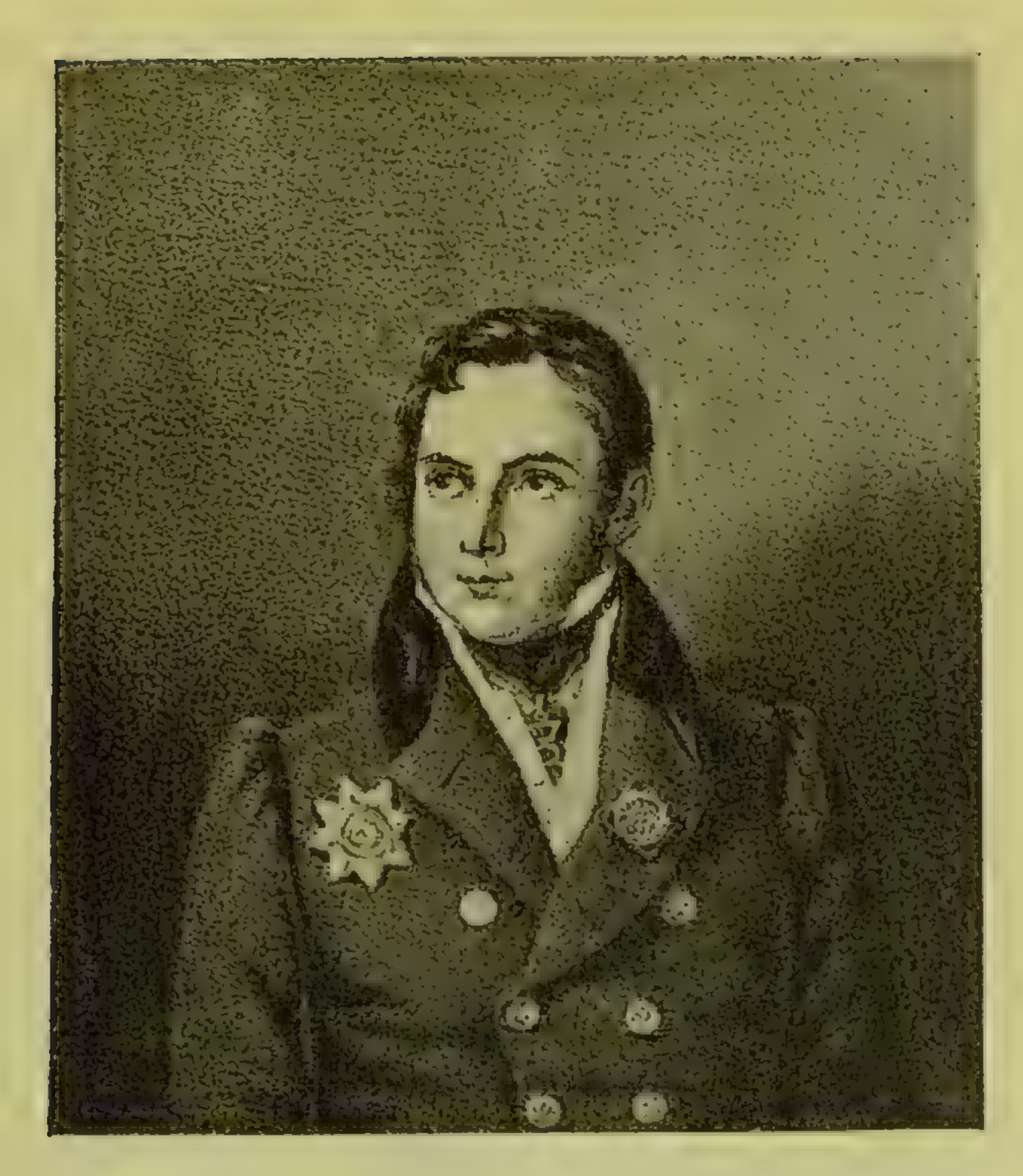
35.

Письмо А. А. Кикина [1]).

2 августа 1811 г. Село Воробьево.

31-го было рожденіе матери Мартыновой. Нашелъ ее въ большомъ горѣ. Сынъ ея Николай застрѣлилъ мерзавца Лермонтова на дуэли. Какъ мнѣ жаль бѣдной бабки его (Арсеньевой)! Всю жизнь ему посвятила и выпила отъ него всю чашу горестей до дна. Жалко и Мартынова. Николай давно въ отставкѣ и жилъ тамъ по-пустому. Теперь сидитъ въ острогѣ. Лермонтовъ въ послѣднемъ письмѣ къ Мартынову писалъ сюда, что онъ кидалъ вверхъ гривенникъ,—загадывалъ, куда ему ѣхать. Онъ упалъ рѣшетомъ. Сіе означало въ Пятигорскъ, и оттого тамъ погибъ. Пишетъ: „хочу ѣхать къ истинному моему другу, который болѣе двадцати нашихъ русскихъ зарѣзалъ и теперь смирнѣй“. Довольно этого, чтобы знать, каковъ былъ. Онъ былъ трусъ. Хотѣлъ и тутъ отдѣлаться, какъ съ Барантомъ: прежде сказалъ, что у него руки не поднимаются, выстрѣлилъ вверхъ, и тогда они съ Барантомъ поцѣловались и напились шампанскимъ. Сдѣлалъ то же и съ Мартыновымъ, но этотъ, несмотря на то, убилъ его.

[1]) „Русская Старина“, 1896, февраль.

Ф. Ф. Вигель.

36.

Изъ письма Ф. Ф. Вигеля [1]).

Я видѣлъ Руссомана Лермонтова въ послѣднiй проѣздъ его чрезъ Москву.—„Ахъ, еслибъ мнѣ позволено было оставить службу", сказалъ онъ мнѣ: „съ какимъ бы удовольствiемъ поселился я здѣсь навсегда!"—„Ненадолго, мой любезнѣйшiй!" отвѣчалъ я ему.

---

[1]) Н. В. Сушковъ, Моск. Унив. Благор. Пансiонъ, М., 1858, стр. 16.

II. КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

1.

В. Г. Бѣлинскій.

Стихотворенія Лермонтова.

Преобладаніе внутренняго (субъективнаго) элемента въ поэтахъ обыкновенныхъ есть признакъ ограниченности таланта. У нихъ субъективность означаетъ выраженіе личности, которая всегда ограниченна, если является отдѣльно отъ общаго. Они обыкновенно говорятъ о своихъ нравственныхъ недугахъ, и всегда одно и то же: читая ихъ, невольно вспоминаешь эти стихи Лермонтова:

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ,
На что намъ знать твои сомнѣнья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной,—
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты!..
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечомъ картоннымъ...

Въ талантѣ великомъ избытокъ внутренняго, субъективнаго элемента есть признакъ гуманности. Не бойтесь этого направленія: оно не обманетъ васъ, не введетъ васъ въ заблужденіе. Великій поэтъ, говоря о себѣ самомъ, о своемъ *я*, говоритъ объ общемъ — о человѣчествѣ, ибо въ его натурѣ лежитъ все, чѣмъ живетъ человѣчество. И потому въ его грусти всякій узнаетъ свою грусть, въ его душѣ всякій узнаетъ свою и видитъ въ немъ не только *поэта*, но и *человѣка*, брата своего по человѣчеству. Признавая его существомъ несравненно высшимъ себя, всякій въ то же время сознаетъ свое родство съ нимъ.

Вотъ что заставило насъ обратить особенное вниманіе на субъективныя [1]) стихотворенія Лермонтова и даже порадоваться, что ихъ больше, чѣмъ чисто-художественныхъ. По этому признаку мы узнаемъ въ немъ поэта русскаго, *народнаго,* въ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова,—поэта, въ которомъ выразился историческій моментъ русскаго общества. И всѣ такія его стихотворенія глубоки и многозначительны; въ нихъ выражается богатая дарами духа природа, благородная человѣческая личность.

Черезъ годъ послѣ напечатанія „Пѣсни про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова“ Лермонтовъ вышелъ снова на арену литературы, съ стихотвореніемъ „Дума“, изумившимъ всѣхъ алмазною крѣпостію стиха, громовою силою бурнаго одушевленія, исполинскою энергіею благороднаго негодованія и глубокой грусти. Съ тѣхъ поръ стихотворенія Лермонтова стали являться одни за другими безъ перемежки и съ его именемъ.

Поэтъ говоритъ о новомъ поколѣніи, что онъ смотритъ на него съ печалью, что его будущее „иль пусто, иль темно“, что оно должно состарѣться подъ бременемъ *познанья* и сомнѣнья; укоряетъ его, что оно изсушило умъ *безплодною наукою.* Въ этомъ нельзя согласиться съ поэтомъ: *сомнѣнье*—такъ; но излишества *познанія* и *науки,* хотя бы и „безплодной“, мы не видимъ, напротивъ, недостатокъ познанія и науки принадлежитъ къ болѣзнямъ нашего поколѣнія:

Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь!

Хорошо бы еще, еслибъ, взамѣнъ утраченной жизни, мы насладились хоть знаніемъ: былъ бы хоть какой-нибудь выигрышъ! Но сильное движеніе общественности сдѣлало насъ обладателями знанія безъ труда и ученія--и этотъ плодъ безъ корня, надо признаться, пришелся намъ горекъ: онъ только пресытилъ насъ, а не напиталъ, притупилъ нашъ вкусъ, но не усладилъ его. Это—обыкновенное и необходимое явленіе во всѣхъ обществахъ, вдругъ вступающихъ изъ естественной непосредственности въ значительную жизнь, не въ нѣдрахъ ихъ возросшую и созрѣвшую, а пересаженную отъ развившихся народовъ. Мы въ этомъ отношеніи—*безъ вины виноваты*!

Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ *и позднимъ ихъ умомъ*,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ!

Какая вѣрная картина! Какая точность и оригинальность въ выраженіи! Да, умъ отцовъ нашихъ для насъ—*поздній умъ:* великая истина!

[1]) Повторяемъ, что слово „субъективность“ здѣсь принимается въ смыслѣ внутренняго элемента духа, а не выраженія ограниченной личности, какъ понимали его прежде.

Прим. Бѣлинскаго.

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови!
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ легкомысленный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы.
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ!

Эти стихи писаны кровью; они вышли изъ глубины оскорбленнаго духа: это вопль, это стонъ человѣка, для котораго отсутствіе внутренней жизни есть зло, въ тысячу разъ ужаснѣйшее физической смерти!.. И кто же изъ людей новаго поколѣнія не найдетъ въ немъ разгадки собственнаго унынія, душевной апатіи, пустоты внутренней и не откликнется на него своимъ воплемъ, своимъ стономъ?.. Если подъ „сатирою" должно разумѣть не невинное зубоскальство веселенькихъ остроумцевъ, а громы негодованія, грозу духа, оскорбленнаго позоромъ общества, то „Дума" Лермонтова есть сатира, и сатира есть законный родъ поэзіи. Если сатиры Ювенала дышатъ такою же бурею чувства, такимъ же могуществомъ огненнаго слова, то Ювеналъ дѣйствительно великій поэтъ!

Другая сторона того же вопроса выражена въ стихотвореніи „Поэтъ". Обдѣланный въ золото галантерейною игрушкою кинжалъ наводитъ поэта на мысль о роли, которую это орудіе смерти и мщенія играло прежде... А теперь?.. Увы!

Никто привычною, заботливой рукой
    Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
    Никто съ усердьемъ не читаетъ...
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
    Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
    Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
    Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, *какъ чаша для пировъ,*
    Какъ оиміамъ въ часы молитвы!
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
    И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
    Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
    Насъ тѣшатъ блестки и обманы;

Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ?
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?..

Вотъ оно, то бурное одушевленіе, та трепещущая, изнемогающая отъ полноты своей страсть, которую Гегель называетъ въ Шиллерѣ *паѳосомъ*!.. Нѣтъ, хвалить такіе стихи можно только стихами, и притомъ такими же... А мысль?.. Мы не должны здѣсь искать статистической точности фактовъ, но должны видѣть выраженіе поэта,—и кто не признаетъ, что то, чего онъ требуетъ отъ поэта, составляетъ одну изъ обязанностей его служенія и призванія? Не есть ли эта характеристика поэта — характеристика благороднаго Шиллера?

„Не вѣрь себѣ“ есть стихотвореніе, составлящее тріумвиратъ съ двумя предшествовавшими. Въ немъ поэтъ рѣшаетъ тайну истиннаго вдохновенія, открывая источникъ ложнаго. Есть поэты, пишущіе въ стихахъ и въ прозѣ, и, кажется, удивительно какъ сильно и громко, но чтеніе которыхъ дѣйствуетъ на душу, какъ угаръ или тяжелый хмель, и ихъ произведенія, особенно увлекающія молодость, какъ то скоро испаряются изъ головы. У этихъ людей нельзя отнять дарованія и даже вдохновенія, но

Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣе жизнь въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!
Случится ли тебѣ, въ завѣтный, чудный мигъ,
Отрыть въ душѣ давно безмолвной
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный,—
Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенья.
Закрадется ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ ли страсть съ грозой и вьюгой:
Не выходи тогда на шумный пиръ людей,
Съ твоею бѣшеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной,
И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
На диво черни простодушной.

Со времени появленія Пушкина въ нашей литературѣ показались какія-то неслыханныя прежде жалобы на жизнь, пошло въ оборотъ новое слово „разочарованіе“, которое теперь уже успѣло сдѣлаться и старымъ, и приторнымъ. Элегія смѣнила оду и стала господствующимъ родомъ поэзіи. За поэтами даже и плохіе стихотворцы начали воспѣвать:

Погибшій жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

Ясно, что это была эпоха пробужденія нашего общества къ жизни: литература въ первый разъ еще начала быть выраженіемъ общества. Это новое направленіе литературы вполнѣ выразилось въ дивномъ созданіи Пушкина—„Демонъ“. Это демонъ сомнѣнія, это духъ размышленія, рефлексіи, разрушающей всякую полноту жизни, отравляющей всякую радость. Странное дѣло: пробудилась жизнь, и съ нею объ-руку пошло сомнѣніе—врагъ жизни! „Демонъ“ Пушкина съ тѣхъ поръ остался у насъ вѣчнымъ гостемъ и съ злою, насмѣшливою улыбкою показывается то тутъ, то тамъ... Мало этого: онъ привелъ другого демона, еще болѣе страшнаго, болѣе неразгаданнаго:

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. Что пользы напрасно и вѣчно желать?..
А годы проходятъ—все лучшіе годы!..
И жизнь—какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—
Такая пустая и глупая шутка...

Страшенъ этотъ глухой, могильный голосъ неземного страданія, нездѣшней муки, этотъ потрясающій душу реквіемъ всѣхъ надеждъ, всѣхъ чувствъ человѣческихъ, всѣхъ обаяній жизни! Отъ него содрагается человѣческая природа, стынетъ кровь въ жилахъ, и прежній свѣтлый образъ жизни представляется отвратительнымъ скелетомъ, который душитъ насъ въ своихъ костлявыхъ объятіяхъ, улыбается своими костяными челюстями и прижимается къ устамъ нашимъ! Это не минута духовной дисгармоніи, сердечнаго отчаянія; это—похоронная пѣсня всей жизни! Кому незнакомо по опыту состояніе духа, выраженное въ ней, въ чьей натурѣ не скрывается возможность ея страшныхъ диссонансовъ,—тѣ, конечно, увидятъ въ ней не больше, какъ маленькую пьеску грустнаго содержанія, и будутъ правы; но тотъ, кто не разъ слышалъ внутри себя ея могильный напѣвъ, а въ ней увидѣлъ только художественное выраженіе давно знакомаго ему ужаснаго чувства, тотъ припишетъ ей слишкомъ глубокое значеніе, слишкомъ высокую цѣну, дастъ ей почетное мѣсто между величайшими созданіями поэзіи, которыя когда-либо, подобно светочамъ Эвменидъ, освѣщали бездонныя пропасти человѣческаго духа... И какая простота въ выраженіи, какая естественность, свобода въ стихѣ! такъ и чувствуешь, что вся пьеса мгновенно излилась на бумагу сама собою, какъ потокъ слезъ, давно уже накипѣвшихъ, какъ струя горячей крови изъ раны, съ которой вдругъ сорвана перевязка...

Вспомните „Героя нашего времени“, вспомните *Печорина* этого страннаго человѣка, который, съ одной стороны, томится жизнью, презираетъ и ее, и самого себя, не вѣритъ ни въ нее, ни въ самого себя, носитъ въ себѣ какую то бездонную пропасть же-

ланій и страстей, ничѣмъ ненасытимыхъ, а съ другой—гонится за жизнью, жадно ловитъ ея впечатлѣнія, безумно упивается ея обаяніями; вспомните его любовь къ Бэлѣ, къ Вѣрѣ, къ княжнѣ Мери, и потомъ поймите эти стихи:

Любить... но кого же?.. на время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно!

Да, невозможно! Но зачѣмъ же эта безумная жажда любви, къ чему эти гордые идеалы вѣчной любви, которыми мы встрѣчаемъ нашу юность, эта гордая вѣра въ неизмѣняемость чувства и его дѣйствительность?.. Мы знаемъ одну пьесу, которой содержаніе высказываетъ тайный недугъ нашего времени, и которая за нѣсколько лѣтъ предъ симъ казалась бы даже безсмысленною, а теперь для *многихъ* слишкомъ многозначительна. Вотъ она:

Я не люблю тебя: *мнѣ суждено судьбою*
Не полюбивши разлюбить;
Я не люблю тебя: больной моей душою,
Я никого не буду здѣсь любить.
О, не кляни меня! Я обманулъ природу,
Тебя, себя, когда, въ волшебный мигъ,
Я сердце праздное и бѣдную свободу
Повергъ въ слезахъ у милыхъ ногъ твоихъ.
Я не люблю тебя, но, полюбя другую,
Я презиралъ бы горько самъ себя;
И, какъ безумный, я и плачу и тоскую
И все о томъ, что не люблю тебя...

„И скучно, и грустно“ изъ всѣхъ пьесъ Лермонтова обратила на себя особенную непріязнь стараго поколѣнія. Странные люди! имъ все кажется, что поэзія должна выдумывать, а не быть жрицею истины, тѣшить побрякушками, а не гремѣть правдою! Имъ все кажется, что люди—дѣти, которыхъ можно заговорить прибаутками или утѣшать сказочками! Они не хотятъ понять, что если кто *кое-что* знаетъ, тотъ смѣется надъ увѣреніями поэта и моралиста, зная, что они сами имъ не вѣрятъ. Такія правдивыя представленія того, что есть, кажутся нашимъ чудакамъ безнравственными. Питомцы Бульи и Жанлисъ, они думаютъ, что истина сама по себѣ не есть высочайшая нравственность... Но вотъ самое лучшее доказательство ихъ дѣтскаго заблужденія: изъ того же самаго духа поэта, изъ котораго вышли такіе безотрадные, леденящіе сердце человѣческое звуки, изъ того же самаго духа вышла и эта молитвенная, елейная мелодія надежды, примиренія и блаженства въ жизни жизнью:

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердцѣ грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,

И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души, какъ бремя, скатится,
Сомнѣнье далеко,—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

Другую сторону духа нашего поэта представляетъ его превосходное стихотвореніе „Памяти А. И. О—го": это сладостная мелодія какихъ то глубокихъ, но тихихъ думъ, чувства сильнаго, но цѣломудреннаго, замкнутаго въ самомъ себѣ... Есть въ этомъ стихотвореніи что то кроткое, задушевное, отрадно успокаивающее душу...

И какою грандіозною, гармонирующею съ тономъ цѣлаго картиною заключается это стихотвореніе:

Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи—
И мрачныхъ горъ зубчатые хребты...
И вкругъ твоей могилы неизвѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А море Черное шумитъ не умолкая...

Вотъ истинно-безконечное и въ мысли, и въ выраженіи; вотъ то, что̀ въ эстетикѣ должно разумѣть подъ именемъ высокаго (sublime)...

Не выписываемъ чудной „Молитвы", въ которой поэтъ поручаетъ Матери Божіей, „теплой заступницѣ холоднаго міра", невинную дѣву. Кто бы ни была эта дѣва—возлюбленная ли сердца, или милая сестра—не въ томъ дѣло; но сколько кроткой задушевности въ тонѣ этого стихотворенія, сколько нѣжности безъ всякой приторности: какое благоуханное, теплое, женственное чувство! Все это трогаетъ въ голубиной натурѣ человѣка; но въ духѣ мощномъ и гордомъ, въ натурѣ львиной—все это больше, чѣмъ умилительно... Изъ какихъ богатыхъ элементовъ составлена поэзія этого человѣка, какими разнообразными мотивами и звуками гремятъ и льются ея гармоніи и мелодіи! Вотъ пьеса, означенная рубрикою „*1-е января*": читая ее, мы опять входимъ въ совершенно новый міръ, хотя и застаемъ въ ней все ту же думу, то же сердце,—словомъ, ту же личность, какъ и въ прежнихъ. Поэтъ говоритъ, какъ часто, при шумѣ пестрой толпы, среди мелькающихъ вокругъ него бездушныхъ лицъ—*стянутыхъ приличьемъ масокъ*, когда холодныхъ рукъ его съ небрежною смѣлостью касаются *давно безтрепетныя* руки модныхъ красавицъ, какъ часто воскресаютъ въ немъ старинныя мечты, святые звуки погибшихъ лѣтъ...

И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
    И садъ съ разрушенной теплицей,
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
    Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
    Шумятъ подъ робкими шагами.

Только у Пушкина можно найти такія картины въ этомъ родѣ! Когда же, говоритъ онъ, шумъ людской толпы *спугнетъ мою мечту*,

О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
    Облитый горечью и злостью!..

Еслибы не всѣ стихотворенія Лермонтова были одинаково *лучшія*, то это мы назвали бы однимъ изъ лучшихъ.

„Журналистъ, Читатель и Писатель“ напоминаетъ и идеею, и формою, и художественнымъ достоинствомъ „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ Пушкина. Разговорный языкъ этой пьесы—верхъ совершенства; рѣзкость сужденій, тонкая и ѣдкая насмѣшка, оригинальность и поразительная вѣрность взглядовъ и замѣчаній —изумительны. Исповѣдь поэта, которою оканчивается пьеса, блеститъ слезами, горитъ чувствомъ. Личность поэта является въ этой исповѣди въ высшей степени благородною.

„Ребенку“—это маленькое лирическое стихотвореніе заключаетъ въ себѣ цѣлую повѣсть, высказанную намеками, но тѣмъ не менѣе понятную. О, какъ глубоко-поучительна эта повѣсть, какъ сильно потрясаетъ она душу!.. Въ ней глухія рыданія обманутой любви, стоны исходящаго кровію сердца, жестокія проклятія, а потомъ, можетъ быть, и благословеніе смиреннаго испытаніемъ сердца женщины... Какъ я люблю тебя, прекрасное дитя! Говорятъ, ты похожъ на нее, и хоть страданія измѣнили ее прежде времени, но ея образъ въ моемъ сердцѣ...

...А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ непрошенныя ласки?
Не слишкомъ часто ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла ль?
Смотри жъ, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ, иль встревожитъ...
Но ты мнѣ все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней,—скажи: тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила

Названіе, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя?—Звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если какъ-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его,—ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!

Отчего же тутъ нѣтъ раскаянія?—спросятъ моралисты. Надѣньте очки, господа, и вы увидите, что герой пьесы спрашиваетъ дитя не учила ли *она* его молиться еще за кого то, не произносила ли, блѣднѣя, теперь забытаго имъ имени?.. Онъ проситъ ребенка не проклинать этого имени, если онъ узнаетъ о немъ. Вотъ истинное торжество нравственности!

Гармонически и благоуханно высказывается дума поэта въ пьесахъ: „Когда волнуется желтѣющая нива“, „Разстались мы, но твой портретъ“ и „Отчего“,—и грустно, болѣзненно въ пьесѣ „Благодарность“. Не можемъ не остановиться на двухъ послѣднихъ. Онѣ коротки, повидимому, лишены общаго значенія и не заключаютъ въ себѣ никакой идеи; но Боже мой! какую длинную и грустную повѣсть содержитъ въ себѣ каждое изъ нихъ! какъ онѣ глубоко знаменательны, какъ полны мыслію!

Мнѣ грустно потому, что я тебя люблю,
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день, иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно... потому, что весело тебѣ.

Это—вздохъ музыки, эта мелодія грусти, это кроткое страданіе любви,—послѣдняя дань нѣжно и глубоко любимому предмету отъ растерзаннаго и смиреннаго бурею судьбы сердца!.. И какая удивительная простота въ стихѣ! Здѣсь говоритъ одно чувство, которое такъ полно, что не требуетъ поэтическихъ образовъ для своего выраженія; ему не нужно убранства, не нужно украшеній, оно говоритъ само за себя, оно вполнѣ высказалось бы и прозою...

За все, за все Тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,—
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ...

Какая мысль скрывается въ этой грустной „благодарности“, въ этомъ сарказмѣ обманутаго чувствомъ и жизнью сердца? Все хорошо: и тайныя мученія страстей, и горечь слезъ, и всѣ обманы жизни; но еще лучше, когда ихъ нѣтъ, хотя безъ нихъ и нѣтъ ничего, что проситъ душа, чѣмъ живетъ она, что нужно ей, какъ масло для лампады!..

Это утомленіе чувствомъ; сердце проситъ покоя и отдыха, хотя и не можетъ жить безъ волненія и движенія... Въ pendant къ этой пьесѣ можетъ идти новое стихотвореніе Лермонтова, *Завѣщаніе*, напечатанное въ этой книжкѣ „Отеч. Записокъ"; это похоронная пѣснь жизни и всѣмъ ея обольщеніямъ, тѣмъ болѣе ужасная, что ея голосъ не глухой и не громкій, а холодно-спокойный; выраженіе не горитъ и не сверкаетъ образами, но небрежно и прозаично... Мысль этой пьесы: и худое, и хорошее—все равно; сдѣлать лучше не въ нашей волѣ, и потому пусть идетъ себѣ, какъ оно хочетъ... Это ужъ даже и не сарказмъ, не иронія и не жалоба: не на что сердиться, не на что жаловаться,—все равно! Отца и мать жаль огорчить... Возлѣ нихъ есть сосѣдка—она не спроситъ о немъ, но нечего жалѣть пустого сердца—пусть поплачетъ: вѣдь это ей ни почемъ! Страшно!..

Два перевода изъ Байрона,—„Еврейская мелодія" и „Въ Альбомъ",—тоже выражаютъ внутренній міръ души поэта. Это боль сердца, тяжкіе вздохи груди; это надгробныя надписи на памятникахъ погибшихъ радостей...

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она,
Таилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ—теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти, яда полный.

„Вѣтка Палестины" и „Тучи" составляютъ переходъ отъ субъективныхъ стихотвореній нашего поэта къ чисто художественнымъ. Въ обѣихъ пьесахъ видна еще личность поэта, но въ то же время виденъ уже и выходъ его изъ внутренняго міра своей души въ созерцаніе „полнаго славы творенья". Первая изъ нихъ дышитъ благодатнымъ спокойствіемъ сердца, теплотою молитвы, кроткимъ вѣяніемъ святыни. О самой этой пьесѣ можно сказать то же, что говорится въ ней о *вѣткѣ Палестины*:

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой,
Стоишь ты, вѣтвь Іерусалима,
Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой...

Вторая пьеса „Тучи" полна какого то отраднаго чувства выздоровленія и надежды и плѣняетъ роскошью поэтическихъ образовъ, какимъ то избыткомъ умиленнаго чувства.

„Русалкою" начнемъ мы рядъ чисто художественныхъ стихо-

твореній Лермонтова, въ которыхъ личность поэта исчезаетъ за роскошными видѣніями явленій жизни. Эта пьеса покрыта фантастическимъ колоритомъ, и по роскоши картинъ, богатству поэтическихъ образовъ, художественности отдѣлки, составляетъ собою одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ русской поэзіи. „Три Пальмы" дышатъ знойною природою востока, переносятъ насъ на песчаныя пустыни Аравіи, на ея цвѣтущіе оазисы. Мысль поэта ярко выдается,—и онъ поступилъ съ нею, какъ истинный поэтъ, не заключивъ своей пьесы нравственною сентенціею. Самая эта мысль могла быть опоэтизирована только своимъ восточнымъ колоритомъ и оправдана названіемъ „Восточное сказаніе"; иначе она была бы дѣтскою мыслью. Пластицизмъ и рельефность образовъ, выпуклость формъ и яркій блескъ восточныхъ красокъ сливаютъ, въ этой пьесѣ, поэзію съ живописью; это картина Брюллова, смотря на которую, хочешь еще осязать ее.

„Дары Терека" есть поэтическая апоѳеоза Кавказа. Только роскошная, живая фантазія грековъ умѣла такъ олицетворять природу, давать образъ и личность ея нѣмымъ и разбросаннымъ явленіямъ. Нѣтъ возможности выписывать стиховъ изъ этой дивно художественной пьесы, этого роскошнаго видѣнія богатой, радужной, исполинской фантазіи; иначе пришлось бы переписать все стихотвореніе. Терекъ и Каспій олицетворяютъ собою Кавказъ, какъ самыя характеристическія его явленія. Терекъ сулитъ Каспію дорогой подарокъ; но сладострастно-лѣнивый сибаритъ моря, покоясь въ мягкихъ берегахъ, не внемлетъ ему, не обольщаясь ни стадомъ валуновъ, ни трупомъ удалого кабардинца; но когда Терекъ сулитъ ему сокровенный даръ,—безцѣннѣе всѣхъ даровъ вселенной, и когда

...Надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой,
Колыхаяся, всплыла,—
И старикъ во блескѣ власти
Всталъ могучій, какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза.
Онъ взыгралъ, веселья полный,
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви...

Мы не назовемъ Лермонтова ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ; но не думаемъ сдѣлать ему гиперболической похвалы, сказавъ, что *такія* стихотворенія, какъ „Русалка", „Три Пальмы" и „Дары Терека", можно находить только у такихъ поэтовъ, какъ Байронъ, Гёте и Пушкинъ...

Не менѣе превосходна „Казачья колыбельная пѣсня". Ея идея—мать: но поэтъ умѣлъ дать индивидуальное значеніе этой общей идеѣ: его мать—казачка, и потому содержаніе ея колыбельной пѣсни

выражаетъ собою особенности и оттѣнки казачьяго быта. Это стихотвореніе есть художественная апоѳеоза матери: все, что̀ есть святого, беззавѣтнаго въ любви матери, весь трепетъ, вся нѣга, вся страсть, вся безконечность кроткой нѣжности, безграничность безкорыстной преданности, какою дышитъ любовь матери,—все это воспроизведено поэтомъ во всей полнотѣ. Гдѣ, откуда взялъ поэтъ эти простодушныя слова, эту умилительную нѣжность тона, эти кроткіе и задушевные звуки, эту женственность и прелесть выраженія? Онъ видѣлъ Кавказъ,—и намъ понятна вѣрность его картинъ Кавказа; онъ не видалъ Аравіи и ничего, что могло бы дать ему понятіе объ этой сторонѣ палящаго солнца, песчаныхъ степей, зеленыхъ пальмъ и прохладныхъ источниковъ, но онъ читалъ ихъ описанія: какъ же онъ такъ глубоко могъ проникнуть въ тайны женскаго и материнскаго чувства?

„Воздушный Корабль“ не есть собственно переводъ изъ Зейдлица: Лермонтовъ взялъ у нѣмецкаго поэта только идею, но обработалъ ее по-своему. Эта пьеса, по своей художественности, достойна великой тѣни, которой колоссальный обликъ такъ грандіозно представленъ въ ней.—Какое тихое, успокоительное чувство ночи послѣ знойнаго дня вѣетъ въ этой маленькой пьесѣ Гёте, такъ граціозно переданной нашимъ поэтомъ:

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Недавно кто то, резонерствуя въ газетной статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова, назвалъ его „Пѣсню про царя Ивана Васильевича удалаго опричника и молодого купца Калашникова“ произведеніемъ дѣтскимъ, а „Мцыри“—произведеніемъ зрѣлымъ; глубокомысленный критиканъ, разсчитывая по пальцамъ время появленія той и другой поэмы, очень остроумно сообразилъ, что авторъ былъ тремя годами старше, когда написалъ „Мцыри“, и изъ этого казуса весьма основательно вывелъ заключеніе: ergo „Мцыри“ зрѣлѣе. Это очень понятно: у кого нѣтъ эстетическаго чувства, ко̀му не говоритъ само за себя поэтическое произведеніе, тому остается гадать о немъ по пальцамъ или соображаться съ метрическими книгами...

Несмотря на незрѣлость идеи и нѣкоторую натянутость въ содержаніи „Мцыри“, подробности и изложеніе этой поэмы изумляютъ своимъ исполненіемъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что поэтъ бралъ цвѣты у радуги, лучи у солнца, блескъ у молніи, грохотъ у громовъ, гулъ у вѣтровъ,—что вся природа сама несла и подавала ему матеріалы, когда писалъ онъ эту поэму... Кажется, будто поэтъ до того былъ отягощенъ обременительною полнотою внутренняго

чувства, жизни и поэтическихъ образовъ, что готовъ былъ воспользоваться первою мелькнувшею мыслью, чтобъ только освободиться отъ нихъ, —и они хлынули изъ души его, какъ горящая лава изъ огнедышащей горы, какъ море дождя и тучи, мгновенно объявшей собою распаленный горизонтъ, какъ внезапно прорвавшійся яростный потокъ, поглощающій окрестность на далекое разстояніе своими сокрушительными волнами... Этотъ четырехстопный ямбъ съ одними мужескими окончаніями, какъ въ „Шильонскомъ узникѣ", звучитъ и отрывисто падаетъ, какъ ударъ меча, поражающаго свою жертву. Упругость, энергія и звучное, однообразное паденіе его удивительно гармонируютъ съ сосредоточеннымъ чувствомъ, несокрушимою силою могучей натуры и трагическимъ положеніемъ героя поэмы. А между тѣмъ, какое разнообразіе картинъ, образовъ и чувствъ! тутъ и бури духа, и умиленіе сердца, и вопли отчаянія, и тихія жалобы, и гордое ожесточеніе, и кроткая грусть, и мраки ночи, и торжественное величіе утра, и блескъ полудня, и таинственное обаяніе вечера!.. Многія положенія изумляютъ своею вѣрностію: таково мѣсто, гдѣ мцыри описываетъ свое замираніе подлѣ монастыря, когда грудь его пылала предсмертнымъ огнемъ, когда надъ усталою головою уже вѣяли успокоительные сны смерти и носились ея фантастическія видѣнія. Картины природы обличаютъ кисть великаго мастера; онѣ дышатъ грандіозностью и роскошнымъ блескомъ фантастическаго Кавказа. Кавказъ взялъ полную дань съ музы нашего поэта... Странное дѣло! Кавказу какъ будто суждено быть колыбелью нашихъ поэтическихъ талантовъ, вдохновителемъ и пѣстуномъ ихъ музы, поэтическою ихъ родиною! Пушкинъ посвятилъ Кавказу одну изъ первыхъ своихъ поэмъ—„Кавказскаго плѣнника", и одна изъ послѣднихъ его поэмъ—„Галубъ"—тоже посвящена Кавказу; нѣсколько превосходныхъ лирическихъ стихотвореній его также относятся къ Кавказу. Грибоѣдовъ создалъ на Кавказѣ свое „Горе отъ ума": дикая и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзія ея сыновъ вдохновили его оскорбленное человѣческое чувство на изображеніе апатическаго, ничтожнаго круга Фамусовыхъ, Скалозубовъ, Загорѣцкихъ, Хлестовыхъ, Тугоуховскихъ, Репетиловыхъ, Молчалиныхъ — этихъ карикатуръ на природу человѣческую... И вотъ является новый великій талантъ—и Кавказъ дѣлается его поэтическою родиною, пламенно-любимою имъ; на недоступныхъ вершинахъ Кавказа, вѣнчанныхъ вѣчнымъ снѣгомъ, находитъ онъ свой Парнасъ; въ его свирѣпомъ Терекѣ, въ его горныхъ потокахъ, въ его цѣлебныхъ источникахъ находитъ онъ свой Кастальскій ключъ, свою Ипокрену... Какъ жаль, что не напечатана другая поэма Лермонтова, дѣйствіе которой совершается тоже на Кавказѣ, и которая въ рукописи ходитъ въ публикѣ, какъ нѣкогда ходило „Горе отъ ума": мы говоримъ о „Демонѣ". Мысль этой поэмы глубже и несравненно-зрѣлѣе, чѣмъ мысль „Мцыри", и хотя исполненіе ея отзывается нѣкоторою незрѣлостью, но роскошь картинъ,

богатство поэтическаго одушевленія, превосходные стихи, высокость мыслей, обаятельная прелесть образовъ, ставятъ ее несравненно выше „Мцыри“ и превосходятъ все, что можно сказать въ ея похвалу. Это не художественное созданіе въ строгомъ смыслѣ искусства, но оно обнаруживаетъ всю мощь таланта поэта и обѣщаетъ въ будущемъ великія художественныя созданія.

Говоря вообще о поэзіи Лермонтова. мы должны замѣтить въ ней одинъ недостатокъ: это иногда неясность образовъ и неточность въ выраженіи. Такъ, напр., въ „Дарахъ Терека“, гдѣ *сердитый потокъ* описываетъ Каспію красоту убитой казачки, очень неопредѣленно намекнуто и на причину ея смерти, и на ея отношенія къ гребенскому казаку:

По красоткѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ по всей станицѣ
Казачина гребенской.
Осѣдлалъ онъ вороного,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злого
Сложитъ голову свою.

Здѣсь на догадку читателя оставляется три случая, равно возможные: или что чеченецъ убилъ казачку, а казакъ обрекъ себя мщенію за смерть своей любезной, или что самъ казакъ убилъ ее изъ ревности и ищетъ себѣ смерти, или что онъ еще не знаетъ о погибели своей возлюбленной, и потому не тужитъ о ней, готовясь въ бой. Такая неопредѣленность вредитъ художественности, которая именно въ томъ и состоитъ, что говоритъ образами опредѣленными, выпуклыми, рельефными, вполнѣ выражающими заключенную въ нихъ мысль. Можно найти въ книжкѣ Лермонтова пять-шесть неточныхъ выраженій, подобныхъ тому, которыми оканчивается его превосходная пьеса „Поэтъ“:

Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ?
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

Ржавчина презрѣнья—выраженіе неточное и слишкомъ сбивающееся на аллегорію. Каждое слово въ поэтическомъ произведеніи должно до того исчерпывать все значеніе требуемаго мыслію цѣлаго произведенія, чтобъ видно было, что нѣтъ въ языкѣ другого слова, которое тутъ могло бы замѣнить его. Пушкинъ и въ этомъ отношеніи величайшій образецъ: во всѣхъ томахъ его произведеній едва ли можно найти хоть одно сколько-нибудь неточное или изысканное выраженіе, даже слово... Но мы говоримъ не больше, какъ о пяти или шести пятнышкахъ въ книгѣ Лермонтова: все остальное въ ней удивляетъ силою и тонкостью художественнаго такта, полновластнымъ обладаніемъ совершенно покореннаго языка, истинно-Пушкинскою точностью выраженія.

Бросая общій взглядъ на стихотворенія Лермонтова, мы видимъ въ нихъ всѣ силы, всѣ элементы, изъ которыхъ слагается жизнь и поэзія. Въ этой глубокой натурѣ, въ этомъ мощномъ духѣ все живетъ; имъ все доступно, все понятно; они на все откликаются. Онъ всевластный обладатель царства явленій жизни, онъ воспроизводитъ ихъ, какъ истинный художникъ; онъ поэтъ русскій въ душѣ -въ немъ живетъ прошедшее и настоящее русской жизни; онъ глубоко знакомъ и съ внутреннимъ міромъ души. Несокрушимая сила и мощь духа, смиреніе жалобъ, елейное благоуханіе молитвы, пламенное, бурное одушевленіе, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордаго страданія, стоны отчаянія, таинственная нѣжность чувства, неукротимые порывы дерзкихъ желаній, цѣломудренная чистота, недуги современнаго общества, картины міровой жизни, хмельныя обаянія жизни, укоры совѣсти, умилительное раскаяніе, рыданія страсти и тихія слезы, какъ звукъ за звукомъ, льющіяся въ полнотѣ умиреннаго бурею жизни сердца, упоенія любви, трепетъ разлуки, радость свиданія, чувство матери, презрѣніе къ прозѣ жизни, безумная жажда восторговъ, полнота упивающагося роскошью бытія духа, пламенная вѣра, мука душевной пустоты, стонъ отвращающагося самого себя чувства замершей жизни, ядъ отрицанія, холодъ сомнѣнія, борьба полноты чувства съ разрушающею силою рефлексіи, падшій духъ неба, гордый демонъ и невинный младенецъ, буйная вакханка и чистая дѣва,—все, все въ поэзіи Лермонтова: и небо, и земля, и рай, и адъ... По глубинѣ мысли, роскоши поэтическихъ образовъ, увлекательной, неотразимой силѣ поэтическаго обаянія, полнотѣ жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненнымъ фонтаномъ, его созданія напоминаютъ собою созданія великихъ поэтовъ. Его поприще еще только начато, и уже какъ много имъ сдѣлано, какое неистощимое богатство элементовъ обнаружено имъ: чего же должно ожидать отъ него въ будущемъ?.. Пока еще не назовемъ мы его ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ и не скажемъ, чтобъ изъ него со-временемъ вышелъ Байронъ, Гёте или Пушкинъ, ибо мы убѣждены, что изъ него выйдетъ ни тотъ, ни другой, ни третій, а выйдетъ—*Лермонтовъ*... Знаемъ, что наши похвалы покажутся большинству публики преувеличенными; но мы уже обрекли себя тяжелой роли говорить рѣзко и опредѣленно то, чему сначала никто не вѣритъ, но въ чемъ скоро всѣ убѣждаются, забывая того, кто первый выговорилъ сознаніе общества и на кого оно за это смотрѣло съ насмѣшкою и неудовольствіемъ...

И мы видимъ уже начало истиннаго *(не шуточнаго)* примиренія всѣхъ вкусовъ и всѣхъ литературныхъ партій надъ сочиненіями Лермонтова, и уже недалеко то время, когда имя его въ литературѣ сдѣлается народнымъ именемъ, и гармоническіе звуки его поэзіи будутъ слышимы въ повседневномъ разговорѣ толпы, между толками ея о житейскихъ заботахъ.

1841 г.

2.

Н. В. Гоголь.

Въ чемъ существо русской поэзіи [1]).

Со смертью Пушкина остановилось движеніе поэзіи нашей впередъ. Это, однако же, не значитъ, чтобы духъ ея угаснулъ; напротивъ, онъ, какъ гроза, невидимо накопляется вдали; самая сухость и духота въ воздухѣ возвѣщаютъ его приближеніе. Уже явились и теперь люди не безъ талантовъ. Но еще все находится подъ сильнымъ вліяніемъ гармоническихъ звуковъ Пушкина; еще никто не можетъ вырваться изъ этого заколдованнаго, имъ очертаннаго круга и показать собственныя силы. Еще даже не слышитъ никто, что вокругъ него настало другое время, образовались стихіи новой жизни и раздаются вопросы, которые дотолѣ не раздавались; а потому ни въ комъ изъ нихъ еще нѣтъ самоцвѣтности.

Ихъ даже не слѣдуетъ называть по именамъ, кромѣ одного Лермонтова, который себя выставилъ впередъ больше другихъ, и котораго уже нѣтъ на свѣтѣ. Въ немъ слышатся признаки таланта первостепеннаго; поприще великое могло ожидать его, еслибы не какая то несчастная звѣзда, которой управленіе захотѣлось ему надъ собой признать. Попавши съ самаго начала въ кругъ того общества, которое справедливо можно было назвать временнымъ и переходнымъ, которое, какъ бѣдное растеніе, сорвавшееся съ родной почвы, осуждено было безрадостно носиться по степямъ, слыша само, что не прирасти ему ни къ какой другой почвѣ, и его жребій—завянуть и пропасть,—онъ уже съ раннихъ поръ сталъ выражать то раздирающее сердце равнодушіе ко всему, которое не слышалось еще ни у одного изъ нашихъ поэтовъ. Безрадостныя встрѣчи, безпечальныя разставанія, странныя безмысленныя любовныя узы, неизвѣстно зачѣмъ заключаемыя и неизвѣстно зачѣмъ разрываемыя, стали предметомъ стиховъ его и подали случай Жуковскому весьма вѣрно опредѣлить существо этой поэзіи словомъ „безочарованіе“. Съ помощью таланта Лермонтова оно сдѣлалось было на время моднымъ. Какъ нѣкогда съ легкой руки Шиллера пронеслось было по всему свѣту очарованіе и стало моднымъ, какъ потомъ съ тяжелой руки Байрона пошло въ ходъ разочарованіе, порожденное, можетъ быть, излишнимъ очарованіемъ, и стало также на время моднымъ, такъ, наконецъ, пришла очередь и безочарованію, родному дѣтищу Байроновскаго разочарованія. Существованіе его, разумѣется, было кратковременнѣе всѣхъ прочихъ, потому что въ безочарованіи ровно нѣтъ никакой приманки ни для кого.

---

[1]) Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.

Признавши надъ собою власть какого то обольстительнаго демона, поэтъ покушался не разъ изобразить его образъ, какъ бы желая стихами отъ него отдѣлаться. Образъ этотъ не вызначенъ опредѣлительно, даже не получилъ того обольстительнаго могущества надъ человѣкомъ, которое онъ хотѣлъ ему придать. Видно, что выросъ онъ не отъ собственной силы, но отъ усталости и лѣни человѣка сражаться съ нимъ. Въ неоконченномъ его стихотворенiи, названномъ „Сказка для дѣтей", образъ этотъ получаетъ больше

Н. В. Гоголь.

опредѣлительности и больше смысла. Можетъ быть, съ окончанiемъ этой повѣсти, которое есть его лучшее стихотворенiе, отдѣлался бы онъ отъ самого духа и вмѣстѣ съ нимъ и отъ безотраднаго своего состоянiя (примѣты тому уже сiяютъ въ стихотворенiяхъ „Ангелъ", „Молитва" и нѣкоторыхъ другихъ), еслибы только сохранилось въ немъ самомъ побольше уваженiя и любви къ своему таланту. Но никто еще не игралъ такъ легкомысленно съ своимъ талантомъ и такъ не старался показать къ нему какое то даже хвастливое предрѣшенiе, какъ Лермонтовъ. Незамѣтно въ немъ никакой любви

къ дѣтямъ своего же воображенія. Ни одно стихотвореніе не выносилось въ немъ, не возлелѣялось чадолюбиво и заботливо, не устоялось и не сосредоточилось въ себѣ самомъ; самый стихъ не получилъ еще своей собственной твердой личности и блѣдно напоминаетъ то стихъ Жуковскаго, то Пушкина; повсюду—излишество и многорѣчіе. Въ его сочиненіяхъ прозаическихъ гораздо больше достоинства.

Никто еще не писалъ у насъ такою правильною, прекрасною и благоуханною прозою. Тутъ видно больше углубленія въ дѣйствительность жизни—готовился будущій великій живописецъ русскаго быта... Но внезапная смерть вдругъ его отъ насъ унесла. Слышно страшное въ судьбѣ нашихъ поэтовъ. Какъ только кто-нибудь изъ нихъ, упустивъ изъ виду свое главное поприще и назначеніе, бросался на другое или же опускался въ тотъ омутъ свѣтскихъ отношеній, гдѣ не слѣдуетъ ему быть и гдѣ нѣтъ мѣста для поэта, внезапная смерть вырывала его вдругъ изъ нашей среды. Три первостепенныхъ поэта: Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, одинъ за другимъ, въ виду всѣхъ были похищены насильственною смертью, въ теченіе одного десятилѣтія, въ порѣ самаго цвѣтущаго мужества, въ полномъ развитіи силъ своихъ—и никого это не поразило: даже не содрогнулось вѣтреное племя!

3.

Аполлонъ Григорьевъ.

Русская литература въ 1851 г. и Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина [1]).

Многимъ можетъ показаться страннымъ, конечно, что мы признаемъ Гоголя исходною историческою точкою. Что же оставите вы Лермонтову?—спросятъ насъ, безъ сомнѣнія,—Лермонтову, котораго вліяніе отяготѣло такъ видимо надъ многими изъ нашихъ современныхъ писателей? Ужели вы вычеркнете его вовсе изъ современнаго прогресса; ужели вы такъ слѣпы, чтобы не видать, что и онъ также съ своей стороны отразилъ въ немъ весьма значительную часть васъ самихъ, вашихъ вѣрованій или вашего скептицизма, вашихъ убѣжденій или вашего разубѣжденія? Ужели глухи вы на звуки тѣхъ струнъ, которыхъ коснулся великій, рано похищенный судьбою поэтъ? Ужели чужды вамъ тѣ стоны, болѣзненные и раздирающіе, которые

---

1) Соч., т. I.

такъ могущественно отозвались на этой желѣзнострунной лирѣ? Нѣтъ, скажемъ мы въ отвѣтъ, не глухи мы на эти стоны безвыходной скорби и страданія. Мы также въ свою очередь поддавались ихъ обаянію, обаянію того демона, который, „какъ царь нѣмой и гордый“, сіялъ

Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно—и душа тоскою
Сжималася...

Но вѣдь этотъ демонъ былъ, по признанію самого поэта, „странный бредъ“, отъ котораго самъ онъ отдѣлался стихами, отъ котораго мы отдѣлались стихами поэта; но вѣдь этотъ Печоринъ, который развился подъ вліяніемъ обстоятельствъ, чуждыхъ настоящему русскому быту, этотъ Печоринъ, прямое наслѣдіе Ренэ, Оберманна и т. д.,—онъ уже для насъ въ настоящую минуту миражъ, призракъ, потерявшій даже свою грандіозность въ особѣ Тамарина; но вѣдь вся эта исторія любви безъ радостей и разлукъ, безъ печалей въ короткое время стала неимовѣрно смѣшна, потеряла всякій кредитъ, перестала дѣйствовать обаятельно даже на женщинъ;—но вѣдь этотъ фатализмъ, дешево купленный, обличилъ самъ себя; но, наконецъ, самое это направленіе истощилось окончательно въ романѣ „Кто виноватъ?“, перешло въ леденящій сердце и довольно ограниченный прозаизмъ въ „Обыкновенной исторіи“, и послѣднія проявленія его въ повѣстяхъ гг. Авдѣева, Дружинина и иныхъ суть только предсмертныя судороги.

Мы говоримъ здѣсь о дарованіи Лермонтова не какъ о великой возможности (потенціи), говоримъ не о лирическомъ поэтѣ, владѣвшемъ, въ особенности въ послѣднихъ стихотвореніяхъ, мѣднымъ литымъ стихомъ, не о писателѣ, лучше и проще котораго не писалъ по-русски никто послѣ Пушкина,—мы смотримъ съ исторической точки зрѣнія, смотримъ на *дѣло* Лермонтова, взвѣшиваемъ то слово, которое завѣщалъ онъ міру, и, къ сожалѣнію, должны сознаться, что слово это далеко не такъ вѣско, какимъ оно казалось лѣтъ за нѣсколько назадъ, что дѣло это, если станешь судить его, какъ всяческое человѣческое дѣло, по послѣдствіямъ, далеко не такъ значительно.

По крайней мѣрѣ, нельзя не видать, что значеніе этого дѣла чисто отрицательное. Для того, чтобы быть подъ вліяніемъ поэта, надобно *вѣрить* въ его моральныя убѣжденія, надобно дѣлить съ нимъ его восторги и страданія, а позвольте спросить, кто въ настоящее время вѣритъ въ искренность Печорина, кто вѣритъ, что *хорошо*, въ высшемъ моральномъ смыслѣ, „высосать апельсинъ и бросить его“; кто вѣритъ въ величіе улыбки Печорина при смерти Бэлы, въ законность его обхожденія съ Максимомъ Максимовичемъ, кто способенъ сознаться въ раздѣлѣ этихъ мелочныхъ страданій весьма мелочного эгоизма? Надобно быть послѣдовательными, милостивые государи, надобно, вмѣстѣ съ исторіей, сознаться, что „ге-

рой того времени“ умеръ и не воскреснетъ болѣе, что демонъ, который мучилъ поэта, не тотъ, который мучитъ насъ, что то поколѣніе, которое поразилъ Лермонтовъ проклятіемъ, поколѣніе, котораго

Грядущее иль пусто иль темно,

которое безвременно состарѣлось подъ бременемъ страданья и сомнѣнья, не то, которое живетъ теперь...

Оно не то, за это ручаются его свѣжія силы, и къ нему скорѣе относится лебединый привѣтъ великаго поистинѣ представителя русской натуры, также рано погибшаго, но рано не для безсмертной славы своей, а для будущаго литературы:

Здравствуй, племя
Молодое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго...

Трогательный величавый, вполнѣ человѣческій привѣтъ любви, вѣры и надежды!...

Въ Лермонтовѣ—двѣ стороны. Эти двѣ стороны: Арбенинъ (я беру нарочно самую рѣзкую сторону типа) и Печоринъ. Арбенинъ (или все равно: мцыри, Арсеній и т. д.), это—необузданная страстность, рвущаяся на широкій просторъ, почти что безумная сила, воспитавшаяся въ дикихъ понятіяхъ (припомните воспитаніе Арбенина или Арбеньева, какъ названо это лицо въ извѣстномъ Лермонтовскомъ отрывкѣ), вопіющая противъ всякихъ общественныхъ понятій и исполненная къ нимъ ненависти или презрѣнія, сила, отчасти звѣрская, и которая сама въ лицѣ мцыри радуется братству съ барсами и волками. Пояснить возможность такого настроенія души поэта не можетъ, кажется мнѣ, одно вліяніе музы Байрона. Положимъ, что Лара, Манфредъ обаяніемъ своей поэзіи, такъ сказать, подкрѣпили, оправдали тревожныя требованія души поэта, но самые элементы такого настройства могли зародиться только или подъ гнетомъ обстановки, сдавливающей страстные порывы мцыри и Арсенія, или на дикомъ просторѣ разгула и неистоваго произвола страстей, на которомъ взросли впечатлѣнія Арбенина.

Представьте же подобнаго рода, подъ гнетомъ ли, на просторѣ ли, развившіяся стремленія—въ столкновеніи съ общежитіемъ, и притомъ съ условнѣйшею изъ условныхъ сферъ его, съ сферою свѣтскою! Если эти стремленія точно то, за что они выдаютъ себя, или, лучше сказать, чѣмъ они сами себѣ кажутся, то они суть совсѣмъ противообщественныя стремленія, не только что противообщественныя въ смыслѣ условномъ; и паденіе или казнь ждутъ ихъ неминуемо. Мрачныя зловѣщія предчувствія такого страшнаго

исхода отражаются во многихъ изъ лирическихъ стихотвореній поэта и особенно ясно въ стихотвореніи: „Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою“. Если же въ этихъ стремленіяхъ есть извѣстная натяжка, извѣстная напряженность, выросшія опять-таки подъ гнетомъ или на дикомъ просторѣ, среди своевольныхъ беззаконій обстановки, то первое, что закрадется въ душу человѣка, тревожимаго ими или встрѣтившаго отпоръ имъ въ общежитіи, будетъ, конечно, сомнѣніе, но еще не истинно разумное сомнѣніе въ законности произвола личности, а только сомнѣніе въ силѣ личности, въ средствахъ ея.

Вглядитесь внимательнѣе въ эту нелѣпую, съ дѣтской небрежностью набросанную, хаотическую драму „Маскарадъ“, и слѣдъ такого сомнѣнія увидите вы въ лицѣ князя Звѣздича, котораго одна изъ героинь опредѣляетъ такъ:

Безнравственный, безбожный,
Себялюбивый, злой,—но слабый человѣкъ!

Въ созданіи Звѣздича выразилась минута первой схватки разрушительной личности съ условнѣйшею изъ сферъ общежитія, схватки, которая кончилась не къ чести дикихъ требованій и необъятнаго самолюбія. Слѣды этой же первой эпохи, породившей разувѣреніе въ собственныхъ силахъ, отпечатлѣлись во множествѣ стихотвореній, изъ которыхъ одно замѣчательно наиболѣе по строфѣ, опредѣляющей вполнѣ минуту подобнаго душевнаго настройства:

Любить? но кого же? на время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно!
Въ себя ли заглянешь,—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда,
И радость, и горе, и все тамъ ничтожно!

И много неудавшихся Арбениныхъ, оказавшихся при столкновеніи съ свѣтскою сферою жизни Соллогубовскими Леониными,—отозвались на эти строки горькаго, тяжелаго разубѣжденія; одни только Звѣздичи остались собою совершенно довольны.

Между тѣмъ лицо Звѣздича и нѣсколькихъ подобныхъ стихотвореній—это тотъ пунктъ, съ котораго въ натурѣ нравственной, т.-е. крѣпкой и цѣльной, должно начаться правильное, т.-е. *комическое*, и притомъ безпощадно комическое, отношеніе къ дикому произволу личности, оказывающемуся несостоятельнымъ. Но гордость рѣдко можетъ допустить такой поворотъ.

Въ стремленіи къ идеалу, или на пути духовнаго совершенствованія, всякаго стремящагося ожидаютъ два подводныхъ камня: отчаяніе отъ сознанія своего собственнаго несовершенства, изъ котораго есть еще выходъ, и неправильное отношеніе къ своему несовершенству, которое почти совершенно безвыходно. Что человѣку непріятно и тяжело сознавать свои слабыя стороны, это, конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; задача здѣсь преимущественно въ томъ, чтобы къ этимъ слабымъ сторонамъ своимъ отнестись съ

полною, безпощадною справедливостью. Самое обыкновенное искушеніе въ этомъ случаѣ уменьшить въ собственныхъ глазахъ свои недостатки. Но есть искушеніе несравненно болѣе тонкое и опасное, именно: преувеличить свои слабости до той степени, на которой онѣ получаютъ извѣстную значимость и, пожалуй даже—по извращеннымъ понятіямъ современнаго человѣка—величавость и обаятельность зла. Мысль эта станетъ совершенно понятна, если я напомню обаятельную атмосферу, которая разлита вокругъ образовъ, не говорю уже: Манфреда, Лары, Гяура, но Печорина и Ловласа—психологическій фактъ, весьма нерѣдкій съ тѣхъ поръ, какъ

Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы...

Возьмите какую угодно страсть и доведите ее въ вашемъ представленіи до извѣстной степени энергіи, поставьте ее въ борьбу съ окружающею ее обстановкою—ваше трагическое воззрѣніе закроетъ отъ васъ всѣ мелкія пружины ея дѣятельности. Эгоизму современнаго человѣка несравненно легче помириться въ себѣ съ крупнымъ преступленіемъ, чѣмъ съ мелкой и пошлой подлостью; .гораздо пріятнѣе вообразить себя Ловласомъ, чѣмъ Гоголевскимъ Собачкинымъ, скупымъ рыцаремъ, чѣмъ Плюшкинымъ, Печоринымъ, чѣмъ Меричемъ; даже, уже если на то пошло, Грушницкимъ, чѣмъ Милашинымъ Островскаго, потому что Грушницкій хоть умираетъ эффектно! Сколько лягушекъ надуваются по этому случаю въ воловъ, въ насъ самихъ и вокругъ насъ! Сколько людей *желаютъ* показаться себѣ и другимъ *преступными*, когда они сдѣлали только *пошлость*; сколько гаденькихъ чувственныхъ поползновеній стремятся принять въ насъ размѣры колоссальныхъ страстей! Хлестаковъ, даже Хлестаковъ, и тотъ зоветъ городничиху „удалиться подъ сѣнь струй“; Меричъ въ „Бѣдной невѣстѣ“ самодовольно проситъ Марью Андреевну простить его, что онъ „возмутилъ миръ ея невинной души“. Тамаринъ радъ радехонекъ, что его зовутъ демономъ.

Такимъ образомъ, даже и по наступленіи той минуты, съ которой въ натурѣ нравственной должно начаться правильное, т.-е. комическое, отношеніе къ собственной мелочности и слабости, гордость, вмѣсто прямого поворота, предлагаетъ намъ изворотъ. Изворотъ же заключается въ томъ, чтобы поставить на ходули безсильную страстность души, признать ея требованія все-таки правыми; переживши минуты презрѣнія къ самому себѣ и къ своей личности, сохранить однако вражду и презрѣніе къ дѣйствительности. Посредствомъ такого изворота лицо Звѣздича, въ процессѣ Лермонтовскаго развитія, переходитъ въ типъ Печорина. Въ сущности что такое Печоринъ? Смѣсь Арбенинскихъ беззаконій съ свѣтскою холодностью и безсовѣстностью Звѣздича, котораго всѣ неблестящія и невыгодныя стороны пошли въ созданіе Грушницкаго, существующаго въ романѣ исключительно для того, чтобы Печоринъ, глядя на

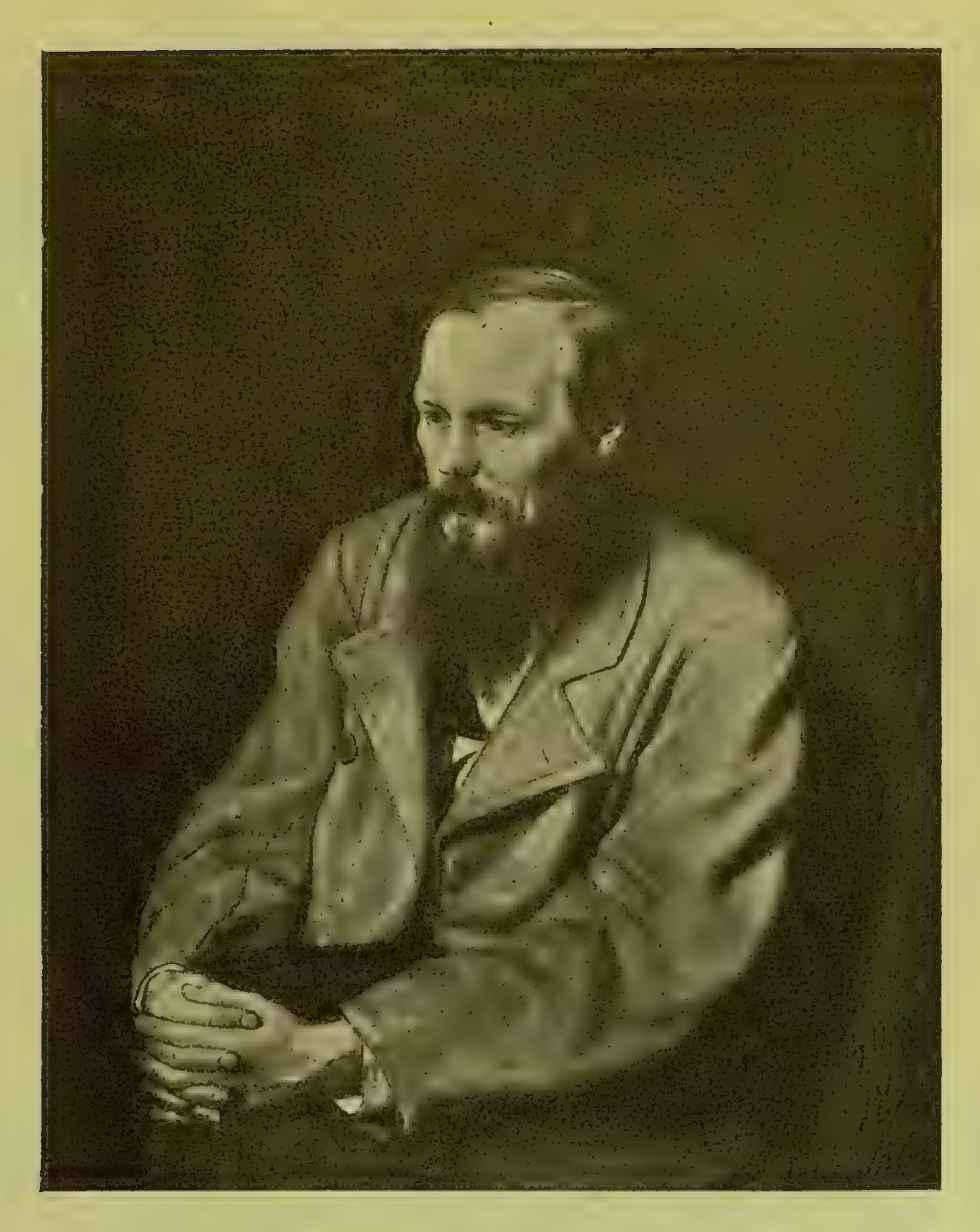
него, какъ можно болѣе любовался собою, и чтобы другіе, глядя на Грушницкаго, болѣе любовались Печоринымъ. Что такое Печоринъ?—существо совершенно двойственное, человѣкъ, смотрящійся въ зеркало передъ дуэлью съ Грушницкимъ и рыдающій, почти грызущій землю, какъ звѣренокъ мцыри, послѣ тщетной погони за Вѣрою. Что такое Печоринъ?—Поставленное на ходули безсиліе личнаго произвола! Арбенинъ съ своими необузданно самолюбивыми требованіями *провалился* въ такъ называемомъ свѣтѣ: онъ явился снова въ костюмѣ Печорина, искушенный сомнѣніемъ въ самомъ себѣ, болѣе уже хитрый, чѣмъ заносчивый,—и такъ называемый свѣтъ ему поклонился...

4.

Ѳ. М. Достоевскій.

Изъ „Дневника писателя" (1877 г.).

Лермонтовъ, конечно, былъ байронистъ, но по великой своеобразной поэтической силѣ своей и байронистъ то особенный,—какой то насмѣшливый, капризный и брюзгливый, вѣчно невѣрующій даже въ собственное свое вдохновеніе, въ свой собственный байронизмъ. Но еслибъ онъ пересталъ возиться съ больною личностью русскаго интеллигентнаго человѣка, мучимаго своимъ европеизмомъ, то навѣрно бы кончилъ тѣмъ, что отыскалъ исходъ, какъ и Пушкинъ, въ преклоненіи передъ народной правдой, и на то есть большія и точныя указанія. Но смерть опять и тутъ помѣшала. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ стихахъ своихъ онъ мраченъ, капризенъ, хочетъ говорить правду, но чаще лжетъ, и самъ знаетъ объ этомъ и мучается тѣмъ, что лжетъ, но чуть лишь онъ коснется народа, тутъ онъ свѣтелъ и ясенъ. Онъ любитъ русскаго солдата, казака, онъ чтитъ народъ. И вотъ онъ разъ пишетъ безсмертную пѣсню о томъ, какъ молодой купецъ Калашниковъ, убивъ за безчестье свое государева опричника Кирибѣевича и призванный царемъ Иваномъ предъ грозныя его очи, отвѣчаетъ ему: что убилъ онъ государева слугу Кирибѣевича „вольной волею, а не нехотя". Помните ли вы, господа, „раба Шибанова"? Рабъ Шибановъ былъ рабъ князя Курбскаго, русскаго эмигранта 16-го столѣтія, писавшаго все къ тому же царю Ивану свои оппозиціонныя и почти ругательныя письма изъ-за границы, гдѣ онъ безопасно пріютился. Написавъ одно письмо, онъ призвалъ раба своего Шибанова и велѣлъ ему письмо снести въ Москву и отдать царю лично. Такъ и сдѣлалъ рабъ Шибановъ. На Кремлевской площади онъ остановилъ выходившаго изъ собора царя, окруженнаго своими приспѣшниками, и подалъ ему посланіе

Ѳ. М. Достоевскій.

своего господина, князя Курбскаго. Царь поднялъ жезлъ свой съ острымъ наконечникомъ, съ размаху вонзилъ его въ ногу Шибанова, оперся на жезлъ и сталъ читать посланіе. Шибановъ съ проколотой ногой не шевельнулся. А царь, когда сталъ потомъ отвѣчать письмомъ князю Курбскому, написалъ между прочимъ: „Устыдися раба твоего Шибанова". Это значило, что онъ самъ устыдился раба Шибанова. Этотъ образъ русскаго „раба", должно быть, поразилъ душу Лермонтова. Его Калашниковъ говоритъ царю безъ укора, безъ попрека за Кирибѣевича, говоритъ онъ, зная про вѣрную казнь, его ожидающую, царю „всю правду истинную", что убилъ его любимца „вольной волею, а не нехотя". Повторяю, остался бы Лермонтовъ жить, и мы бы имѣли великаго поэта, тоже признавшаго правду народную, а, можетъ быть, и истиннаго „печальника горя народнаго". Но это имя досталось Некрасову...

5.

П. В. Владиміровъ.

Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи Лермонтова.

Отъ подражательныхъ опытовъ, отъ неяснаго представленія о русскомъ народномъ стилѣ, о народномъ бытѣ и исторіи, поэтъ перешелъ къ замѣчательному воспроизведенію историческихъ и народно-бытовыхъ сюжетовъ—отчасти путемъ изученія русской народной поэзіи и исторіи, отчасти путемъ сближенія съ народною жизнью. Выборъ сюжетовъ колебался у Лермонтова между исторіей, военнымъ бытомъ и болѣе широкимъ захватомъ народной жизни. Изъ этихъ сюжетовъ наиболѣе удалось Лермонтову овладѣть эпохой Іоанна Грознаго, и „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова" до сихъ поръ остается выдающимся произведеніемъ въ исторіи русской поэзіи. Конечно, значеніе „Пѣсни" уже не имѣетъ для насъ исключительнаго историческаго интереса, такъ какъ научное изученіе русской исторіи далеко ушло въ настоящее время отъ тѣхъ немногихъ, важныхъ въ свое время, пособій, которыми располагалъ поэтъ. „Пѣсня" о Калашниковѣ имѣетъ для насъ значеніе, какъ высоко-художественное произведеніе, замѣчательно совпадающее съ русской народной поэзіей, съ ея духомъ, съ ея формой. Эта „Пѣсня" и другіе народно-бытовые сюжеты Лермонтова относятся къ той разросшейся полосѣ въ русской литературѣ, къ которой принадлежатъ предшествующія Лермонтову произведенія Пушкина и современныя нашему поэту—повѣсти Гоголя, пѣсни Кольцова. Если послѣ Гоголя мы знаемъ блестящихъ преемниковъ въ области романа, повѣсти, сатиры и драмы, то въ немаломъ затрудненіи очутимся мы, отыскивая въ послѣдующей литературѣ ближайшихъ преемниковъ Лермонтова въ воспроизведеніи историческихъ и народно-бытовыхъ сюжетовъ.

6.

В. О. Ключевскій.

Грусть[1]).

Изысканно-тонкія чувства и мечтательныя страданія, через которыя прошла поэзія Лермонтова, прежде чѣмъ нашла и усвоила свое настоящее настроеніе, теперь на многихъ, пожалуй, произведутъ впечатлѣніе досужихъ затѣй стараго барства, и нужно уже историческое изученіе, чтобы понять ихъ смыслъ и происхожденіе. Но самое настроеніе этой поэзіи совершенно понятно и безъ историческаго комментарія. Основная струна его звучитъ и теперь въ нашей жизни, какъ звучала вокругъ Лермонтова. Она слышна въ господствующемъ тонѣ русской пѣсни, не веселомъ и не печальномъ, а грустномъ. Ея тону отвѣчаетъ и обстановка, въ какой она поется. Всмотритесь въ какой угодно пейзажъ русской природы: веселъ онъ или печаленъ? Ни то, ни другое: онъ грустенъ. Пройдите какую угодно галлерею русской живописи и вдумайтесь въ то впечатлѣніе, какое изъ нея выносите: весело оно или печально? Какъ будто немного весело и немного печально: это значитъ, что оно грустно. Вы усиливаетесь припомнить, что гдѣ то было уже выражено это впечатлѣніе, что русская кисть на этихъ полотнахъ только иллюстрировала и воспроизводила въ подробностяхъ какую то знакомую вамъ общую картину русской природы и жизни, произведшую на васъ то же самое впечатлѣніе, немного веселое и немного печальное,—и вспомните родину Лермонтова. Личное чувство поэта само по себѣ, независимо отъ его поэтической обработки, не болѣе какъ психологическое явленіе. Но если оно отвѣчаетъ настроенію народа, то поэзія, согрѣтая этимъ чувствомъ, становится явленіемъ народной жизни, историческимъ фактомъ. Религіозное воспитаніе нашего народа придало этому настроенію особую окраску, вывело его изъ области чувства и превратило въ нравственное правило, въ преданность судьбѣ, т. е. волѣ Божіей. Это—русское настроеніе, не восточное, не азіатское, а національное русское. На Западѣ знаютъ и понимаютъ эту резиньяцію; но тамъ она спорадическое явленіе личной жизни и не переживалась, какъ народное настроеніе. На Востокѣ къ такому настроенію примѣшивается вялая, безнадежная опущенность мысли, и изъ этой смѣси образуется грубый психологическій составъ, называемый фатализмомъ. Народу, которому пришлось стоять между безнадежнымъ Востокомъ и самоувѣреннымъ Западомъ, досталось на долю выработать настроеніе, проникнутое

[1]) Очерки и рѣчи.

надеждой, но безъ самоувѣренности, а только съ вѣрой. Поэзія Лермонтова, освобождаясь отъ разочарованія, навѣяннаго жизнью свѣтскаго общества, на послѣдней ступени своего развитія близко подошла къ этому національно-религіозному настроенію, и его грусть начала пріобрѣтать оттѣнокъ поэтической резиньяціи, становилась художественнымъ выраженіемъ того стиха молитвы, который служитъ формулой русскаго религіознаго настроенія: да будетъ воля Твоя. Никакой христіанскій народъ своимъ бытомъ, всею своею исторіей не прочувствовалъ этого стиха такъ глубоко, какъ русскій, и ни одинъ русскій поэтъ доселѣ не былъ такъ способенъ глубоко проникнуться этимъ народнымъ чувствомъ и дать ему художественное выраженіе, какъ Лермонтовъ.

7.

В. Д. Спасовичъ.

Байронизмъ у Лермонтова [1]).

Склонности къ мистицизму у Лермонтова не было, но всѣми своими помышленіями онъ стремился къ сверхчувственному, къ недоступному для нашего ума, и больше жилъ въ этой угадываемой области, нежели въ мірѣ дѣйствительномъ.—Таинственное, непознаваемое есть вѣчный антогонистъ систематическаго, научнаго знанія, но и къ нему наука ежеминутно подходитъ, строя помосты изъ гипотезъ; искусство же и обойтись не можетъ безъ мысленнаго продолженія никогда невысказываемой вполнѣ въ произведеніи идеи его въ безконечномъ...

Беру поэтическую автобіографію поэта—его „11 іюня 1831 г.": „Моя душа, я помню, съ дѣтства чудеснаго искала: я любилъ всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ, въ которомъ я минутами лишь жилъ,—и тѣ минуты были мукъ полны. И населялъ таинственные сны я этими мгновеньями... всѣ образы мои не походили на существъ земныхъ.—О нѣтъ! все было адъ иль небо въ нихъ".—Въ этихъ стихахъ очерчены и организація, и процессъ дѣятельности ума, имѣющій складъ метафизическій. Желанія этой души необъятны: они направлены къ *чудесному*, къ тому, чего никогда дать не можетъ земная жизнь, реальное бытіе. Ей кажется, что она достигаетъ подобія желаемаго состоянія въ рѣдкіе моменты наисильнѣйшей страсти (скажемъ точнѣе, принявъ въ соображеніе темпера-

[1] Соч., т. II.

ментъ поэта,—страсти эротической: онъ жить не могъ безъ любви, то есть безъ женскаго сердца, подчиняющагося ему). Страсть эта по самой интенсивности своей мучительна; моменты ея бываютъ коротки, оставляютъ послѣ себя ощущеніе горечи, но тѣмъ не менѣе воспоминаніями объ этихъ мгновеніяхъ населяется и скрашивается вся будничная дѣйствительность. Иными словами, мы имѣемъ передъ собою систематическаго мечтателя, похожаго на лунатика, ходящаго по улицамъ съ открытыми, но не зрящими глазами. Этотъ мечтатель относится съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ окружающимъ его людямъ и предметамъ и устраиваетъ для себя мысленно иной міръ, убранный во все то, что только авторъ отмѣтилъ въ природѣ, какъ наиболѣе подходящее къ состояніямъ его души, и населенный не настоящими людьми, въ которыхъ добро и зло смѣшаны, а существами воображаемыми, либо вполнѣ ангельскими, либо вполнѣ демоническими. Онъ до того замечтался, и умъ его до того расположенъ мыслить метафизически, становясь на внѣ-человѣческой метафизической точкѣ зрѣнія, что въ концѣ-концовъ самъ не знаетъ, онъ ли это самъ мечтаетъ, или иное сидящее въ немъ „высшее существо". Вспомнимъ „Чашу жизни", чашу бытія съ золотыми краями... Умирая, мы убѣждаемся, „что пуста была златая чаша,- что въ ней напитокъ былъ *мечта* и что она *не наша*!" Отъ этого обычнаго у Лермонтова поэтическаго его лунатизма происходило и пренебреженіе къ людямъ, похожее на Байроновское, но въ сущности запечатлѣнное нѣсколько инымъ характеромъ. Люди ему противны не потому, что далеки отъ идеала человѣчества, какимъ онъ долженъ былъ быть по понятіямъ Байрона: гордый, свободный, любящій. Люди досаждаютъ Лермонтову просто потому, что они— призраки („Мелькаютъ образы бездушные людей, приличьемъ стянутыя маски"... „1-ое января 1840"). Эти призраки, говоритъ поэтъ, „спугиваютъ мечту мою—на праздникъ незванную гостью". За эту то несознаваемую ими провинность поэту хотѣлось бы „дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью". Тою же мечтательностью объясняется и шальное пренебреганіе жизнью, весьма характерное свойство Лермонтова, какъ человѣка, внушавшее ему избитый потомъ отъ повторенія стихъ: „Что страсти? вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ исчезнетъ при словѣ разсудка, и жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,— такая пустая и глупая шутка!" (1840 г.). Это пренебреженіе жизнью, которую не ставятъ ни въ грошъ, замѣчательно еще и тѣмъ, что оно не дополняется вовсе видѣніями будущей жизни, разсчетами на мзду за земное за гробомъ. Лермонтовъ потому то именно и цѣнится тѣми, которые не имѣютъ счастія вѣрить, что онъ вовсе не мистикъ, а только мечтатель, что онъ не испытываетъ видѣній, а только какъ будто бы вспоминаетъ, что имѣлъ ихъ когда то, въ какомъ то волшебномъ снѣ. Какъ величайшій изъ мечтателей-философовъ -Платонъ, онъ убѣжденъ, что эти сны снились его не-

имѣющей ни начала, ни конца душѣ еще до его рожденія на землѣ. Всякому памятенъ стихъ: „По небу полуночи ангелъ летѣлъ и тихую пѣсню онъ пѣлъ... Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ подъ кущами райскихъ садовъ... Онъ душу младую (имѣющую воплотиться) въ объятіяхъ несъ—для міра печали и слезъ... И долго на свѣтѣ томилась она, желаніемъ чуднымъ полна,—и звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли".—Его сердце тоскуетъ, потому что хранитъ въ себѣ „глубокій слѣдъ умершихъ, но святыхъ видѣній и тѣни чувствъ, которыхъ нѣтъ". Есть слова и звуки, сами по себѣ неважные, которые напоминаютъ душѣ поэта о неземномъ, снящемся ему блаженствѣ: „Есть слова—объяснить не могу я, отчего у нихъ власть надо мной; ихъ услышавъ, опять оживу я, но отъ нихъ не воскреснетъ другой" (1830 г.). Каждый такой звукъ, напоминающій далекую, неземную родину, походитъ на залетную птичку изъ рая съ ея дивною пѣснью подъ небомъ суровымъ и на сухой вѣткѣ. Въ этой заколдованной области мечтаній пышнымъ солнцемъ сіяетъ идея Бога самаго отвлеченнаго, какого только можетъ воображеніе себѣ представить, безъ опредѣленныхъ атрибутовъ, за исключеніемъ того, что, какъ демонъ Лермонтова являетъ собою олицетвореніе зла, и физическаго, и нравственнаго, такъ и Богъ его есть добро природы и души человѣческой. Можно бы подумать, что пантеистомъ былъ тотъ, кто писалъ слѣдующіе стихи въ восторгѣ отъ цвѣтущей природы: „Когда волнуется желтѣющая нива... Тогда смиряется души моей тревога, и счастье я могу постигнуть на землѣ, и въ небесахъ я вижу Бога" (1837 г.).—Но когда, обѣщаясь обратиться на тѣсный путь спасенія, поэтъ сознаетъ что то тайное, что обѣщалъ намъ Богъ, могло бы быть постигнуто чрезъ мышленіе и годы, когда онъ извиняется, что міръ ему тѣсенъ: „Къ тебѣ жъ проникнуть я боюсь, и часто звукомъ грѣшныхъ пѣсенъ я, Боже, не Тебѣ молюсь", то это обращеніе есть обращеніе къ Богу личному, въ котораго Лермонтовъ никогда вѣровать не переставалъ.

Въ связи съ метафизичностью Лермонтова слѣдуетъ изучать и его опредѣленіе поэта и пророка. Подобно Байрону, а, можетъ быть, и по его примѣру и внушенію, Лермонтовъ считалъ себя высшею натурою, перерастающею другихъ людей головою („Любимцы есть у ней (т. е. у природы), какъ у царей другихъ,—и тотъ, на комъ лежитъ ея печать, пускай не ропщетъ на свою судьбу... Причуда злой судьбы ихъ бытіе; чтобъ самовластье показать свое, она порой кидаетъ ихъ межъ нами,—такъ древле въ море кинулъ царь алмазъ" („Измаилъ-Бей"). Свое величіе Лермонтовъ основываетъ не на поэтическомъ дарованіи, а на своихъ страданіяхъ и на печати рока, то есть на независимости его судьбы отъ воли. Онъ, какъ казнь, падалъ на головы не имъ обреченныхъ на погибель жертвъ, и совершалъ всегда эту казнь безъ злобы и безъ сожалѣнія („Герой наш. вр."). По своей необщительной натурѣ Лермонтовъ не

постигалъ общественнаго значенія поэзіи; онъ догадывался, что поэзія должна имѣть власть надъ людьми, но, какъ истый романтикъ, онъ перенесъ ея владычество изъ прозаическаго изнѣженнаго XIX вѣка въ прошедшее, когда звукъ лиры „воспламенялъ бойца для битвы" и былъ толпѣ нуженъ, „какъ чаша для пировъ, какъ еиміамъ въ часы молитвы". Увлекать людей къ предпріятіямъ практическимъ можетъ только человѣкъ, любящій другихъ и имѣющій практическую смѣтку, а у Лермонтова недоставало этихъ качествъ. Въ „Поэтѣ" Лермонтовъ изображаетъ не себя, но поэта, какимъ онъ нѣкогда былъ и быть нынѣ не можетъ,—предположеніе ошибочное, потому что функція поэзіи не измѣняется никогда, и она не теряетъ и нынѣ своего высокаго значенія. Въ послѣднемъ изъ своихъ стихотвореній—„Пророкъ", идеализируя не себя, но поэта, какимъ онъ долженъ быть, снабжая его всевѣдѣніемъ и способностью читать въ очахъ людей „страницы злобы и порока", между тѣмъ какъ самъ онъ ихъ не читалъ и, не читая, заранѣе ихъ во всѣхъ людяхъ предполагалъ, сдѣлавъ поэта провозглашателемъ „любви и правды чистыхъ ученій",—которыя онъ самъ и провозглашать никогда не могъ, по своей нелюдимости и отчужденности отъ свѣта, Лермонтовъ изобразилъ пророка съ самой непривлекательной стороны, со стороны его суровой неуживчивости: „Смотрите, дѣти, на него,—какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ,—смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ, какъ презираютъ всѣ его!" Лермонтовъ не испыталъ на себѣ этихъ бросаемыхъ въ пророка каменьевъ. Онъ принадлежалъ къ числу рѣдкихъ удачниковъ, которыхъ вѣнчаютъ еще при жизни и предъ которыми аристократическій міръ открылъ обязательно двери, ведущія въ богатые чертоги. Замѣчательно, что, рисуя не съ себя писанный идеалъ осмѣяннаго пророка-поэта, Лермонтовъ употребилъ для изображенія его черты, которыхъ ему самому недоставало, а не указалъ, напротивъ того, на тѣ, которыми онъ дорогъ намъ,—именно на гордое одиночество энергической души, выдѣляющей себя изъ толпы, и на увѣренность въ бытіи чего то лучшаго, вѣстникомъ котораго онъ былъ въ тяжелыя времена.—Могильный сумракъ господствуетъ подъ сводами готическаго собора, и въ немъ было бы страшно, еслибы не прорѣзывался лучъ солнца сквозь цвѣтныя стекла оконъ, являющихъ въ этотъ сумракъ подобіе отверстыхъ дверей рая. Среди глубокой тишины несется чуть слышное pianissimo органа, точно хоръ далекихъ ангельскихъ голосовъ. Позаимствую еще одно сравненіе у самого Лермонтова изъ раннихъ очерковъ „Демона": „Ужъ скрылась колесница дня. Снѣга Кавказа на мгновенье, отливъ пурпурный сохраняя, сіяютъ въ темномъ отдаленьѣ; но этотъ лучъ полуживой въ пустынѣ отблесковъ не встрѣтитъ и путь ничей онъ не освѣтитъ съ своей вершины ледяной".- Онъ, конечно, ничего не освѣщалъ, но среди глубочайшаго мрака все-таки свидѣтельствовалъ о невидимомъ солнцѣ. Иногда этого пурпурнаго воспоминанія о невидимомъ достаточно для

пріободренія живущихъ къ тому, чтобы они перенесли всю тягость ночи и дожили до слѣдующаго дня.

Этимъ я и заключаю характеристику одного изъ великановъ не только русской, но и европейской литературы, человѣка, похожаго на Байрона болѣе по темпераменту, нежели по чертамъ лица, и развивавшагося подъ вліяніемъ Байрона, оставившимъ на немъ глубокіе, неизгладимые слѣды. Оба они были люди высокой породы, оба принадлежали къ племени Прометея.

8.

И. Н. Ждановъ.

Лекціи о Лермонтовѣ.

Развитіе творчества Лермонтова можно объяснить логическимъ путемъ—тезиса, антитезиса и синтеза: 1) чистое увлеченіе абстрактными идеями, 2) знакомство съ жизнію, развитіе страсти: 3) страсть въ умѣ поэта является осмысленною, перестаетъ быть зломъ.

Всѣ писатели могутъ оставлять троякое впечатлѣніе: 1) впечатлѣніе отдѣльныхъ художественныхъ картинъ, которыя могутъ оставлять и лучшіе, и второстепенные писатели; 2) впечатлѣніе полноты и опредѣленности идей, цѣльности и законченности своего творчества. Такихъ писателей очень много во всемірной литературѣ. 3) Впечатлѣніе великой душевной работы, проявленія стремленія къ истинѣ, къ добру: это какъ разъ мы и видимъ у Лермонтова. Правда, онъ не добился своей цѣли, его идеи неясны; но тутъ онъ не виноватъ. Онъ является типическимъ представителемъ 30-хъ годовъ—начало поры Бѣлинскаго. Можно даже указать на нѣкоторое сходство между этими двумя корифеями. Въ „Литературныхъ мечтаніяхъ", первой своей статьѣ, Бѣлинскій отрицательно относится къ русской литературѣ, онъ приходитъ къ выводу, что русской литературы нѣтъ, но это чисто отрицательное отношеніе было лишь первымъ моментомъ развитія критики. Позже онъ сумѣлъ найти русскую литературу и указать ее намъ. „Дума" Лермонтова („Печально я гляжу на наше поколѣніе"...38 года) представляетъ нѣкоторую аналогію съ литературными впечатлѣніями Бѣлинскаго. Онъ какъ будто не находитъ просвѣта для себя и своего поколѣнія. Быть можетъ, впослѣдствіи и онъ, какъ Бѣлинскій, сумѣлъ бы стать на другую точку зрѣнія, сумѣлъ бы найти ясныя, осмысленныя задачи для людей своего времени, но ему не суждено было дожить до этой поры...выработать болѣе опредѣленное воззрѣніе.

Всю поэзію Лермонтова можно назвать поэзіей наканунѣ 40-хъ годовъ нашего столѣтія. Поэтому то Лермонтовъ, несмотря на грустное впечатлѣніе, вызываемое его произведеніями, все-таки можетъ возбудить въ читателѣ бодрящее чувство, особенно если будемъ припоминать все, что сдѣлано было ближайшими преемниками его въ области руской литературы [1]).

9.

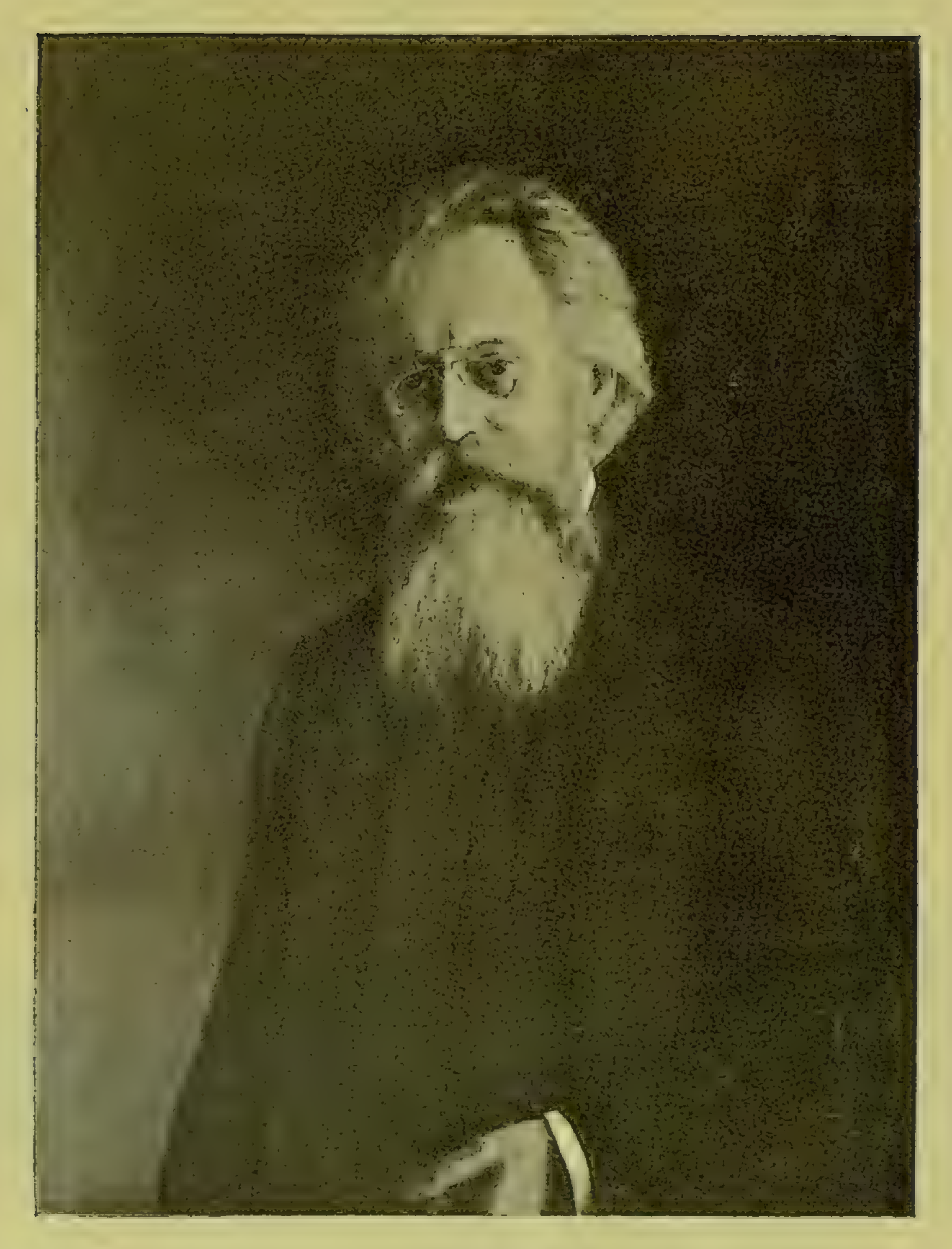
Н. К. Михайловскій.

Герой безвременья.

Поэтъ въ высшей степени субъективный, лишь очень рѣдко, хотя и блистательно выступавшій въ роли созерцателя, Лермонтовъ на всѣ свои произведенія клалъ рѣзкую печать своей индивидуальности, вносилъ всюду самого себя, свою личность, не хотѣлъ или не могъ отъ нея отдѣлиться. Весь процессъ его духовнаго роста, всѣ даже мимолетныя его настроенія отражались въ его поэзіи. Еще Боденштедтъ замѣтилъ: „Важнѣйшее изображеніе личности Лермонтова все-таки останется намъ въ его произведеніяхъ". Нельзя однако вполнѣ согласиться съ тѣми мотивами, которыми нѣмецкій переводчикъ нашего поэта поддерживаетъ свою очень вѣрную мысль. Онъ думаетъ, что въ своихъ произведеніяхъ Лермонтовъ „высказывается вполнѣ такимъ, какимъ былъ, тогда какъ въ жизни онъ былъ лишь тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ казаться". Это и вѣрно, и невѣрно. Нисколько не сомнѣваясь въ искренности Лермонтовской поэзіи, признавая ея высокую біографическую цѣнность, надо все-таки съ большой осторожностью черпать изъ нея біографическій матеріалъ, именно потому, что въ ней отражались даже мимолетныя его настроенія...

Если мы будемъ искать въ Лермонтовской поэзіи ея основной мотивъ, ту центральную ея точку, которая всего чаще и глубже занимала поэта и къ которой прямо или косвенно сводятся если не всѣ, то большинство произведеній, найдемъ ее въ области героизма. Съ ранней молодости, можно сказать, съ дѣтства и до самой смерти мысль и воображеніе Лермонтова были направлены на психологію прирожденнаго властнаго человѣка, на его печали и радости, на его судьбу, то блестящую, то мрачную. Слѣды этого преобладающаго и всю поэзію Лермонтова окрашивающаго интереса не такъ

[1]) Лекціи 1896 г.

Н. К. Михайловскій.

замѣтны въ лирикѣ, потому что сюда вторгаются разныя мимолетныя впечатлѣнія, которыя, на мгновеніе всецѣло овладѣвъ поэтомъ, отступаютъ потомъ назадъ, чтобы болѣе уже не повторяться или даже уступить мѣсто совершенно противоположнымъ настроеніямъ...

Безспорно, Лермонтову были знакомы муки противорѣчія между горячностью чувства и холодомъ разума. Жизнь манила его къ себѣ всею гаммою своихъ звуковъ, всѣмъ спектромъ своихъ цвѣтовъ, а рано отточившійся ножъ анализа подрѣзывалъ цѣну всякаго наслажденія. Отсюда безпредметная тоска, проникающая нѣкоторыя изъ его стихотвореній, тоска, характеръ которой иногда ему самому неясенъ: „подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури, надъ нимъ лучъ солнца золотой, а онъ, мятежный, ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть

покой!“ Иногда „смиряется души его тревога“ подъ вліяніемъ разныхъ мимолетныхъ впечатлѣній, но отлетаютъ эти впечатлѣнія, и опять тоска. Однако среди всѣхъ этихъ колебаній, всѣхъ ихъ переживая, держится тоже рано созрѣвшее рѣшеніе задачи жизни. Теоретически и въ одинокой душѣ самого поэта рѣшеніе готово: противорѣчіе разума и чувства и всѣ муки этого противорѣчія зависятъ отъ „бездѣйствія“, отъ отсутствія „борьбы“...

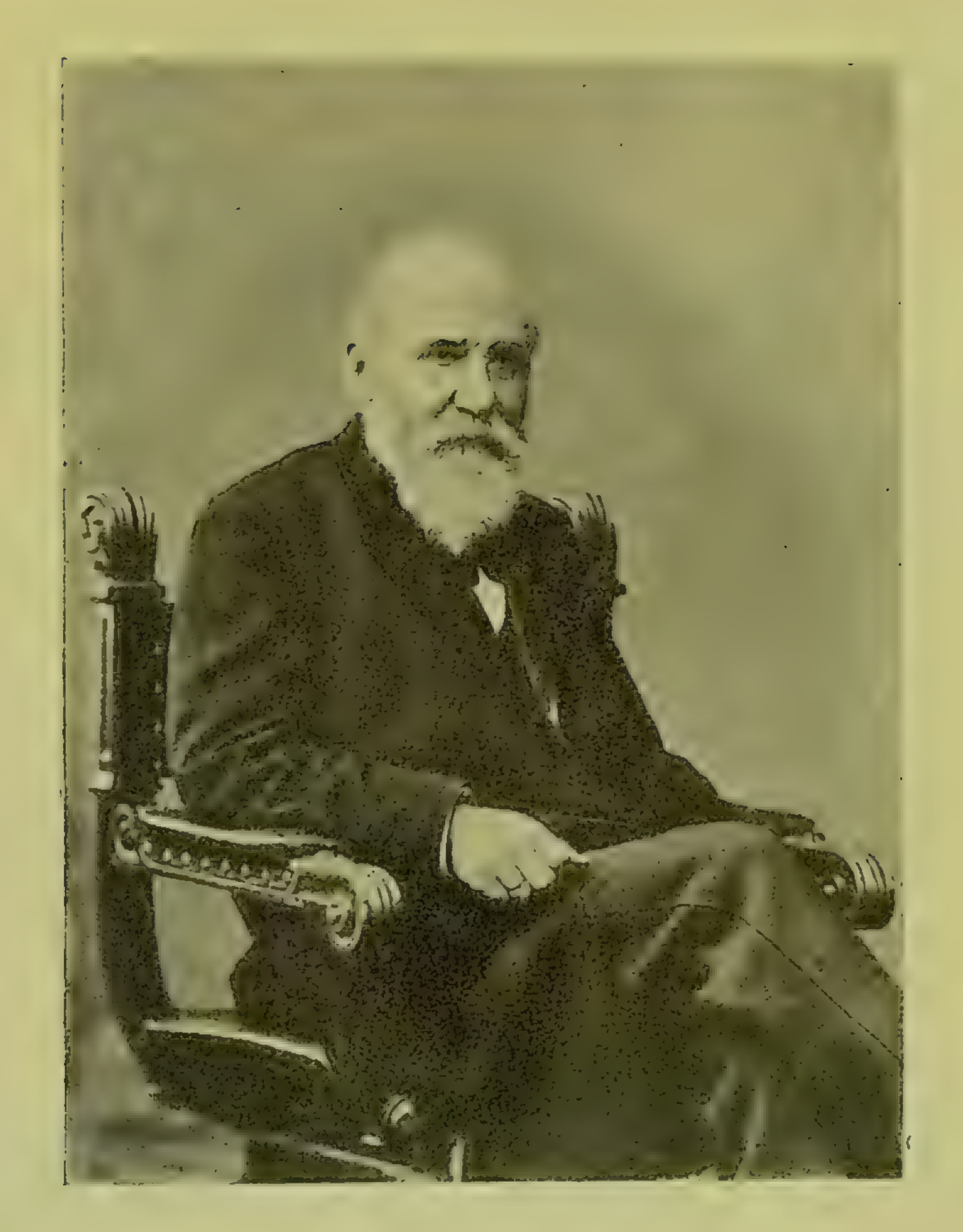
Есть критики и біографы, характеризующіе Лермонтова, какъ протестанта по преимуществу, и въ особенности подчеркивающіе въ немъ „съ небомъ гордую вражду“; но находятся и такіе, которые полагаютъ, что девизомъ его жизни и дѣятельности могутъ служить смиренномудрыя слова: „да будетъ воля Твоя“. Одни ищутъ и находятъ въ Лермонтовѣ черты казеннаго патріотизма съ барабаннымъ боемъ, другіе указываютъ черты рѣзко противоположныя. Одни помѣщаютъ поэта между небомъ и землей въ костюмѣ „нарядной печали“ и красиваго презрѣнія къ маленькимъ и непрочнымъ земнымъ дѣламъ; другіе приписываютъ ему, напротивъ, даже особливую приземистость. И все это, при желаніи и нѣкоторомъ, весьма даже значительномъ искусствѣ, можетъ быть доказываемо и подтверждаемо цитатами и ссылками на біографическіе факты. Съ такимъ же правомъ можно бы было доказывать и то, что Лермонтовъ былъ врагомъ кровопролитія, и то, что онъ былъ его апологетомъ. Дѣло, однако, въ томъ, что, не говоря о преходящихъ настроеніяхъ минуты, на которыхъ ничего не слѣдуетъ строить, Лермонтовъ, совершенно независимо отъ своихъ убѣжденій, высоко цѣнилъ самую убѣжденность, засвидѣтельственную дѣломъ. Пусть Хаджи-Абрекъ звѣрь, пусть Вадимъ еще большій звѣрь, но Лермонтовъ видитъ въ немъ „великую душу“, хотя и жалѣетъ, что его геройское терпѣніе, „скорость мысли и рѣшительность“ пошли на дѣло звѣрской личной мести. И многое простилъ бы онъ своимъ современникамъ, еслибы видѣлъ въ нихъ готовность постоять хоть за что-нибудь съ такою же непоколебимою рѣшимостью, съ какою Хаджи-Абрекъ, Калашниковъ или Вадимъ стоятъ за свое дѣло. Въ числѣ причинъ этого недуга безсилія любопытенъ „ядъ просвѣщенія“. Видѣть въ этомъ указаніи какой-нибудь протестъ противъ науки, теоретическаго знанія, какъ такового,—совершенно неосновательно. Мимоходомъ сказать, школьное образованіе Лермонтова не было, конечно, значительно, но самостоятельно онъ, повидимому, много учился, и не только въ области изящной литературы, и не только въ годы ранней юности. Такъ, въ 1841 г., передъ послѣдней поѣздкой на Кавказъ, онъ писалъ одному пріятелю: „Покупаю для общаго нашего обихода Лафатера и Галя и множество другихъ книгъ“. Это свидѣтельствуетъ о довольно широкихъ и разностороннихъ чисто умственныхъ интересахъ, и если „просвѣщеніе“ является въ глазахъ Лермонтова „ядомъ“, то лишь въ томъ смыслѣ, что оно, при извѣстныхъ условіяхъ, такъ сказать, парализуетъ, подобно нѣкоторымъ

настоящимъ ядамъ, двигательные нервы, отнимаетъ у нихъ способность быть проводниками воли. И дѣйствительно, дозы и формы просвѣщенія, которыя, подмывая старыя вѣрованья, служившія когда то источникомъ или импульсомъ дѣятельности, не даютъ взамѣнъ ничего новаго и оставляютъ человѣка при голомъ скептицизмѣ. Есть другія дозы и формы просвѣщенія, которыя дѣлаютъ мысль, идею, познаніе, теорію настолько преувеличенно привлекательными, что человѣкъ на нихъ останавливается, не помышляя о претвореніи мысли въ дѣло и теоріи въ практику. Такое то просвѣщеніе и есть, съ точки зрѣнія Лермонтова, ядъ.

Лермонтову казалось иногда, что и самъ онъ отравленъ этимъ ядомъ. Оно такъ и было до извѣстной степени, но въ несравненно большей мѣрѣ его точилъ другой недугъ. Онъ разсказалъ о немъ словами Печорина: „Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?.. А, вѣрно, она существовала, и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что въ душѣ моей я чувствую силы необъятныя. Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ, изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни". Эта характеристика Печорина, сдѣланная имъ самимъ подъ диктовку Лермонтова, приложима и къ Лермонтову, но съ ограниченіями. Ни изъ чего не видно, чтобы Лермонтовъ „навѣки утратилъ пылъ" благородныхъ стремленій. Онъ умеръ слишкомъ молодымъ, чтобы можно было дѣлать подобныя заключенія, и все заставляетъ, напротивъ, думать, что онъ, въ лицѣ Печорина, слишкомъ рано поставилъ на себѣ крестъ. Не совсѣмъ также вѣрно, что онъ не угадалъ „своего назначенія". Но зато вполнѣ вѣрно, что силы его были громадны и что эти силы тратились иногда на „приманки страстей пустыхъ и неблагодарныхъ". Исключительный размѣръ силъ Лермонтова сказался не только въ его чарующей поэзіи, совмѣщающей въ своемъ содержаніи глубокую мысль и сильное чувство, а въ своей формѣ—музыку стиха, живопись красокъ и пластику скульптуры. Исключительная сила выразилась и въ житейскихъ дѣлахъ Лермонтова, даже въ самыхъ мелкихъ и, прямо сказать, дрянныхъ, нравственно безобразныхъ. Нѣтъ имени его поведенію въ исторіи съ Сушковой—Хвостовой, какъ мы ее знаемъ и отъ нея, и отъ него. Но, принимая въ соображеніе его тогдашній мальчишескій возрастъ и житейскую, а въ частности свѣтскую неопытность, нельзя все-таки не признать, что это —злая, безспорно злая работа, но работа недюжинной силы. И сила эта совершенно особая, рѣдкій даръ природы, приносящій съ собой иногда много добра, иногда много зла, —даръ дерзать и владѣть, сила психическаго воздѣйствія на людей. Печать этой силы лежитъ на всей поэзіи Лермонтова, но и помимо поэзіи она всегда рвалась въ немъ наружу, требовала работы, стихійно искала себѣ точки

приложенія. Именно стихійно. Лермонтовъ по самой натурѣ своей не могъ не подчинять себѣ людей, такъ или иначе, играя на струнахъ ихъ душъ, то намѣренно ихъ очаровывая, то столь же намѣренно доводя ихъ до озлобленія. Въ послѣдніе годы своей жизни Лермонтовъ мечталъ о томъ, чтобы выйти въ отставку и совсѣмъ отдаться литературѣ, — онъ думалъ издавать журналъ. Мудрено гадать, чего мы лишились, благодаря неосуществленію этого проекта. Мудрено гадать даже о томъ, удовлетворился ли бы сколько-нибудь самъ Лермонтовъ тою литературною дѣятельностью, какая была возможна въ его время. Но вся жизнь его протекла въ условіяхъ, совершенно неблагопріятныхъ для пріисканія дѣятельности, сколько-нибудь его достойной, за исключеніемъ, разумѣется, поэзіи, въ которую онъ вкладывалъ свою уязвленную душу. Отсюда мрачные мотивы и мрачный тонъ этой поэзіи. Въ придачу къ тяжкимъ впечатлѣніямъ дѣтства, быть можетъ, и преувеличеннымъ пылкостью воображенія и болѣзненною чуткостью поэта, въ пору сознательной жизни явилось еще нѣчто въ родѣ мукъ Прометея, у котораго печень вновь выростаетъ по мѣрѣ того, какъ ее клюетъ коршунъ. Даже въ юнкерской школѣ, среди веселаго разгула и непристойныхъ упражненій въ поэзіи, Лермонтовъ внутренно угрызался и тосковалъ. И такъ было всю жизнь. Становясь на Кавказѣ во главѣ чего то въ родѣ шайки баши-бузуковъ, онъ находилъ нѣкоторое удовлетвореніе, которое самъ сравниваетъ съ ощущеніями азартной игры; но это лишь увлеченіе минуты, за которымъ слѣдуетъ горькое раздумье и разочарованіе. Слѣпая сила его собственной природы стихійно побуждала его дерзать и владѣть гдѣ бы то ни было и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, а голосъ разума и совѣсти клеймилъ эту жизнь печатью пошлости и пустоты. Но опять при первомъ удобномъ случаѣ, при новой встрѣчѣ съ женщиной, при столкновеніи съ новымъ обществомъ, жажда дерзать и владѣть выступала впередъ, и опять голосъ разума и совѣсти говорилъ: не то! не таково должно быть поле дѣятельности для необъятныхъ силъ! Немудрено, что въ душѣ поэта вспыхивали зловѣщіе огни отчаянія и злого мстительнаго чувства. Немудрено, что жизнь казалась ему временами „пустою и глупою шуткой“.

Кн. Васильчиковъ правъ, говоря, что то было время „самое пустое въ исторіи русской гражданственности“, и указывая на „придавленность общества послѣ катастрофы 14-го декабря“. Но онъ не правъ, называя Лермонтова „человѣкомъ вполнѣ своего вѣка, героемъ своего времени“. Или по крайней мѣрѣ это опредѣленіе требуетъ оговорки. Что бы ни хотѣлъ сказать Лермонтовъ заглавіемъ своего романа, иронизировалъ ли онъ, или говорилъ серьезно, собирательный ли типъ хотѣлъ дать въ Печоринѣ, или выдающуюся единицу, съ себя ли списалъ „героя нашего времени“, или нѣтъ, — для него самого его время было полнымъ безвременьемъ. И онъ былъ настоящимъ героемъ безвременья.

Н. И. Стороженко.

10.

Проф. Н. И. Стороженко.

М. Ю. Лермонтовъ.

Оппозиція Лермонтова, которой его враги сумѣли придать преступное значеніе, въ сущности, не только не заключала въ себѣ ничего преступнаго, но даже ничего политическаго. Лермонтовъ никогда не былъ революціонеромъ; сомнительно, чтобы его можно было даже назвать либераломъ въ современномъ значеніи этого слова. Въ основѣ его протестующаго настроенія лежала не политическая доктрина, но нравственное чувство, возмущенное главнымъ образомъ отсутствіемъ чувства собственнаго достоинства въ русскомъ обществѣ, ползавшемъ въ прахѣ передъ властью и смѣшивавшемъ раболѣпіе и ложь съ патріотизмомъ. Это презрѣніе къ со-

временному обществу могло только усилить ту горечь разочарованія, которая съ юныхъ лѣтъ отравила собой душу Лермонтова. Доведенный до полнаго отчаянія обрушившимися на него преслѣдованіями, Пушкинъ, какъ художникъ, прежде всего искалъ утѣшенія въ искуствѣ [1]).

Для Лермонтова, менѣе способнаго забыть въ вымыслахъ идеальнаго міра раны, нанесенныя дѣйствительной жизнью, нуженъ другой щитъ, другой ангелъ-утѣшитель. Такимъ ангеломъ-утѣшителемъ явилась для Лермонтова религія. Только религія могла смирить его огненную, боевую натуру, исполнить ее прощенія и любви. Изливъ свое негодующее и истекающее кровью сердце въ загадочномъ, проникнутомъ мрачнымъ отчаяніемъ, стихотвореніи „Не смѣйся надъ моей пророческой судьбой", гдѣ онъ, повидимому, изображаетъ себя политическимъ мученикомъ, Лермонтовъ ищетъ утѣшенія въ религіи, которая проливаетъ цѣлительный бальзамъ въ его истерзанную душу, миритъ его съ жизнью и учитъ молиться за враговъ своихъ [2]). Религіозное и общественное настроеніе, охватившее душу поэта въ послѣдніе годы его жизни, находится въ тѣсной связи съ измѣнившимися взглядами на задачи поэтическаго творчества. Хотя и въ юношескихъ стихотвореніяхъ Лермонтова по временамъ мелькаетъ смутное сознаніе своего великаго поэтическаго призванія, но это сознаніе появляется случайно и быстро потухаетъ въ мрачныхъ мысляхъ о своей ненужности [3]). И это вполнѣ понятно: для юноши поэта центръ вселенной есть любимая женщина, цѣль жизни—ея любовь. Для нея онъ слагаетъ свои пѣсни, отъ нея одной ждетъ одобренія и награды [4]). Любовь и пѣсни—вотъ вся жизнь пѣвца. Но, по мѣрѣ своего развитія и углубленія въ жизнь, Лермонтовъ ставитъ для своей поэтической дѣятельности болѣе серьезныя задачи. Въ стихотвореніи „Поэтъ" (1839 г.) онъ называетъ поэта

[1]) В. Е. Якушкинъ нашелъ въ черновыхъ тетрадяхъ Пушкина весьма характерный въ этомъ отношеніи отрывокъ, который стоитъ вспомнить:

И бурныя кипѣли въ сердцѣ чувства,
И ненависть, и грезы мести блѣдной,
Но здѣсь меня таинственнымъ щитомъ,
Святымъ прощеньемъ осѣнила
Поэзія, какъ ангелъ-утѣшитель,
И спасла меня.

[2]) См. заключительныя строки стихотворенія: „Когда стою подъ древнимъ сводомъ храма":

Еще молюсь за тѣхъ, которые сгубили
Во мнѣ мечты о счастьи бытія,
Которые мнѣ душу отравили—
За тѣхъ молюся я.

[3]) Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень,
Не нуженъ въ мірѣ я...
Никто не дорожитъ мной на землѣ,
И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ.

[4]) Тобою только вдохновенный,
Я строки грустныя писалъ.

осмѣяннымъ пророкомъ; въ стихотвореніи „Журналистъ, читатель и писатель“ (1840 г.) онъ изображаетъ поэта неумолимымъ обличителемъ современныхъ пороковъ и называетъ его рѣчь пророческою. Въ одномъ неизданномъ стихотвореніи, извѣстномъ только по переводу Боденштедта, Лермонтовъ такъ характеризуетъ свою собственную поэтическую дѣятельность: „Какъ страстно любилъ я прекрасное съ блаженнымъ пыломъ пѣвца, какъ сильно звучали пѣсни въ моей груди! Съ гордымъ мужествомъ и сознаніемъ своего полнаго права боролся я за все истинное и доброе“, и т. д. Всѣ эти заявленія служатъ прелюдіей къ знаменитому стихотворенію „Пророкъ“, гдѣ проводится взглядъ на поэтическое призваніе, какъ на священную миссію. Этотъ могучій призывъ къ проповѣди чистыхъ ученій любви и правды есть вмѣстѣ съ тѣмъ и заключительный аккордъ всей поэзіи Лермонтова.

Такимъ образомъ росъ въ ширь и глубь могучій геній Лермонтова, поражающій глубиной мысли и прелестью стиха, передъ которымъ иногда меркнетъ даже стихъ самого Пушкина. Чѣмъ завершилось бы это необычайное развитіе, какое направленіе приняла бы впослѣдствіи поэзія Лермонтова, несомнѣнно становившаяся все серьезнѣе и глубже, объ этомъ мы можемъ только мечтать и дѣлать догадки, безъ всякой надежды придти къ чему-нибудь вѣрному и положительному. Одно стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что геніальному таланту Лермонтова предстояла громадная будущность, что съ минуты смерти началось для него и безсмертіе.

„Героемъ нашего времени“ Лермонтовъ положилъ прочную основу нашему психологическому роману. Хотя Тургеневъ и Достоевскій считали себя учениками Пушкина, по психологическому пошибу творчества ихъ романы и повѣсти тѣснѣе примыкаютъ къ „Герою нашего времени“, чѣмъ къ „Капитанской дочкѣ“ и повѣстямъ Пушкина. При обсужденіи литературной дѣятельности Лермонтова не нужно упускать изъ виду, что онъ не успѣлъ сдѣлать и половины того, что могъ сдѣлать, что онъ едва началъ выходить изъ своихъ Wanderjahre, т.-е. изъ эпохи шатанія и исканія пути, которая есть у каждаго крупнаго таланта. Произведенія Лермонтова напоминаютъ собою великолѣпное, но далеко не достроенное зданіе. Мы любуемся его фасадомъ, расположеніемъ комнатъ, солидностью матеріала, употребленнаго для постройки, но мы и предугадать не можемъ всѣхъ тѣхъ красотъ, которыми поразилъ бы насъ талантъ архитектора, еслибы ему удалось осуществить свой планъ и довести зданіе до конца. Когда мы подумаемъ, что Лермонтовъ погибъ 27 лѣтъ отъ роду, что въ предѣлахъ такъ скупо отмѣренной ему жизни онъ успѣлъ написать, кромѣ множества лирическихъ стихотвореній, поставившихъ его имя рядомъ съ именемъ Пушкина, такія произведенія, какъ „Демонъ“, „Мцыри“, „Сказка[1]) про царя Ивана Васильевича“

[1]) „Пѣсня“.

и „Герой нашего времени“, то мы почувствуемъ потребность благоговѣйно преклониться передъ силой его поэтическаго таланта, передъ этой необыкновенной мощью творчества, которая била неизсякаемымъ ключомъ изъ его геніальной природы [1]).

11.

Акад. А. Н. Веселовскій.

Этюды о байронизмѣ.

Не только въ русской вѣтви школы Байрона, но и въ ея общеевропейскомъ развитіи немного встрѣтится выдающихся силъ, которыя были бы такъ рано и послѣдовательно подготовлены фактами жизни, предрасположеніями нервной организаціи, литературными вліяніями къ своей дѣятельности, какъ Лермонтовъ. Вмѣсто сибаритской, полной баловства и бездѣлья, обстановки, окружавшей отрочество Мюссе или Пушкина, семейный разладъ, возмущеніе противъ несправедливости и нетерпимости, манящій къ себѣ таинственный образъ жертвы гоненія и зла, отца мальчика, долгое время безсмѣннаго оригинала его „странныхъ людей“. Гордо-застѣнчивая замкнутость въ себѣ, горячая дѣятельность мысли, съ недѣтской запальчивостью устремившейся къ рѣшенію противорѣчій и загадокъ жизни, нервные переходы отъ экстаза къ глубокой грусти, нервная тоска по отвѣтному чувству, дружбѣ, любви, гложущее сознаніе роковой судьбы натуры, избранной, но непонятой, осужденной погибнуть, не оставивъ слѣда,—весь сложный составъ данныхъ былъ уже достояніемъ полуребенка, отрока, развивался вмѣстѣ съ нимъ, не ожидая серьезныхъ испытаній, житейской борьбы, которыя для большинства Лермонтовскихъ сверстниковъ-байронистовъ бывали прелюдіей къ ихъ обращенію. Байронъ необыкновенно рано сталъ на пути этихъ склонностей и влеченій, далъ отвѣтъ на нихъ, поразилъ сходствомъ запросовъ, протеста, грусти, таинственныхъ душевныхъ движеній, демонической гордости. Тогда какъ Мюссе, Гейне, Словацкій, Мицкевичъ испытали Байроническое увлеченіе уже послѣ того, какъ юношеская поэзія прошла иными путями и чествовала иныхъ боговъ, а для Пушкина часъ байронизма пробилъ послѣ лицейскаго періода, послѣ французской игривости, анакреонтическихъ шалостей, „Руслана“ съ его отголосками то Вольтера, то Аріоста, наконецъ, послѣ культа Шенье,—поэзія Байрона была для Лермонтова-подростка однимъ

[1]) „Изъ области литературы“, М., 1902.

изъ главныхъ пособій развитія литературнаго вкуса, она вошла въ отборную, рѣдкую въ то время, программу домашняго воспитанія, въ которой Байронъ встрѣчался съ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Лессингомъ, новыми французскими поэтами. Съ дѣтства впитывалъ онъ въ себя духъ Байроновскаго творчества, какъ святыню унесъ эти впечатлѣнія въ школу, университетъ, юнкерство, въ петербургскій свѣтъ, на Кавказъ, и остался вѣрнымъ имъ навсегда.

Кавказъ и русскій сѣверъ, подѣливъ между собой дальнѣйшую жизнь Лермонтова, вносятъ въ его творчество разнородныя, но одинаково цѣнныя данныя, поддержанныя байронизмомъ. Край, съ которымъ связана богатая полоса въ русской художественной литературѣ, отъ Державинской оды и „Горскихъ князей" Нарѣжнаго къ Грибоѣдову, Пушкину, Марлинскому, А. Одоевскому и Лермонтову, къ „Казакамъ" и „Кавказскому плѣннику" Толстого, отразился рядомъ „горскихъ" темъ еще въ раннемъ байронизмѣ Лермонтова, обходившемся отголосками перваго путешествія на Кавказъ. Теперь общій колоритъ, схваченныя когда то на лету бытовыя краски кажутся ему игрой дѣтской фантазіи. Всѣми самобытными сторонами влечетъ его къ себѣ новый міръ. Зароненный Байрономъ оріентализмъ ни у кого не развился въ такую полную картину природы, быта, народной души; кавказовѣдѣніе Лермонтова оставило далеко за собой грезы Гейне или Мура объ Индіи, турецкія темы Гюго, Словацкаго, Вильг. Мюллера. Отъ воплощенія борьбы двухъ расъ и культуръ въ картинѣ Востока, вставленной въ величаво задуманную, въ духѣ Байроническихъ темъ изъ царственно-горной природы, оправу „Спора" двухъ гигантовъ, до цикла характеровъ, въ которыхъ безъ романтическихъ прикрасъ старо-байронической драпировки выразился душевный закалъ горца, страсти, влеченія, суевѣрная фантазія, богатырство, женская доля,—весь бытъ, принявшій въ свою среду опальнаго поэта, оживаетъ отнынѣ въ его созданіяхъ. Кавказскіе типы его—не костюмированныя Байроновскія копіи Марлинскаго, но прямые потомки наиболѣе жизненныхъ, поэтически-правдивыхъ характеровъ автора „Донъ-Жуана". Даже столь мало реальный, но завѣтный для поэта, уже испытавшій вліяніе Люцифера, образъ Демона развился съ большею мощью въ томъ краю, который издревле былъ родиной стихійно-величавыхъ миѳовъ и, рядомъ съ своимъ изводомъ легенды о богоборцѣ Прометеѣ, могъ придать широкій полетъ демоническому противнику божества. Тотъ же край далъ, взамѣнъ мнимо-испанскаго ландшафта первыхъ редакцій, живыя краски кавказской природы и народнаго характера, которыя сдѣлали необыкновенно реальнымъ фонъ волшебнаго вымысла.

Лермонтовская поэзія природы, въ частности поэзія горъ, до него слабо развитая въ русскомъ творчествѣ, имѣетъ также два возбуждающихъ источника. Байронъ и здѣсь прошелъ впереди съ богатствомъ натуръ-поэзіи въ его поэмахъ и лирикѣ и вызвалъ таившіяся способности пейзажиста-поэта, но и природа страны съ кон-

трастами вѣчныхъ снѣговъ и цвѣтущихъ долинъ подѣйствовала на воображеніе, разсыпала свои дары такъ, какъ не въ силахъ была это сдѣлать свинцово-сѣрая природа сѣвера. Кавказъ далъ Лермонтову превосходный описательный матеріалъ, потребовавшій образнаго поэтическаго языка; жизнь природы, ея душу, въ связи съ настроеніями въ психическомъ мірѣ человѣка, научилъ понимать и выражать пантеизмъ Байрона. Окрѣпнувъ подъ этими вліяніями, Лермонтовская поэзія природы безостановочно и широко развивалась, охвативъ не только грандіозное, но и простое, скромно окрашенное, то, что далъ ему родной сѣверъ, когда онъ созналъ, что „любитъ его странною любовью“.

12.

Акад. Н. А. Котляревскій.

Лермонтовъ.

Лермонтовъ былъ прежде всего человѣкъ съ природнымъ *меланхолическимъ* складомъ души. Откуда взялась эта меланхолія— вопросъ неразрѣшимый; несомнѣненъ фактъ, что съ дѣтскихъ лѣтъ и до зрѣлаго возраста поэтъ предпочиталъ грустные мотивы веселымъ и съ любовью останавливался на всѣхъ чувствахъ грустнаго оттѣнка. И когда онъ впервые началъ приглядываться къ жизни, онъ отнесся къ этой новинкѣ не съ дѣтской легкостью и довѣрчивостью, а съ извѣстнымъ недовѣріемъ и страхомъ, такъ какъ, въ силу врожденной ему меланхоліи, предугадывалъ и предвосхищалъ ея печальныя и безотрадныя стороны. Онъ именно предугадывалъ ихъ, такъ какъ его личный житейскій опытъ былъ весьма бѣденъ.

Изъ этой меланхоліи вытекла и ранняя серьезность.

Всякій, даже мелкій, вопросъ жизни принималъ въ глазахъ поэта преувеличенныя формы.

Вторымъ врожденнымъ даромъ была сила фантазіи. Эта живость мечты находилась также въ прямой связи съ меланхолическимъ темпераментомъ поэта и его замкнутой жизнью. Энергія, стѣсненная въ жизни, вознаграждала себя въ мечтѣ. Жажда великихъ подвиговъ, жажда свободы и счастья кружили голову. Поэтъ рисовалъ себѣ все, и добро, и зло, и печали, и радости, въ размѣрахъ преувеличенныхъ. Мечта опережала жизнь и мечта истолковывала жизнь, и трезвое взвѣшиваніе желаемаго и возможнаго было для поэта задачей непосильной. „Я рожденъ, чтобы цѣлый міръ былъ зритель торжества иль гибели моей“, говорилъ онъ, забывая, что жизнь никогда не отдѣляетъ такъ рѣзко торжества отъ гибели.

Даромъ природы былъ и острый умъ, безпощадно обсуждавшій всѣ ощущенія и чувства. Въ стихахъ Лермонтова рѣдко можно встрѣтить вполнѣ свободный порывъ чувства. За каждымъ чувствомъ слѣдомъ шла рефлексія и не давала поэту покоя до тѣхъ поръ, пока обаяніе чувства не уничтожалось, пока поэтъ не убѣждался въ томъ, что онъ самовольно разукрасилъ воспринятое впечатлѣніе, что на дѣлѣ не существуетъ ничего столь обманчиваго, какъ тѣ розовыя и пріятныя краски, въ какихъ человѣкъ рисуетъ себѣ и людей, и свою собственную судьбу.

Лермонтовъ —мы помнимъ—-поэтически пояснилъ намъ эту печаль своей души въ стихотвореніи „Морская царевна". Идеалъ красоты въ мечтахъ и въ надеждѣ, и чудище при дневномъ яркомъ свѣтѣ—развѣ это не поэтическій символъ борьбы мечты и разсудка,—борьбы, въ которой изнемогалъ поэтъ? И этотъ поэтъ былъ къ тому же большой сангвиникъ и волю въ жизни цѣнилъ весьма высоко. „Воля,—писалъ онъ,—заключаетъ въ себѣ всю душу: хотѣть— значитъ ненавидѣть, любить, сожалѣть, радоваться, жить; однимъ словомъ, воля есть нравственная сила каждаго существа, свободное стремленіе къ созданію или разрушенію чего-нибудь, отпечатокъ божества, творческая власть, которая изъ ничего создаетъ чудеса... О, еслибъ волю можно было разложить на цифры и выразить въ углахъ и градусахъ,—какъ всемогущи и всезнающи были бы мы!"

Природа одарила Лермонтова, какъ видимъ, такими дарами, такими склонностями, которые заранѣе исключали всякое мирное соглашеніе съ жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, меланхолія поэта дѣлала его болѣе воспріимчивымъ къ мрачнымъ сторонамъ жизни, чѣмъ къ веселымъ, и потому заставляла его не цѣнить тѣхъ, хотя бы и скоропреходящихъ, наслажденій, какія на землѣ дано испытать человѣку. Необузданность и сила фантазіи, со своей стороны, разукрашая мечту насчетъ реальности, уносили поэта въ заоблачный міръ видѣній, которыя должны были разлетаться, какъ туманы, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью и потому оставляли въ его душѣ одинъ лишь горькій осадокъ и ненависть къ мелочной и блѣдно-прозаической жизни. Чего не успѣвала отравить меланхолія и чего не успѣвала исказить своевольная мечта, то добивалъ разсудокъ своимъ безпощаднымъ анализомъ—и это въ человѣкѣ, одаренномъ сильной волей и на пассивную жизнь совсѣмъ неспособномъ. Вся радость жизни, вся готовность увлекаться безотчетно и находить въ этомъ увлеченіи силу для работы пропадали и погибали среди постоянной борьбы, какую вели въ душѣ поэта его меланхолія, мечта и разсудокъ.

Казалось бы, что человѣку съ такой психической организаціей изыскивать соглашеніе съ жизнью и съ людьми было безполезно. Всякій другой человѣкъ съ менѣе развитымъ нравственнымъ чувствомъ, при такихъ природныхъ задаткахъ, или совсѣмъ отвернулся бы отъ жизни, или сталъ бы къ ней въ явно враждебное положе-

ніе. Лермонтовъ не сдѣлалъ ни того, ни другого. Онъ не замкнулся въ узкомъ кругѣ мечтаній, не улетѣлъ отъ земли въ область чистыхъ видѣній или логическихъ выкладокъ, онъ не навязывалъ себѣ насильно какого-нибудь успокаивающаго міросозерцанія, ни эстетическаго, ни религіознаго, но онъ также не отвертывался отъ жизни со злобой, не враждовалъ съ ней, какъ таковой, т.-е. не сталъ мизантропомъ и пессимистомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Вражда Лермонтова съ жизнью была враждой не принципіальной, а только временнымъ раздраженіемъ вслѣдствіе неудачныхъ и неудовлетворявшихъ его счетовъ съ нею.

Онъ изо всѣхъ силъ боролся, выясняя себѣ этическій смыслъ жизни, желая проникнуть въ ея глубину и найти въ ней оправданіе своему высокому пониманію ея цѣли и назначенія. Несмотря на то, что природныя его склонности постоянно ссорили его съ людьми, Лермонтовъ тѣмъ не менѣе не переставалъ по-своему любить людей и за все короткое время своей жизни пытался стать къ нимъ въ такое отношеніе, какое могло бы быть оправдано его нравственнымъ чувствомъ...

Что могла дать обществу—помимо, конечно, художественнаго наслажденія—поэзія Лермонтова, иногда совсѣмъ оторванная отъ дѣйствительности, въ большинствѣ случаевъ узко субъективная, оцѣнивавшая явленія жизни лишь въ ихъ отношеніи къ одной данной личности и вдобавокъ неустановившаяся и противорѣчивая въ своихъ конечныхъ взглядахъ на міръ и человѣка?

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что въ поэзіи Лермонтова совсѣмъ не было того, что называется „прогрессивнымъ" элементомъ. Въ ней не было ни постановки новыхъ вопросовъ, ни оригинальной перестановки старыхъ, не говоря уже о какомъ-нибудь удовлетворительномъ ихъ рѣшеніи. Если въ нѣкоторыхъ вопросахъ, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о роли поэта въ обществѣ, Лермонтовъ и пошелъ дальше своихъ предшественниковъ, то онъ всетаки не пришелъ ни къ какому окончательному выводу и выразилъ въ стихахъ одну только неудовлетворенность прежними рѣшеніями.

Бѣлинскій утверждалъ, что поэзія Лермонтова была *умнѣе* поэзіи Пушкина; но она была не умнѣе, а только *тревожнѣе*. Тревожное настроеніе, столь обычное для Лермонтова, было пережито Пушкинымъ значительно раньше. Это же настроеніе было предчувствовано и современниками Лермонтова, и у нѣкоторыхъ... разрѣшилось въ иныя настроенія, которыя болѣе, чѣмъ Лермонтовское, имѣютъ право на названіе прогрессивныхъ, т.-е. такихъ, которыя двигаютъ людей впередъ.

Итакъ, въ чемъ же могла заключаться культурная сила поэзіи Лермонтова, если идеи, какими онъ жилъ, и его чувства не представляли, повидимому, ничего особенно новаго и не выводили читателя ни на какую дорогу?

Прогрессивная роль поэзіи Лермонтова тѣмъ не менѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію. Она была угадана Бѣлинскимъ еще при жизни автора, хотя критикъ не далъ ея подробнаго и полнаго опредѣленія, такъ какъ ему самому она была еще не вполнѣ ясна. Бѣлинскій, въ порывѣ своихъ увлеченій нѣмецкой философіей и эстетикой, отнесся несимпатично къ тревожному настроенію Лермонтова и, такимъ образомъ, чуть-чуть не просмотрѣлъ въ его творчествѣ самую цѣнную—въ общественномъ, конечно, смыслѣ — сторону. Критикъ остановился главнымъ образомъ на художественной сторонѣ произведеній поэта и разсматривалъ его настроеніе преимущественно съ этой точки зрѣнія.

Тѣмъ не менѣе Бѣлинскій чуялъ, что въ поэзіи Лермонтова, кромѣ художественной, была еще и другая сила, и на нее то онъ намекалъ, когда говорилъ, что эта поэзія была „умнѣе“ поэзіи Пушкина, что Лермонтовъ „удовлетворялъ вкусамъ болѣе развитого общества“, что онъ шелъ впередъ въ исторіи русскаго творчества...

Лермонтовъ, стоя одиноко, какъ личность, стоялъ вовсе не одиноко, какъ выразитель извѣстнаго общественнаго настроенія.

Молодое поколѣніе тридцатыхъ годовъ, идя по различнымъ дорогамъ къ одной цѣли—къ выработкѣ приложимыхъ къ жизни идеаловъ и къ проведенію ихъ въ жизнь, проходило на этомъ пути черезъ одну общую всѣмъ полосу настроенія, которая всего рельефнѣе и художественнѣе отразилась въ поэзіи Лермонтова. Конечно, эта молодежь не подражала Лермонтову и не находилась подъ его вліяніемъ, а только соглашалась съ нимъ и совпадала съ нимъ въ настроеніи, которое и у Лермонтова, и у его сверстниковъ вытекало изъ однихъ и тѣхъ же условій личной и общественной жизни, изъ наблюденія надъ одними и тѣми же событіями дня, а также иногда изъ одного книжнаго источника.

Однако, никто изъ писателей тѣхъ годовъ не останавливался такъ долго на этой переходной ступени развитія, какъ Лермонтовъ. Большинство,—худо ли, хорошо ли,—но отдѣлалось отъ этого мучительнаго состоянія духа; одинъ Лермонтовъ продолжалъ пребывать въ немъ, и смерть невзначай оборвала его думы.

По волѣ случая поэзія Лермонтова осталась, такимъ образомъ, вѣрна себѣ за весь недолгій срокъ своего развитія. Поэтъ умеръ на порогѣ новой жизни, гдѣ, быть можетъ, его ожидалъ и сердечный покой, и примиренное настроеніе духа, и свѣтлое міросозерцаніе, но гдѣ онъ пересталъ бы быть тѣмъ, чѣмъ онъ навсегда для насъ остался—писателемъ, исключительно вѣрно и глубоко отразившимъ въ своей поэзіи бурный и вопрошающій моментъ въ исторіи нашего самознанія.

Часть той міровой мятежной, вѣчно голодной души, стремящейся въ мечтахъ къ великому идеалу, вѣчно готовой бороться за него въ жизни, души очень „совѣстливой“, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и очень гордой, которая жила въ Шиллерѣ, молодомъ Гёте, Байронѣ и

французскихъ романтикахъ тѣхъ годовъ, нашла для себя русское воплощеніе въ сердцѣ Лермонтова. Лермонтовъ былъ достоинъ вмѣстить въ себѣ эту безпокойную, безсмертную душу, которая въ человѣкѣ — главный рычагъ его дѣятельности, первое побужденіе къ движенію впередъ, грозный голосъ совѣсти, неусыпно ему твердящій, что минута душевнаго покóя дана человѣку лишь для того, чтобы ободрить его на дальнѣйшую тревогу ради личнаго блага и блага его ближнихъ.

Поэзія Лермонтова, въ которой всѣ основные моменты этого боренія духа нашли яркое и правдивое выраженіе, была, такимъ образомъ, безспорно настоящей „прогрессивной" силой въ русскомъ обществѣ. Она *отвергала всякій самодовольный покой духа, не позволяла людямъ засыпать въ довольствіи настоящимъ, толкая ихъ впередъ, учила строгому суду надъ самимъ собою и была въ ихъ глазахъ художественно воплощеннымъ принципомъ неустаннаго „стремленія"*, т.-е. призывнымъ, хоть и грозно-печальнымъ голосомъ, раздавшимся тогда среди въ большинствѣ случаевъ инертной и слабовольной массы.

Это отрицаніе душевнаго покоя во имя творческой тревоги и постояннаго самонаблюденія и есть тотъ общечеловѣческій элементъ, который, помимо художественнаго, навсегда спасетъ поэзію Лермонтова отъ забвенія.

Но отрицать покой не значитъ еще указать путь, по которому человѣкъ долженъ двигаться.

Настоящая роль вождя не можетъ ограничиться однимъ призывомъ къ работѣ: она должна намѣтить направленіе и по нему вести людей за собою. Вождемъ Лермонтовъ никогда не былъ, онъ не былъ проповѣдникомъ установленныхъ истинъ, а лишь отрицателемъ безвѣрія, идеалистомъ разочарованнымъ и ищущимъ убѣжденій; онъ былъ не сѣятелемъ новаго ученія, а жесткимъ орудіемъ, подготовлявшимъ ниву для посѣва.

13.

И. И. Ивановъ [1]).

Лермонтовъ.

Злоба становится рука объ руку съ *любовью*. Это—основная и глубочайшая черта вынужденнаго одиночества: *я ненавижу и люблю*—въ этомъ сочетаніи тайна всѣхъ противорѣчій Лермонтовской психологіи, точное выраженіе его демонизма и разочарованія.

[1]) Новая культурная сила. Спб., 1901.

Возможность этого сочетанія подмѣчена еще древнимъ поэтомъ, но нигдѣ и никогда оно не пріобрѣтало такого нравственнаго и общественнаго значенія, какъ въ нашемъ отечествѣ и, прежде всего, въ личности Лермонтова.

Въ глубинѣ сердечныхъ ранъ
Жила любовь, богиня юныхъ дней,

вотъ простыя молодыя строки, охватывающія сущность Лермонтовской природы.

И всмотритесь теперь въ эти мрачныя, подчасъ будто сверхъестественныя лица, всѣ запечатлѣнныя дыханіемъ демонизма—Мцыри, Демона, Арсенія, Измаила-Бея — вы всюду прочтете одну и ту же исторію сердца самого поэта, жизненную и трогательную до послѣдней черты.

Я принесъ въ міръ слишкомъ большое сердце и властное чувство,—не вынести было моимъ близкимъ этой силы, и даже не понять! Моя любовь —это вся мощь геніальной натуры, моя рѣчь страсти—это бурный крикъ всего моего существа,—это желаніе безраздѣльнаго, всенаполняющаго счастья, остающагося счастьемъ даже въ минуты невзгодъ;—потому что нѣтъ на землѣ врага, страшнаго моей волѣ, воодушевленной самоотверженіемъ моей избранницы!..

И явись она,—какая бы мощная торжествующая поэзія полилась съ устъ Лермонтова. Теперь другое Поэта вздумаютъ наградить „мелкой страстью", обычными получувствительными, полупошлыми свѣтскими романами, вообразятъ, что и его, какъ всякаго другого *кавалера*, приводятъ въ восторгъ многозначительныя улыбки и рукопожатія, возносятъ на седьмое небо случайныя встрѣчи и внезапныя tête à tête... Онъ не откажется отъ игры: она выдастъ ему врага со всѣми его маленькими военными хитростями. И какой же горечью и злостью будетъ послѣ этого облитъ стихъ, направленный на глупцовъ, вообразившихъ себя властителями сердца и мыслей поэта!

И во имя великой любви устами Демона онъ будетъ проклинать все, что шарлатански присваиваетъ его имя! И этотъ столь эффектный, театральный герой—на самомъ дѣлѣ пророкъ естественности и правды, *освободитель чувства*. Онъ въ русской литературѣ такое же воплощеніе протеста противъ лжи, лицемѣрія и всевозможныхъ извращеній природы, какими были Руссо и Шиллеръ на Западѣ, Это—не свободная любовь въ пошломъ смыслѣ, это—любовь, какъ цѣльная нравственная сила, находящая себѣ оправданіе въ великой облагораживающей и вдохновляющей власти женщины надъ мужчиной. И когда Демонъ клянется Тамарѣ отрѣшиться отъ злобы и мести, передъ нами опять вполнѣ жизненный, хотя и идеальный мотивъ. Если есть какой-нибудь культурный человѣческій смыслъ въ *вѣчно-женственномъ*,—онъ не что иное какъ неисчерпаемая любовь женскаго сердца, вносящая источникъ умиротворенія и личнаго счастья въ столь часто измѣнчивую и истерзанную жизнь мужчины.

Именно эта мысль скрывается въ грандіозной картинѣ Лермонтова, и исторія Демона—исторія одинокой и поэтому озлобленной души, чающей въ великой личной любви найти исходъ своимъ исключительнымъ силамъ—къ не менѣе великому *общечеловѣческому* благу...

Подъ внѣшнимъ равнодушіемъ и припадками неудержимой злобы горитъ все прежняя пожирающая жажда счастья и *смысла*. Да, эти два понятія нераздѣльны въ Лермонтовской психологіи. Она одарена неугомоннымъ анализомъ, мысль всякую минуту готова внести горечь сомнѣнія и критики въ самую идиллическую картину.

Отъ своей души спасенья
И въ самомъ счастьѣ нѣтъ...

И нѣтъ также въ разочарованіи. Потому что нѣтъ возможности логически покончить всѣ вопросы на равнодушіи ко всему. Есть нѣчто за предѣлами окружающей пошлости, потому что въ насъ горитъ ничѣмъ незаглушимое стремленіе къ идеалу, *неисполнимыхъ* желаній намъ Создатель не вложилъ въ душу... Слѣдовательно, всѣ эти Кати Сушковы, Мэри, Грушницкіе, самъ Печоринъ— отнюдь не послѣднія слова человѣческой природы, и поэтъ будетъ привѣтствовать память своего друга Одоевскаго именно за то, что тотъ сохранилъ

И вѣру гордую въ людей, и въ жизнь иную.

И когда Бѣлинскій, сначала было запуганный Лермонтовскимъ маскарадомъ,—разсмотрѣлъ страннаго человѣка лицомъ къ лицу,—онъ пришелъ къ такому заключенію: „Мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого".

Бѣлинскій не скрывалъ своего впечатѣлнія отъ Лермонтова, и тотъ улыбнулся и сказалъ:

— Дай Богъ!..

И вчитайтесь въ поэзію Лермонтова съ первыхъ опытовъ до послѣдняго стихотворенія,—васъ будетъ всюду преслѣдовать безпримѣрно упорная работа мысли, неукротимая душевная борьба:

Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь...

И поэтъ со всею точностью отражалъ свою жизнь, рисуя парусъ неудовлетворенный и безпріютный—даже среди спокойнаго моря и подъ ясной лазурью.

14.

Вл. С. Соловьевъ.

Лермонтовъ [1]).

Произведенія Лермонтова, такъ тѣсно связанныя съ его личной судьбой, кажутся мнѣ особенно замѣчательными въ одномъ отношеніи. Я вижу въ Лермонтовѣ прямого родоначальника того духовнаго настроенія и того направленія чувствъ и мыслей, а отчасти и дѣйствій, которыя для краткости можно назвать „ницшеанствомъ", по имени писателя, всѣхъ отчетливѣе и громче выразившаго это настроеніе, всѣхъ ярче обозначившаго это направленіе.

Какъ черты зародыша понятны только благодаря тому опредѣлившемуся и развитому виду, какой онъ получилъ въ организмѣ взросломъ, такъ и окончательное значеніе тѣхъ главныхъ порывовъ, которые владѣли поэзіей Лермонтова, отчасти еще въ смѣшанномъ состояніи съ иными формами, стало для насъ вполнѣ прозрачнымъ съ тѣхъ поръ, какъ они приняли въ умѣ Ницше отчетливо раздѣльный образъ...

Презрѣніе къ человѣку, присвоеніе себѣ *заранѣе* какого то исключительнаго сверхчеловѣческаго значенія себѣ, или какъ одному *я*, или *Я* и *К°*, и требованіе, чтобы это присвоенное, но ничѣмъ еще не оправданное величіе было признано другими, стало нормою дѣйствительности,—вотъ сущность того направленія, о которомъ я говорю, и, конечно, это большое заблужденіе...

Лермонтовъ, несомнѣнно, былъ геній, т.-е. человѣкъ, уже отъ рожденія близкій къ сверхчеловѣку, получившій задатки для великаго дѣла, способный, а, слѣдовательно, обязанный его исполнить.

Въ чемъ заключалась особенность его генія?

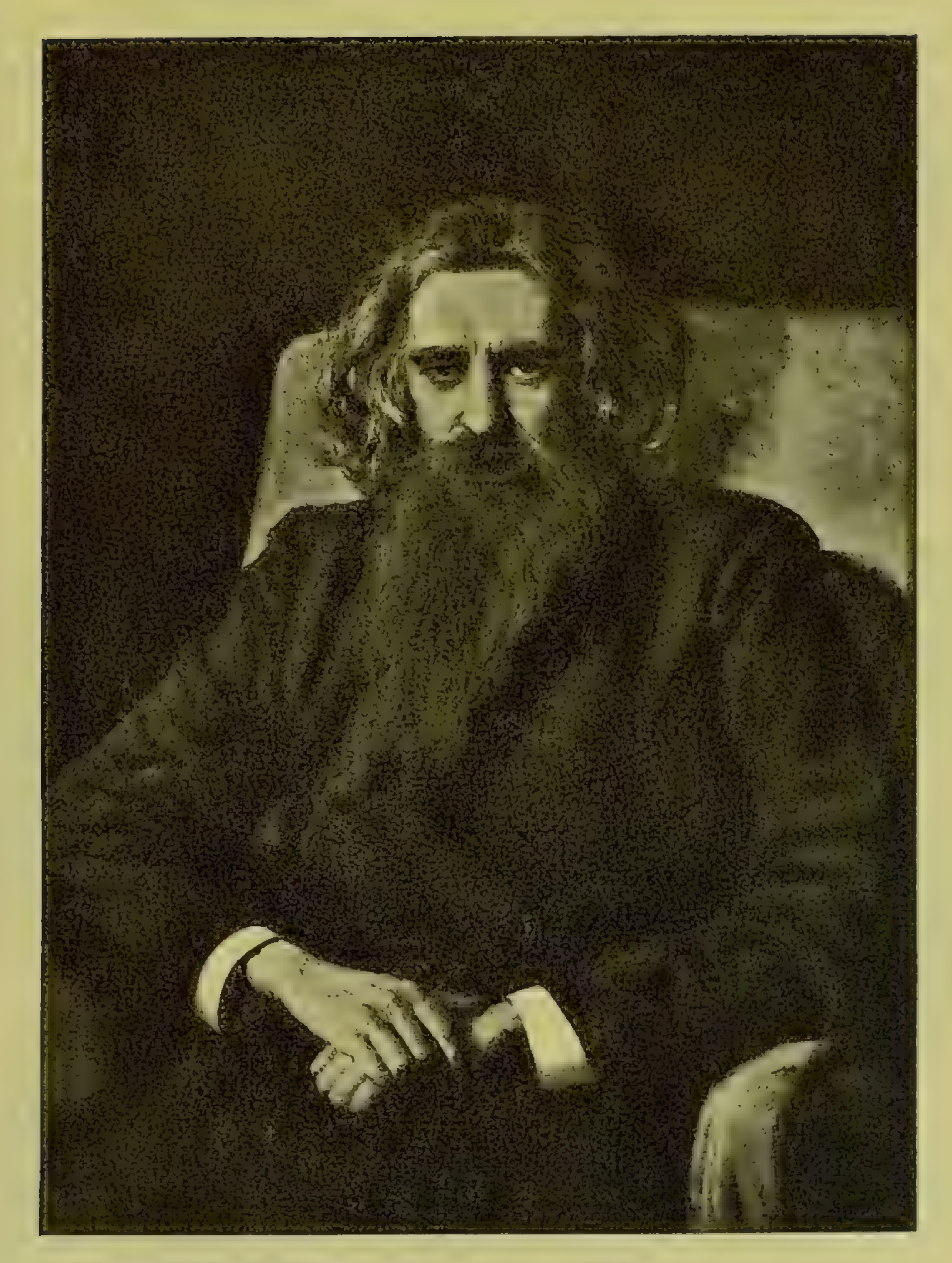
Какъ онъ на него смотрѣлъ?

Что съ нимъ сдѣлалъ?—вотъ три основные вопроса, которыми мы теперь займемся.

Относительно Лермонтова мы имѣемъ то преимущество, что глубочайшій смыслъ и характеръ его дѣятельности освѣщаются съ двухъ сторонъ—писаніями его ближайшаго преемника Ницше и фигурою его отдаленнаго предка...

Первая и основная особенность Лермонтовскаго генія—страшная напряженность и сосредоточенность мысли на себѣ, на своемъ *я*, страшная сила личнаго чувства. Не ищите у Лермонтова той прямой открытости всему задушевному, которая такъ чаруетъ въ поэзіи Пушкина. Пушкинъ, когда и о себѣ говоритъ, то какъ будто

[1]) Соч., т. VIII.

Вл. С. Соловьевъ.

о другомъ; Лермонтовъ, когда и о другомъ говоритъ, то чувствуется, что его мысль и изъ безконечной дали стремится вернуться къ себѣ, въ глубинѣ занята собою, обращается на себя. Нѣтъ надобности приводить этому примѣры изъ произведенiй Лермонтова, потому что изъ нихъ немного можно было бы найти такихъ, гдѣ бы этого не было. Ни у одного изъ *русскихъ* поэтовъ нѣтъ такой силы личнаго самочувствiя, какъ у Лермонтова. На западѣ это не было бы отличительною чертою. Тамъ не меньшую силу субъективности можно найти у Байрона, пожалуй, у Гейне, у Мюссэ. У нашихъ же, гдѣ эта черта особенно ярко выражена, она есть подражанiе. Отличiе же Лермонтова здѣсь въ томъ, что онъ не былъ подражателемъ Байрона, а его младшимъ братомъ, и не изъ книгъ, а развѣ изъ

общаго происхожденія получилъ это западное наслѣдіе, съ которымъ ему тѣсно было въ безличной русской средѣ. И не одною позой или праздной фантазіей были чувства, выраженныя имъ въ раннемъ юношескомъ стихотвореніи: „Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной...“. Вторая, тоже отъ западныхъ его родичей унаслѣдованная черта, быть можетъ, видоизмѣненный остатокъ шотландскаго двойного зрѣнія—способность переступать въ чувствѣ и созерцаніи черезъ границы обычнаго порядка явленій и схватывать запредѣльную сторону жизни и жизненныхъ отношеній.

Эта вторая особенность Лермонтова была во внутренней зависимости отъ первой. Необычная сосредоточенность Лермонтова въ себѣ давала его взгляду остроту и силу, чтобы иногда разрывать сѣть внѣшней причинности и проникать въ другую, болѣе глубокую связь существующаго, это была способность пророческая, и если Лермонтовъ не былъ пророкомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, ни такимъ прорицателемъ, какъ его предокъ Ѳома Риѳмачъ, то лишь потому, что онъ не давалъ этой своей способности никакого объективнаго примѣненія. Онъ не былъ *занятъ* ни міровыми историческими судьбами своего отечества, ни судьбою своихъ ближнихъ, а единственно только своею собственной судьбой, и тутъ онъ, конечно, былъ болѣе пророкомъ, чѣмъ кто-либо изъ поэтовъ...

Съ раннихъ лѣтъ ощутивъ въ себѣ силу генія, Лермонтовъ принялъ ее только какъ право, а не какъ обязанность, какъ привилегію, а не какъ службу. Онъ думалъ, что его геніальность уполномочила его требовать отъ людей и отъ Бога всего, что ему хочется, не обязывая его относительно ихъ ни къ чему. Но пусть Богъ и люди великодушно не настаиваютъ на обязанности геніальнаго человѣка. Вѣдь Богу ничего не нужно, а люди должны быть благодарны и за тѣ искры, которыя летятъ съ костра, на которомъ сжигаетъ себя геніальный человѣкъ. Пусть Богъ на небѣ и люди на землѣ отпустятъ ему его медленное самоубійство. Но развѣ легче отъ этого третьему обиженному—самому генію, который попусту сжегъ и закопалъ въ прахъ и тлѣнъ то, что было ему дано для великаго подъема, какъ могучему вождю людей на пути къ сверхчеловѣчеству? Но какъ же онъ могъ кого-нибудъ поднимать, когда самъ не поднялся? А поднимается человѣкъ только по трупамъ—по трупамъ убитыхъ имъ враговъ, т.-е злыхъ личныхъ страстей...

Натянутое и ухищренное оправданіе демонизма въ теоріи, а для практики принципъ фатализма—вотъ къ чему пришелъ Лермонтовъ передъ своимъ трагическимъ концомъ. Фатализмъ, самъ по себѣ, конечно, не дуренъ. Если, напримѣръ, человѣкъ воображаетъ, что онъ роковымъ образомъ долженъ быть добрымъ, и дѣлаетъ добро, и неуклонно слѣдуетъ этому року, то чего же лучше? Къ несчастью, фатализмъ Лермонтова покрывалъ только его дурные пути.

Образъ его дѣйствій за послѣднее время я разсказывать не

стану; скажу только, что онъ былъ не лучше прежняго. Между тѣмъ полнаго убѣжденія въ истинѣ фатализма у Лермонтова не было, и онъ, кажется, захотѣлъ убѣдиться въ немъ на опытѣ. Всѣ подробности его поведенія, приведшаго къ послѣдней дуэли, и во время самой этой дуэли, носятъ ясныя черты фаталистическаго эксперимента.

На дуэли Лермонтовъ велъ себя съ благородствомъ, онъ не стрѣлялъ въ своего противника, но по существу это былъ безумный вызовъ высшимъ силамъ, который во всякомъ случаѣ не могъ имѣть хорошаго исхода. Въ страшную грозу, при блескѣ молніи и раскатахъ грома, перешла эта бурная душа въ иную область бытія.

15.

И. Ѳ. Анненскій [1]).

Мечта Лермонтова не повторилась. Она такъ и осталась недосказанной. Можетъ быть, даже безслѣдной, по крайней мѣрѣ, поскольку Толстой, единственный, кто бы еще могъ ее понять, рано пошелъ своимъ и совсѣмъ другимъ путемъ.

Какъ всѣ истинные поэты, Лермонтовъ любилъ жизнь *по-своему*. Слова *любилъ жизнь* не обозначаютъ здѣсь, конечно, что онъ *любилъ въ жизни колокольный звонъ или шампанское*. Я разумѣю лишь ту своеобразную эстетическую эмоцію, то мечтательное общеніе съ жизнью, символомъ которыхъ для каждаго поэта являются вызванныя имъ, одушевленныя имъ метафоры.

Лермонтовъ любилъ жизнь безъ экстаза и безъ надрыва, серьезно и цѣломудренно. Онъ не допытывался отъ жизни ея тайнъ и не донималъ ее вопросами. Лермонтовъ не преклонялся передъ нею, и, отказавшись судить жизнь, онъ не принялъ на себя столь излюбленнаго русской душой самоотреченія.

Лермонтовъ любилъ жизнь такъ, какъ она шла къ нему: самъ онъ къ ней *не шелъ*. Лермонтовъ былъ фаталистомъ передъ безтолковостью жизни, и онъ одинаковымъ высокомѣріемъ отвѣчалъ какъ на ея соблазны, такъ и на ея вызовъ. Можетъ быть, не менѣе Боделэра Лермонтовъ любилъ недвижное созерцаніе, но не одна реальная жизнь, а и самая мечта жизни сдѣлала его скитальцемъ, да еще съ подорожною по казенной надобности. И чувство свободы и сама гордая мысль учили, что человѣкъ долженъ быть равнодушенъ тамъ, гдѣ онъ не можетъ быть сильнымъ.

[1]) Вторая книга отраженій. „Юморъ“ Лермонтова.

Не было русскаго поэта, съ которымъ покончили бы проще, но едва ли хоть одинъ еще, лишь риторически грозя Пошлости своимъ желѣзнымъ стихомъ, сумѣлъ бы, какъ Лермонтовъ, открывать ей болѣе синія дали и не замѣчать при этомъ ея мерзкаго безобразія. Не было другого поэта и съ такимъ же воздушнымъ прикосновеніемъ къ жизни, и для котораго достоинство и независимость человѣка были бы не только этической, но и эстетической потребностью, неотдѣлимымъ отъ него символомъ его духовнаго бытія. Лермонтовъ умѣлъ стоять около жизни влюбленнымъ и очарованнымъ и не слиться съ нею, не вообразить себя ея обладателемъ ни разу и ни на минуту.

16.

В. В. Розановъ [1]).

„Вѣчно печальная дуэль“.

Лермонтовъ могъ бы присутствовать на открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ рядомъ съ сѣдовласымъ Тургеневымъ, плечомъ къ плечу съ Достоевскимъ, Островскимъ. Какое предположеніе! Т.-е. мы чувствуемъ, что будь это такъ, ни Тургеневъ, ни особенно Достоевскій не удержали бы своего характера, и ихъ литературная дѣятельность вытянулась бы въ совершенно другую линію, по другому плану. Въ Лермонтовѣ срѣзана была самая кронка нашей литературы, общѣе—духовной жизни, а не былъ сломленъ хотя бы и огромный, но только побочный сукъ. „Вѣчно печальная“ дуэль; мы рѣшаемся твердо это сказать, что въ поэтѣ таились эмбріоны такихъ созданій, которыя совершенно въ иную и теперь не разгадываемую форму вылили бы все наше послѣдующее развитіе. Кронка была срѣзана, и дерево пошло въ суки. Критика наша, какъ извѣстно, выводитъ всю послѣдующую литературу изъ Пушкина или Гоголя, „серьезная“ критика, или точнѣе серьезничающая, вообще какъ то стѣсняется признать особенное, огромное, и именно умственно-огромное значеніе въ „27-лѣтнемъ“ Лермонтовѣ, авторѣ ломаннаго:

И скучно, и грустно...

или ходульно преувеличеннаго „Демона“, какъ и множества фальшивыхъ страницъ и сценъ „Героя нашего времени“. Онъ „не дозрѣлъ до простоты“—вотъ глубокое словечко Гоголя, прикидывая которое къ Лермонтову, мы обыкновенно отказываемся признать въ немъ значительность. Нужно замѣтить, что критика въ этомъ взглядѣ

1) „Литер. очерки“ Спб., 1902.

только послѣдуетъ нашимъ большимъ писателямъ; С. Т. Аксаковъ, въ пространныхъ литературныхъ воспоминаніяхъ, едва раза два-три упоминаетъ имя Лермонтова; Гоголь въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“ также проходитъ лишь упоминаніемъ Лермонтова и несравненно больше говоритъ объ Языковѣ; Л. Толстой въ началѣ „Казаковъ“, не называя имени Лермонтова, явно смѣется надъ его изображеніями Кавказа; Достоевскій въ первыхъ выпускахъ „Дневника писателя“ и еще кой-гдѣ въ художественныхъ созданіяхъ выказываетъ несомнѣнную нелюбовь къ Лермонтову, между прочимъ, за его „жестокость“. „Не дозрѣлъ до простоты“— какъ и отсутствіе ласки, „простосердечной любви къ ближнему“ затѣнило въ Лермонтовѣ всѣ качества и ото всѣхъ скрыло его значеніе...

Параллелизмъ (и, слѣдовательно, родственность) между Гоголемъ и Лермонтовымъ удивителенъ: это зенитъ и надиръ, высшая и низшая точки „круга небеснаго“. Среди рѣшительно всѣхъ созданій Лермонтова нѣтъ ни одного „съ пятнышкомъ“; у Гоголя почти вся словесность есть сплошной „лишай“, „кора проказы“, покрывающая человѣка. Именно надиръ, но до глубины и окончательно вырисовавшійся, когда „зенитная“ точка едва была намѣчена. Далѣе, въ созданіяхъ Лермонтова есть какая то прототипичность (опять параллель Гоголю): онъ возсоздавалъ какіе то вѣчные типы отношеній, универсальные образы, печать случайнаго и минутнаго въ высшей степени исключена изъ его поэзіи. „Три пальмы“ его, его „Споръ“ запомнены и незабвенны, какъ рѣшительно ни одно изъ стихотвореній Пушкина; они не забываемы, какъ не забываемы, только обратныя по рисунку, фигуры „Мертвыхъ душъ“, „Ревизора“. Вѣчные типы человѣка, природы, отношеній, положеній, но въ противоположность Гоголю „зенитныя“, надъ нами поставленныя:

Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Такихъ многозначительно простыхъ и вѣчно понятныхъ строкъ, выражающихъ вѣчно повторяющееся въ человѣкѣ настроеніе, не написалъ Пушкинъ.

Дальше: вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.

Въ четырехъ строкахъ это не образъ, но скорѣе идея страны. Названы точки, становясь на которыя, созерцаешь цѣлое. И какая воздушность видѣній:

И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ:
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами
. . . .
И снилась ей долина Дагестана...

Это какая то послѣ-смертная телепатія; связь сновъ, когда люди не видятъ другъ друга, и когда одинъ даже уснулъ „вѣчнымъ сномъ". Удивительная красота очерка и совершенная оригинальность, новизна въ замыслѣ. Пушкинъ не зналъ этой тайны существенно новыхъ словъ, новыхъ движеній сердца и отсюда „новыхъ ритмовъ". Мы упомянули о смерти. Вотъ еще точка расхожденія съ Пушкинымъ (и родственности Толстому, Достоевскому, Гоголю). Идея „смерти", какъ „небытія", вовсе у него отсутствуетъ. Слова Гамлета:

Умереть—уснуть...

въ немъ были живымъ, вѣруемымъ ощущеніемъ. Смерть только открываетъ для него „новый міръ", съ ласками и очарованіями почти здѣшняго:

Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы...
Я бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ,
Надо мной, чтобъ вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

У Пушкина есть аналогичная тема, но какая разница:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Природа у него существенно минеральна; у Лермонтова она существенно жизненна. У Пушкина „около могилы" играетъ иная, чужая жизнь; самъ онъ не живетъ болѣе, слившись, какъ атомъ, какъ „персть" съ „равнодушною природой"; и „равнодушіе" самой природы вытекаетъ изъ того именно, что въ ней эта „персть", эта „красная глина" преобладаетъ надъ „дыханіемъ Божіимъ". Осеннее чувство—ощущеніе и концепція осени, почти зимы, у Лермонтова—концепція и живое ощущеніе весны, „дрожаніе силъ", взламывающихъ весенній ледъ, бѣгущихъ веселыми, шумными ручейками. Тутъ мы опять входимъ въ идеи „гармоніи": „я вижу Бога", „я зажегъ лампаду", которыя присущи всѣмъ и роднятъ всѣхъ этихъ „мистаговъ" русской литературы. „Вѣчная жизнь" ихъ, „вѣруемая" жизнь, и есть жизнь „изумрудно-зеленаго листа", „клейкихъ весеннихъ листочковъ", какъ записалъ Достоевскій въ „Карамазовыхъ": они уловили „иные міры" и „Бога" въ самомъ этомъ пульсѣ жизненнаго біенія, выказывающемъ въ лонѣ природы новые и новые „листики". Отсюда ихъ пантеизмъ, живой и жизненный, немного животный (у Толстого, Достоевскаго—у одного въ „карамазовщинѣ", у другого въ „загорѣлыхъ солдатскихъ спинахъ", „толстой шеѣ, на

которую съ чувствомъ собственности смотрѣла Китти"), въ противоположность скептическому стиху Пушкина:

Устами праздными вращаемъ имя Бога,

замирающее „эхо" котораго сказалось въ извѣстномъ безвѣріи Тургенева, въ легкомысліи г. Боборыкина. Лермонтовъ не даромъ кончилъ „Пророкомъ", и притомъ оригинально новаго построенія, безъ „заимствованія сюжета". Струя „весенняго" пророчества уже потекла у насъ въ литературѣ, и это—очень далекихъ устремленій струя.

Но его собственныя пророческія, истинно-пророческія видѣнія были прерваны фатально-неумѣлымъ выстрѣломъ Мартынова. Какъ часто, внимательно расчленяя по годамъ имъ написанное, мы съ болью видѣли, что, отнявъ только написанное за шесть мѣсяцевъ рокового 1841 года, мы уже не имѣли бы Лермонтова въ томъ объемѣ и значительности, какъ имѣемъ теперь. До того быстро, бурно, именно „вешнимъ способомъ" шло, подымаясь и подымаясь, его творчество. Въ этомъ послѣднемъ году имъ написано: „Есть рѣчи, значенье", „Послѣднее новоселье", „Изъ-подъ таинственной холодной полумаски", „Люблю отчизну я, но странною любовью", „Это случилось въ послѣдніе годы", „Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою", „Сказка для дѣтей", „Споръ", „Въ полдневный жаръ", „Ночевала тучка", „Дубовый листокъ", „Выхожу одинъ я", „Морская царевна", „Пророкъ". Еслибы еще полгода, полтора года; еслибы хоть небольшой пукъ такихъ стиховъ... „Вѣчно печальная" дуэль!...

17.

Д. С. Мережковскій.

Лермонтовъ.

Гдѣ же, гдѣ, наконецъ, въ Россіи тотъ „гордый человѣкъ", которому надо смириться? Хочется иногда отвѣтить на этотъ вѣчный призывъ къ смиренію: докуда же еще смиряться?

И вотъ одинъ единственный человѣкъ въ русской литературѣ, до конца не смирившійся—Лермонтовъ.

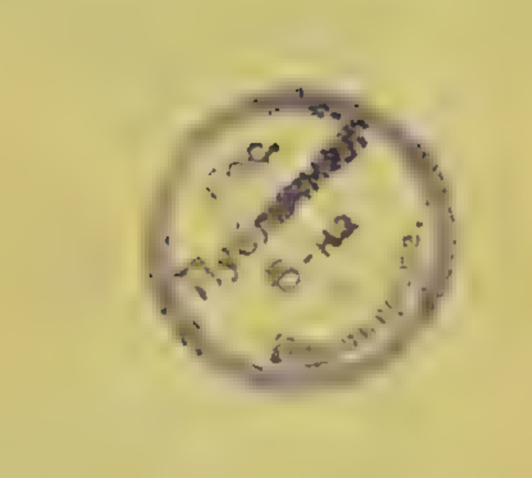
Потому ли, что не успѣлъ смириться?—Едва ли.

Источникъ Лермонтовскаго бунта—не эмпирическій, а метафизическій. Еслибы продолжить этотъ бунтъ въ безконечность, онъ, можетъ быть, привелъ бы къ иному, болѣе глубокому, истинному смиренію, но во всякомъ случаѣ не къ тому, котораго требовалъ Достоевскій и которое смѣшиваетъ свободу сыновъ Божіихъ съ че-

Рис. худ. М. Сарьяна.

„И видитъ онъ: черкешенка младая
Стоитъ въ дверяхъ, мила, какъ херувимъ“.
(„Аулъ Бастунджи“).

Д. С. Мережковскій.

ловѣческимъ рабствомъ. Вѣдь уже изъ того, какъ Лермонтовъ началъ свой бунтъ, видно, что есть въ немъ какая то религіозная святыня, отъ которой не отречется бунтующій, даже подъ угрозой вѣчной погибели, той „преисподней, гдѣ пляшутъ красные черти“.

Этой то метафизически и религіозно утверждающей себя несмиренности, несмиримости и не могла простить Лермонтову русская литература. Все постигла бы, только не это—не „хулу на Духа“, на своего смиреннаго духа.

Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами.
Глупецъ! хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами.
Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ,
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!

Вотъ за что обреченъ былъ Лермонтовъ на страшную казнь въ семъ вѣкѣ и будущемъ...

Противоположеніе Пушкинскаго созерцательнаго и Лермонтовскаго дѣйственнаго начала — не эмпирическое, а метафизическое. Никакого дѣйствія нѣтъ и у Лермонтова, такъ же какъ у Пушкина: вся разница въ томъ, что одинъ спасается, другой погибаетъ въ бездѣйствіи.

Пушкинъ кажется болѣе народнымъ, чѣмъ Лермонтовъ. Но если русскому народу религіозная стихія родная, то Лермонтовъ не менѣе, а, можетъ быть, и болѣе народенъ, чѣмъ Пушкинъ.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой,
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой.

Не отъ „благословеннаго" Пушкина, а отъ „проклятаго" Лермонтова мы получили этотъ „образокъ святой"—завѣтъ матери, завѣтъ родины. Отъ народа къ намъ идетъ Пушкинъ; отъ насъ къ народу—Лермонтовъ; пусть не дошелъ, онъ все-таки шелъ къ нему. И если мы когда-нибудь дойдемъ до народа въ предстоящемъ религіозномъ движеніи отъ небеснаго идеализма къ земному реализму, отъ стараго неба къ новой землѣ—„Землѣ Божьей", „Матери Божьей", то не отъ Пушкина, а отъ Лермонтова начнется это будущее *религіозное народничество.*

Скрытою борьбою съ Лермонтовымъ была донынѣ вся русская литература; не предстоитъ ли намъ борьба съ Пушкинымъ?

Съ вѣчною истиной бороться нельзя. Пушкинъ—такая же вѣчная истина, какъ Лермонтовъ, или, вѣрнѣе, одна изъ двухъ половинъ этой истины. Нельзя бороться съ Пушкинымъ, какъ съ однимъ изъ двухъ, но можно, какъ съ единственнымъ.

Вопросъ не въ томъ, какъ Пушкина побѣдить Лермонтовымъ: вопросъ, отъ котораго зависитъ наше спасеніе или погибель,—какъ соединить себя съ народомъ, наше созерцаніе съ нашимъ дѣйствіемъ, Пушкина съ Лермонтовымъ?

18.

В. Ѳ. Саводникъ.

Чувство природы у Лермонтова.

Гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ въ поэзіи Пушкина, играло чувство природы въ творчествѣ его ближайшаго преемника Лермонтова. При этомъ чувство это отличалось у него гораздо большею силой и глубиною, составляло весьма существенный элементъ

его духовной жизни. Повидимому, очень рано, еще въ эпоху дѣтства, оно начало проявляться въ его сознаніи. Въ отрывкѣ изъ неоконченной повѣсти, имѣющемъ несомнѣнное автобіографическое значеніе, Лермонтовъ говоритъ про своего героя, Арбенина: „Шести лѣтъ онъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку". О силѣ развитія въ немъ чувства природы въ дѣтскіе и отроческіе годы свидѣтельствуютъ также и многія замѣчанія въ другомъ автобіографическомъ произведеніи, въ поэмѣ „Сашка". Такъ, напр., онъ говоритъ про своего героя, въ которомъ, безусловно, воплощены многія черты его собственной личности:

О, еслибъ могъ онъ, какъ безплотный духъ,
Въ вечерній часъ сливаться съ облаками,
Склонять къ волнамъ кипучій жадный слухъ
И долго упиваться ихъ рѣчами,
Въ глуши степей дышать со всей природой
Однимъ дыханьемъ, жить ея свободой!..

Подобной же любовью и тяготѣніемъ къ природѣ надѣляетъ Лермонтовъ и нѣкоторыхъ другихъ своихъ героевъ, характеристика которыхъ также носитъ нѣкоторый субъективный отпечатокъ (Измаилъ-бей, Мцыри, Арсеній). Даже холодный и разочарованный Печоринъ смягчается духомъ всякій разъ, когда онъ остается лицомъ къ лицу съ природой, наединѣ съ нею; на страницахъ его дневника („Княжна Мэри") неоднократно встрѣчаются яркія и прочувствованныя картины природы, обнаруживающія въ озлобленной душѣ Печорина черты глубокой любви къ ней и тонкой отзывчивости. Наконецъ, въ лирикѣ Лермонтова мы неоднократно встрѣчаемъ отзывы самого поэта объ его собственномъ отношеніи къ природѣ. Такъ, напр., въ одномъ изъ раннихъ своихъ стихотвореній „Къ***" (1830 г.) Лермонтовъ, сравнивая себя съ Байрономъ, замѣчаетъ:

Какъ онъ, въ ребячествѣ ужъ я пылалъ душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ, и бурь небесныхъ вой...

Рано обнаружившаяся тонкая воспріимчивость Лермонтова къ впечатлѣніямъ внѣшняго міра съ годами крѣпла и углублялась. Въ эпоху полной зрѣлости таланта природа становится для него однимъ изъ наиболѣе излюбленныхъ и неизмѣнныхъ источниковъ вдохновенія, истинной „музой" поэта. Мотивы, внушенные ею, занимаютъ количественно весьма важное мѣсто въ общей сложности его поэтическихъ созданій, а качественно принадлежатъ нерѣдко къ числу наиболѣе художественныхъ и совершенныхъ проявленій его творческаго генія.

При этомъ въ творчествѣ Лермонтова внѣшній міръ не является лишь красивой декораціей, фономъ картины, но получаетъ вполнѣ

самостоятельное, самодовлѣющее значенiе. Все это свидѣтельствуетъ о большой интенсивности чувства природы у Лермонтова. Чувство это, несомнѣнно, было органически связано со всѣмъ строемъ его душевной жизни, со всѣмъ складомъ его характера и мiросозерцанiя; оно входило въ его внутреннiй мiръ, какъ необходимый элементъ, какъ опредѣленная величина въ сложной функцiи его душевной жизни... Поэтому изученiе различныхъ проявленiй чувства природы въ поэзiи Лермонтова даетъ чрезвычайно важный матерiалъ для уразумѣнiя всего его духовнаго облика и бросаетъ яркiй свѣтъ на многiя стороны его поэтическаго творчества.

Весьма показательнымъ для ранняго развитiя чувства природы у Лермонтова является многочисленность среди его юношескихъ стихотворенiй пьесъ, внушенныхъ этимъ чувствомъ. Самое *первое* изъ дошедшихъ до насъ лирическихъ стихотворенiй его, написанное въ 14-лѣтнемъ возрастѣ („Осень", 1828 г.), изображаетъ именно картину природы. Подобныхъ изображенiй можно найти на страницахъ его юношескихъ тетрадей немало. Въ нихъ видна большая неувѣренность рисунка, неясность общей концепцiи, бѣдность изобразительныхъ средствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно желанiе уловить и передать *непосредственное, живое впечатлѣнiе* и связанное съ нимъ *настроенiе*. Это уже не вымышленные, стилизованные пейзажи, какъ въ лицейскихъ стихотворенiяхъ Пушкина, а картинки, списанныя съ дѣйствительности, хотя и неопытной, неокрѣпшей рукою.

Кромѣ непосредственныхъ впечатлѣнiй, вынесенныхъ изъ созерцанiя окружающей дѣйствительности, многiя изъ юношескихъ стихотворенiй Лермонтова были внушены ему воспоминанiями о Кавказѣ, гдѣ онъ побывалъ,—правда, въ полосѣ предгорья,—когда ему было только десять лѣтъ отъ роду. Впечатлѣнiе, произведенное на него величественной и дикой природой Кавказскаго края, было настолько сильно, что сохранилось на всю его жизнь. „Мой генiй сплелъ себѣ вѣнокъ въ разсѣлинахъ Кавказскихъ скалъ",—говоритъ Лермонтовъ въ одномъ изъ раннихъ своихъ стихотворенiй („Посвященiе", 1830 г.). Въ другомъ стихотворенiи того же года онъ выражается такъ:

Хотя я судьбой на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ,
Какъ сладкую пѣсню отчизны своей,
Люблю я Кавказъ!

Въ юношескихъ поэмахъ Лермонтова („Каллы", „Аулъ Бастунджи", „Измаилъ-бей", „Хаджи-Абрекъ") разбросано множество картинъ кавказской природы. Картины эти, въ большинствѣ случаевъ, отличаются нѣкоторой блѣдностью и схематичностью, такъ какъ написаны по воспоминанiямъ, а не подъ живымъ и непосредственнымъ впечатлѣнiемъ. Однако самый фактъ постояннаго обращенiя мысли Лермонтова къ далекому Кавказу показываетъ, насколько сильно было то обаянiе, какимъ этотъ дикiй край былъ окруженъ въ во-

ображенiи поэта. И это обаянiе сохранилось у Лермонтова на всю жизнь. Кавказъ неотразимо привлекалъ къ себѣ воображенiе поэта, „фасцинировалъ“ и въ то же время вдохновлялъ его, давалъ ему матерiалъ для его творческой работы. Онъ прожилъ въ немъ, въ общей сложности, не много времени, но чувствомъ и мыслью онъ сжился съ нимъ настолько, что Кавказъ сталъ для него второю родиной, любимымъ краемъ его поэтическаго вдохновенiя. Туда переносилъ онъ дѣйствiе большинства своихъ наиболѣе крупныхъ по размѣрамъ и по художественному достоинству произведенiй („Демонъ“, „Мцыри“, „Герой нашего времени“). Кавказъ служитъ великолѣпнымъ фономъ, прекрасно гармонирующимъ съ трагическими порывами духа мятежныхъ и страдающихъ героевъ Лермонтова, этихъ призрачныхъ двойниковъ самого поэта. Кавказу посвящены и многiя лирическiя стихотворенiя, принадлежащiя къ лучшимъ созданiямъ его зрѣлаго перiода: „Казбекъ“, „Сонъ“, „Утесъ“, „Дары Терека“, „Валерикъ“ и др.

Въ чемъ же заключается причина этого неизмѣннаго обаянiя, приковавшаго фантазiю нашего поэта къ Кавказу? Вопросъ этотъ можно замѣнить другимъ, болѣе общимъ: что̀ Лермонтовъ искалъ въ природѣ? какiя явленiя ея производили наиболѣе сильное впечатлѣнiе на его душу? какiя картины внѣшняго мiра глубже всего волновали его, вызывали въ немъ поэтическiй отголосокъ... У Пушкина постоянное тяготѣнiе... къ простому, скромному русскому пейзажу, съ его неяркими красками, съ его широкимъ и плоскимъ просторомъ, отъ котораго вѣетъ какимъ то эпическимъ спокойствiемъ и сладкою грустью; съ любовью изображалъ Пушкинъ эти задумчиво-грустныя картины родного края,—полосатыя нивы, однообразныя равнины, „на небѣ сѣренькiя тучи, передъ избой соломы кучи, да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ, раздолье утокъ молодыхъ“...

Не таковъ любимый пейзажъ Лермонтова: безпокойная и мятежная душа его, въ которой жила какая то трагическая сила, не удовлетворялась сѣрой, однообразной обыденностью жизни, жаждала сильныхъ и яркихъ впечатлѣнiй. Поэтому и въ природѣ Лермонтовъ искалъ по преимуществу *величественнаго*, необычайнаго, поражающаго чувство и воображенiе. „Любилъ онъ моря шумъ, молчанье синей степи и мрачныхъ горъ зубчатые хребты“,—говоритъ онъ въ стихотворенiи, посвященномъ памяти князя Одоевскаго,—и эти же слова можно вполнѣ примѣнить и къ нему самому. Природа родной земли, съ ея „красою тихою, блистающей смиренно“, не могла дать ему тѣхъ сильныхъ и яркихъ впечатлѣнiй, которыхъ алкала его душа, томившаяся жаждой „бури“ среди тишины и однообразiя жизни. Только величественный, *героическiй* пейзажъ могъ удовлетворить этимъ запросамъ и потребностямъ его духа,—и такой пейзажъ нашелъ Лермонтовъ въ горной природѣ Кавказскаго края. Вотъ почему Лермонтовъ и сталъ въ русской поэзiи „пѣвцомъ Кавказа“, какъ его неоднократно называли, вотъ почему онъ съ такимъ по-

стоянствомъ обращался мыслью и мечтою къ грандіознымъ, мрачнымъ и дикимъ картинамъ Кавказскихъ горъ.

Въ стихотвореніи „1831 года, іюня 11“, представляющемъ собой какъ бы исповѣдь молодого поэта и потому очень важномъ для пониманія его настроеній и преобладающаго направленія его вкусовъ и симпатій, Лермонтовъ говоритъ:

Что на землѣ прекраснѣй пирамидъ
Природы, этихъ гордыхъ снѣжныхъ горъ?
Не перемѣнитъ ихъ надменный видъ
Ничто: ни слава царствъ, ни ихъ позоръ:
О ребра ихъ дробятся темныхъ тучъ
Толпы, и молній обвиваетъ лучъ
Вершины скалъ: ничто не вредно имъ.
Кто близъ небесъ, тотъ не сражонъ земнымъ.

Этому величественному виду снѣговыхъ горъ поэтъ противопоставляетъ однообразную и печальную картину степи, при чемъ картина эта получаетъ у него своеобразное аллегорическое значеніе:

Печаленъ степи видъ, гдѣ безъ препонъ,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучій аквилонъ
И предъ собой свободно гонитъ пыль;
И гдѣ кругомъ, какъ зорко ни смотри,
Встрѣчаетъ взглядъ березы двѣ иль три,
Которыя подъ синеватой мглой
Чернѣютъ вечеромъ въ дали пустой.

Здѣсь картина степи олицетворяетъ въ воображеніи поэта все однообразіе, весь мертвенный покой будничнаго существованія. „Какъ жизнь скучна, когда боренья нѣтъ!“—восклицаетъ онъ далѣе, изображая снѣдающую его тоску бездѣйствія, томительную „жажду бытія“, жажду иной, полной и яркой жизни. И, не находя этой жизни въ окружающей его „степи людской, печальной и безбрежной“, онъ переносился мечтой въ иныя условія, въ иную прекрасную и величественную обстановку, связывавшуюся въ воображеніи поэта съ картинами далекаго, дикаго Кавказа...

Въ эпоху господства канцелярско-казарменнаго режима, въ эпоху процвѣтанія крѣпостного права и всеобщаго сервилизма дикій Кавказскій край, съ его отважнымъ, свободолюбивымъ населеніемъ, упорно и храбро отстаивавшимъ родныя горы отъ напора могущественнаго врага, пріобрѣталъ особенный ореолъ въ представленіи людей, плохо мирившихся съ тяжелыми, обезличивающими и угнетающими условіями современной русской дѣйствительности. Въ противоположность закрѣпощенной Россіи, „странѣ рабовъ, странѣ господъ“, Кавказъ являлся въ ихъ глазахъ по преимуществу страной *свободы*, „пріютомъ вольности святой“, привлекавшимъ поэтому къ себѣ ихъ вниманіе и симпатіи.

Этотъ взглядъ сказался еще въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ Пушкина, герой котораго, „отступникъ свѣта, другъ природы“, покидаетъ культурное общество и отправляется въ далекій Кавказскій край, увлекаемый „*веселымъ призракомъ свободы*“.—„Свобода! онъ одной тебя еще искалъ въ подлунномъ мірѣ“, замѣчаетъ о немъ поэтъ, подчеркивая такимъ образомъ эту характерную черту своего разочарованнаго героя. Съ подобнымъ же представленіемъ о Кавказѣ, какъ о странѣ свободы, встрѣчаемся мы у Лермонтова. „Прекрасенъ ты, *суровый край свободы*!“ говоритъ онъ въ поэмѣ „Измаилъ-бей“ (1832). Даже и въ болѣе раннихъ произведеніяхъ поэта находимъ мы выраженіе той же мысли; такъ, въ одномъ изъ стихотвореній 1830 года („Кавказъ“) Лермонтовъ совершенно ясно обнаруживаетъ свое настроеніе, показывая, на чьей сторонѣ находятся его юношескія симпатіи въ борьбѣ между дикой свободой и культурнымъ насиліемъ:

Кавказъ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..
Ужель пещеры и скалы,
Подъ дикой пеленою мглы,
Услышатъ также крикъ страстей,
Звонъ славы, злата и цѣпей?..

Въ этихъ стихахъ сказалось характерное для всей эпохи романтизма противопоставленіе природы и культуры, первобытной простоты и свободы, съ одной стороны, и условности, искусственности и однообразія культурнаго существованія—съ другой. Противопоставленіе это... есть у Пушкина (напр., въ „Цыганахъ“), но у Лермонтова, который въ гораздо большей мѣрѣ воспринялъ въ себя идеи и тенденціи романтизма, оно сказывается чаще, чѣмъ у его предшественника. Съ особенной яркостью оно выразилось въ поэмѣ „Мцыри“, герой которой олицетворяетъ собой это пламенное стремленіе къ дикой свободѣ, стремленіе—„въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ, гдѣ въ тучахъ прячутся скалы, гдѣ люди вольны, какъ орлы“.

Вообще, эта поэма, одно изъ наиболѣе яркихъ и цѣльныхъ произведеній Лермонтова, даетъ намъ ключъ къ пониманію нѣкоторыхъ чертъ въ его отношеніяхъ къ природѣ. Какъ писатель съ рѣзко выраженнымъ субъективнымъ складомъ творчества, Лермонтовъ, подобно своему учителю Байрону, обыкновенно переносилъ на своихъ героевъ черты собственной личности. Есть такія черты и въ характерѣ Мцыри. Мцыри—натура мятежная, боевая. Спокойное, мирное существованіе, среди обычной и однообразной дѣйствительности, не удовлетворяетъ его. Онъ жаждетъ бурь и битвъ, въ монастырскихъ стѣнахъ онъ мечтаетъ о „блаженствѣ вольности“, о подвигахъ и опасностяхъ. Мцыри бѣжитъ изъ монастыря во время грозы, когда монахи въ испугѣ съ молитвами толпились передъ алтаремъ. „О, я, какъ братъ, обняться съ бурей былъ бы радъ!“

говоритъ онъ, вспоминая объ этой „дружбѣ краткой, но живой, *межъ бурнымъ сердцемъ и грозой*“.

Такимъ же „бурнымъ сердцемъ“, тоскующимъ въ оковахъ бездѣйствія, жаждущимъ „тревогъ и битвъ“, былъ надѣленъ и Лермонтовъ. Его мятежная душа не находила себѣ удовлетворенія въ условіяхъ сѣренькой и однообразной дѣйствительности: въ немъ живы были пламенные порывы къ какой то героической дѣятельности, онъ ясно ощущалъ въ себѣ богатый запасъ силъ и не находилъ для нихъ точки приложенія. „Дайте воли, воли, воли,—и не надо счастья мнѣ!“ восклицаетъ поэтъ въ одномъ изъ варіантовъ знаменитаго „Узника“. Это же смутное чувство недовольства монотонностью мирной будничной жизни и жажду борьбы и подвиговъ Лермонтовъ символизировалъ въ своемъ „парусѣ“, одиноко бѣлѣющемъ „въ туманѣ моря голубомъ“:

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой,—
А онъ, мятежный, ищетъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!..

Изъ крупныхъ произведеній Лермонтова наиболѣе богаты картинами кавказской природы поэмы: „Хаджи-Абрекъ“, „Демонъ“ и „Мцыри“,—особенно послѣдняя, представляющая собой одинъ восторженный гимнъ красотѣ Божьяго міра, гимнъ, вложенный въ уста умирающаго юноши, которому только на краткій мигъ удалось вырваться на волю, припасть на лоно дикой, но вѣчно прекрасной природы, отъ которой онъ былъ насильственно отторгнутъ. Въ этихъ яркихъ и красочныхъ картинахъ сказалось то могущественное обаяніе, которое производилъ Кавказъ на душу поэта.

Если Лермонтовъ и является по преимуществу „пѣвцомъ Кавказа“, если величественная и разнообразная природа этого края неудержимо влекла и приковывала къ себѣ воображеніе поэта, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ не умѣлъ цѣнить и своеобразную прелесть скромнаго русскаго пейзажа. Какъ разъ среди его стихотвореній послѣднихъ двухъ лѣтъ есть нѣсколько пьесъ, позволяющихъ предполагать, что въ его вкусахъ въ этомъ отношеніи намѣчался нѣкоторый поворотъ, который не укрылся отъ его собственнаго взора, хотя онъ и не могъ еще дать себѣ въ немъ яснаго отчета. Такъ, въ альбомномъ посвященіи С. Н. Карамзиной (1840 г.) Лермонтовъ говоритъ:

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы,
И бури тайныя страстей.
Но красоты ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
И оглушающій языкъ.

Люблю я больше годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру ясную погоду,
Подъ вечеръ—тихій разговоръ...

Несмотря на шутливый тонъ этихъ стиховъ, въ нихъ, вѣроятно, скрывается намекъ на вполнѣ серьезное и искреннее чувство, постепенно овладѣвавшее въ эти годы душою поэта. Возможность такого предположенія станетъ яснѣе, если сопоставить приведенные стихи съ написанными около того же времени піесами: „Первое января 1840 г.", гдѣ поэтъ съ такой любовью отдается воспоминаніямъ о своемъ дѣтствѣ и о „родныхъ мѣстахъ", среди которыхъ онъ возросъ, и въ особенности со знаменитымъ стихотвореніемъ „Отчизна". Въ этихъ задумчиво-спокойныхъ стихахъ Лермонтовъ нашелъ новые звуки и краски, нашелъ новыя слова, такія простыя и обыденныя, для выраженія той „странной любви", которая привязывала его къ родной землѣ. И самъ поэтъ точно съ какимъ то недоумѣніемъ останавливается передъ тайною силой своего чувства, надъ которымъ не властенъ холодный разсудокъ...

Въ этихъ стихахъ Лермонтова мы видимъ рѣдкое у него совпаденіе чувства природы съ чувствомъ *родины*,—той инстинктивной, кровной, сыновней привязанности къ родной землѣ, которая крѣпче и устойчивѣе всякаго сознательнаго патріотизма, именно благодаря своей непосредственности и органичности. Весьма возможно, что, проживи Лермонтовъ еще нѣсколько лѣтъ, это чувство получило бы дальнѣйшее развитіе, стало бы для него источникомъ живого вдохновенія. Но рокъ судилъ иначе. Лермонтовъ умеръ слишкомъ рано, не сказавъ своего послѣдняго слова, и мы можемъ лишь смутно гадать о томъ, какое направленіе приняла бы его поэзія, еслибы ему суждено было прожить долѣе...

Чувство природы сочеталось у Лермонтова съ жаждою сильныхъ впечатлѣній, со стремленіемъ къ величественному и поразительному, и изъ этого сочетанія выросло его увлеченіе Кавказомъ и вся его поэзія горной природы. Но это же самое тяготѣніе ко всему великому и грандіозному проявлялось у Лермонтова также и въ иныхъ формахъ. Въ то время какъ реалистъ Пушкинъ въ своихъ пейзажахъ останавливается преимущественно на близкихъ, *земныхъ* предметахъ, любовно и охотно изображая неяркую и спокойную русскую природу во всей ея будничной простотѣ,—идеалистъ Лермонтовъ чаще устремлялъ свои взоры *вдаль* и *ввысь*, туда, куда влекла его неутомимая, хотя и смутная жажда чего то высшаго, совершеннаго, стоящаго внѣ обыденной дѣйствительности.

Оттого пейзажи Лермонтова отличаются гораздо болѣе широкими горизонтами, часто переходящими въ безграничность надзвѣздныхъ пространствъ. Стремящіяся ввысь, покрытыя дѣвственнымъ снѣгомъ, величественныя и недоступныя для человѣка *горы*, бездонное *небо* и безконечно далекія *звѣзды*—вотъ тѣ явленія природы,

которыя чаще всего и сильнѣе всего привлекали къ себѣ мечту поэта. Онъ искалъ въ природѣ преимущественно того, что возбуждаетъ въ душѣ человѣка *чувство высокаго и безконечнаго*, что отрываетъ его отъ бѣдной и ограниченной земной дѣйствительности и переноситъ его воображеніе въ міръ чистаго, идеальнаго бытія. Вотъ почему Лермонтовъ такъ охотно и съ такой любовью обращалъ свои взоры ввысь, къ далекому, ясному небу, которое являлось для него символомъ вѣчности.

Кн. А. И. Барятинскій, товарищъ Лермонтова.

Въ одномъ прозаическомъ отрывкѣ ранней эпохи Лермонтовъ восклицаетъ: „Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое...; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ да о небѣ...“ И дѣйствительно, чаще, чѣмъ кого-либо изъ русскихъ поэтовъ, мысль о небѣ, созерцаніе его красоты вдохновляло и окрыляло творческую фантазію Лермонтова. Едва ли не первый изъ русскихъ поэтовъ, Лермонтовъ открылъ и прочувствовалъ высокую поэзію *звѣзднаго неба;* начиная съ первыхъ юношескихъ опытовъ, онъ вдохновлялся его зрѣлищемъ, почерпалъ въ его созерцаніи мотивы и образы для своего творчества...

Уже съ раннихъ лѣтъ Лермонтовъ привыкъ теряться взорами въ неизмѣримыхъ пространствахъ звѣзднаго неба, которое притягивало его къ себѣ съ непонятной для него самого силой, привыкъ задумываться надъ загадочнымъ смысломъ сверкающихъ во мракѣ звѣздныхъ знаковъ, которые говорили жаждущей душѣ поэта своимъ огненнымъ языкомъ о чемъ то великомъ и непостижимомъ. И иногда, въ моменты внутренняго прозрѣнія, ему открывалась какая то таинственная связь между этимъ неизмѣримо далекимъ міромъ звѣздъ и его собственной душою, точно тамъ, въ эѳирной дали, прозидѣла душа поэта свою позабытую родину...

Люблю я съ колокольни иль съ горы,
Когда земля молчитъ и небо чисто,
Теряться взорами средь цѣпи ихъ огнистой,—
И мнится, что межъ ними и землей
Есть путь, давно измѣренный душой,—
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся вмѣстѣ всѣ лучи ихъ свѣта. („Сашка“).

Этотъ „путь давно измѣренный“ межъ землей и небомъ—тотъ самый путь, по которому нѣкогда ангелъ несъ душу человѣческую—„для міра печали и слезъ“, напѣвая „тихую пѣсню“, которой благоговѣйно внимали „и мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи“. Звѣзды—свидѣтели великихъ чудесъ, хранители вѣчныхъ тайнъ, о которыхъ онѣ говорятъ между собой въ тихую ночь, когда вся природа молчитъ и пустыня „внемлетъ Богу“. Но, взирая съ своей недоступной высоты на бѣдную землю, онѣ не остаются безстрастными и равнодушными къ ней и къ людямъ, и когда среди нихъ встаетъ боговдохновенный пророкъ, онѣ утѣшаютъ его въ годины гоненій и слушаютъ его пламенныя рѣчи въ пустынѣ, „лучами радостно играя“.

Особенное тяготѣніе Лермонтова къ звѣздному міру сказывается и въ томъ, что онъ такъ часто и охотно заимствуетъ изъ него художественные образы и уподобленія, въ основѣ которыхъ лежатъ, очевидно, привычныя для него ассоціаціи. Такъ, напр., „летучій мигъ счастья“ онъ сравниваетъ съ мгновеннымъ блескомъ падучей звѣзды („Къ генію“, 1829), а призрачность и неуловимость счастья онъ уподобляетъ отраженію ночной звѣзды въ заливѣ: малѣйшее прикосновеніе къ зеркальной поверхности воды—и яркій отблескъ далекаго свѣтила затуманивается и исчезаетъ, какъ исчезаетъ призракъ счастья въ моментъ, когда мы уже считаемъ себя его обладателями („Еврейская мелодія“, 1830). Иногда видъ падучей звѣзды вызываетъ у Лермонтова и другія ассоціаціи: „Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень, не нуженъ въ мірѣ я“, — говоритъ онъ въ одномъ стихотвореніи того же 1830 года. Неоднократно поэтъ упоминаетъ и о „своей“ звѣздѣ, съ которой связана его судьба,—напр., въ стихотвореніи, посвященномъ гр. Ростопчиной: „Я вѣрю: подъ одной звѣздою мы съ вами были рождены“. Иногда образъ звѣзды сочетается съ представленіями о далекомъ счастьѣ, о потерянномъ блаженствѣ, воспоминаніе о которомъ трепетно сіяетъ во мракѣ одиночества и безнадежности; такъ, напр., Демонъ, при первомъ же взглядѣ на Тамару чувствуетъ себя растроганнымъ и умиленнымъ, въ памяти его возникаютъ картины прежняго блаженства—

. . . . и мечты
О прежнемъ счастьѣ цѣпью длинной,
Какъ будто за звѣздой звѣзда,
Предъ нимъ воскреснули тогда.

Но всего чаще образъ „звѣзды“ ассоціируется у Лермонтова съ представленіемъ о женскихъ глазахъ; впрочемъ, такое сочетаніе: очи—звѣзды, представляетъ собой чрезвычайно распространенное явленіе поэтической символизаціи и встрѣчается въ поэзіи всѣхъ народовъ и странъ, начиная съ Ведъ и Библіи и кончая поэтами новѣйшаго времени. Въ одномъ стихотвореніи безъ названія (1830 г.) Лермонтовъ говоритъ:

Въ верху одна
Горитъ звѣзда;
Мой взоръ она
Манитъ всегда;
Мои мечты
Она влечетъ,
И съ высоты
Мнѣ радость льетъ.
Таковъ же былъ
Тотъ нѣжный взоръ,
Что я любилъ...
. . . .
Какъ та звѣзда,
Онъ былъ далекъ...

Мы уже видѣли выше, какъ тѣсно связано развитіе чувства природы у Лермонтова со всѣмъ строемъ его личности; точно такъ же приходится, въ частности, установить эту связь и относительно только что отмѣченнаго тяготѣнія нашего поэта къ ночному небу и міру звѣздъ. И здѣсь разгадку этого могущественнаго обаянія нужно искать въ самомъ складѣ и характерѣ его міровоззрѣнія. Лермонтовъ былъ *натурой глубоко-религіозной*: въ немъ жила и горѣла неутомимая жажда высшаго, вѣчнаго, совершеннаго, великая тоска по Богѣ. Эти искренніе и пламенные порывы духа въ область абсолютнаго складывались у него въ формѣ нѣсколько туманнаго, но привлекательнаго въ своей неясности *идеализма*, въ которомъ черты традиціоннаго религіознаго созерцанія довольно причудливо сочетались съ отголосками философско-идеалистическихъ воззрѣній Шиллера, съ раннихъ лѣтъ бывшаго однимъ изъ учителей и духовныхъ руководителей нашего поэта. Неудовлетворенный будничной дѣйствительностью, разочарованный въ жизни и въ людяхъ, оскорбленный въ своихъ высшихъ чувствахъ ничтожностью и пошлостью окружающаго, Лермонтовъ переносилъ свои лучшія мечты и упованія въ міръ идеальнаго бытія, чуждаго страстей, борьбы и грѣха. Этотъ свѣтлый идеальный міръ онъ думалъ найти въ томъ надзвѣздномъ краю, „гдѣ стелется эѳиръ, какъ вѣчный океанъ“ („Къ Генію“, 1830), а горы, поднимающія въ недоступную высь свои бѣлоснѣжныя вершины, представлялись ему, какъ „вѣчныя ступени— съ земли на небо, въ край его видѣній“ (Посвященіе къ „Демону“).

Глубокая вѣра въ этотъ идеальный міръ составляетъ едва ли не самую существенную часть міровоззрѣнія Лермонтова. Томясь среди житейской суеты, мучимый внутреннимъ разладомъ, поэтъ всю свою недолгую жизнь стремился—

Къ тому, чего даны въ залогъ
Съ толпою звѣздъ ночные своды,
Къ тому, что обѣщалъ намъ Богъ...

Но эта вѣра въ идеальный, совершенный міръ и пламенное стремленіе къ нему поддерживали въ душѣ поэта вѣчное недоволь-

ство жизнью, людьми и самимъ собою, заставляли его изнемогать „подъ знойнымъ солнцемъ бытія“, тяжело страдать отъ сознанія рокового разлада между дѣйствительностью и недостижимымъ, безконечно высокимъ идеаломъ. Эти нравственныя страданія заставляли его бѣжать изъ общества людей, искать себѣ душевнаго успокоенія въ непосредственномъ общеніи съ природой, въ созерцаніи ея красоты и величія. Эта жажда одиночества и уединенія, столь характерная для настроенія Лермонтова, психологически родственна тѣмъ душевнымъ порывамъ, которые издавна заставляли религіозныхъ людей уходить въ „пустыню“, для того, чтобы быть наединѣ со своею совѣстью и съ Богомъ. Такъ и Лермонтовъ въ тихую звѣздную ночь, когда „въ небесахъ торжественно и чудно“ и „спитъ земля въ сіяньи голубомъ“, чувствуетъ, какъ въ благоговѣйномъ молчаніи „пустыня внемлетъ Богу“. Созерцаніе величественной картины звѣзднаго неба пробуждаетъ въ немъ религіозный экстазъ, вызываетъ въ немъ мысль о вѣчномъ и безконечномъ. Это соединеніе чувства природы *съ религіознымъ элементомъ, съ идеей безконечнаго*, придаетъ ему особенную окраску и дѣлаетъ для насъ понятнымъ, почему поэтъ искалъ въ природѣ не столько прекраснаго (das Schöne), сколько высокаго (das Erhabene)...

Созерцаніе окружающей природы не только вноситъ миръ и успокоеніе въ страждущую душу поэта, но оно вызываетъ въ немъ чувство безконечнаго, свѣтлый религіозный порывъ, живое ощущеніе присутствія Божества въ невидимомъ мірѣ. Эта особенность Лермонтовскаго чувства природы съ полной наглядностью сказалась въ его знаменитомъ стихотвореніи „Когда волнуется желтѣющая нива“, заканчивающемся стихами, ярко и просто передающими просвѣтленно-спокойное настроеніе поэта:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

Небо всегда властно влекло къ себѣ мысль и чувство Лермонтова и все, что совершается на небѣ, было для него полно глубокаго интереса и смысла. Ночью—далекія звѣзды своимъ таинственнымъ мерцаніемъ говорили его душѣ о чемъ то вѣчномъ и неизмѣнномъ; днемъ — онъ любовался плавнымъ движеніемъ облаковъ „средь полей необозримыхъ“ небеснаго простора, слѣдилъ за причудливымъ измѣненіемъ ихъ формъ, за игрою въ нихъ свѣта и тѣни,—и эти постоянныя видоизмѣненія говорили ему о вѣчномъ движеніи жизни, о неудержимомъ потокѣ бытія, а творческая фантазія поэта надѣляла этихъ „вѣчныхъ странниковъ“ неба своеобразной жизнью, вольной, безстрастной и чуждой всего человѣческаго. Въ автобіографической поэмѣ „Сашка“ Лермонтовъ говоритъ:

О, я люблю густыя облака,
Когда они толпятся надъ горою,
Какъ на хребтѣ стального шишака
Колеблемыя перья. Предъ грозою,
Въ одеждахъ золотыхъ, издалека
Они текутъ безмолвнымъ караваномъ
И, наконецъ, одѣтыя туманомъ,
Обнявшись, свившись, будто куча змѣй,
Безпечно дремлютъ на скалѣ своей.
Настанетъ день, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ:
Куда, зачѣмъ, откуда?—кто ихъ спроситъ!..

Изображая утро въ горахъ (въ поэмѣ „Хаджи-Абрекъ"), поэтъ не забываетъ отмѣтитъ и такую деталь картины: „Въ ущельѣ облако проснулось,—какъ парусъ розовый, надулось,—и понеслось по вышинѣ". Впослѣдствіи онъ воспользовался этимъ образомъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи „Утесъ": „Ночевала тучка золотая...", придавъ этому образу уже новое, символическое значеніе и сообщивъ всей пьесѣ глубокій меланхолическій смыслъ. Среди другихъ лирическихъ стихотвореній, въ которыхъ упоминаются облака, нельзя не остановиться на его великолѣпномъ, глубоко-прочувствованномъ обращеніи къ „небеснымъ странникамъ", написанномъ Лермонтовымъ на пути на Кавказъ, во время его вторичной высылки. Вся пьеса проникнута чувствомъ глубокой, но спокойной грусти. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы встрѣчаемъ здѣсь и характерное для Лермонтовскаго настроенія противопоставленіе *природы*, царственно-безстрастной, свободной и спокойной,—и *человѣка*, съ его вѣчной суетой, мелкими страстями, враждой и пороками, а также съ его душевными страданіями, стремленіями и привязанностями...

Впослѣдствіи, въ „Демонѣ", Лермонтовъ еще разъ воспользовался этимъ поэтическимъ образомъ, для того чтобы изобразить вѣчное „равнодушіе" природы ко всему человѣческому:

На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ,
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.

Къ этому то высшему безстрастію, съ которымъ природа относится къ дѣламъ и помышленіямъ людей, призываетъ Демонъ Тамару:

Въ день томительный несчастья
Ты о нихъ лишь вспомяни,
Будь къ земному безъ участья
И безпечна, какъ они!

Сознаніе непроходимой бездны, лежащей между міромъ природы и міромъ человѣка, составляющее одну изъ доминирующихъ чертъ міросозерцанія Лермонтова, отразилось не только въ самомъ содержаніи его поэзіи, но также и въ его художественныхъ пріемахъ. Изображая природу, Лермонтовъ почти не прибѣгаетъ къ антропоморфическимъ образамъ, съ помощью которыхъ поэты издавна старались сдѣлать намъ доступной и понятной ея таинственную жизнь. Исключенія весьма немногочисленны, да и тамъ, гдѣ они встрѣчаются, центръ тяжести падаетъ не на изображеніе жизни природы, и художественныя олицетворенія явленій природы служатъ въ этихъ случаяхъ лишь средствомъ, а не являются цѣлью сами по себѣ. Подобныя олицетворенія находимъ мы, напр., въ стихотвореніяхъ: „Споръ", „Морская царевна", „Дары Терека" и нѣк. др.; въ особенности замѣчательно по своей яркой образности послѣднее изъ названныхъ стихотвореній; однако нельзя не замѣтить, что не старецъ Каспій и не буйный Терекъ, а „красотка-молодица съ свѣтло-русою косой" да погубившій ее и тоскующій по ней „казачина гребенской" являются главными героями этой небольшой, но художественно законченной поэмы, съ трагическимъ содержаніемъ, разсказанной одними намеками.

Но, не прибѣгая къ антропоморфизаціи природы и ея явленій, Лермонтовъ часто и охотно употреблялъ другой художественный пріемъ, діаметрально противоположный по своему характеру. Именно, желая придать выраженію своей мысли или изображенію какого-либо лица или предмета наибольшую яркость и наглядность, онъ прибѣгаетъ къ помощи *ассоціативныхъ представленій*, взятыхъ изъ области *природы*; такимъ образомъ онъ не природу истолковываетъ, исходя изъ данныхъ непосредственнаго внутренняго опыта, очеловѣчивая ее и приближая ее этимъ къ нашему пониманію, но, напротивъ того, въ ней самой почерпаетъ образы и краски, аналогіи и уподобленія, въ цѣляхъ художественной изобразительности. Уже самъ по себѣ этотъ пріемъ свидѣтельствуетъ о силѣ и интимности Лермонтовскаго чувства природы, такъ какъ всякій художникъ, да и всякій человѣкъ вообще, прибѣгая для выраженія своей мысли къ сравненіямъ, естественно почерпаетъ ихъ изъ области, наиболѣе ему близкой, понятной и знакомой: для Лермонтова такою областью, къ которой чаще всего обращалось его воображеніе, была *природа*.

Мы уже видѣли, какую роль играютъ въ поэзіи Лермонтова *звѣзды* и *облака*, въ качествѣ образовъ уподобленія. Подобные же художественные образы, взятые изъ различныхъ другихъ областей природы, во множествѣ разбросаны въ его стихотвореніяхъ и поэмахъ. Нѣкоторые изъ нихъ настолько полюбились Лермонтову, что

повторяются имъ неоднократно, въ различныхъ варіантахъ и комбинаціяхъ. Такъ, напр., образъ листка, сорваннаго вѣтромъ съ дерева и гонимаго въ пустынѣ „бурей рока“, образъ, болѣе всего извѣстный намъ по прекрасному стихотворенію „Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой“, встрѣчается еще въ самыхъ раннихъ опытахъ поэта, въ качествѣ символа духовнаго одиночества, оторванности, безпріютности, напр., въ стих. „Портретъ“ (1829):

Вездѣ одинъ, природы сынъ,
Не зналъ онъ друга межъ людей;
Такъ бури токъ сухой листокъ
Мчитъ жертвой посреди полей.

Вообще для изображенія чувства одиночества, столь знакомаго Лермонтову съ раннихъ лѣтъ, онъ охотно прибѣгаетъ къ образамъ, заимствованныхъ изъ природы; иногда такимъ объектомъ уподобленія является одинокое облачко, плывущее по небу („Сашка“, гл. I, стр. 135-я):

Такъ облачко, оторвано грозою,
Бродя одно подъ твердью голубою,
Куда пристать не знаетъ; для него
Все чуждо—солнце, міръ и шумъ его:
Ему обидно общее веселье,—
Оно, нахмурясь, прячется въ ущельѣ.

Въ другихъ случаяхъ одиночество олицетворяется въ видѣ разбитаго молніей дерева („Отвѣтъ“, 1829) или же въ видѣ гордаго утеса, подножье котораго омываетъ море, а вершина уходитъ въ облака („Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ..“, 1841). Разлука любящихъ, отторгнутыхъ другъ отъ друга „злословіемъ людскимъ“, уподобляется скалѣ, раздвоенной ударомъ молніи („Романсъ“, 1830). Воспоминаніе о прежней любви сравнивается съ зеленымъ деревцомъ, растущимъ среди развалинъ (1831 года, іюня 11). Въ другомъ случаѣ тотъ же образъ употребленъ въ примѣненіи къ молодой дѣвушкѣ, сопоставляемой съ фигурой старца, ея отца:

...Такъ средь развалинъ иногда
Растетъ береза: молода,
Мила надъ плитами гробовъ
Игрою шепчущихъ листовъ („Бояринъ Орша“).

Скорбь и злыя воспоминанія олицетворяются въ видѣ змѣи, шевелящейся „на днѣ старинной раны“ („Демонъ“, „Сашка“); женское сердце сравнивается съ морской гладью, ибо—„какъ въ морѣ слѣды челнока, мгновенны его впечатлѣнья“ (Къ ***, 1831); душа человѣка, преждевременно пресытившагося жизнью, разочарованнаго и усталаго, уподобляется „раннему плоду, лишенному сока“, увядшему „подъ знойнымъ солнцемъ бытія“ („Гляжу на будущность съ боязнью...“, 1837); аналогичный образъ употребленъ Лермонтовымъ и въ знаменитой „Думѣ“ (1838), въ примѣненіи ко всему со-

временному поколѣнію. Иногда образъ уподобленія осложняется введеніемъ антитезы, какъ, напр., въ стих. „Портретъ“ (1840):

> Таитъ молодое чело
> По волѣ—и радость, и горе;
> Въ очахъ, какъ на небѣ, свѣтло,
> Въ душѣ ея темно, какъ въ морѣ.

Одна изъ наиболѣе характерныхъ особенностей чувства природы у Лермонтова, это—ясное сознаніе глубокаго *разрыва между природой и человѣкомъ*. Повсюду мы встрѣчаемъ у него это противопоставленіе природы и человѣка, какъ двухъ противоположныхъ, даже враждебныхъ другъ другу началъ. Лермонтовское представленіе о человѣкѣ въ значительной степени окрашено этическимъ пессимизмомъ, близко напоминающимъ настроеніе Байроновской поэзіи. Насколько это міросозерцаніе было самобытно и какую роль въ его развитіи сыграло вліяніе англійскаго поэта—вопросъ сложный и выходящій изъ предѣловъ нашей задачи. Взглядъ Лермонтова на человѣческую жизнь отличается глубокой безотрадностью. Въ ней, по его мнѣнію, нѣтъ правды и справедливости, въ человѣческихъ отношеніяхъ нѣтъ согласія и гармоніи; люди страдаютъ сами и заставляютъ страдать другихъ; повсюду торжествуютъ порокъ, пошлость, низменные, эгоистическіе инстинкты и страсти. Это мрачное, пессимистическое настроеніе проходитъ черезъ все творчество Лермонтова, начиная съ его юношескихъ драмъ и кончая такими произведеніями зрѣлаго и сознательнаго возраста, какъ „Дума“, „Поэтъ“, „Первое января“, „Не вѣрь себѣ“, „И скучно, и грустно“ и др. Въ одномъ изъ самыхъ раннихъ стихотвореній Лермонтова: „Два сокола“ (1829 г.) соколъ спрашиваетъ встрѣтившагося ему товарища, что видѣлъ онъ на землѣ; тотъ отвѣчаетъ, что онъ „свѣтъ возненавидѣлъ и безжалостныхъ людей“, потому что у нихъ „каменныя сердца“, потому что среди нихъ господствуютъ тиранство, тщеславіе, измѣна, потому что юность у нихъ „удручена ношею обмановъ скрытыхъ“, а старость „полна воспоминаній ядовитыхъ“. Въ написанномъ въ томъ же году „Монологѣ“ („Повѣрь, ничтожество есть благо въ этомъ мірѣ...“) заключонъ въ зародышѣ весь смыслъ будущей „Думы“. Въ „Измаилъ-беѣ“ Лермонтовъ говоритъ про своего героя, что онъ презиралъ—

> . . . весь этотъ міръ ничтожный,
> Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
> Гдѣ радость и печаль—все призракъ ложный,
> Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ!

Такіе же негодующіе апострофы по отношенію къ человѣческому обществу и человѣческой природѣ разбросаны во всѣхъ почти произведеніяхъ Лермонтова. Значитъ ли это однако, что Лермонтовъ былъ мрачнымъ, озлобленнымъ мизантропомъ? Конечно, нѣтъ: Лермон-

товъ отъ природы надѣленъ былъ нѣжнымъ и отзывчивымъ сердцемъ, утонченной и чувствительной душевной организаціей: онъ также принадлежалъ къ тому разряду избранныхъ людей, о которыхъ самъ поэтъ выразился (въ „Демонѣ“):

Творецъ изъ лучшаго эѳира
Соткалъ живыя души ихъ,—
Они не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ.

Характерное для Лермонтова „непріятіе міра“ обусловлено было не презрѣніемъ и мизантропіей, а свойственнымъ ему глубокимъ *идеализмомъ*: онъ страдалъ преимущественно оттого, что дѣйствительность слишкомъ рѣзко расходилась съ его идеаломъ, что люди слишкомъ мало соотвѣтствовали его нравственнымъ требованіямъ. Отсюда рождалось въ немъ мучительное чувство разочарованія, неудовлетворенности, душевнаго одиночества, которое, какъ лейтъ-мотивъ, проходитъ черезъ все его творчество, звучитъ во всѣхъ его лирическихъ изліяніяхъ. Отсюда проистекали для него тѣ тяжкія нравственныя страданія, подъ вліяніемъ которыхъ онъ то мечталъ бросить въ глаза пустому и безчувственному обществу „желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью“, то искалъ забвенья и покоя въ уединеніи, въ бѣгствѣ изъ человѣческаго общества, въ живомъ общеніи съ природой.

Природа была для Лермонтова великой утѣшительницей и цѣлительницей, къ которой онъ прибѣгалъ въ часы унынія и тоски: въ созерцаніи ея красоты и величія, ея божественной гармоніи онъ забывалъ о пошлости и ничтожности людей и о своихъ собственныхъ душевныхъ страданіяхъ, о своемъ разочарованіи. Какъ Антей, коснувшійся матери-земли, онъ чувствовалъ приливъ новыхъ силъ, подъемъ вѣры въ идеалъ, душа его смягчалась, и „желѣзный стихъ“ застывалъ на устахъ. Въ природѣ онъ находилъ ту цѣльность и гармонію, которой недоставало человѣческому обществу, тотъ „вѣчный міръ“, котораго не можетъ возмутить даже „вѣчный ропотъ“ человѣка („Демонъ“),—въ природѣ почерпалъ онъ цѣлительное успокоеніе для собственной мятущейся и страждущей души.

У Пушкина пейзажи обыкновенно оживлены присутствіемъ людей, а иногда даже переходятъ въ жанровыя сцены; напротивъ того, пейзажи Лермонтова почти всегда *безлюдны*, потому что самъ поэтъ искалъ одиночества, бѣжалъ отъ человѣческаго общества, отъ мучительныхъ противорѣчій жизни, чтобы найти себѣ успокоеніе и забвеніе на лонѣ могучей природы. *Антитеза природы и человѣка*, антитеза вѣчнаго и человѣчнаго, слишкомъ человѣчнаго, составляетъ одну изъ доминирующихъ идей Лермонтовской лирики, иногда подразумѣваемую, иногда же прямо выраженную, какъ, напр., въ стихотвореніи „Небо и звѣзды“ (1830).

Еще рѣзче подчеркнуто это противоположеніе природы и человѣка въ стихотвореніи „Волны и люди“, относящемся къ той же эпохѣ:

Волны катятся одна за другою
　　Съ плескомъ и шумомъ глухимъ;
Люди проходятъ ничтожной толпою
　　Также одинъ за другимъ.
Волнамъ ихъ воля и холодъ дороже
　　Знойныхъ полудня лучей;
Люди хотятъ имѣть душу... и что же?
　　Души ихъ—волнъ холоднѣй!

Люди—безвольные рабы и игрушки своихъ страстей, вотъ глубокое убѣжденіе Лермонтова, которое онъ выразилъ еще въ своей юношеской драмѣ „Menschen und Leidenschaften"; природа же безстрастна и вѣчно спокойна. Увлекаемые своими страстями, люди устремляются за призраками счастья, богатства, славы, борются другъ съ другомъ и губятъ другъ друга; природа же для всѣхъ равно открываетъ свои материнскія объятія. „Жалкій человѣкъ!"—говоритъ поэтъ въ поэмѣ „Валерикъ":

Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ солнцемъ мѣста много всѣмъ,—
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

Природа—великая зиждительная сила, она вѣчно цвѣтетъ и обновляется; человѣкъ же чаще всего выступаетъ разрушителемъ: гдѣ онъ проходитъ, онъ повсюду оставляетъ за собой слѣды вандализма, такъ какъ въ немъ живетъ инстинктъ уничтоженія. „Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли" цвѣлъ роскошный зеленый оазисъ; но пришелъ человѣкъ, срубилъ его гордыя пальмы и сжегъ ихъ на кострахъ, и превратилъ цвѣтущій оазисъ въ безплодную пустыню: таково глубоко-безотрадное, пессимистическое содержаніе столь излюбленной всѣми хрестоматіями поэмы Лермонтова („Три пальмы").

Но еще гибельнѣе, чѣмъ этотъ инстинктъ разрушенія,—та атмосфера пошлости, самодовольной ничтожности, среди которой живетъ громадное большинство человѣчества. Кто не желаетъ дышать этимъ зараженнымъ воздухомъ, кто рѣшается выступить съ суровымъ словомъ обличенія, тотъ подвергается преслѣдованіямъ, вызываетъ противъ себя злобу или презрительныя насмѣшки, и непризнанному „пророку" остается только бѣжать отъ людей въ „пустыню", въ объятія вѣчной природы, которая отзывчивѣе, чѣмъ холодные и самолюбивые люди, встрѣчаетъ Богомъ вдохновеннаго изгнанника:

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы—даромъ Божьей пищи.
Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна вся земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Такимъ образомъ отношеніе Лермонтова къ природѣ тѣсно связано съ его общимъ міросозерцаніемъ, съ его взглядами на жизнь и на людей. Природа была для него тѣмъ прибѣжищемъ, въ которомъ онъ спасался отъ жизненныхъ противорѣчій и страданій. Великая симфонія природы заставляла его забывать мучительные диссонансы человѣческаго бытія, заглушала крики страстей, звуки борьбы, вопли страданія. Въ природѣ царитъ вѣчный миръ и гармонія; она не знаетъ того тяжелаго внутренняго разлада, который отравляетъ существованіе человѣка, даже лучшихъ людей, тѣхъ, кто возвышается надъ уровнемъ пошлой толпы. Природа стоитъ „по ту сторону добра и зла", и потому она такъ божественно-спокойна, торжественно-прекрасна. Напротивъ того, душа человѣка раздирается противорѣчіями, въ немъ происходитъ непрестанная борьба между добромъ и зломъ, между идеальными порывами и темными силами страстей, между взаимнымъ тяготѣніемъ и эгоистической исключительностью. И чѣмъ выше и тоньше душевная организація человѣка, тѣмъ мучительнѣе и тяжелѣе эта борьба враждующихъ началъ, присутствіе которыхъ Лермонтовъ сознавалъ и въ себѣ самомъ, въ собственномъ сердцѣ,—

Гдѣ такъ безумно, такъ напрасно
Съ враждой боролася любовь.

Выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, достигнуть внутренняго согласія, того прекраснаго равновѣсія душевныхъ силъ, которое составляетъ сущность обаянія личности и поэзіи Пушкина,—Лермонтовъ не сумѣлъ или не успѣлъ. Онъ умеръ, не достигнувъ того примиренія съ самимъ собою и съ людьми, къ которому онъ стремился всю свою недолгую, но бурную жизнь, не достигнувъ того высшаго покоя, осуществленіе котораго онъ видѣлъ въ вѣчной гармоніи природы.

Но, сознавая свою внутреннюю раздвоенность и тяжело страдая отъ нея, Лермонтовъ постоянно чувствовалъ невольное тяготѣніе къ натурамъ цѣльнымъ, чуждымъ душевнаго разлада, живущимъ одною жизнью съ природой, подобно вольнымъ горцамъ Кавказа, которыхъ не сковываютъ „образованности цѣпи и вериги бытія". Счастье—въ томъ, чтобы вѣчно быть съ природой, дышать съ ней „однимъ дыханьемъ": „Блаженъ",—говоритъ Лермонтовъ въ поэмѣ „Сашка",—

. . . кто выросъ въ сумракѣ лѣсовъ,
Какъ тополь дикъ и свѣжъ, въ тѣни зеленой
Играющихъ и шепчущихъ листовъ,
Подъ кровомъ скалъ, откуда ключъ студеный
Струей гремучей прыгаетъ сверкая...
. . . .
Блаженъ, кто посреди нагихъ степей
Межъ дикими воспитанъ табунами,
Кто пріучонъ былъ на хребтѣ коней,
Косматыхъ, легкихъ, вольныхъ, какъ надъ нами

Златыя облака, отъ раннихъ дней
Носиться . . . .
. . . .
Блаженъ! Его душа всегда полна
Поэзіи природы звуковъ чистыхъ;
Онъ не успѣетъ вычерпать до дна
Сосудъ надеждъ; въ его кудряхъ волнистыхъ
Не выглянетъ до время сѣдина...

Однако при всей своей любви къ природѣ Лермонтовъ ясно сознавалъ свою роковую оторванность отъ нея. Природа была для него великой утѣшительницей, только наединѣ съ нею чувствовалъ онъ себя легко и свободно; но все-таки въ глубинѣ души онъ сознавалъ, что онъ—чужой для природы, что ему никогда не удастся пріобщиться вполнѣ ея таинственной жизни, ея величаво-торжественному покою. Въ минуту такого сознанія вылились изъ души поэта глубоко прочувствованныя строфы:

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ...

Чувство непобѣдимой усталости сковываетъ всю душу поэта; жизнь, съ ея страданіями и разочарованіями, тяготитъ его, какъ ненужное бремя; ни впереди, ни позади его нѣтъ ни манящихъ надеждъ, ни даже отрадныхъ воспоминаній, а лишь одна зіяющая пустота... А ночь такъ прекрасна, такъ торжественна, вокругъ царитъ благоговѣйная, молитвенная тишина, словно все смолкло, прислушиваясь къ голосу неба, на которомъ такъ таинственно мерцаютъ звѣзды, словно говорятъ на непонятномъ языкѣ о чемъ то высокомъ и важномъ. Вокругъ — красота, гармонія, покой, а въ душѣ—смертельная истома, жажда забвенія и сна, жажда послѣдняго успокоенія...

Поэтъ жаждетъ не смерти, но вѣчнаго сна и покоя, онъ хочетъ уснуть такъ, „чтобъ въ груди дремали жизни силы“ и чтобы его могильный покой лелѣялъ голосъ любимой женщины и шумъ склонившагося надъ нимъ дуба. Любовь къ женщинѣ и любовь къ природѣ—вотъ тѣ два чувства, которыя онъ хотѣлъ бы, изъ всего испытаннаго въ жизни, сохранить навсегда, унести съ собою въ могилу. Это та же мечта о „равнодушной“ природѣ, сіяющей „у гробового входа“, какъ и у Пушкина; но у послѣдняго нѣтъ этой непрестанной, упорной мысли о самомъ себѣ, о своемъ *я*, которая никогда не покидала Лермонтова. Пушкинъ, думая о своей смерти, думаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ о „младой жизни“, которая будетъ „играть“ надъ его могилой, привѣтствуетъ „племя младое, незнакомое“, которое смѣнитъ его на землѣ. Лермонтовъ же, думая о смерти, занятъ мыслью только о самомъ себѣ. Высшее счастье, счастье самозабвенія, было недоступно нашему поэту. Даже въ тѣ высокіе моменты, когда „въ небесахъ торжественно и чудно“, когда душа, какъ ночной цвѣтокъ, невольно раскрывается навстрѣчу природѣ, навстрѣчу вѣч-

ности и Богу, когда человѣкъ, по выраженію Байрона, „purifies from self“,—Лермонтовъ носилъ въ своемъ сердцѣ горечь личныхъ испытаній и обидъ, не былъ въ состояніи освободиться отъ мысли о своемъ *я* и о своихъ переживаніяхъ. Въ душевной жизни Лермонтова, съ его рѣзко выраженнымъ субъективнымъ складомъ натуры, преобладали центростремительныя силы, и это сказывалось также на его отношеніи къ природѣ. Чѣмъ сильнѣе любилъ онъ природу, тѣмъ больнѣе чувствовалъ онъ свою обособленность отъ нея, тѣмъ рѣзче сказывалось въ его сознаніи раздѣлявшее ихъ разстояніе. Душа Лермонтова постоянно тяготѣла къ природѣ, но онъ никогда не могъ вполнѣ забыться въ ея созерцаніи, отрѣшиться отъ чувства собственнаго *я*. Оттого всѣ его пейзажи окрашены субъективнымъ тономъ, во всѣхъ нихъ чувствуется присутствіе самого поэта, съ его душевными страданіями и внутреннимъ разладомъ, съ непрестаннымъ кипѣніемъ противорѣчивыхъ чувствъ и стремленій, съ его презрѣніемъ къ людямъ и гордой вѣрой въ человѣка, съ его жаждой полной и яркой жизни, борьбы и свободы. Все это онъ вносилъ и въ свои отношенія къ природѣ, накладывая на поэтическія изображенія ея яркій отпечатокъ своей личности. Поэтому, если справедливо Стендалевское опредѣленіе: le paysage c'est un état de l'âme, то оно ни къ кому не подходитъ болѣе, чѣмъ къ Лермонтову, къ его картинамъ природы и къ его манерѣ ея воспроизведенія...

19.

К. Д. Бальмонтъ.

Лермонтовъ, бывшій по происхожденію шотландцемъ, еще болѣе[1]) близокъ съ англійскимъ поэтическимъ геніемъ. Все его творчество сближаетъ его съ Байрономъ, и не столько потому, что онъ подчинялся вліянію пѣвца *Каина* и *Манфреда*,—хотя вліяніе было очень велико,—сколько потому, что самъ онъ, гордый, угрюмый и навсегда оскорбленный, былъ созданъ изъ такого матеріала, какъ Байронъ, онъ былъ не столько его ученикъ, сколько его младшій братъ, получившій отъ природы такіе же дары и пытки, такую же душу, полную рѣзкой дисгармоніи. Въ его поэзіи мы видимъ пламя ночного пожара, недолгое, неровное, но исключительно яркое, мы видимъ болѣзненное умираніе погребальнаго факела, подавленный трепетъ могучей личности, не нашедшей себѣ мѣста въ окружающей обстановкѣ.

Странный контрастъ предстаетъ передъ нами, если мы захотимъ провести параллель между основателями русскаго поэтиче-

[1]) Пушкина.

скаго творчества, Пушкинымъ и Лермонтовымъ, съ одной стороны, и новѣйшими излюбленными поэтами, Тютчевымъ и Фетомъ, съ другой, разсматривая ихъ не только какъ поэтовъ, но и какъ людей.

Фантастическіе герои русскаго Пантеона, Пушкинъ и Лермонтовъ, оба претерпѣли гоненія какъ со стороны правительства, такъ и со стороны общества, были въ ссылкѣ, жили среди кавказскихъ горцевъ, среди величественныхъ картинъ природы, провели бурную

К. Д. Бальмонтъ.

жизнь, исполненную страстей и борьбы, и, наконецъ, не довершивъ своей жизненной задачи, были оба убиты на дуэли,—Пушкинъ, не доживъ до сорока лѣтъ, Лермонтовъ, не доживъ до тридцати. Въ художественныхъ темахъ, которыми они задавались, мы видимъ ту же печать исключительности и трагизма. Что воспѣваетъ Пушкинъ? Грандіозныя явленія природы, море, горы и степи; цыганъ, блуждающихъ по землѣ изъ конца въ конецъ; братьевъ-разбойниковъ, озаренныхъ пламенемъ костровъ; витязя Руслана, сражающагося съ гигантскимъ чудовищемъ, существующимъ въ видѣ огромной головы

(образъ, заставляющій вспомнить о скандинавской миѳологіи); Петра Великаго, царственнаго революціонера, вздернувшаго Россію на дыбы, какъ ртачливую лошадь; Бориса Годунова, коронованнаго убійцу; мстительнаго Каменнаго Гостя, увлекающаго Донъ-Жуана въ адъ; пиръ во время чумы; Сальери, который изъ зависти отравляетъ Моцарта; обманутую дѣвушку-утопленницу, превратившуюся въ царицу русалокъ; цѣлый міръ героизма, фантазіи, исключительныхъ положеній, страстей. У Лермонтова, описывающаго, какъ Демонъ соблазняетъ монахиню, и создавшаго въ лучшемъ русскомъ романѣ, *Герой нашего времени*, типъ демоническаго Печорина, губящаго все, къ чему онъ ни прикоснется, повторяется тотъ же міръ страстей, крови и отчаянія.

И между тѣмъ ни въ разнообразной поэзіи Пушкина, ни въ монотонной поэзіи Лермонтова нѣтъ таинственности. Здѣсь все просто, ясно и опредѣленно. Они—романтики по темамъ и реалисты по исполненію. Они—представители художественнаго натурализма, который ищетъ содержанія внѣ себя и воспроизводитъ природу такъ, какъ ее видитъ—конкретно, въ разорванномъ частичномъ состояніи, не возсоздавая сложнаго единства ея, не угадывая мірового характера всѣхъ ея явленій.

Какой контрастъ по сравненію съ Тютчевымъ и Фетомъ, царящими надъ современной литературной молодежью и создавшими въ Россіи ту манеру поэтическаго творчества, которую я назову *психологической лирикой*. Тютчевъ и Фетъ живутъ какъ самые скромные, тихіе люди, въ ихъ жизни нѣтъ никакого трагизма, они умираютъ, какъ библейскіе патріархи, „насыщенные днями“, но въ ихъ поэзіи, лишенной героическаго характера и берущей сюжетами *просто на просто* разныя состоянія человѣческой души, все таинственно, все исполнено стихійной значительности, окрашено художественнымъ мистицизмомъ. Это поэзія болѣе интимная, находящая свое содержаніе не во внѣшнемъ мірѣ, а въ бездонномъ колодцѣ человѣческаго „я“, созерцающая природу не какъ нѣчто декоративное, а какъ живую цѣльность [1]).

Изъ поэтовъ, которыхъ можно назвать пушкиніанцами, первое мѣсто, конечно, принадлежитъ Лермонтову, стоящему, впрочемъ, вполнѣ обособленно, въ силу значительности яркаго индивидуальнаго таланта, что дѣлаетъ изъ него самостоятельнаго маэстро. Лермонтовъ полнѣе, чѣмъ Пушкинъ, выразилъ одну черту человѣческой богато-одаренной души—ея способность жаждать безъ конца бурь и борьбы, хотя бы даже безцѣльной, но зато онъ выразилъ въ своемъ

[1]) И Пушкинъ, и Лермонтовъ слишкомъ большіе геніи, чтобы всецѣло подчиняться своей литературной манерѣ. И у того, и у другого есть исключенія изъ общаго метода. Но если въ стихотвореніи *Обвалъ* Пушкинъ является даже какъ бы современнымъ импрессіонистомъ, это не болѣе какъ случайная частичная черта, и если Лермонтовъ поистинѣ звѣздная душа, эта звѣздность—романтичная прежде всего, она не отображеніе мистерій природы, а земная тоска сильной личности, которой тяжко быть съ слабыми, ничтожными людьми.

Прим. К. Д. Бальмонта.

творчествѣ только одну эту черту, и такъ какъ она составляетъ скорѣе принадлежность юношескаго темперамента, нежели свойство натуры законченной, его поэзія тѣмъ самымъ пріобрѣла характеръ слишкомъ узкій и однообразный. Не даромъ Лермонтова такъ любятъ всѣ, кто молодъ, и не даромъ самъ онъ любилъ кинжалъ: его поэзія, узкая и яркая, безусловно напоминаетъ это смертельное орудіе [1]).

20.

Ю. И. Айхенвальдъ.

М. Ю. Лермонтовъ.

Страстный и мятежный, Лермонтовъ именно въ смиреніи и примиреніи нашелъ синтезъ между подавленностью безочарованія и стремительной бурностью жизни. Не сразу кажется убѣдительнымъ, что Лермонтовъ былъ человѣкъ синтеза, и можно подумать на первый взглядъ, будто душа его вѣчно протестовала, навсегда сохранила зіяніе Байроновскихъ тревогъ и сомнѣній, не слилась въ единую гармонію и согласіе съ міромъ. А между тѣмъ завершающая успокоенность нашего безпокойнаго поэта является психологическимъ фактомъ, и болѣе тщательный разборъ его произведеній могъ бы даже установить всю градацію его переходовъ отъ демонизма къ религіозности, отъ озлобленія къ прощенію. Есть люди, которые всю жизнь представляютъ собой непримиримое противорѣчіе, звучатъ роковымъ диссонансомъ,—Лермонтовъ же этимъ началъ, но не этимъ кончилъ. Онъ началъ Байрономъ, но кончилъ Пушкинымъ: „Луна тихо смотрѣла на безпокойную, но покорную ей стихію" моря, читаемъ мы въ „Героѣ нашего времени", и это глубокое замѣчаніе можетъ быть отнесено къ самому Лермонтову: безпокойна была его стихія, но въ концѣ-концовъ она покорилась лунѣ, Богу, небесамъ. У него всегда была потребность въ молитвѣ. Правда, когда то онъ признавалъ ее только на вершинѣ, въ жилищѣ орловъ, и эта молитва была „грѣшной", и было въ ней больше упрека и бунта, чѣмъ просьбы, и казалось ему, что самый крестъ своими руками хочетъ схватить облака, сорвать звѣзды съ небеснаго покрывала:

Въ тѣснинахъ Кавказа я знаю скалу,
Туда долетѣть лишь степному орлу;
Но крестъ деревянный чернѣетъ надъ ней,
Гніетъ онъ и гнется отъ бурь и дождей.
И много ужъ лѣтъ протекло безъ слѣдовъ,

[1]) „Горныя вершины".

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ виденъ съ далекихъ холмовъ;
И каждая кверху подъята рука,
Какъ будто онъ хочетъ схватить облака.
О, еслибъ взойти удалось мнѣ туда,
Какъ я бы молился и плакалъ тогда...
И послѣ я сбросилъ бы цѣпь бытія,
И съ бурею братомъ назвался бы я.

Теперь же, въ періодъ своего духовнаго синтеза, онъ при зрѣлищѣ природы смиряетъ свое душевное волненіе и въ небесахъ и на землѣ видитъ не демона, какъ раньше, а Бога, миръ и отраду вокругъ палестинской вѣтки; онъ возноситъ сердца тихаго моленье, склоняется передъ Матерью, теплой заступницей міра холоднаго, и спрашиваетъ ребенка о дѣтской молитвѣ, которую шептала ему женщина — „и въ знаменье креста персты твои сжимала". Онъ вообще полюбилъ ребенка, его чистый поцѣлуй, его ясное счастье, его сонъ спокойный, сонъ отроковицы, когда ангелы-хранители бесѣдуютъ съ дѣтьми, и онъ не хочетъ смущать этотъ покой тайнымъ ядомъ страницы знойной. Его душа захотѣла отдохнуть „подъ Божьей тѣнью", какъ „усталый пѣшеходъ", который сворачиваетъ съ „дороги трудной"; но отдохнуть она хотѣла не для мертваго безстрастія могилы, а для того, чтобы слушать сладкій голосъ любви. И если вообще молитва и благословеніе, посылаемыя міру, составляютъ одно изъ прекрасныхъ человѣческихъ зрѣлищъ, то особенно трогательна молитва духа бунтующаго, который много бродилъ въ краяхъ чужого склада, искалъ бури, „судился съ Творцомъ", велъ пламенную тяжбу съ міромъ, съ женщиной, но потомъ нашелъ свою родину, т.-е. понялъ и принялъ жизнь въ ея земной сущности. Лермонтовъ вернулся въ страну бѣлѣющихъ березъ и желтой нивы. Его дружба съ Кавказомъ, освященная дѣтскими воспоминаніями, не прекратилась: но если прежде съ его высокихъ горъ поэтическая и космическая фантазія поэта представляла себѣ обобщенныя картины мірозданія, озирала вселенную съ высоты демоническаго полета и видѣла сожженную Богомъ безглагольную страну у ногъ Іерусалима, желтый Нилъ и цвѣтные шатры бедуиновъ, созерцала вѣчность, какъ „безбрежный океанъ, гдѣ безпріютны блуждаютъ звѣзды вслѣдъ другимъ звѣздамъ", то съ этихъ вершинъ онъ сошелъ внизъ, и ему полюбились тихія долины, полныя мглой, дорога, которая не пылитъ, листы, которые не дрожатъ. Онъ увидѣлъ красоту частнаго, отдѣльнаго, обыденнаго, онъ понялъ величіе малаго. „Поэзія природы" была всегда близка ему: онъ, „какъ невѣсту въ часъ свиданья, душой природу обнималъ"; но теперь эта поэзія ему явилась уже не только въ видѣ необычайнаго, яркаго пейзажа. И даже свое сказочное воображеніе онъ сумѣлъ перенести въ самую глубь реальнаго и прозаическаго, въ Столярный переулокъ, въ домъ Штосса, гдѣ, въ отрывкѣ изъ начатой повѣсти, мечетъ свои карты фантастическій старикъ. Уже на Кавказѣ, кромѣ Печорина, встрѣтилъ Лермонтовъ

и кроткую фигуру Максима Максимыча: эти два полярные образа символизируютъ всю его поэзію. И второй изъ нихъ, написанный чисто-Пушкинскими чертами, представляетъ собою великую эстетическую и этическую заслугу со стороны Лермонтова. Пѣвецъ надменности и гордости, демонъ котораго имѣлъ своей стихіей собраніе золъ, среди великолѣпія природы и своихъ героевъ увидѣлъ незамѣтнаго штабсъ-капитана съ его безкорыстной, непритязательной и безыменной любовью,—увидѣлъ и любовно изобразилъ его, не мечтавшаго о чести изображенія. Въ Максимѣ Максимовичѣ Лермонтовъ художественно намѣтилъ такое цѣльное міросозерцаніе, гармоничное и спокойное, такую красоту душевную, передъ которой онъ самъ склонился бы ницъ. Въ простой будничной оболочкѣ раскрылись поэту добро и нравственная тишина. Въ Лермонтова проникла сердечность, и это было ново и велико. Особенно изъ его устъ, когда то знавшихъ одинъ только „гордый ропотъ“, отрадно было услышать звуки ласковые и мягкіе. Въ „Княжнѣ Лиговской“ онъ сочувственно понялъ реальное горе нуждающагося и самолюбиваго чиновника (демоническій пѣвецъ Демона и чиновникъ!),—онъ нѣжно понялъ горькую печаль обиженной дѣвушки Елизаветы Николаевны, которая „плакала, но такъ тихо, такъ тихо, что еслибы вы стояли у ея изголовья, то подумали бы, что она спитъ спокойно и безмятежно“.

Да, много крови и битвы у Лермонтова,—

Крикъ побѣдившихъ, стонъ сраженныхъ
Принудятъ мирныхъ соловьевъ
Искать въ предѣлахъ отдаленныхъ
Иныхъ долинъ, другихъ кустовъ,

но „съ грустью тайной и сердечной“ подумалъ онъ, въ конечномъ періодѣ своего душевнаго развитія, о безцѣльности вражды, пожалѣлъ человѣка, напомнилъ ему, что „небо ясно“, что „подъ небомъ много мѣста всѣмъ“. „Солнце ясно, небо сине,—чего бы, кажется больше? зачѣмъ страсти, желанія и сожалѣнія?“ И надъ колыбелью будущаго казака, знаменуя одно изъ вѣчныхъ противорѣчій жизни, поетъ свою тихую пѣснь, свое материнское баюшки-баю, кроткая и печальная женщина, которая дастъ воину на его кровавую дорогу образокъ святой. Противорѣчіе крови и святыни остается, Лермонтовъ не можетъ его разрѣшить; но во всякомъ случаѣ то злое и надменное, что жило въ творцѣ и поклонникѣ „Демона“, улеглось, и, какъ въ его стихотвореніи, „палъ на землю черный конь“, т.-е. изъ двухъ бойцовъ, изъ двухъ разнородныхъ порывовъ его души, одолѣлъ тотъ, который былъ облеченъ въ бѣлый серебряный покровъ. Лермонтовъ просвѣтленно примирился съ міромъ. Конечно, это совсѣмъ не значитъ, чтобы онъ понизилъ и удешевилъ свои идеальныя требованія къ людямъ и жизни, —онъ только освободилъ себя отъ презрѣнія къ нимъ и увидѣлъ то, что есть въ нихъ прекраснаго. Но велика та гордость, которая оказывается въ резуль-

татѣ сравненія съ другими: быть можетъ, нашъ поэтъ былъ гордъ и надменности удѣлялъ такое почетное мѣсто въ своихъ произведеніяхъ лишь до тѣхъ поръ, покуда онъ сравнивалъ. Тогда онъ былъ сатирикомъ и бросалъ въ людей „желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью"; тогда онъ видѣлъ „вездѣ обманъ, безумство иль страданье"; тогда, какъ герою его повѣсти, всѣ люди казались ему желтыми. Когда же онъ остался наединѣ съ собою, когда глубоко вошелъ въ себя, онъ позналъ смиреніе. Въ теченіе всей своей короткой жизни онъ тяготѣлъ къ этой духовной тишинѣ, къ „дивной простотѣ", и много усилій долженъ былъ онъ сдѣлать надъ собою, чтобы найти красоту и глубину простого. И онъ его въ концѣ внутренней работы нашелъ. Онъ мудростью сердца постигъ философію и религію жизни; онъ созналъ, что картина ея производитъ тѣмъ болѣе потрясающее впечатлѣніе, чѣмъ проще краски, которыми она пишется. Даже стихъ его сдѣлался тогда болѣе проникновеннымъ и близкимъ къ душѣ. Всегда въ немъ было много колоритнаго и красочнаго, много силы и страсти, но была въ немъ и звучная риторика. Въ новомъ фазисѣ Лермонтова она исчезла, и теплое, человѣческое содержаніе приняло и соотвѣтственную интимную форму. А проза его, въ „Героѣ нашего времени", пріобрѣла не только поэтическій, но и какой то умный, интеллигентный обликъ: въ ней возникли благородство, красота и сдержанное остроуміе (лишь иногда—относительное).

Онъ понялъ, что простое—это не пошлое, что легче красиво пролетѣть надъ вершинами Кавказа, чѣмъ въ долинахъ жизни скромно и труженически дѣлать ея трудное дѣло. Онъ долго просилъ бури, и знойныя бури дѣйствительно бушевали въ его груди. Но послѣ того, какъ онѣ пронеслись и со дна его души выбросили было свѣтлыя жемчужины, и Лермонтовъ пришелъ домой, гдѣ его такъ долго ждало простое и прекрасное, послѣ этого онъ былъ убитъ, и не суждено ему было прожить дома. И онъ умеръ съ душою, міромъ не понятой; онъ умеръ, сочтенный толпою за гордаго и злого, между тѣмъ какъ онъ больше всего былъ несчастенъ. И теперь, какъ герой своего „завѣщанія", онъ шлетъ изъ своей ранней страдальческой могилы поклонъ родному краю,—и родной край любовно отвѣчаетъ на него своему пѣвцу и сыну [1]).

[1]) „Силуэты русскихъ писателей", I.

Отъ редактора. Вызванныя войной осложненія въ книжномъ дѣлѣ вынудили меня, къ большому сожалѣнію, значительно сократить второй отдѣлъ настоящаго тома и поступиться совсѣмъ выдержками изъ новѣйшей юбилейной литературы о Л—вѣ. Авторитетный обзоръ и разборъ ея главнѣйшихъ выводовъ можно найти въ прекрасной, недавно вышедшей книгѣ Л. П. Семенова „М. Ю. Л—въ".

Примѣчанія къ V-му тому.

Испанцы.

Автографы Лерм. Музея (XVII, IX). Впервые цѣликомъ напеч. въ „Юношескихъ Драмахъ М. Ю. Л—ва“ Ефремовымъ (Спб. 1880).

Черновые варіанты:

Пасторъ Соррини (вмѣсто патеръ Соррини).

Моисей, жидъ (вмѣсто Моисей, еврей).

После 172 стиха. И кланяйся сейчасъ передо мною.

604—608. О, еслибъ никогда ея не зналъ я! (*цѣлуетъ ее*).

Эмилія.

Милой бредитъ!

Фернандо.

Всего ужаснѣй поцѣлуй разлуки...
(*Въ сторону.*) Зачѣмъ пришелъ проститься я, глупецъ!..

Эмилія.

Ужъ мѣсяцъ сталъ садиться.

Фернандо (*Бьетъ два часа на башнѣ.*)

Два часа! (*вскакиваетъ*).

Эмилія.

Куда ты? (*Слышенъ шорохъ. Кто-то пробѣгаетъ за кустъ*).

Фернандо.

Слышала ль ты шорохъ? Слышишь?
Трещатъ, ломаясь, вѣтви, я не заперъ
Калитку за собою,—кто-нибудь
Подслушалъ насъ... Бѣги... бѣги... (*Она уходитъ на балконъ*).

886. Которое съ имѣньемъ отнимаетъ
Такъ злобно инквизиція у насъ!..

1195. У насъ и рай, и адъ—все на вѣсахъ.

1867. Одинъ отецъ... да онъ вѣдь глупъ, какъ пробка,
И некому за дѣву заступиться.

1873. Ужель законъ природы не сильнѣе?

1890. Не для толпы ли легковѣрной, слѣпой.
1914. Исчезну! Жить, чтобы исчезнуть.
2040. Чему ты вѣрилъ, что ты презиралъ.
2130. Онъ подозрителенъ. Зачѣмъ его пустили? (*скрипитъ зубами*)
2183. Отдай ее (смягчися, крокодилъ), не принуждай меня, не принуждай!
2216. Не уступлю, хотя бы звѣри испугались.
2245. Упьюсь, какъ сладкимъ нектаромъ боговъ.
2553. Блаженство рая не отдастъ тебя.
2577. На эту дѣвушку: она святѣй, чѣмъ всѣ святые ваши.

2583. Фернандо.
Рабы, ни съ мѣста! (*вынимаетъ кинжалъ*). Приди на помощь.

Послѣ 2706. О, ненависть! ты слаще для меня всѣхъ винъ,
Когда (хотя) тебя насытить я могу.
2800. Онъ смерть предпочиталъ печальной жизни.
2824. Давно бы всѣ жиды съ ума сошли.
Послѣ 2840. Ужасный пламень жжетъ мнѣ мозгъ,
И сердце жжетъ свинецъ страданья...
Мой братъ! Мой братъ!

Среди автографовъ Лерм. Музея (VI) черновые наброски плана этой драмы.

Сюжетъ. 1) Въ (Пармѣ) Испаніи у матери дочь увезъ въ дурной домъ обманщикъ, хотя служащій при инквизиціи, который хочетъ обмануть послѣ и другую сестру. Любовникъ первой, за котораго не хотѣли отдать, ибо у него нѣтъ многихъ благородныхъ предковъ, узнаетъ происшествіе, когда сидитъ съ друзьями. Онъ спасаетъ жида отъ инквизиціи прежде. Жидъ и говоритъ, что ее увезли. Онъ клянется живую или мертвую привезти. Жидъ ему помогаетъ ее найти. Онъ находитъ—ему злодѣй не отдаетъ. Онъ ее убиваетъ и уноситъ. Злодѣй не мѣшаетъ, ибо самъ боится, чтобъ не узнали похищенія. Злодѣй идетъ къ матери. Приноситъ тотъ свою любезную мертвую. Его схватываютъ, спрашиваетъ полиція. Входитъ злодѣй. Обвиняемый бросается къ нему на шею, цѣлуетъ и кинжаломъ колетъ въ сердце. Его ведутъ казнить.

2) Когда испанецъ вынимаетъ портретъ своей любезной, жидовка отвращается, и онъ говоритъ: „вотъ, что значитъ женщина, она не можетъ видѣть лица, которое не уступаетъ ей въ красотѣ“.—Послѣ онъ, видя, что она огорчилась, тутъ же спрашиваетъ: что онъ долженъ дать ей, чего она хочетъ?—Она говоритъ: „чего я хочу, того ты не можешь мнѣ дать!“—и уходитъ. Онъ: „она только желаетъ и молчитъ; а какъ многіе требуютъ невозможнаго отъ насъ!“ (Во второй сценѣ у жида. Дѣйст. IV.)

3) Въ первомъ дѣйствіи моей трагедіи молодой испанецъ говоритъ отцу любовницы своей, что благородные для того не сближаются съ простымъ народомъ, что боятся, дабы не увидали, что они еще хуже его.

Въ томъ же дѣйствіи испанецъ говоритъ: „что такое золото, которое не можетъ сдѣлать счастье, ибо безъ него не могу обладать моей любезной?—Металлъ, какъ другой! Вѣрно, Богъ не далъ ему этого преимущества, коего многіе люди не имѣютъ“.

4) Дѣйствующія лица: Донъ Алварецъ—отецъ. Немного бѣдный, но гордый дворянинъ, но добрый.—Донна Марія—мачеха Эмиліи, причудливая, капризная, глупая женщина.—Эмилія—дочь (не отъ Маріи) Алвареца. Любитъ и любима Фернандомъ.—Фернандо—молодой испанецъ, воспитанный въ домѣ Алвареца.—Патеръ Соррини—итальянецъ, хитрый, богатый іезуитъ.—Моисей—жидъ.—Ноэми—дочь его.—Испанцы, праздношатающіеся.—Жиды и жидовки.—Слуги. (Дѣйствіе въ Кастиліи.)

5) Въ первомъ дѣйствіи такъ начинается: Мачеха съ Эмиліей идутъ въ церковь. Фернандо тутъ. Эмилія изъ-подъ мантиліи роняетъ записку, гдѣ она говоритъ, что если Алварецъ ему станетъ что-нибудь говорить, то чтобъ онъ не горячился. Тутъ приходитъ Алварецъ и говоритъ ему, что хотя прежде онъ обѣщалъ за него выдать дочь, но теперь не можетъ, ибо имѣетъ другіе виды. Фернандо побочный сынъ (небогатъ) и проч.

6) Когда я еще малъ былъ, я любилъ смотрѣть на луну, на разновидныя облака, которыя въ видѣ рыцарей съ шлемами тѣснились будто вокругъ нея, будто рыцари, сопровождающіе Армиду въ ея замокъ, полные ревности и безпокойства. Въ первомъ дѣйствіи моей трагедіи Фернандо, говоря съ любезной подъ балкономъ, говоритъ про этихъ, про луну и употребляетъ предыдущее сравненіе.

Въ этой же рукописи монологъ (дѣйствіе I, сцена II) съ варіантами:

546. Луна! Ахъ, сколько въ этомъ (словѣ) звукѣ чувствъ!
555. Она бредетъ, за нею слѣдомъ тучки.
563. Его покроетъ тотчасъ; посмотри.
Его невольно покрываютъ, и взгляни.
565. Колеблются во мракѣ... Помнишь, помнишь?
567. Судьбы Фернандо; нѣжная природа.
569. Не находилась въ ихъ числѣ, то я бъ ихъ проклялъ.

Драма навѣяна чтеніемъ Вальтеръ-Скотта, Лессинга („Натанъ Мудрый“), Шиллера („Разбойники“, „Коварство и Любовь“) и „Hernani“ В. Гюго.

Menschen und Leidenschaften. Автографъ Публ. Библ. Впервые напеч. Ефремовымъ въ „Юношеск. Драмахъ М. Ю. Л—ва“.

Черновые варіанты:

Стран. 106, строка 11, послѣ „сами приходятъ“ (*останавливаетъ Юрія за руку*). Юрій.—Что тебѣ надобно?—Дарья.—Послушайте, что я скажу про вашихъ красавицъ умора!—Юрій. Про кого? Но, злое твореніе, оставь меня! (*уходитъ*).—Дарья.—Хорошъ господинъ! сначала былъ такой ласковый, а съ тѣхъ поръ, какъ батюшка изволилъ пріѣхать, и глядѣть не хочетъ! О-охъ, времена, времена то пришли!

Стран. 108, строка 1. Сдѣлался такимъ мрачнымъ, какъ зловѣщій дымъ непріятельской мортиры. Полно, братецъ!

Стран. 135, строки 27—28. Вы хотѣли поселить во мнѣ холодность къ отцу, вы отравили его жизнь... вы... О, повѣрьте, что есть мѣсто въ душѣ моей (куда), гдѣ слово благодар... вините себя...

Стран. 135, строки 37—38. Марѳа Ивановна (*со-слѣдъ ему*)... Негодяй! убійца!.. Вѣрно, онъ все ужъ знаетъ, или всѣ мои дѣла открыты. Вотъ бѣда...

Въ тетр. VI автогр. Лерм. Муз. черновой набросокъ: „(Человѣческій родъ) Природа подобна печи, откуда вылетаютъ искры. Природа производитъ людей: иныхъ умнѣе, другихъ глупѣе; одни извѣстны, другіе не извѣстны. Изъ печи вылетаютъ искры: однѣ больше, другія темнѣе, однѣ долго, другія мгновенье свѣтятъ; но все-таки онѣ погаснутъ и исчезнутъ безъ слѣда; подобно имъ, послѣдуютъ другія также безъ послѣдствій, пока печь погаснетъ сама: тогда весь пепелъ соберутъ въ кучу и выбросятъ; такъ и съ нами“...

Имя лица, которому посвящается драма, въ автографѣ тщательно замарано. (Анна Столыпина или Варенька Лопухина).

Странный человѣкъ. Автогр. Лерм. Муз. (т. XVIII). Отрывки впервые напечатаны въ ст. С. Шестакова „Юношеск. произведенія Л—ва“ („Русск. Вѣстн.“ 1857 г., № 11, стр. 317—36), а вся драма—въ изд. Дудышкина 1860 г. и въ „Юношескихъ Драмахъ М. Ю. Л—ва“ Ефремова.

Въ тетр. X автогр. Лерм. Муз. сохранилась черновая редакція „Страннаго человѣка“. Въ этой первоначальной редакціи драма раздѣляется на дѣйствія и

явленія; нѣтъ точныхъ помѣтокъ, когда происходитъ каждая сцена; ремарки значительно короче. Есть существенныя отличія и въ текстѣ. Варіанты:

Стран. 169, строки 4—7. Почти всѣ дѣйствующія лица писаны мною съ природы; но тѣ, кои могутъ узнать, съ кого они взяты, едва ли откроютъ это міру. Читатель, вѣрно, пожалѣетъ о судьбѣ молодого человѣка, который подавалъ столь блистательныя надежды, и отъ одной безумной страсти навсегда потерянъ для общества. Пускай люди, бывшіе причиною его погибели, не обвиняютъ меня. Я хотѣлъ, я долженъ былъ оправдать тѣнь несчастнаго.

Лица, изображенныя мною, всѣ взяты съ природы, и я желалъ бы, чтобъ они себя узнали: тогда, вѣрно, раскаяніе посѣтитъ ихъ души.

Стран. 190, строки 20—38. З а р у ц к і й (*вынимаетъ изъ кармана листки*).— Вотъ первая. Ты знаешь, онъ влюбленъ безъ ума въ Загорскину. Слушай.

Вмѣсто стихотворенія „Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ“:

„Не удалось мнѣ сжать руки твоей
Въ тотъ часъ, который долженъ быть
Послѣднимъ часомъ двухъ счастливыхъ дней
И мнѣ лишь сердце отравить.
Ты не хотѣла слушать клятвъ любви,
И я обманутый не сталъ
Тебя просить.—Къ чему слова мои?
Ты не повѣрила бъ... я зналъ;
Я зналъ, ты не должна меня понять.
И вдругъ очнулся я душой,
И устрашился мысленно сковать
Твою судьбу съ моей судьбой;
И еслибъ нынѣ взоръ твоихъ очей
Блаженство обѣщалъ мнѣ вновь,
Я прекратилъ бы жизнь свою скорѣй,
Чтобъ не принять твою любовь“.

Стран. 191, строки 12—13. С н ѣ г и н ъ.—Ошибается Арбенинъ! Онъ это писалъ въ минуту, когда недоволенъ былъ собой... Другую.

З а р у ц к і й.—Здѣсь болѣе страсти.

Стран. 192, строки 11—12. И мѣсяцъ въ облакахъ блисталъ и въ волнахъ.

17—21. Въ туманномъ отдаленьи темно, смутно
Минувшее являлося ему—
Призáркъ остерегающій, который
Пугаетъ сердце страшнымъ предсказаньемъ.
28. И скрылся, удаляяся, въ дубравѣ.
30. Трепещущій на берегу противномъ.
31—34. И различилъ окно и домъ... но мостъ
Изломанъ... и несется быстро Клязьма.
39. Онъ вздрогнулъ, натянулъ бразды, толкнулъ.
Строка 43. И вотъ ужъ онъ на берегу другомъ.
44. Соскакиваетъ юноша и входитъ.
Стран. 193, стр. 19. Его орудья пытки— все ничто.
26. Съ очами, полными душой и жизнью.
Строки 39—41. Хотя объ ней лишь мыслилъ онъ въ разлукѣ,
Хотя лишь ею дорожилъ онъ больше
Свой непобѣдимой, гордой чести.
Послѣ 48. Безумный! ты не зналъ, что былъ любимъ,
И ты о томъ провѣдалъ лишь тогда,
Какъ потерялъ ея любовь навѣки,
И удалось привлечь другому лестью
Всѣ, всѣ желанья дѣвы легковѣрной.

Стран. 198, послѣ строки 26: хоть бы кнутомъ, такъ все легче, а то мокрыми полотенцами. Стран. 199, стр. 41. Вексель на пять тысячъ.

Стран. 211, строки 9—13. Скоро ли онъ придетъ? О, какъ сердце бьется.

Аннушка (*про себя*). Господи, Боже мой! отцы святые, спасите насъ грѣшныхъ! не дайте погибнуть мнѣ! Какъ буду я безъ госпожи моей!

Марія Дмитріевна. Что хуже: ожиданіе или безнадежность?

Стран. 214, строки 12—16. И сынъ родной оставляетъ твое тѣло! Господи, Господи! возьми поскорѣй и меня отсюда (*упадаетъ на тѣло*).

Стран. 219, строка 22. (*Шепчетъ молитву и уходитъ.*) Строка 23. Кн. Софья. Правда, это мѣна: двое за двое. Эти счастливы, а я и Владиміръ? Что? Отчего же мы несчастливы?... Я—онъ меня не любитъ и не будетъ любить! Но я отмстила! Зачѣмъ раскаиваться? Я ничего не сдѣлала; мы не виновны, если судьба нечаянно исполняетъ наши дурныя желанія. Стало быть, они справедливы.

Строки 32—37. Три лакея заняты въ залѣ: одинъ (мытьемъ) ножами, другой лампами и пр.

Первый.—Что, братъ! Я тебѣ говорилъ, только что увидалъ, какъ молодой баринъ взошелъ: быть грозѣ!

Второй.—Да, была гроза! Мнѣ стало жалко молодого барина! ну, какъ можно такъ строго взыскивать? вѣдь, онъ, братъ, только что оставилъ тѣло Марьи Дмитревны... онъ, чай, былъ не въ своемъ умѣ.

Третій.—Какъ сказалъ ему баринъ?

Второй.—„Проклинаю тебя!“ сказалъ онъ ему.

Первый.—Нѣтъ, кажется, что то иначе, только не „проклинаю“.

Третій.—Та ли, другая ли пѣсня—все пѣсня.

Второй.—Зачѣмъ заперли молодого барина?

Первый.—А куда старый баринъ уѣхалъ?

Третій.—Владиміръ Павлычъ запертъ старымъ Иваномъ въ своей комнатѣ, потому что велѣно; а старый баринъ уѣхалъ въ гости!

Второй.—Для страху только или въ самомъ дѣлѣ онъ проклялъ Владиміра Павлыча?

Третій.—Для страху ли, въ самомъ дѣлѣ ли, все это страшно!

Первый.—Скажи, Сенька, какъ ты одѣвалъ стараго барина, былъ ли онъ огорченъ или сердитъ?

Третій.—Нимало.—Проклясть сына, ѣхать въ гости, эти двѣ вещи у насъ на одной линіи, почти какъ выпить стаканъ воды и стаканъ вина.

Первый.—Эту ночь я видѣлъ во снѣ корову и сказалъ: „быть слезамъ“.—И въ правду не вытерпѣлъ, чтобъ не заплакать, когда молодой баринъ вышелъ изъ гостиной!—А крѣпко онъ поговорилъ батюшкѣ своему... тотъ сначала и не опомнился.

Второй.—Ты видѣлъ, какъ этотъ гость, какъ бишь его... ну, все равно,—ты видѣлъ, какъ онъ ускользнулъ отъ насъ.

Первый.—Кабы этого гостя не было, Павелъ Григоричъ не проклялъ бы молодого барина.

Третій.—На людяхъ и слово обидно, а ни при комъ и пощечину перенесешь.

Первый.—Оно все такъ, только жалко, ей-ей жалко!

Вмѣсто сцены XI (Стр. 220—223) монологъ.

Владиміръ.—Мой отецъ меня проклялъ!—И въ ту самую минуту, когда я, лежавшій безъ чувствъ на полу, открывалъ глаза... Я могъ бы умереть отъ словъ его! Вотъ мщеніе!—но я собой доволенъ: я сдѣлалъ должное!—Она меня оправдаетъ передъ лицомъ Всевышняго!—Однако... буду ли я здѣсь счастливъ? Какъ, ужели я не могу выбить изъ головы этой ничтожной мысли? Нѣтъ, я требовалъ отъ свѣта больше, чѣмъ онъ мнѣ дать могъ! Я безумецъ!—Но испытаю послѣднее: женскую любовь!—Боже! какъ мало Ты мнѣ оставилъ!—Послѣдняя нить, привязывающая (меня) къ жизни, оборвется, и я буду съ Тобой; Ты сотво-

рилъ мое сердце для Себя; Ты утолишь его жажду.—Да, я скоро умру и буду забытъ. Гдѣ мои необъятные планы? Ужели мечты, принимаемыя мною за предчувствіе, были только приманки злого духа, который понынѣ преслѣдуетъ меня, показываетъ обольстительный призракъ на другой сторонѣ пропасти, чтобъ я скорѣе въ нее повергнулся.—Къ чему служила эта жажда къ великому? гдѣ исполнятся мои замыслы? Ахъ! не я исполню!—Творческая сила, оживляющая эту грудь, истощилась, воображенія—нѣтъ; существенность подавила все; люди, люди!... А развѣ я не человѣкъ?—Отчего же они забавляются всякой малостью, счастливы безъ всякой причины, а я, я ношусь мыслью въ какомъ то чуждомъ мірѣ, страдаю, молюсь, молюсь... и все напрасно.—И мой отецъ меня проклялъ. Ха-ха-ха!—Кто другого смѣлъ бы ожидать? Но развѣ точно проклятіе отца есть проклятіе Божіе?—Нѣтъ, мой Создатель! Я чувствую, что Ты меня примешь и теперь, какъ принялъ бы прежде. Эта луна, эти звѣзды, это синее небо мнѣ порукой за твое прощеніе! Какъ они глядятъ на меня, какъ они стараются увѣрить меня, что жизнь ничего не значитъ!

Стран. 224, строки 3—14.

Кн. Софія.—Все идетъ по-моему,—отчего же я безпокоюсь? Что такое внутреннее самодовольствіе? Развѣ не все идетъ, какъ я хочу? Все. Нѣтъ! главная цѣль моя еще далеко, и я, можетъ быть, никогда ея не достигну. Какъ это подѣйствуетъ на Владиміра? я желала бы знать. Ну, если онъ не перенесетъ? Если... если я себя назову его убійцею? Если я должна буду себя называть такъ? Раскаянье—теперь? Ужели это предчувствіе? Боже! какъ мнѣ душно въ этой толпѣ людей, которые такъ холодно разсуждаютъ о пустякахъ и не замѣчаютъ, что каждая минута отнимаетъ у меня по надеждѣ, и каждый мигъ увеличиваетъ мою муку! И всѣ такъ счастливы! всѣ такъ счастливы... О, еслибы мнѣ хоть разъ увидать въ его глазахъ любовь! одинъ разъ!

Стран. 227, строки 1—10. Боже мой! что приготовилъ ты мнѣ въ будущемъ! Владиміръ потерялъ мать, онъ долженъ лишиться Наташи. Но первая потеря поможетъ ему легче перенести вторую: нѣсколько печалей не такъ опасны, какъ одна глубокая. А тамъ... тамъ... я могу еще надѣяться; я примѣчала нѣсколько разъ, что его глаза пылали, когда онъ со мной говорилъ. Можетъ быть... впрочемъ, у него не каменное сердце!..

Стран. 228, стр. 2. Пріятели не всегда друзья.

Стран. 229. Вмѣсто стихотворенія „Когда одни воспоминанья“:

„Когда я унесу въ чужбину,
Подъ небо южной стороны,
Мою мятежную кручину,
Мои обманчивые сны;
И люди съ злобой ядовитой
Осудятъ жизнь мою порой,—
Ты будешь ли моей защитой
Передъ безчувственной толпой?
О, будь!.. О вспомни нашу младость!
Злословья жертву пощади,
Клянися въ томъ,—чтобъ вовсе радость
Не умерла въ моей груди;
Чтобъ я сказалъ въ землѣ изгнанья:
Есть сердце—лучшихъ дней залогъ,
Гдѣ почтены мои страданья,
Гдѣ міръ ихъ очернить не могъ!“..

Стран. 232, строки 22—23. Тотъ, кто обманулъ друга, недостоинъ уваженія, не можетъ быть хорошимъ супругомъ и отцомъ семейства.

Стран. 233, строки 20—30.

Владимiръ.—Ты меня забудешь?—ты?—О! не думай: ты погубила меня, а совѣсть вѣрнѣе памяти.—Нѣтъ! я слишкомъ сильно тебя люблю, слишкомъ безкорыстно, чтобы ты могла забыть того, кто бросилъ бы вселенную къ ногамъ твоимъ, еслибъ долженъ былъ выбирать вселенную или тебя!—Придетъ время, и твой мужъ тебѣ наскучитъ, потому что онъ человѣкъ обыкновенный, и тогда, тогда ты пожалѣешь о прежнемъ, и мои слова, и наши встрѣчи представятся твоей мысли... и тотъ вечеръ...

Наташа.—Еще разъ говорю вамъ: перестаньте.—Вы слишкомъ вольно говорите!

Владимiръ (*послѣ долгаго молчанья, съ жаромъ*).—Дайте мнѣ поцѣловать руку на прощанье... одинъ разъ.—Я полагаю, что мы не увидимся больше...

Наташа.—Это будетъ очень умно!—Какая вамъ радость смущать семейственную тишину... Этотъ мгновенный пылъ пройдетъ, и послѣ, послѣ мы будемъ друзьями...

Владимiръ. — Вотъ женщина! — она подаетъ надежды, чтобы имѣть удовольствiе лишнiй разъ ихъ обмануть! (*Наташа на него смотритъ съ досадой*).

Стран. 234, строка 6.

Наташа.—Вы несносны! Я сдѣлала все, что могла, больше, нежели должно было. Вы можете нашъ разговоръ пересказывать цѣлому городу... Повѣрьте: я и свѣтъ обращаютъ на ваши слова очень мало вниманiя.. Прощайте! желаю вамъ вылѣчиться отъ вашей смѣшной болѣзни. Вы недостойны, чтобъ я съ вами говорила, какъ съ умнымъ человѣкомъ, потому, что забываете всѣ приличiя. Но я на васъ не похожа. Прощайте! Я довольно слышала. Терпѣнью, какъ всему, есть конецъ. (*Отходитъ подальше.*)

Стран. 235, строки 32—33. Слышишь ли?—и я тебѣ прощаю; но не хочу принимать коварныя ласки. Ты сдѣлалъ дурно, ты поступилъ не по-братски; но я тебя не обвиняю ни въ чемъ. Оставь же меня. Теперь я свободенъ.

Стран. 239, строка 10, послѣ „Какъ же, отъ любви къ Загорскиной“:

Третья дама (*въ полголоса насмѣшливо*).—Уменъ же былъ вашъ Арбенинъ, если Загорскина могла лишить его разсудка!

Второй гость.—Можетъ быть, она волшебница.

Первый гость.—Только не бѣлая.

Вторая дама.—Кто же вамъ сказалъ, что она смугла?

Первый гость (*смотря на нее*).—Въ сравненiи съ другими.

Маскарадъ.

(Первая редакцiя).

Цензурная копiя Лерм. Муз. Впервые напеч. въ изд. стих. 1842 г.; выпущенные цензурой стихи напечатаны были въ „Библ. Зап.“ 1859, № 12 и 1861, № 16.

Въ стихѣ замѣтно подражанiе „Горю отъ ума“.

Срв. выше „Странный человѣкъ“.

Шприхъ—темная личность Петербурга, 20—40-ыхъ г.г. Эльканъ (см. „Литер. прибавл. къ „Нивѣ“, 1914, I, статья Н. О. Лернера). Вопреки очевидности, г. Лернеръ видитъ въ Эльканѣ и прототипъ Загорѣцкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. ВОСПОМИНАНІЯ.

1. А. П. Шанъ-Гирей. М. Ю. Лермонтовъ 5
2. Корсаковъ. Дѣтство Лермонтова 29
3. И. А. Арсеньевъ. Воспоминанія 31
4. Е. А. Хвостова-Сушкова. Записки 33
5. Е. А. Ладыженская. Замѣчанія на „Воспоминанія" Е. А. Хвостовой 63
6. А. Меринскій. Воспоминаніе о Лермонтовѣ 71
7. Я. И. Костенецкій. Воспоминанія 82
8. П. Θ. Вистенгофъ. Воспоминанія 85
9. А. М. Миклашевскій. М. Ю. Лермонтовъ въ замѣткахъ его товарища 87
10. И. А. Гончаровъ. Изъ университетскихъ воспоминаній 91
11. Письмо В. Г. Бѣлинскаго В. П. Боткину (1840 г.) 92
12. Показанія С. А. Раевскаго по дѣлу о стихахъ Лермонтова на смерть Пушкина 93
13. Н. М. Смирновъ. Памятныя замѣтки 96
14. Н. М. Лонгиновъ. Библіографическія замѣтки 98
15. М. Н. Лонгиновъ. Замѣтка о знакомствѣ съ Лермонтовымъ 99
16. М. Н. Лонгиновъ. Замѣтка о Лермонтовѣ 100
17. Воспоминанія А. Н. Муравьева 103
18. Изъ воспоминаній И. С. Тургенева 106
19. Изъ воспоминаній гр. В. А. Сологуба 108
20. Изъ воспоминаній И. И. Панаева 110
21. А. Е. Головачева-Панаева. Воспоминанія 115
22. Н. М. Сатинъ. Изъ воспоминаній 116
23. Гр. Е. П. Ростопчина. Письмо къ Александру Дюма 119
24. Изъ записной книжки „Русскаго Архива" 124
25. Воспоминанія гр. А. Д. Блудовой 124
26. Боденштедтъ. Характеристика Лермонтова 125
27. Изъ записокъ Н. И. Лорера 135
28. Воспоминанія кн. П. П. Вяземскаго 140
29. Письмо Е. А. Баратынскаго женѣ. 1840 г. 141
30. Э. А. Шангирей (Верзилина). Воспоминаніе о Лермонтовѣ 142
31. Изъ воспоминаній С. Н. Мартынова 148
32. Кн. А. Васильчиковъ. Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ Н. С. Мартыновымъ 156
33. Письмо Е. Быховецъ 160

33а. Письма Ю. Θ. Самарина о Лермонтовѣ 163

34. Письмо А. А. Кикина 165
35. Изъ письма Ф. Ф. Вигеля 166

II. КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

1. В. Г. Бѣлинскій. Стихотворенія Лермонтова 169
2. Н. В. Гоголь. Въ чемъ существо русской поэзіи? 184
3. Апол. Григорьевъ. Русская литература въ 1851 г. и взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина 186
4. Θ. М. Достоевскій. Изъ „Дневника писателя" (1877 г.) 191
5. П. В. Владиміровъ. Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи Лермонтова . . 193
6. В. О. Ключевскій. Грусть 194

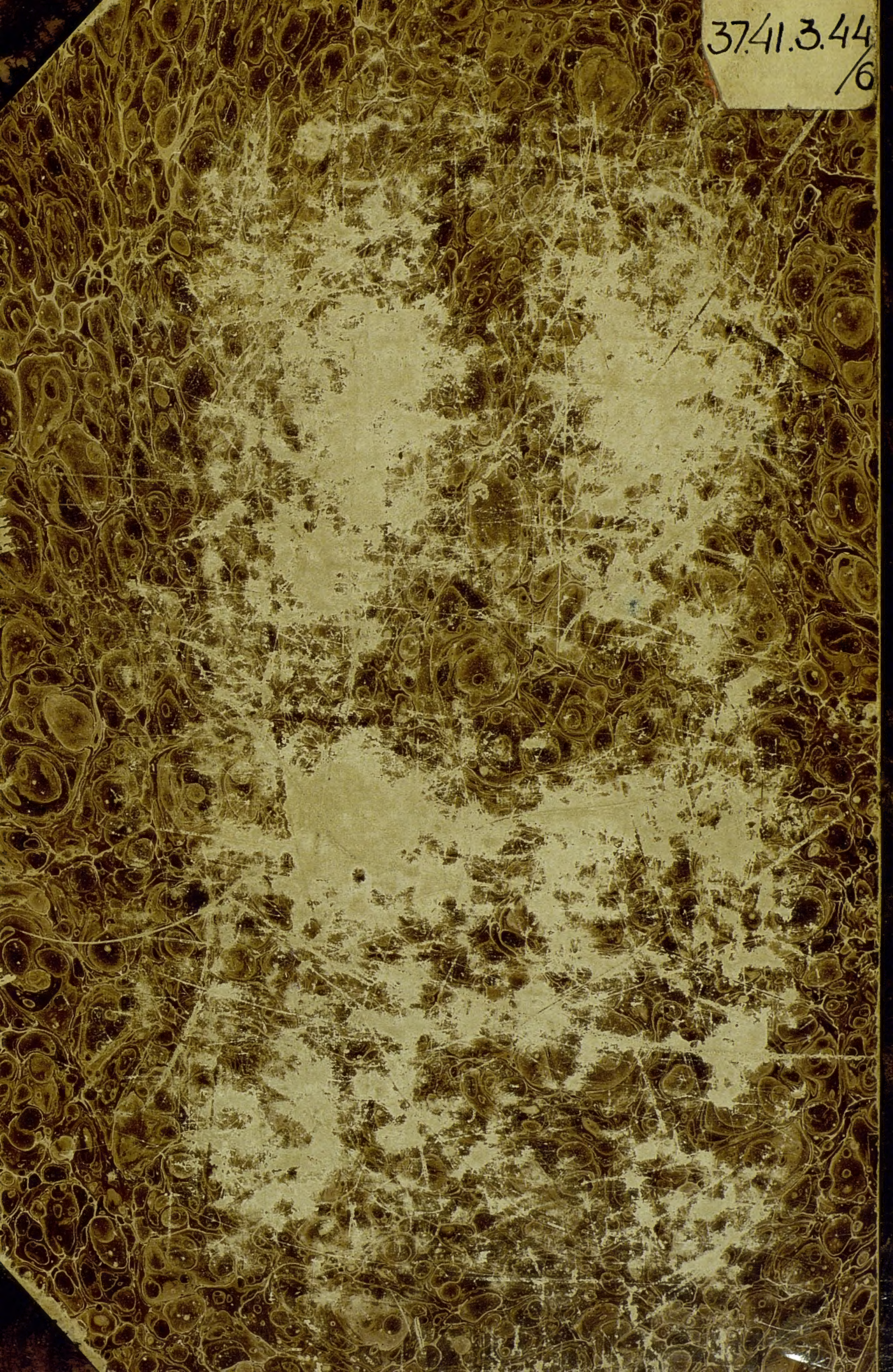
Стр.
7. В. Д. Спасовичъ. Байронизмъ у Лермонтова 195
8. И. Н. Ждановъ. Лекціи о Лермонтовѣ 199
9. Н. К. Михайловскій. Герой безвременья 200
10. Проф. Н. И. Стороженко. М. Ю. Лермонтовъ 205
11. Акад. А. Н. Веселовскій. Этюды о байронизмѣ 208
12. Н. А. Котляревскій. Лермонтовъ 210
13. И. И. Ивановъ. Лермонтовъ 214
14. Вл. С. Соловьевъ. Лермонтовъ 217
15. И. Ѳ. Анненскій 220
16. В. В. Розановъ. „Вѣчно печальная дуэль" 221
17. Д. С. Мережковскій. Лермонтовъ 224
18. В. Ѳ. Саводникъ. Чувство природы у Лермонтова 226
19. К. Д. Бальмонтъ 246
20. Ю. И. Айхенвальдъ. М. Ю. Лермонтовъ 249
Примѣчанія къ V-му тому 253

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ:

1. А. П. Шанъ-Гирей 7
2. Е. А. Хвостова-Сушкова 35
3. Рисун. кн. Г. Г. Гагарина. Товарищи Лермонтова по полку 83
4. Товарищъ Лермонтова кн. А. Долгорукій 90
5. И. А. Гончаровъ 91
6. В. Г. Бѣлинскій 92
7. Н. М. Смирновъ 96
8. А. Н. Муравьевъ 103
9. И. С. Тургеневъ 106
10. Гр. В. А. Сологубъ 108
11. А. А. Краевскій 111
12. Кавказскіе типы лермонтовскихъ временъ. Рисун. кн. Г. Г. Гагарина 131
13. Н. И. Лореръ 136
14. Лермонтовскій домикъ (въ Пятигорскѣ) 138
15. Товарищъ Лермонтова А. И. Арнольди 139
16. Е. А. Баратынскій 141
17. Э. А. Шангирей 142
18. Генералъ Верзилинъ 144
19. Лермонтовскій домикъ (въ Пятигорскѣ) 147
20. Ф. Ф. Вигель 166
21. Н. В. Гоголь 185
22. Ѳ. М. Достоевскій 192
23. Н. К. Михайловскій 201
24. Н. И. Стороженко 205
25. Вл. С. Соловьевъ 218
26. Д. С. Мережковскій 225
27. Кн. А. И. Барятинскій, товарищъ Лермонтова 234
28. К. Д. Бальмонтъ 247

РИСУНКИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ:

1. П. Е. Заболотскій. Портретъ М. Ю. Лермонтова 2
2. Кн. Г. Г. Гагаринъ. Типы жителей Редутъ-Кале 32
3. „ „ „ „ Городничій, уѣздный начальникъ и типы жителей Александрополя . . 64
4. „ „ „ „ Турокъ 96
5. „ „ „ „ Хевсуръ 128
6. „ „ „ „ Тифлисскій бродячій кузнецъ 160
7. М. Сарьянъ. Рисун. къ „Аулъ Бастунджи" 192
8. „ „ „ „ „ „ 224

37.41.3.44
/6